

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

№ 10-11
1·9·2·9

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Москва, ГСП 10, Волхонка, 14. Телефон 2-38-97, 3-37-40

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 ГОД НА

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Второй год издания

Редакционная коллегия: С. А. Бессонов, Б. С. Борилин, Л. Н. Крицман, А. Ф. Кон, А. Леонтьев, А. С. Мендельсон, В. П. Милютин, Л. К. Мартенс, С. Л. Ронин.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В 1930 ГОДУ К ЖУРНАЛУ БУДУТ ДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ПРИЛОЖЕНИЯ:

- 1) „ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ“. Диспут в Коммунистической Академии, 35 печ. листов.
- 2) Трахтенберг И. А. „СОВРЕМЕННЫЙ КРЕДИТ И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ“, ч. 2, Кредит и народное хозяйство, 25 печ. листов.
- 3) „ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ“, сборник статей и материалов, сост. Гольдштейн Ю. и Герцбах М., под ред. Варга Е. и Лапинского П., 10 печ. листов.
- 4) БИБЛИОГРАФИЯ ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ, 8 печ. листов.

Цена за 4 книги по подписке — 12 руб.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Без приложений на 1 год — 12 р. III На $\frac{1}{2}$ года — 6 рублей 50 копеек.

С приложениями на 1 год — 24 руб.

ЗАКАЗЫ И ПОДПИСКУ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ:

МОСКВА, ГСП 10, ВОЛХОНКА, 14.

ИЗДАТЕЛЬСТВУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ПОДПИСКА НА 1929 ГОД ПРЕКРАЩЕНА

ВВИДУ ПОЛНОГО ИСЧЕРПАНИЯ ТИРАЖА

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 10—11

1929

„ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ“
(39) тип. „Мосполиграф“,
Путинковский пер., 3. Зак. 71.
Главлит А — 57.536. ИКА 578.
Статформат Б₃ (176 × 250).
Печ. листов 16. Тираж 3000 экз.

И. В. СТАЛИН

СТАЛИН И ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ.

(К пятидесятилетию тов. Сталина).

Верный ученик Ленина, сменивший его на посту руководителя партии большевистской партии, тов. Сталин сыграл выдающуюся роль в деле определения путей развития народного хозяйства нашего Союза. Именно под его руководством партия и рабочий класс завершили восстановительный период в развитии народного хозяйства и именно под его руководством народное хозяйство нашего Союза было выведено на дорогу широчайшей социалистической реконструкции.

В полном соответствии с сущностью и духом ленинского учения, с большевистским упорством и настойчивостью вел т. Сталин страну Советов от одной хозяйственной победы к другой, решительно разоблачая всех тех, кто пытался свернуть партию с ленинского пути, кто пытался подменить ленинский план социалистического строительства другим планом, планом имевшим одну и ту же антипролетарскую мелкобуржуазную сущность, хотя и рядившуюся в разные одежды—то в «сверхиндустриалистские» тоги троцкизма, то в антииндустриалистские крестьяно-фильские одежды правых уклонистов.

С изумительной простотой, четкостью и ясностью формулировав еще на XIV съезде партии идею индустриализации страны, как главнейшую и решающую задачу в деле социалистического переустройства всего народного хозяйства, т. Сталин в дальнейших своих выступлениях подробно развивает и обосновывает эту идею, оберегая ее от покушений, как «слева», так и справа.

«Самое важное и самое характерное состояние нашего хозяйства состоит теперь в том, — говорил т. Сталин, — что центр тяжести переместился в сторону индустрии. Ежели тогда, в первый период новой экономической политики, нам надо было начинать с сельского хозяйства, ибо развитие всего народного хозяйства упиралось в сельское хозяйство, то теперь для того, чтобы продолжать строительство социалистического фундамента нашего хозяйства, для того, чтобы двинуть вперед хозяйство в целом, — необходимо сосредоточить внимание именно на индустрии».

«Очередная основная задача состоит теперь в том, чтобы ускорить темпы развития нашей промышленности, двинуть вперед всю нашу индустрию, используя имеющиеся ресурсы, и ускорить тем самым развитие хозяйства в целом»¹.

Именно в этом—всерьезном развитии индустрии—основа и суть нашей хозяйственной политики, ибо вне разрешения этой задачи

¹ И. Сталин, «О хозяйственном положении Советского Союза», 1926 г.

мы не сумеем разрешить коренных задач социалистического строительства: догнать и перегнать передовые капиталистические страны и переделывать мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства в общественное хозяйство социалистических производителей.

«Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в смысле установления нового политического строя, советского строя. Это хорошо, но этого мало, — говорил т. Сталин на ноябрьском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б). — Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма, нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут... Вот для чего пужен нам и вот что диктует нам быстрый темп развития индустрии».

Эта необходимость догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны, как условие нашей победы, как условие победы социализма, было впрочем ясно сформулировано т. Сталиным еще накануне перехода к новой экономической политике в его письме к Ленину по поводу сборника «План электрификации России».

«Последние три дня я имел возможность прочесть сборник „План электрификации России“. Болезнь помогла (нет худа без добра!); превосходная, хорошо составленная книга. Мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технико-производственной базы. Помните прошлогодний „план“ Троцкого (его тезисы) „хозяйственного возрождения“ России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (труд армии)? Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гюэлро! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным „спасти“ Россию сагой старинной... А чего стоят десятки „единых планов“, появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам, — детский лепет приготовишек... Или еще обывательский „реализм“ (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще „критикующего“ Гюэлро и по уши погрязшего в рутине...»

В этом отрывке из письма Сталина к Ленину каждое слово представляет величайший интерес как в смысле характеристики его автора, понимания Сталиным стоящих перед нами хозяйственных задач, так и в смысле характеристики Троцкого с его планом «массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы», так и наконец, в смысле характеристики Рыкова, «критикующего Гюэлро и по уши погрязшего в рутине» со своим «обывательским реализмом».

Электрификация России, перевод всего народного хозяйства на полной материально-технический уровень развития, широчайшая индустриализация страны — вот тот генеральный план нашего хозяйственного развития, который рисуется Сталиным. Электрификация, как выражение самой передовой научно-технической мысли, как выражение последних достижений мировой технической мысли, вот что, по мысли Сталина, является единственно достойным быть подведенным «под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России» в качестве «единственно возможной при нынешних условиях технико-производственной базы».

Теперь это может казаться бесспорным. Но в то время одни, «по уши погрязшие в рутине», критикуют план электрификации с точки зрения обывательского «реализма»: «где уж, куда уж, не до жиру, быть бы живу». Другие же плану электрификации противопоставляли план «хозяйственного возрождения», на основе «массового применения... труда неквалифицированной крестьянско-рабочей армии».

История проверила, кто был прав. Одни оказались в лагере контрреволюции, другие свой обывательский «реализм» во всей своей невинности пронесли через долгие годы хозяйственного строительства, приходя в панику перед теми темпами индустриализации страны и социалистического строительства, которые партией проводились и проводятся под руководством Сталина.

Выдвигая в качестве одной из важнейших задач догнать и перегнать передовые капиталистические страны, освободиться от капиталистической зависимости и усилить обороноспособность нашего Союза. т. Сталин со всей категоричностью и ясностью указывал, что именно надо понимать под идеей индустриализации.

«Некоторые товарищи думают, что индустриализация представляет вообще развитие всякой промышленности... Это конечно не верно. Не всякое развитие промышленности представляет собой индустриализацию. Центр индустриализации, основа ее, состоит в развитии тяжелой промышленности (топливо, металл и т. д.), в развитии в конце-концов производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения».

Мы должны добиться такого положения, когда мы будем производить не только автомобили, но и машины, делающие эти автомобили. Не только тракторы, но и машины, делающие тракторы; мы должны добиться такого положения, когда мы не только будем производить чугун и сталь, но когда будем производить и все необходимое для металлургии оборудование. Либо мы этого добьемся и тогда сумеем освободиться от капиталистической зависимости, тогда на твердое основание поставим все дело индустриализации; либо капиталистические страны будут систематически нас прижимать и зажимать, срывая и тормозя дело социалистического строительства.

И именно тот факт, что мы живем и строим социализм в капиталистическом окружении, в стране технически отсталой, где преобладающую массу населения составляет мелкое раздробленное индивидуальное крестьянское хозяйство, придает вопросу темпа индустриализации первостепенное значение.

Как известно, вопрос о темпах индустриализации был одним из тех оселков, на которых испытывалась правильность политической линии различного рода течений внутри партии. мелкобуржуазная, антипролетарская сущность всякого рода оппозиций и уклонов, пожалуй, наиболее яркое выражение находила в их планах индустриализации, ведущих к одним и тем же результатам в случае их победы, хотя и принимающих подчас весьма различную форму. «Разница состоит в том,—говорил Сталин,— что платформы у них разные, подход и приемы разные. Если, например, правые говорят: „Не надо было строить Днепрострой“; а „левые“ наоборот, возражают: „Что нам один Днепрострой? Подавай нам каждый год по Днепрострою“,—то надо признать, что разница, очевидно, есть... Если правые говорят: „Наступили трудности, не пора ли спасовать?“, а левые, наоборот, возражают: „Что нам трудности? Чихать

нам на ваши трудости», — то надо признать, что разница очевидно есть». И тем не менее, несмотря на все это различие платформ победа как одних, так и других «означает поднятие шансов на реставрацию капитализма».

С величайшим искусством, настойчивостью и упорством решительно разоблачая мелкобуржуазную сущность этих столь различных как будто бы платформ, железной рукой вел т. Сталин партию и рабочий класс между Сицилией троцкизма и Харпбодой правоуклонистских пророков по ленинскому пути к социализму.

Нам нужно не просто развитие промышленности, а такое ее развитие, при котором обеспечивалось бы особенно развитие тяжелой индустрии: топлива, металла, химии, машиностроения. Но и этого не достаточно. Нам нужно также развитие промышленности и особенно ее отраслей, производящих средства производства, при котором разрешалась бы задача в кратчайший исторический срок догнать, а затем и превзойти уровень развития передовых капиталистических стран. А отсюда со всей необходимостью вытекает задача напряженных темпов индустриализации, т. е. таких темпов, которые в каждый момент переходят из максимального напряжения всех сил и средств, из максимального использования всех наличных ресурсов страны, из максимальной экономии и бережливости, из максимальной рационализации всех сторон хозяйственной и производственной жизни. Это ничего общего не имеет с троцкизмом, сверхиндустриалистские планы которого не считались ни с наличными ресурсами и возможностями индустриализации, ни со всей хозяйственно-политической обстановкой нашего Союза и прежде всего с крестьянством; но это ничего общего не имеет и с планами правоуклонистских теоретиков, обывательский «реализм» которых не мирился с напряженными темпами работы и которые «спокойствие», «душевное равновесие», тихий и безмятежный послеобеденный сон, типичное российское «тише сидеть дальше будешь» ставили на место напряженной работы, напряженных темпов индустриального развития.

«Возникает вопрос, — говорил т. Сталин, — нужна ли нам вообще эта напряженность работы? Нельзя ли обойтись без напряженности? Разве нельзя повести работу более медленным темпом, в более „спокойной“ обстановке?» И отвечал со всей категоричностью: нет, ибо вся обстановка диктует нам быстрый темп развития нашей индустрии». И в этом быстром темпе развития индустрии наше спасение и условие нашей победы.

И т. Сталин с величайшим упорством и настойчивостью ищет все новых и новых источники усиления наших внутренних накоплений для усиления темпов индустриализации. Режим экономии, социалистическая рационализация, борьба за повышение производительности труда и трудовой дисциплины, воспитание новых кадров командиров индустриализации — звено за звеном подтягивает т. Сталин, поднимая все одной задачей: усиленно накопления и ускорению темпов индустриализации. И именно им, в качестве важнейшего фактора социалистического строительства, важнейшего условия ускорения темпов нашего хозяйственного развития, выдвигается идея самокритики, как метода максимальной раскочки творческой активности шарочайших рабочих масс, максимального их приближения к разрешению задач социалистического строительства.

Результаты этой политики т. Сталина мы имеем налицо. И с полным основанием т. Сталин мог к двенадцатой годовщине Октября кон-

статировать величайшие успехи, достигнутые нами в этой области. «Одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом нашего строительства за последний год, — писал т. Сталин в статье «Год великого перелома», — является тот факт, что нам удалось добиться решительного перелома в области производительности труда. Перелом этот выразился в развертывании творческой инициативы и могучего, трудового подъема миллионов масс рабочего класса на фронте социалистического строительства. В этом наше первое и основное достижение за истекший год».

«В неразрывной связи с этим первым достижением партии стоит второе ее достижение. Состоит оно, это второе достижение партии, в том, что мы добились за истекший год благоприятного разрешения в основном проблемы накопления для капитального строительства тяжелой промышленности, взяли ускоренный темп развития производства средств производства и создали предпосылки для превращения нашей страны в страну металлическую. В этом наше второе и основное достижение за истекший год».

И наконец, именно эти два достижения, явившиеся прямым следствием той ленинской политики в вопросах социалистического строительства, которую под руководством т. Сталина вела партия, создали все необходимые условия и предпосылки для разрешения коренной и труднейшей задачи социалистического строительства — переделки мелкого, индивидуального крестьянского хозяйства в хозяйство коллективное, обобщественное. Только как результат достигнутых успехов в деле индустриализации страны и роста активности рабочего класса могли мы иметь тот бурный рост коллективизации, ту массовую тягу бедняцких и середняцких масс к коллективным формам земледелия, те крупнейшие успехи в области совхозного строительства, которые мы имеем в истекшем году.

И здесь опять-таки величайшую роль сыграл т. Сталин, ибо именно ему приходилось с исключительной энергией и решительностью отстаивать ленинские взгляды на природу крестьянского хозяйства и пути и методы его социалистической переделки. Подлинный диалектик, он с одинаковой беспощадностью и большевистской нетерпимостью к антиреволюционным, антимарксистским теориям громил как троцкизм, проповедующий неизбежный разрыв союза рабочего класса с крестьянством и превращение крестьянства в «колонию» пролетарского государства, так и левых, у которых лозунг союза рабочего класса с крестьянством превращался в лозунг, который «не может быть снят никем и никогда», у которых идея колхозного строительства была идеей, чуждой основным массам крестьянства, у которых идея социалистической переделки основных масс крестьянства была пустой и бессодержательной погремушкой, скрывающей их собственное неверие в ленинский кооперативный план, и у которых идея кооперативно-капиталистического развития деревни была объявлена единственно правильной, единственно верной перспективой развития крестьянского хозяйства.

Можно сколько угодно твердить: «средняк, середняк, смычка, смычка», но ничего не понять, какое содержание вкладывает в это понятие ленинизм.

«Смычка нужна нам для того, — говорил т. Сталин, — чтобы приблизить крестьянство к рабочему классу, перевоспитать крестьянство, переделать его психологию индивидуалиста, переработать его в духе колле-

ктивизма и подготовить таким образом ликвидацию, уничтожение классов на базе социалистического общества... А как переработать, переделать крестьянина? Его можно переделать прежде всего и главным образом на базе новой техники, на базе коллективного труда».

«Дело тут не в том, — говорил т. Сталина, — на ноябрьском (1928 г.) пленуме ЦК, — чтобы ласкать крестьянина и в этом видеть установку правильных соотношений с ним, ибо на ласке далеко не уедешь», а дело в том, чтобы помочь крестьянину перевести свое хозяйство «на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», либо в этом основной путь избавления крестьянства от нищеты. «А перевести хозяйство страны на новую техническую базу невозможно без быстрого темпа развития нашей индустрии и прежде всего производства средств производства».

Мы вынуждены были в свое время считаться с мелким производителем, как мелким производителем, не мудрствуя лукаво, не задаваясь задачей перевода его к коллективным формам земледелия, пока у нас не было необходимой материально-технической базы для этого, пока у нас не было крупной промышленности, способной реорганизовать земледелие. Но эта постановка не имеет ничего общего с постановкой тех горе-теоретиков, которые думали, что индивидуальное крестьянское хозяйство является началом и концом сельского хозяйства вообще. И когда правые уклонисты пытаются теперь, когда мы уже имеем крупную промышленность, когда мы имеем необходимые материально-технические предпосылки для постепенного перевода индивидуального крестьянского хозяйства к коллективным формам хозяйства, тащить нас назад к пройденным этапам, то они не выражают ничего иного, как тоску мелкого буржуа по умирающей старой, голодающей и нищенствующей деревне.

И именно в результате тщательного учета того нового, что появилось в нашей экономике — роста машинной индустрии, — т. Сталин первый формулирует те новые задачи, которые встают перед сельским хозяйством. «Особенность переживаемого момента, — говорит он в своем докладе «Об итогах шольского пленума ЦК», — состоит в том, чтобы дополнить первую задачу (поднятие индивидуального бедняцкого и середняцкого хозяйства — Ред.) двумя новыми практическими задачами о поднятии колхозов и улучшении дела совхозов». В связи с этими новыми задачами т. Сталин и формулирует то исторической важности решение о строительстве новых совхозов, которое было принято ЦК ВКП(б).

Только на этой основе быстрых темпов индустриализации, роста активности и творчества широчайших масс трудящихся, нашедшего свое высшее выражение в социалистическом соревновании и ударных бригадах, успехов совхозного строительства, — и могло быть достигнуто то третье достижение партии за истекший год, о котором говорил т. Сталин в своей статье «Год великого перелома». «Речь идет о коренном переломе в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям и колхозам, опирающимся на новую технику, наконец, к гигантам-совхозам, вооруженным сотнями тракторов и комбайнов. Достижение партии состоит здесь в том, что нам удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, капиталистического пути развития, от которого выигрывает лишь кучка богатеев-капиталистов, а громадное большинство кре-

стьян выуждепо прозябать в нищете, — к новому социалистическому пути развития, который вытесняет богатеев-капиталистов, а середняков и бедноту перевооружает по-новому, вооружает новыми орудиями, вооружает трактором и сельскохозяйственными машинами для того, чтобы дать им выбраться из нищеты и кулацкой кабалы на широкий путь товарищеской, коллективной обработки земли. Достижение партии состоит в том, что нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкые массы бедноты и середняков, несмотря на невероятные трудности, несмотря на отчаянные противодействия всех и всяких темных сил от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов».

В том, что партия сумела добиться и организовать этот «коренной перелом» среди крестьянства, — прямая заслуга ее вождя и руководителя, сумевшего твердо и непоколебимо с большевистской настойчивостью и упорством проводить ленинский план социалистического строительства, отбивая с большевистской непримиримостью все как «левые», так и правые наскоки на генеральную линию партии.

В труднейшие годы т. Сталин встал во главе руководства партией и с честью провел партию и рабочий класс через все трудности, через все испытания, которые возникали перед ними в ходе социалистического строительства. Под руководством т. Сталина был закончен первый восстановительный период в развитии народного хозяйства. Под его же руководством партия вступила в период широчайшей социалистической реконструкции. Ушли многие и многие из тех, кто в первые годы революции оказались на гребне революционных волн — ушли, изменив ленинскому учению. И только т. Сталин, лучший ученик Ленина, неутомимый продолжатель его дела, оставаясь до конца верным революционному марксизму-ленинизму, был той гранитной скалой, о которую безнадежно разбивались все, кто пытался свернуть партию с ленинского пути.

Подлинный вождь партии и рабочего класса, т. Сталин неразрывно связан с делом социалистического строительства. И в ряду строителей социализма имя его будет стоять непосредственно за именем Ленина.

А. Кон

К КРИТИКЕ МЕХАНИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

По мнению т. Бухарина, теория исторического материализма представляет собой систему марксистской социологии. Сообразно с этим даже сама книга т. Бухарина «Теория исторического материализма» носит подзаголовок: «Популярный учебник марксистской социологии». Теория исторического материализма, или «социология», по мнению т. Бухарина «ставит общие вопросы: Что такое общество? От чего зависит развитие и гибель его? В каком отношении друг к другу находятся различные ряды общественных явлений (хозяйство, право, наука и т. д.)? Чем объясняется их развитие? Каковы исторические формы общества? Чем объясняется их смена? и т. д. и т. д.». «Социология есть наиболее общая (абстрактная) из общественных наук» (гл. 2, с. 12). Из приведенной выдержки видно, что считает т. Бухарин предметом «социологии». Это — общество вообще, общество, независимо от той конкретной формы, в которой оно реально существует и развивается. Свою «социологию» т. Бухарин называет «наиболее общей социальной наукой, которая изучает не отдельные формы общества, а общество вообще» (с. 70).

Сама постановка т. Бухариным вопроса о предмете социологии показывает, что т. Бухарин ставит перед собой задачу найти «сущность» общества, независимую от его (общества) формы, что он считает форму общества чем-то внешним для самой его сущности, безразличным для нее, какой-то скорлупой, которую можно и должно отшелушить для того, чтобы обнаружить скрытую за нею «сущность». В то время как для Гегеля, а вслед за ним и для Маркса, Энгельса, Ленина сущность есть оформленное бытие и вне формы немыслима («форма существенна, сущность — формировава так или иначе в зависимости и от сущности»), т. Бухарин ищет неформальную сущность, некую «вещь в себе», и в этом одна из основных его ошибок. В приведенной выдержке т. Бухарина, правда, говорит о необходимости рассмотреть вопрос о том, «каковы исторические формы общества? Чем объясняется их смена»? Однако это вряд ли может изменить что-либо в самой постановке вопроса. Дело в том, что т. Бухарин сначала следует обществу как неформальную сущность, и потом уже облачает эту «сущность» в различные «исторические костюмы». Сущность остается у него независимой от формы и безразличной по отношению к ней. Он пытается найти сущность общества, абстрагируя от тех форм, в которых эта сущность проявляется.

Марксистская диалектика при исследовании того или иного явления ищет законы движения этого явления, законы превращения его форм. Она стремится «мысленно воспроизвести» конкретное явление «во всей его специфичности», «во всем богатстве его определений». Товарищ же Бухарин при исследовании общества, сталкиваясь с разнообразием

разном общественных форм, стремится свести эти формы к тому, что есть общего во всех этих формах. Бухаринская «социология» «есть общее учение об обществе и законах его развития» (с. 13). Марксистская диалектика не отрывает содержания от его формы, не мыслит содержания вне формы. Поэтому для нее «содержание» само по себе (без формы и вне форм) не может составлять какого-то самостоятельного объекта. Она изучает явления как (противоречивое) единство содержания и формы. Этим самым мы вовсе не хотим отрицать необходимость изучения общего, — это было бы пропагандой вульгарнейшего эмпиризма, — а хотим лишь указать на то, что то «общее», что существует в явлениях, не познается иначе, как в тех особенных формах, в которых это общее существует. Попытка т. Бухарина дать «общее учение об обществе» основана на абстрагировании от конкретной исторической формы, от качественной определенности общества.

«Законы», которые будут добыты подобным путем исследования, должны оказаться в одинаковой мере действительными и для такого «общества», каким является современная система империализма, и для такого «общества», каким является первобытная община каких-нибудь огнеземельцев. Уже отсюда видна вся бессодержательность, все бесплодие рассмотрения общества «вообще а ля Спенсер». Тов. Бухарин определяет общество следующим образом: «Это есть наиболее широкая система взаимодействующих людей, охватывающая все длительные их взаимодействия и опирающаяся на их трудовую связь» (с. 93). В этом определении, в первую очередь, обращает на себя внимание бессодержательность той абстракции, которую выводит т. Бухарин в результате длительных исследований и рассуждений. Маркс, прибегая к помощи абстракции, всегда ставил обязательным условием абстрагирования, чтобы абстрактные определения вели к воспроизведению конкретного путем мышления. Он признавал только такие абстракции, которые выводятся из конкретного и служат для познания конкретного, которые содержат в себе в зародышевом виде конкретное явление с присущими этому явлению особенностями и противоречиями. Отправляясь от такой упрощенной абстракции и мысленно усложняя ее и включая в нее все дополнительные определения, генетически возникающие из самой этой абстракции, мы мысленно воспроизводим как само конкретное явление, так и процесс его развития, движения. В диалектическом движении мысли от упрощенной абстракции к сложному конкретному явлению находят себе отражение действительный процесс развития данного явления. Это не значит, конечно, что диалектическое движение мысли воспроизводит исторический процесс во всей его пестроте, во всей его сложности, со всей совокупностью тех «случайностей», которые присущи реальному историческому процессу. Нет, в диалектическом чередовании категорий отражается как бы «упорядоченный», «упрощенный» процесс развития данного явления. Именно в этом смысле (но и только в этом) можно сказать, что «законы абстрактного мышления, восходящего от простого к сложному, соответствуют действительному историческому процессу»¹.

«Логический ход мыслей — писал Энгельс — должен начать с того, с чего начинается и история, и его дальнейшее развитие будет представлять собой не что иное, как отражение в абстрактной и теоретической последовательной форме исторического процесса, — исправленное отраже-

¹ «Введение к критике» (сборн. „Основные проблемы политической экономии“, с. 25).

ние, но исправленно соответственно законам, которым учит сама историческая действительность, ибо логический способ последования дает возможность изучить всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме»¹.

Совсем другой характер носят те абстракции, которыми пользуется т. Бухарин. Приведенное только что определение общества характеризуется как раз тем, что из этого абстрактного общего определения исключена какая бы то ни было форма общества, а следовательно, исключены и те противоречия (как между формой и содержанием, так и внутри самой формы), которые в своем развитии движут процесс превращения общественных форм. Таким образом, если на первый взгляд кажется, что дефектом бухаринского определения общества является «только» смазывание различий между отдельными общественными формациями, «только» подведение самых разнообразных общественных форм под одни и те же вечные, неизменные законы, «только» отступление от принципа историчности, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что это определение вообще исключает самую возможность движения, изменения, что оно абстрагирует от противоречий, без которых немислимо никакое движение.

Однако и этим не исчерпывается дело. Не подлежит никакому сомнению, что как сам человек, так и совокупность людей, входящих в «общество», представляют собою продукты природы, часть природы. Однако это такая часть, которая качественно отлична от самой природы, такая часть, понять которую совершенно невозможно, если абстрагировать от ее качественных особенностей, от ее специфичности. Мыслимо ли в самом деле познать качественную специфичность общественных явлений, возможно ли выделять их из ряда явлений естественных, природных, если абстрагировать от их особенной специфической формы, вне которой, как мы уже говорили, немислима их сущность? Совершенно не случайно, что т. Бухарин в своих обобщениях заходит так далеко, что подчиняет одним и тем же законам не только различные общественные формации, но и явления, принадлежащие к самым различным областям природы. Достаточно напомнить знаменитую третью главу его книги, в которой подводятся под единый «закон равновесия» такие разнородные явления, как явления механики, биологии, физиологии и общества. Во всех этих качественно различных видах движения т. Бухарин видит только то, что есть в них общего. Во всех этих явлениях, независимо от разнообразия их форм, т. Бухарин ищет одну и ту же сущность. Таким образом, т. Бухарин пытается, подобно Дюрингу, «всеобщее устройство вещей свести к основным элементам». Его система так же, как и система Дюринга, пытается «стать единой системой объяснения природы и человеческой жизни».

* * *

Остановимся, однако, на том законе равновесия, которому, по мнению т. Бухарина (повторяющего в том отношении А. Богданова)², подчиняются все явления природы и общества.

Мы уже видели, что т. Бухарин в своем стремлении сводить все явления к тому, что есть в них общего, не останавливается ни перед какими различиями форм. Абстрагировавшись от качественного разнообразия явлений, т. Бухарин тем самым берет в каждом явлении лишь одну его сторону, отре-

¹ «Под знаменем марксизма» 1923 г. № 2—3, с. 55.

² См. А. Богданов «Технология».

зая, как ножом, все остальные и закрывал себе тем самым путь к познанию внутренней противоречивости явлений. Внутри «системы», являющейся одновременным отображением и организма, и человеческого общества, и тела, совершающего механическое движение, не может возникнуть никакого «противоречия». «Противоречие» может возникнуть здесь не внутри явления, а лишь в результате столкновения направленных в различные стороны механических сил. Именно таким образом т. Бухарин сводит диалектическое противоречие к механическому антагонизму сил, направленных в прямо противоположные стороны. Не трудно видеть, что именно в этом сведении противоречия к антагонизму сил лежит корень бухаринской теории равновесия. Бухаринская теория равновесия предполагает игнорирование качества явлений, внутренней противоречивости их и вне этого игнорирования не может быть построена и обоснована.

Не трудно видеть, что из этого же корня вырастает и отрицание возможности внутреннего «спонтанного», имманентного движения. В самом деле, если противоречие сводится к антагонизму сил, направленных в прямо противоположные стороны, то равновесие предполагает равенство этих сил, состояние полного покоя, полной неподвижности. И равенство сил и равновесие могут быть нарушены лишь при условии вмешательства извне, лишь при условии приложения извне добавочной силы. Без толчка извне никакое движение подобной системы не может иметь места. Поэтому т. Бухарин совершенно последователен, когда он неоднократно заявляет, что основой движения системы является соотношение системы со средой. Процесс движения, по мнению т. Бухарина, состоит из постоянных нарушений системы равновесия и постоянных восстановлений этого равновесия на новой основе. Поэтому и процесс движения, собственно говоря, не имеет у т. Бухарина никакой качественной определенности, превращается в чисто количественную перегруппировку сил и элементов системы. Не трудно показать всю неправильность и всю наивность подобного представления о движении. Здесь условием движения является вмешательство внешней силы. Можно еще спорить с т. Бухариным до тех пор, пока мы имеем дело с явлениями, находящимися в той или иной внешней среде, и пока, следовательно, вмешательство внешней силы возможно, но как объяснить себе движение, скажем, такой «системы», как вселенная, «системы», которая, как понятно каждому, никакой внешней среды не имеет? В этом случае придется притти к одному из двух выводов. Либо вселенная, как целое, должна оставаться неподвижной, должна находиться в полном покое, не обнаруживать решительно никакого движения. Но в этом случае, как понятно каждому, исключается всякая возможность движения и частей вселенной, для которых сама вселенная служит внешней средой. Как по маговению волшебной палочки во всем мире, который находится в состоянии неустанного движения и изменения, в котором «все течет, все изменяется», устанавливается полный покой, полная неподвижность. Либо и вселенная подвержена изменению, но тогда причин движения надо искать не во внешней среде, а во внутренних противоречиях самой системы. И при первом, и при втором ответе на поставленный вопрос обнаруживается полная несостоятельность, полная непригодность теории равновесия.

Тов. Бухарин утверждает, что его теория равновесия лишь низводит на землю гегелевскую диалектику, материалистически расшифровывает ее. «Гегель—пишет т. Бухарин—заметил такой характер движения и выразил это в следующей форме: первоначальное состояние равновесия он назвал тезисом, нарушение равновесия — анти тезисом, т. е. противополо-

жением, восстановление равновесия на новой основе — синтезом (объединяющим положением, в котором примиряются противоречия). Этот же характер движения всего сущего, укладываемый в трехчленную формулу («триаду») он и назвал диалектическим» (с. 76). Мы не будем останавливаться на формальной стороне дела. Нам кажется, что этой формальной стороне и без того уделено слишком много внимания. Мы хотим только заметить, что т. Бухарин проявляет поистине чудовищное непонимание тех различий, которые существуют между его методом и методом диалектического материализма. И здесь он остается верен себе и, отвлекаясь от различий, ищет лишь общего.

Диалектика есть закон движения, а не закон равновесия. Равновесие входит в движение одним из моментов, но отнюдь не тождественно ему. Движение включает в себя момент равновесия, но не сводится к нему. «Равновесие не отделимо от движения, — писал Энгельс, — в движении небесных тел движение находится в равновесии, а равновесие — в движении. Всякое специальное относительно движение отдельных более мелких тел на каком-нибудь движущемся небесном теле, это — стремление к установленному относительно покоя, равновесия. Без относительного покоя нет развития. Возможность относительного покоя тел, возможность временного состояния равновесия является существенным условием дифференцирования материи, а значит и жизни. На солнце нет вовсе равновесия отдельных веществ, а только всей массы или же только весьма ничтожное равновесие, обусловленное значительными различиями плотности, на поверхности — вечное движение, отсутствие покоя, диссоциация. На луне, повидному, царит полное равновесие, без всякого относительного движения — смерть (луна — огрицательность). На земле движение дифференцировалось на смену движения и равновесия: отдельное движение стремится к равновесию, а совокупное движение снова уничтожает отдельные равновесия. Скала пришла в покой, но процесс выветривания, работа морского прилива, действие рек, глетчеров непрерывно уничтожают равновесие. Испарение и дождь, ветер, теплота, электрические и магнитные явления представляют ту же самую картину. Наконец, в живом организме мы наблюдаем непрерывное движение всех мельчайших частиц его, а также более крупных органов, имеющее своим результатом во время нормального периода жизни постоянное равновесие всего организма и, однако, пребывающее всегда в движении; мы наблюдаем здесь живое единство движения и равновесия. Всякое равновесие лишь относительно и временно»¹. Для Энгельса таким образом исходным является движение. Равновесие относительно, временно и представляет собою лишь момент движения. Всякое отдельное движение стремится к равновесию, но совокупное движение непрерывно уничтожает его. равновесие тождественно покою, движение же, даже бесформенное, исключает равновесие. Развитие немислимо без известной дифференциации материи, приводящей к временным состояниям относительного равновесия, предполагает ее, но совокупное движение нарушает это равновесие. Равновесие представляет собой относительный покой, и в этом смысле оно противоположно движению. Однако «абсолютного покоя, безусловного равновесия не существует. Отдельное движение стремится к равновесию, общее движение снова нарушает равновесие. Таким образом, покой и равновесие там, где они имеют место, являются результатом ограниченного движения»². Сама противоположность движения равновесию, таким образом,

¹ «Диалектика природы», «Архив», кн. 2, с. 23.

² Энгельс, Антидюринг, изд. 3, с. 74.

относительна. Само же движение абсолютно. Материи без движения быть не может.

Задачей науки является поэтому изучить не законы равновесия явления, а законы его движения, возникновения, развития и гибели — перехода в новую форму.

Совсем иначе ставит вопрос т. Бухарин. Его систему равновесия легко себе представить вне движения, и сам т. Бухарин предусматривает такой случай. Его система равновесия отделена от движения. Более того, она допускает движение лишь при условии, если это движение уже существует вне системы. Но она отнюдь не является моментом движения, не предполагает движения. Она статична по самому своему существу. И именно потому т. Бухарин считает задачей науки не изучение законов движения всякой данной системы, а изучение законов ее существования, законов ее равновесия.

Отсюда уже видно, что совершенно не имеет права говорить о дилектике тот, кто при исследовании явления отвлекается от его качества, отвлекаясь таким образом и от противоречия, заложенного в явлении. Мы уже видели, что именно игнорирование специфических качеств явления приводит т. Бухарина к отрицанию принципа имманентного движения. В самом деле, если не видеть внутренней противоречивости всякого явления, если абстрагироваться от качественной стороны процесса движения. — понятие принцип имманентного движения, как мы видели, совершенно невозможно. Тов. Бухарин указывает нам, что из зерна никогда не вырастет колос, если не будет воздействия на это зерно со стороны внешней среды: солнца, воздуха, почвенной влаги и т. д. Но с таким же правом мы могли бы возразить т. Бухарину, что даже при условии воздействия со стороны внешней среды колос не вырастет, скажем, из лягушиной икры так же, как и наоборот, из зерна не вылупится лягушка. Только абстрагируясь от качественных особенностей процесса развития, можно не заметить этого простого факта. Или возьмем другой пример: отрицание принципа имманентного развития ведет к отрицанию неизбежного перерастания простого товарного хозяйства, предоставленного самому себе, в капитализм, а не в какую-нибудь другую систему общественных отношений. Оно неизбежно приводит к тому, чтобы считать, что простое товарное хозяйство перерастает в капитализм лишь при условии воздействия на него со стороны уже сложившегося капитализма. К каким вредным политическим выводам приводит подобное представление в наших условиях, об этом, пожалуй, излишне распространяться.

Возвращаясь к вопросам теории общества, обратим внимание прежде всего на то, что т. Бухарин в статье «К постановке проблем теории исторического материализма» ставил себе в заслугу, что у него «не получается того нелепого удвоения» законов, которое встречается на каждом шагу, даже в лучших марксистских работах (с. одной стороны, законы биологии, физиологии и т. д., с другой — законы общественного развития). На самом деле одно есть «ино-бытие» другого. Одно и то же явление рассматривается с разных точек зрения (с. 369). В этих словах т. Бухариным с необыкновенной четкостью сформулирована одна из действительно характерных черт его метода. Здесь он с удивительной открытостью сообщает о том, что он отказывается рассматривать явления как единство противоположностей. Для него явление оказывается однородным единством, которое может изучаться с различных точек зрения, но которое само по себе отнюдь не включает противоположных

сторон. Внутреннюю противоположность различных сторон явления т. Бухарин подменяет здесь, как впрочем и во всей своей книге, противоположностью точек зрения на единый и однородный по существу объект. Здесь мы с удивительной отчетливостью видим, что игнорирование т. Бухариным специфических качеств явления приводит его прямой дорогой к субъективизму. Объективные свойства предмета подменяются различными точками зрения субъекта, исследующего этот предмет.

Надо подчеркнуть, что элементы субъективизма, отмеченные уже Лениным в бухаринской концепции, отнюдь не являются случайными, отнюдь не представляют собой следствия тех или иных неудачных формулировок. Нет, они являются неизбежным следствием игнорирования т. Бухариным двойственности и противоречивости единства, неизбежным следствием того, что т. Бухарин за единством не видит различий.

Нас интересует, однако, еще и другая сторона этого метода. Процесс производства представляет собой единство противоположностей. Он выступает прежде всего как «процесс, совершающийся между человеком и природой,—процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит, как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы — руки и ноги, голову и пальцы» (Маркс)³. Процесс производства здесь выступает как естественный процесс — и не более. Однако, с другой стороны, процесс производства есть в то же самое время общественный процесс.

«Производство — говорит Маркс — есть присвоение индивидом благ природы внутри определенной общественной формы и посредством ее». «Производство обособленных личностей вне общества — такая же бессмыслица, как развитие языка вне совместно живущих и друг с другом говорящих индивидов». «Если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной общественной ступени развития, о производстве индивидов, живущих в обществе». «Действующим лицом в более или менее обширной совокупности отраслей производства всегда является некоторый социальный организм — общественный субъект»⁴. Поскольку производство мыслимо лишь как производство, фактическим субъектом которого является не индивид, а общество, — материальный процесс производства оказывается уже не только естественным процессом, не только обменом веществ между человеком и природой. Он является вместе с тем процессом, реально связывающим в определенной форме людей друг с другом, — общественным процессом. Именно потому, что процесс материального производства является не только естественным, но и общественным процессом, он на всякой ступени развития предполагает и несет в себе определенную общественную форму, которая порождается им, внутри которой он осуществляется и вне которой он не мыслим. Именно потому, что процесс материального производства является не только процессом воздействия человека на природу, но и процессом, реально связывающим людей, форма этой связи, качественная определенность ее предполагается самим процессом материального производства, включена в него, вырастает из него, ибо вне качественной определенности связи

³ «Капитал», т. I, 1928, с. 119.

⁴ Введение к «Критике», с. 3, 6, 8.

между людьми не мыслима и сама эта связь. Если бы материальное производство было только естественным процессом, общественная форма производства не только бы не предполагалась им, не вырастала бы из него, но прямо исключалась бы им. Если бы материальный процесс производства не являлся сам реальной связью между людьми и не включал в себя реальных связей между ними, не откуда было бы взяты особые формы этих связей, качественной определенности их. Сам по себе факт существования той или другой определенной общественной формы производства свидетельствует о том, что и сам процесс материального производства в качестве содержания этой формы является общественным процессом. В качественной определенности данной общественной формы проявляется общественный характер самого производства. Процесс производства представляет собой одновременно и естественный и общественный процесс. Без понимания этой двойственности процесса производства нельзя понять специфики общественных явлений.

Общественные науки изучают процесс производства, как общественный, а отнюдь не естественный процесс⁵. Тов. Бухарин отказывается замечать двойственность процесса производства и, как мы видели, открыто заявляет об этом. В его понимании процесс производства или процесс труда может лишь рассматриваться с различных точек зрения, но сам по себе он един и однороден. За единством процесса производства т. Бухарин не видит различий, этому единству присущих и это единство определяющих.

Но не означает ли подобное отождествление естественной и общественной сторон процесса труда отождествления общественного с естественным вообще, о чем мы уже говорили? Не означает ли оно отказа рассматривать общественное, как нечто специфическое, нечто не сводимое к природному, естественному? Не означает ли оно игнорирования общественной стороны процесса труда и сведения труда к процессу естественному? Несомненно, это именно так. Маркс, как мы указывали, определял производство как «присвоение индивидом благ природы внутри определенной общественной формы и посредством нее». В этом определении подчеркивается как естественная сторона производственного процесса, так и его общественная сторона. Тов. Бухарин предпочитает другое определение. Для него производство есть «способ удовлетворения потребностей, которые, как выражается в одном месте Маркс, — «связаны между собой в одну естественную систему»⁶. В этом определении производство превращается в естественный и только естественный процесс. На дальнейшем пути сведений и обобщений, производство сводится т. Бухариным уже просто к процессу перекачки энергии из природы в общество. «Человеческое общество, — пишет т. Бухарин, — поскольку оно существует, должно перекачивать энергию из природной среды» (с. 113). С другой стороны труд оказывается только процессом затраты физиологической энергии и не более. «Сам процесс труда — пишет т. Бухарин — есть трата физиологической энергии, нервов, мускулов и т. д., которая материально проявляется в физических движениях работающих людей» (с. 115).

⁵ Само собой разумеется, что противопоставление общественной стороны производства его естественной стороне вовсе не равнозначно, как то полагают некоторые, противопоставлению общественного материальному. Общественный процесс производства остается материальным процессом, хотя и не является процессом натуральным.

⁶ «К вопросу о закономерностях переходного периода» с. 46.

В результате сопоставления суммы энергии, перекачиваемой человеком из природы, с суммой энергии, которую человек затрачивает в процессе труда, т. Бухарин и приходит к богдановскому энергетическому балансу. Нетрудно видеть, что основой теории энергетического баланса является отождествление общественного труда с естественным процессом труда, абстрагирование от общественной формы труда, вне которой нельзя понять сущность труда как процесса общественного, сведение общественного труда к простой затрате энергии. Между тем по замыслу ее авторов, Богданова и Бухарина, теория энергетического баланса должна служить основным объяснением движения общества, его развития. «Совершенно очевидно, — пишет т. Бухарин, — что для развития всего общества решающее значение имеет тот баланс, который получается при этом» (с. 118). Здесь у т. Бухарина общество выступает просто как сумма человеческих организмов — и не более, а сам процесс общественного воспроизводства сводится к биологическому воспроизводству. Тов. Бухарин, впрочем, не усматривает в этом ничего страшного. «То, что мы условно называем общественной физиологией, не может противопоставляться экономике, так как это — ее составная часть» (с. 311). Ленин же, как известно, смотрел на вещи совершенно иначе: «Применение понятий „подбора, ассимиляции и дезассимиляции“, „энергии“, „энергетического баланса“ и пр. и т. п. в применении к области общественных наук есть пустая фраза. На деле никакого исследования общественных явлений, никакого уяснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих положений. Нет ничего легче, как наклеить „энергетический“ или „биолого-социологический“ ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п. Но и нет ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие. Не в том суть, что Богданов при этом все свои итоги и выводы подгоняет под Маркса или „почти“ все (мы видели „поправку“ к вопросу об отношении общественного бытия и общественного сознания), а в том, что приемы этого подгоняния, этой „социальной энергетики“ сплошь фальшивы и ровно ничем не отличаются от приемов Ланге» (т. XIII, с. 267—268).

Тов. Бухарин в одном месте своей книги справедливо упрекает буржуазную науку в том, что она пыталась всегда объяснить нищету масс такими причинами, которые не зависят от общественного устройства: «Буржуазия, — пишет он — неоднократно старалась поставить на место общественных законов „законы“ такого порядка, которые бы доказывали неизбежность от бога положенной нищеты масс и независимость такого положения от общественного строя» (с. 133). Тов. Бухарин, однако, не замечает, что по существу то же получается, если нищету масс объяснить энергетическим балансом⁷.

⁷ Необходимо отметить, что в своих «Лекциях о методологии» я дал по существу ту же теорию энергетического баланса, хотя в эту теорию мною и были внесены некоторые модификации и поправки. Моя работа началась по существу в следующем: «Нужно сказать, — писал я, — что на способность общества восстановить равновесие на повышенной, пониженной или прежней основе, кроме наличного резерва средств производства и рабочей силы, действуют и другие обстоятельства. Сюда, в первую голову, должны быть отнесены производственные отношения как элемент производственного аппарата. Допустим, например, что общество извлекает количество благ, достаточное для полного воспроизведения израсходованных средств производства и рабочей силы, но вследствие существующей системы распределения эти блага попадают в руки господствующих классов в избытке а в руки остального населения — в количестве совершенно недостаточном для восстановления израсходованной рабочей силы. Ясно, что в этом случае нарушенное равновесие будет восстановлено не на повышенной, а на пониженной основе, и если общественные отношения не будут изменены

* * *

Из того же отождествления природы и общества, патуральных и общественных явлений вытекает совершенно неправильное представление т. Бухарина о производительных силах общества. «Под производительными силами общества—пишет т. Бухарин—мы будем понимать совокупность средств производства и рабочих сил. Таким образом это будет совокупность машин разного рода, сырья, топлива и т. д. *in natura*, с одной стороны, совокупность разного рода рабочих сил *in natura*—с другой»⁸. По существу то же самое пишет т. Бухарин и в «Теории исторического материализма»: «Если мы знаем, каковы средства производства и каковы рабочие, то мы знаем и сколько они произведут за определенное количество времени; эти две величины определяют и третью—производимый продукт. Эти две величины, взятые вместе, и образуют то, что мы называем материальными производительными силами общества» (с. 122). Производительные силы общества объявлены т. Бухариным категорией по существу не социальной. Взять средства производства *in natura* это значит взять их как принадлежность, как часть природы, а отнюдь не общества. Взять рабочую силу *in natura* это значит рассматривать рабочую силу только как элемент природы. Если бы т. Бухарин последовательно различал общественную и естественную стороны процесса производства, он бы не мог не заметить, что и сама общественная техника выступает в качестве элементов природы или, говоря словами т. Бухарина, *in natura* лишь в процессе производства как естественном процессе. В общественном же процессе производства выступает не «техника» *in natura*, а производительные силы. Элементы производства выступают здесь в совершенно новом качестве, в котором и благодаря которому они не могут уже отождествляться с совокупностью средств труда и рабочей силы *in natura*, а образуют производительные силы общества. В состав производительных сил входят, как указывает сам т. Бухарин, не только вещи, но и рабочая сила и притом рабочая сила отнюдь не индивидуального, а общественного человека. «Из всех орудий производства—писал Маркс—наибольшую производительную силу представляет революционный класс»⁹. Совершенно неотъемлемую часть производительных сил составляют сами люди, связанные между собой на каждой ступени определенными отноше-

революционным путем, общество будет деградировать. Совершенно такой же результат может получиться, если общество вынуждено уделить значительную часть своего продукта на содержание армии, государства или других непроизводительных институтов. Это не всегда приводит к деградации общества, но это всегда замедляет его развитие» (с. 78). Мой относительно шаг вперед, по сравнению с т. Бухариным, заключался в том, что я не ставил ницету масс в зависимость от самого по себе энергетического баланса. Упреки, которые были направлены по моему адресу, в том, будто я объяснял положение и папы римского, и банкиров Уолл-Стрита, и китайских кулли, и членов английских тред-юнионов энергетическим балансом,—упреки, которые могут быть по справедливости адресованы к т. Бухарину, ко мне, таким образом, конечно, не относились. Однако надо признать этот шаг вперед совершенно незначительным и конечно, недостаточным. Так же, как и у т. Бухарина, теория энергетического баланса основывалась и у меня, несомненно, на отождествлении общественного производства с производством как естественным процессом. Так же, как и у него, теория равновесия между обществом и природой вытекала у меня из игнорирования качественной определенности, специфичности производства на каждой стадии его развития. Попытки одеть общественную форму на содержание, выведенное независимо от этой формы, конечно, не могли спасти этой теории или сколько-нибудь значительно ее исправить в силу порочности самой методологии, приводящей к этой теории.

⁸ «Экономика переходного периода», стр. 36.

⁹ «Индустрия философии». с.

ниями. Исключая из состава производительных сил людей, связанных между собой определенными отношениями, или подменяя этих людей совокупностью рабочей силы *in natura*, нельзя понять производительных сил как общественной и исторической категории. Уже неоднократно упоминалось, что в том месте «Экономики переходного периода», где т. Бухарин цитирует слова Маркса: «Машинны столь же мало можно считать экономической категорией, как, например, быка, которого впрягают в плуг: их следует относить к производительным силам», — Ленин сделал пометку: «Относить не есть отождествлять». Точно так же около слов Бухарина: «Тут Маркс под производительными силами понимает, очевидно, вещественные и личные элементы производства, исообразно с этим категория производительных сил является категорией не экономической, а технической», Ленин сделал пометку: „сообразности“ как раз не вышло, ибо „личное“ (не точный термин) не есть „техническое“. Здесь Ленин обращает внимание как раз на то, что т. Бухарин отождествляет производительные силы с техникой, что он не замечает общественного характера производительных сил и их историчности. Производительные силы, отождествляемые т. Бухариным с элементами техники *in natura*, по существу должны оказываться за пределами общественной науки, так как оказываются за пределами общества. Если т. Бухарин все же привлекает эти «производительные силы» в круг своего рассмотрения, то тем самым он стирает грань между обществом и природой, стирает их качественные различия.

По вопросу о понимании производительных сил за последние месяцы шли ожесточенные споры между нами и Рубиным. Рубин точно так же, как и Бухарин, отождествляет производительные силы с техникой^{9а}, мы же подчеркиваем общественный характер производительных сил и их зависимость на каждой ступени развития от общественной формы. Точка зрения Рубина чрезвычайно близка в этом вопросе к бухаринской точке зрения, хотя эти два теоретика и приходят к противоположным выводам. В то время как Бухарин, считая производительные силы натуральной, а не общественной категорией, вовлекает их все же в общественную науку, Рубин, рассматривая, как и Бухарин, производительные силы в качестве натуральной, не общественной категории, выбрасывает их за пределы общества и общественных наук, отдает их в ведение технологии. Фактически же производительные силы, в отличие от техники и рабочей силы *in natura*, представляют общественную категорию и в качестве общественной категории они изучаются общественными науками.

В марксистской литературе общепризнано, что движение производственных отношений является формой движения производительных сил, а сами производительные силы в их движении (или — что то же — общественное производство) являются содержанием производственных отношений. Однако содержание, как мы уже неоднократно указывали, не безразлично к форме, а несет в себе форму, порождая ее и определяясь в свою очередь ею. Тот, кто считает производительные силы натуральной, не общественной категорией, тот разрывает всякую связь между содержанием и формой производственных отношений. Он становится на точку зрения неформальных существей и несущественных форм. Этот упрек в одинаковой мере относится и к Бухарину и к Рубину.

Рубин, относя производительные силы и материальное производство к числу натуральных категорий, лишает производственные отношения какого бы то ни было материального содержания. Производственные от-

^{9а}. См. по этому вопросу нашу статью в № 6 «Проблем экономики».

ношения выступают в его схеме как бессодержательные, нематериальные формы. Такая же участь должна была бы постичь и т. Бухарина. От его «производительных сил» к производственным отношениям нет решительно никакого перехода. В его схеме движение производительных сил не может явиться содержанием производственных отношений. Он должен был бы, казалось, притти (так же, как и Рубин) к нематериалистическому, идеалистическому пониманию производственных отношений. Тов. Бухарин избегает этой участи. Однако какой ценой? Ценой перехода на точку зрения вульгарного материализма.

Тов. Бухарин не знает категории социальной материи. Для него материальным является только то, что может быть воспринято нашими внешними чувствами. «Мы—пишет т. Бухарин—вообще различаем между двумя родами явлений. Одни имеют протяжение, занимают место в пространстве, воспринимаются нашими внешними чувствами—их можно видеть, слышать, осязать, пробовать на вкус и т. д. Их мы называем материальными явлениями. Другие не занимают места в пространстве, их нельзя нащупать или увидеть. Такова, например, человеческая мысль, или воля, или ощущение... Такие явления называются психическими, в просторечии „духовными“ (с. 51—52).

Из этого положения вытекает, что производственные отношения могут быть признаны материальными, а не психическими, не «духовными» лишь в том случае, если они имеют протяжение, занимают место в пространстве, воспринимаются нашими внешними чувствами и т. д. В противном случае их нужно признать духовными. Поэтому для того, чтобы притти к выводу, что производственные отношения материальны, т. Бухарин чувствует себя вынужденным приписать производственным отношениям свойства непосредственной протяженности. «Под производственными отношениями я разумею—пишет т. Бухарин—трудовую координацию людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени. Система этих отношений настолько же „психична“, как система планет вместе со своим солнцем. Определенность места в каждую хронологическую точку—вот что делает систему системой. С этой точки зрения всякая психичность базиса исчезает. А то обстоятельство, что опосредствующим моментом являются психические элементы, нисколько не разрушает и не нарушает стройности нашей аргументации: опосредствующим моментом служит в процессе совокупного воспроизводства общественной жизни и любая из надстроек. Предлагаемое решение я считаю единственно верным и единственно материалистическим. Без него, кроме того, нельзя дать ответа Адлерам и К°».

Точно также в «Экономике переходного периода» т. Бухарин пишет: «Производственные отношения не есть что-то отличное от технической организации труда, поскольку мы говорим об отношениях внутри непосредственного трудового процесса. Они реально сливаются» (с. 42).

Вместо того, чтобы провести последовательное различие между двумя сторонами производства, его естественной и общественной стороной, а затем — различие между производственными отношениями, как формой движения производительных сил и производительными силами, образующими в своем движении содержание производственных отношений, т. Бухарин предпочел отождествить производительные силы со средствами труда *in natura*, а производственные отношения—с отношениями в непосредственном процессе производства как естественно-техническом процессе. Для марксиста производственные отношения являются материальными постольку, поскольку они объективно существуют независимо от сознания

людей, поскольку они имеют материальное содержание — общественный процесс производства, производительные силы общества *in actu*. Товарщик же Бухарин не может прийти к материалистическому пониманию производственных отношений, ибо он натурализовал производительные силы. Поэтому-то он не может размежеваться с Адлером и К^о иначе, как приписав производственным отношениям свойства непосредственной материальности.

Для Бухарина производственные отношения непосредственно материальны, и определяющим признаком их является для него их протяженность, материальная связь между отдельными участниками производственного процесса, расположенными в пространстве в определенном порядке. «Здесь люди связаны именно определенностью своих, так сказать, трудовых позиций, — пишет т. Бухарин. — Это есть материальное отношение, такое же, как отношение частей часового механизма» (с. 161). Именно такое понимание производственных отношений, именно отсутствие различия между общественным и натуральным привело Бухарина к сакраментальной фразе: «Мы брали общество как систему элементов *in natura*» (с. 44), именно оно заставило т. Бухарина утверждать, что, например, при исследовании экономики переходного периода «необходимо брать натуральную форму вещей и рабочих сил, в этих единицах вести счет и самое общество рассматривать как организацию элементов в их натурально-вещественной характеристике»¹⁰.

* * *

То же неумение различать две стороны процесса производства приводит т. Бухарина к чрезвычайно неопределенному и неверному определению классов. «Классы — писал т. Бухарин в «Экономике переходного периода» — представляют из себя группы лиц, объединенных общими условиями и общей ролью в производственном процессе со всеми вытекающими отсюда последствиями для процесса распределения» (с. 42). Этому определению Ленин, как известно, противопоставил тут же на полях другое определение: «Классы — написал он, — представляют из себя, прежде всего, „группы лиц“ (не точно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и различающихся так, что одна группа может присваивать себе труд другой группы». Еще раньше Ленин писал: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹¹. Несмотря на эти прямые указания Ленина, т. Бухарин в «Теории исторического материализма» почти дословно повторил свое неверное определение классов. «Под общественным классом — пишет он — разумеется совокупность людей, играющих сходную роль в производстве, стоящих в процессе производства в одинаковых отношениях к другим людям, причем эти отношения выражаются также и

¹⁰ «Экономика переходного периода» с. 44.

¹¹ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 240.

в вещах» (с. 313) Из сопоставления приведенных определений Ленина с определениями Бухарина прежде всего бросается в глаза, что Ленин говорит об определенном месте классов в «общественном производстве», в «общественном строе производства», в «исторически определенном укладе общественного хозяйства», подчеркивая тем самым необходимость последовательного различения общественного производства от производства, как процесс естественного. Бухарин же говорит просто о месте людей в процессе производства, не делая различия между общественным строем производства и производством как естественно-техническим процессом. Именно поэтому бухаринское определение классов в одинаковой степени приложимо как к классу, так и к профессии и к специальности. Именно забвение или непонимание двойственности процесса производства приводит т. Бухарина к полной невозможности отличать группы, занимающие определенное положение в техническом процессе производства, от „групп“, занимающих определенное положение в общественном строе производства.

Далее Ленин считает необходимым включить в свое определение указание на эксплуатацию одного класса другим. У Бухарина же это указание отсутствует. Не трудно понять, почему это происходит, дело в том, что т. Бухарин вслед за Богдановым считает, что причиной возникновения классов является закрепление за определенным кругом лиц роли организаторов в техническом процессе производства. «Технические элементы (рабочая сила инженера, директора, механика, мастера, рабочего, чернорабочего) — пишет т. Бухарин — суть в то же время элементы экономической организации, а поскольку они закрепляются за постоянным кругом лиц, постольку налицо их социально-классовая характеристика»¹². «Мы знаем, что классы сами органически выросли, как это подчеркивал Энгельс, из разделения труда, из организаторских функций, которые стали технически необходимыми для дальнейшего развития общества»¹³. Таким образом т. Бухарин совершенно по Богданову выводит различное положение классов из разного положения людей в техническом процессе производства. Вот почему эксплуатация труда является для него лишь производным признаком класса, о котором в сущности можно и не упоминать. Насколько согласуется подобная точка зрения со взглядами Маркса, видно хотя бы из следующих его (Маркса) слов: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, наоборот, — он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист»¹⁴.

Согласно учению Маркса, классовые отношения определяются распределением средств производства, согласно же учению т. Бухарина, наоборот, распределение средств производства определяется отношениями господства и подчинения, вытекающими непосредственно из закрепления организаторских функций за определенным и постоянным кругом лиц. «Раз есть капитализм, — пишет Бухарин, — это значит есть категория командующих производственным процессом людей, которые в то же время распоряжаются какими угодно средствами производства, и есть категория людей, которая работает под командой первых, подчиняя им свою рабочую силу и производя им товарные ценности. Именно это обстоятельство и служит причиной того, что в области распределения продуктов труда (т.-е. в сфере раздела дохода) тоже получается определенная закономер-

¹² „Экономика переходного периода“, с. 42.

¹³ „Теория исторического материализма“, с. 352.

¹⁴ „Капитал“ т. I.

ность. Другими словами, мы пришли к тому, что важнейшие стороны производства—„распределение людей“, „распределение вещей“—и составляют основу классовых отношений» (с. 316).

Мы хотим обратить внимание еще на одно чрезвычайно любопытное обстоятельство. Как мы помним, т. Бухарин признаком производственных отношений избрал их протяженность в пространстве. Совершенно очевидно, что если под это определение могут еще подойти такие отношения, как отношения разделения труда, то сюда уже во всяком случае не могут быть отнесены отношения эксплуатации, которые уже, конечно, никакой протяженностью в пространстве не характеризуются. Поэтому, собственно говоря, в числе «производственных отношений» у т. Бухарина могут еще значиться такие отношения «командования и подчинения» как отношения между инженером и рабочим, отношения между организатором и организуемым, но сюда не могут быть отнесены отношения между капиталистом и пролетарием. Поэтому чрезвычайно показательны некоторые места в книге т. Бухарина, где он прямо выносит классовые отношения во всех их сторонах за скобку производственных отношений, рассматривая производственные отношения лишь как основу классовых отношений: «В основе классового деления общества, — пишет, например, т. Бухарин, — лежат производственные отношения» (с. 314). Классы и классовые отношения таким образом не укладываются в систему т. Бухарина в разряд производственных отношений.

Соображения места не позволяют нам остановиться во всех подробностях на всех неправильностях в теории классов, допущенных т. Бухариным например, на том, что т. Бухарин развивает теорию революции до того, как им развита теория классов и классовой борьбы. В своей теории революции, в теории нарушения равновесия внутри общества т. Бухарин обходится без теории классов. Детальное представление о классах и классовой борьбе оказывается ему ненужным для объяснения перехода от одной общественной формации к другой. Здесь мы сталкиваемся с несомненными признаками автоматизма, присущего т. Бухарину и уже отмеченного Лениным в бухаринской «Экономике переходного периода».

Подводя итоги, отметим следующие дефекты в концепции т. Бухарина:

1) замену изучения процесса движения общества, процесса превращения общественных форм изучением лишь того, что есть общего в различных явлениях;

2) замену диалектического противоречивого движения равновесием сил, направленных в прямо противоположные стороны, а самого противоречия—антагонизмом;

3) отрицание принципа имманентного движения и подмену его теорией внешних толчков;

4) подмену противоречивого единства простым тождеством;

5) вытекающий отсюда субъективизм, подменяющий противоположность различных сторон объекта различными точками зрения на объект и ведущий прямой дорогой к идеализму;

6) непонимание качественной специфичности общества и сведение общественного к натурально-естественному;

7) извращение марксистской теории классов и непонимание роли классовой борьбы в деле общественного развития.

Совмещение вульгарного материализма с идеализмом, эклектизм, непонимание марксистской диалектики—вот черты, свойственные концепции т. Бухарина и характеризующие ее как законченную механистическую.

С. Бессонов

К ПЕРЕСМОТРУ ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

Вопрос о транспорте *

Сверхплановые, достижения 1928/29 г. и утвержденные уже контрольные цифры на 1929/30 г. заставили отдельные хозорганы приступить к фактическому пересмотру пятилетнего плана социалистического строительства. Для целого ряда отраслей народного хозяйства в настоящее время отчетливо вырисовывается возможность осуществления пятилетнего плана не в пять, а в четыре и даже в три года.

Транспорту более, чем какой бы то ни было другой отрасли хозяйства, приходится считаться с фактом начавшегося пересмотра пятилетки.

При этом однако мы оказываемся перед следующим своеобразным затруднением. Так как транспорт есть «общее условие производственного процесса», то план его работы не может быть не чем иным, как сводным результатом плана развития всех сторон народного хозяйства. Между тем Госплан СССР до сих пор считает транспорт лишь одной из отраслей народного хозяйства, ничем не отличающейся от других отраслей при составлении планов. Так, на вопрос о порядке построения порайонных балансов на 1942/43 г. президиум Госплана в письме от 2/XII 1929 г. пишет в НКПС:

«Такие балансовые построения могут быть сделаны в Госплане СССР только по получении от всех ведомств и прежде всего от НКПС плановых предположений на период генерального плана».

Однако плановые предположения НКПС по вопросу о работе транспорта в 1942/43 г. при отсутствии соответствующих планов развития народного хозяйства на этот период могут быть только экстраполяцией на 15 лет вперед наблюдающихся сейчас тенденций развития. Именно эту экстраполяцию и рекомендует Госплан НКПС^у в своем письме от 14/II 1929 г., предлагая положить в основу составления плана перевозок на 1937/38 г. и 1942/43 г. ежегодные увеличения перевозок на 18%.

К сожалению предложение Госплана едва ли может быть признано правильным. Дело в том, что метод экстраполяции, будучи с грехом пополам пригоден для самых первоначальных и самых грубых предположений об общих размерах предстоящей работы, оказывается совершенно непри-

*) Редакция считает статью в части практических предложений подлежащей дальнейшему обсуждению.

годным, как только мы переходим к предположениям о перевозках отдельных грузов (что важно для заказов подвижного состава), и прямо недопустимым, когда мы намечаем грузовые потоки (что важно для плана капитальных вложений в сеть). Метод экстраполяции в этом случае означает лишь одно, а именно, предположение о том, что генеральный план будет не чем иным, как расширенным воспроизведением того самого соотношения отраслей промышленности и отдельных районов, какое существует в настоящее время. Излишне доказывать неправоту и вредность подобного представления. Итак, метод экстраполяции должен быть решительно отброшен, хотя бы для этого и пришлось отказаться от возможности иметь генеральный план развития транспорта раньше генерального плана других отраслей хозяйства. План развития транспорта может составляться лишь одновременно с составлением плана развития других отраслей народного хозяйства в непрерывном и тесном взаимодействии с последними.

Как всегда, первыми начали пересмотр пятилетки топливные органы. Здесь дело обстоит следующим образом. Если пятилетним планом предусматривался рост добычи угля к 1932/33 г. в 75 млн. т, то в настоящее время цифру в 100 млн. т и в Главгортоне и в топливной секции Госплана считают минимальной. В отношении нефти пятилетний план предусматривал добычу к 1932/33 г. 21,7 млн. т нефти, в настоящее время официально говорят о цифре¹, значительно более высокой.

Следом за топливными органами начали пересмотр пятилетки строительные органы, запроектировавшие цифру производства материалов на 1932/33 г. в 52,7 млн. кубометров против 30 млн. кубометров по пятилетнему плану. Соответственно увеличилась проектировка производства строительных материалов минерального происхождения.

Этим резким изменениям пятилетних перспектив в топливной и строительной промышленности отнюдь не соответствуют намечавшиеся пока что изменения в других отраслях промышленности.

Так, например, по чугуну намечалось еще недавно всего 12,3 млн. т против 10 млн. т по плану, по руде — 24 млн. т против 20,2 млн. т по плану, по хлебу 110 млн. т против 105,8 млн. т по плану. Здесь как раз и сказывается отсутствие объединяющей и направляющей руки Госплана. Совершенно очевидно, что высокие темпы развития строительной и топливной промышленности не могут быть осуществлены без еще более высоких темпов развития металлопромышленности. Между тем проектировки последней, как мы видим, отстают пока что от проектировок первых. С другой стороны, совершенно ясно, что намеченные изменения в размерах сельскохозяйственного производства выглядят явно недостаточными при запроектированных уже изменениях в размерах коллективизации, в темпе прироста посевных площадей и урожайности в связи с усилением химизации и механизации сельского хозяйства.

Одно из двух — либо народное хозяйство будет развиваться применительно к более скромным пока что проектировкам металлопромышленности, либо сами эти проектировки будут изменены в ближайшее время в сторону повышения. При грубом расчете изменений в перевозках необходимо исходить из последнего предположения, проектируя для сельского хозяйства, металлургии и связанных с нею отраслей несколько

¹ Последние дни наибольшей устремленностью пользуется цифра в 41 млн. т.

более высокие темпы развития, чем это намечалось ими самими в последнее время.

В результате произведенных подсчетов и проектировок общая сумма перевозок грузов по железным дорогам на 1932/33 г. вырисовывается в размере 412 млн. т против 281 млн. т по утвержденному плану, что при средней дальности пробега в 578 км дает размер работы железных дорог в 238,2 млрд. тонно-километров.

По отдельным элементам предполагаемые изменения выглядят следующим образом:

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ПРОДУКЦИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ²

	Было в 1927/28 г.	Намечалось оптимальным 5-летним планом на 1932/33 г.	Намечается в настоящее время т. о. в декабре 1929 г. на 32/33 г.
Хлеб	74 млн. т	105,8 млн. т	115 млн. т
Каменный уголь	35,4 » »	75 » »	95—105 » »
Нефть	11,7 » »	21,7 » »	40—55 » »
Руда	6,7 » »	21,2 » »	*(24) 30—32 млн. »
Черные металлы	10,7 » »	28,4 » »	*(38) 46 » »
Дипломатериалы	8,7 » м ³	30 » м ³	52,7 » м ³
Чугун	3,2 » т	10 » т	*(12,3) 15-16 » т

ОТПРАВЛЕНИЕ ГРУЗОВ ПО ЖЕЛЕЗНЫМ ДОРОГАМ (в млн. т)

	1927/28 г.	1932/33 г. (план)	Намечается в настоящее время на 1932/33 г.
Хлеб	14,3	25,4	32
Каменный уголь	30	58,4	85
Нефть	8,2	12,7	32
Лесные материалы	16,9	33	48
Дрова	13	17	21
Руда	6,7	15	22
Черные материалы	5,4	12,5	20
Прочие	56,3	107	152
Всего	150,6	281,0	412

Если взглядеться в экономическую характеристику вырисовывающегося грузооборота, необходимо прежде всего отметить громадный рост перевозок весом теряющих грузов и раньше всего и прежде всего каменного угля по железным дорогам. Эта тенденция перевозок в СССР заслуживает самого серьезного внимания. Нужно сказать, что во всех промышленных странах мира (Германия, Англия, Соединенные Штаты)

² В начале января некоторые из цифр таблицы подверглись изменению; так, по нефти намечается цифра 41 млн. т, а по чугуну 17—18 млн. т.

* Звездочкой отмечены цифры, намечавшиеся в поябрь 1929 г.

каменный уголь за последние годы сходит с железнодорожных рельс, заменяясь иными способами транспортировки энергии.

Так в Германии перевозки каменного угля по железным дорогам сократились с 137,5 млн. *т* в 1913 г. до 119,6 млн. *т* в 1927 г., в Соед. Штатах перевозки угля по железным дорогам сократились с 428,1 млн. *т* в 1923 г. до 408,1 млн. *т* в 1927 г., в Англии доля каменноугольных грузов в общем грузообороте упала с 61,5% в 1913 г. до 60,7% в 1927 г. Падение перевозок каменного угля объясняется прежде всего растущей рационализацией топливного хозяйства, переходом к сжиганию углей на месте их добычи, развитием электростанций и газопроводов. Таким образом даже капиталистический мир обнаруживает тенденцию к сокращению перевозок каменного угля по железным дорогам, отдавая себе смутный отчет в нерациональности этого устарелого способа транспортировки энергии. В еще большей степени, казалось бы, эта нерациональность полагонной переброски энергетического топлива с обязательными обратными пробегами порожняка должна обнаружиться себя в условиях СССР, где пролетарская власть ставит перед собой плановую задачу социалистического переустройства общества на базе научной организации и рационализации общественного труда. Однако вместо тенденции к сокращению полагонной переброски энергетического топлива мы наблюдаем в СССР неуклонную тенденцию к абсолютному и относительному росту перевозок энергетического топлива по железным дорогам. Перевозки каменного угля по железным дорогам с 30 млн. *т* в 1927/28 г. поднимаются до 85 млн. *т* в 1932/33 г. Это значит, что СССР затратит в 1932/33 г. на перевозки каменного угля свыше 570 млн. руб. против 212,7 млн. руб. в 1927/28 г.³ Кроме того для того, чтобы обеспечить пропуск и провоз новых 50 млн. *т* по существующим железным дорогам, и без того уже загруженным до отказа работой, необходимо вложить в существующую сеть и в новое железнодорожное строительство не менее 700 млн. руб. основного капитала.

Итак, возрастание угольных перевозок за пятилетие потребует от страны капитальных затрат, примерно, в $\frac{3}{4}$ млрд. руб. и ежегодных расходов в $\frac{1}{2}$ млрд. руб. на один только железнодорожный транспорт. Едва ли может быть сомнение в том, что на эти деньги можно было бы покрыть основные наши промышленные районы — СЗО и ЦПО — сетью газо- и электропроводов на местном топливе, которые навсегда освободили бы их и страну от расходов на переброску дальнепривозного энергетического топлива. По подсчетам т. Чеманского (см. «Транспорт и хозяйство» № 10 — 11 за 1929 г., с. 126), капитальные вложения в буроугольную промышленность и в газофикацию бурых углей для освобождения Москвы и Ленинграда в течение ближайших 5 лет не менее, чем от 70% дальнепривозного донецкого топлива, потребовали бы всего 142 млн. руб., т. е. ничтожной цифры по сравнению с теми необходимыми железнодорожными вложениями, которые т. Чеманский для одного только направления Донбасс — Ленинград (сверхмагистраль!) подсчитывает в 1 120 млн. руб. (там же, с. 125). При этом эксплуатационные расходы на транспорт одного и того же количества тепловой энергии при газе вдвое ниже, чем при донугле, а шпрометрический эффект газа достигает 80 — 85%, в то время как при угле он колеблется от 30 до 60%.

В связи с этим безусловно необходимо поднять вопрос о решительном пересмотре энергетической политики ЦПО и СЗО, а также других

³ В основу расчета положены данные об издержках перевозки в 1926/27 году и 1932/33 году, принятые при тарифном пересмотре.

районов, так как, новидимому, в этой политике имеются серьезные народнохозяйственные ошибки, выражающиеся в игнорировании проблемы местных видов топлива и в неуклонном росте дальнепривозного топлива. Так доля дальнепривозного топлива поднимается по пятилетнему плану для СЗО с 67,6 до 69,9%, по ЦПО — с 50,1 до 53,3%, по ЦЧО — с 82,5 до 86,4%, по Уралу — с 24,3 до 27,5% («Проблемы энергетики», т. I, с. 390—393).

Основной причиной роста дальнепривозного топлива в эти районы является наличие исключительных тарифов на его перевозку. Это обстоятельство энергично отрицается заинтересованными хозяйственными органами и Госпланом, и тем не менее именно оно служит основанием для чрезвычайно поверхностного и пассивного отношения к проблеме использования местных источников топлива. В III т. «Пятилетнего плана народнохозяйственного развития СССР» мы находим следующее любопытное признание:

«Уже в настоящее время при существующих тарифах и при расстоянии в 4 000 км сферы распространения наших основных угольных месторождений (Донбасса и Кузбасса) не только смыкались, но и накладывались друг на друга. Причиной столь высокой „транспортальности“ такого малоценного груза, как уголь, является высокое энергетическое и металлургическое качество донецкого и особенно кузнецкого угля. Высокое качество кузнецкого угля, например, характеризуется хотя бы одним показателем: при существующем тарифе, близком к величине расходов, зависящих от движения, и существующей себестоимости производства кузнецкий уголь на Урале как металлургическое топливо обходится дешевле, чем местные (кизловские) коксующиеся угли Урала. Этой небольшой иллюстрацией с точки зрения издержек транспорта и производства оправдывается на первый взгляд нерациональная перевозка угля на далекие расстояния» (с. XXVII).

Это, конечно, совершенно неверно. Тариф на перевозку кузнецкого кокса на Урал отнюдь не близок к расходам, зависящим от движения, а более, чем в 2 раза ниже их (0,38 коп. с тонно-километра против 0,8 коп. расходов, зависящих от движения в среднем по дорогам, перевозящим этот уголь). Только благодаря этим исключительно низким тарифам может казаться (только казаться!) рентабельной переброска донецкого и кузнецкого топлива на гигантские расстояния до 4 000 км и более.

По подсчетам т. Живописцева донецкий и кузнецкий уголь у топок паровых котлов в Ленинградском и Московском районах обходятся предприятиям, считая на условное топливо, дешевле всех местных видов топлива и благодаря этому решительно вытесняют последние (см. «Транспорт и хозяйство», 1928 г., № 10, с. 727).

При таких условиях нет ничего удивительного в том, что дальнепривозное топливо затрачивается по словам проф. Рамзина на 50% для отопления зданий не промышленного типа («Торгово-промышленная газета» 10 апреля 1929 г.). На языке наших топливников это называется потреблением донугля для «технологических» целей.

Итак, анализ намечающегося пятилетнего плана перевозок показывает исключительный рост перевозок весотеряющего топлива, — рост, нерациональный с народнохозяйственной точки зрения, реакционный с точки зрения современных достижений энергетической техники, убыточный с точки зрения транспорта. Необходимо со всей силой поставить перед общественным мнением СССР важнейший вопрос о сокращении перевозок дальнего топлива, о решительном изменении действующей тариф-

пой системы, приносящей стране огромные убытки, о радикальном переносе центра тяжести топливной промышленности на развитие местных видов топлива, о немедленном приступе к сооружению в ЦПО и СЗО и в других районах сети газопроводов и электропроводов с таким расчетом и в таком размере, чтобы совершенно освободить железные дороги к началу следующего пятилетия от перевозок энергетического топлива.

Величайшую трудность представляет собою в отношении перевозок нефть. При громадном (более, чем в 2 раза) увеличении программы добычи нефти против утвержденного плана до сих пор еще неизвестна разбивка этой новой производственной программы между райопамп. А между тем от характера этой разбивки существенным образом зависит направление грузовых потоков и, следовательно, методы овладения имп. С другой стороны совершенно неясными представляются технические перспективы переработки нефти. При крекировании всей грозненской нефти (а такое предположение существует) совершенно прекратится отпуск мазута нашим южным и юго-восточным районам и наветречу бензиновым и керосиновым цистернам должны будут направиться полувагоны с донецким углем в качестве топлива для Север-Кавказского края. Проптекающий отсюда двойной порожняковый пробег ляжет тяжелым бременем на себестоимость перевозки и быть может заставит еще раз пересмотреть программу крекирования. С другой стороны крекирование подавляющей части нефтяной добычи бесспорно усилит перевозку нефтяных продуктов в цистернах, как это и имеет место в Соед. Штатах. Тем не менее громадные размеры нефтяных перевозок, запроектированных по железным дорогам на конец пятилетия, отнюдь не могут быть сведены к одному только транспорту очищенной нефти и ее продуктов. Громадной долей сюда входит перевозка сырой нефти и керосина в цистернах. Вот эта часть нефтяных перевозок представляется еще более неэкономичной, нежели перевозки каменного угля. Нефтяная или керосиновая цистерна обладает почти абсолютной неспособностью к загрузке в обратном направлении, вследствие чего издержки перевозки по нефти даже в 1932/33 г. останутся на уровне 1,69 коп. с тонно-километра при тарифной ставке в среднем по всем нефтяным грузам в 1,47 коп. с тонно-километра.

Мировая транспортная техника в значительной степени уже покончила с дедовским способом перевозки сырой нефти и керосина на дальние расстояния в цистернах. Во всех странах и прежде всего в Соед. Штатах для этой цели служит сеть нефтепроводов, дающих наиболее экономную транспортировку нефти сплошным непрерывным потоком. У СССР нет никаких, кроме известного консерватизма мысли, оснований медлить с этим делом. Увеличение железнодорожных перевозок нефти с 6 млрд. тонно-километров в 1927/28 г. до 2,9 млрд. тонно-километров в 1932/33 г. потребует около 500 млн. капитальных вложений в железнодорожную сеть. Если даже только $\frac{2}{3}$ этой суммы будут затрачены на капитальные вложения, связанные с перевозкой сырой нефти и керосина, то и тогда сооружение нефтепроводов выступит перед нами как рентабельнейшее народнохозяйственное предприятие. Сооружение нефтепроводов для перекачки 15 млн. т в год на среднее расстояние 715 км, считая 50 тыс. руб. за 1 км, обойдется стране не более, чем в 360 млн. руб., сократив к тому же ежегодные расходы на транспортировку этой массы нефти более, чем на 100 млн. руб. в год.

Совершенно своевременно поставить поэтому на очередь вопрос о сокращении перевозок сырой нефти и керосина цистернным способом о немедленном приступе к сооружению такой сети нефтепроводов и керо-

синопроводов и такого развития нефтяного баржестроения, которые освободило бы железные дороги к началу следующего пятилетия от перевозок сырой нефти, а также керосина на дальние расстояния и в основных направлениях.

На примере двух основных весотеряющих грузов видно, какую огромную непроизводительную затрату труда и материальных средств несет народное хозяйство вследствие недостаточного и неправильного учета транспортной слагающей при определении народнохозяйственных перспектив. Выступая в виде исключительных тарифов, затраты труда и материальных средств на транспортировку грузов представляются планирующим органам в искаженном до крайности виде, вследствие чего теряется всякое представление о рациональном размещении промышленности. Поразительную иллюстрацию в этом отношении представляет проектировка Гипромезом заводов Югосталп. Исходя из существующих исключительных тарифов, Гипромез сосредоточил главную массу металлургической продукции первого и главным образом второго пятилетия на заводах североднепровской группы, транспортная слагающая которых при проверке оказалась в $1\frac{1}{2}$ раза более высокой, чем транспортная слагающая криворожской группы.

Равным образом совершенно неправильными оказались проектировки по Керченскому заводу, транспортная слагающая по которому оказалась почти в 2 раза выше, чем для забытой северо-азовской группы. В грубом, приблизительном итоге проектировка Гипромезом районного расположения металлургических предприятий по Украине обошлась бы стране в несколько (5—6) миллионов рублей лишних ежегодных расходов, не считая значительных капитальных вложений в дополнительный подвижной состав. Между тем Гипромез — это лучшее из промышленных учреждений, планирующих новые предприятия. По этому примеру можно без труда составить себе представление о том, как учитывается транспортная слагающая в других, менее квалифицированных учреждениях.

Таков тот громадный ущерб, который может быть причинен народному хозяйству нерациональным расположением развиваемых и вновь создаваемых за пятилетие промышленных предприятий. Принимая во внимание выявленную на примере Гипромеза крайнюю небрежность проектировок новых предприятий в этом отношении, необходимо решительно поставить перед общественным мнением вопрос о коренном пересмотре существующего положения, о категорическом запрещении пользоваться действующей (уже осужденной правительством) тарифной системой при выборе расположения новых предприятий, об обязательном и точном исчислении издержек транспорта при определении транспортной слагающей в конечных издержках продукта в месте потребления. Не подлежит сомнению, что простая внимательность и добросовестность в этом вопросе позволят народному хозяйству сэкономить сотни миллионов рублей капитальных вложений в транспортные средства и десятки миллионов рублей ежегодных расходов на транспорт.

Недостаточное внимание планирующих органов к вопросам транспорта сказывается с исключительной силой в вопросе о грузовых потоках.

Мы видели выше, что грузовые потоки в определенных направлениях за пределами пятилетки исчисляются ныне методом экстраполяции, исходя примерно из 18% прироста в год. Однако исчисление грузовых потоков производится не для забавы, а для немедленного приступа к капитальным работам по переустройству узлов и путей. При таких

условиях метод экстраполяции означает, как мы уже указали, не что иное, как предположение о расширенном воспроизведении в перспективе генплана существующих грузовых потоков, в основе своей сложившихся еще в царско-помещичьей России. Между тем совершенно очевидно, что социалистическому обществу будут свойственны совсем другие грузовые потоки и складывающиеся не под влиянием буржуазной системы платежей способных тарифов, а под влиянием принципа наименьших трудовых затрат пролетарского государства на производство и транспорт продуктов. Между тем существующая проектировка новых капитальных вложений в основном оставляет почти без всякого изменения соотношения между районами, воспроизводя тем самым механически и существующие грузовые потоки. Крайне яркий итог районирования в этом пятилетии подводит работа ВСНХ «Проблемы энергетик». Авторы пишут (т. I, с. 390): «Как видно из приведенных данных, в перспективе рассматриваемого пятилетия не намечается какой-либо резкой перегруппировки в районах потребления топлива, что в общем соответствует промышленной географии страны, в которой в пределах пятилетия равным образом не приходится ожидать существенных сдвигов». Итак в пределах пятилетия «не приходится ожидать» никакого существенного изменения того пространственного расположения производительных сил, которое было характерно для буржуазно-помещичьего строя царской России. Ну, а за пределами пятилетия? Нам отвечают в настоящее время на этот вопрос так: За пределами пятилетия пользуйтесь методом экстраполяции, т. е. предполагайте, что и там никаких существенных изменений не будет по сравнению с теперешним.

Нельзя не признать эту точку зрения ошибочной. Существующее соотношение между отдельными районами целиком опирается на действующую тарифную систему, создающую плюзию дешевизны нового производства в старых промышленных районах. Между тем, если подсчитать всю сумму капитальных вложений в старых районах, необходимых для организации там новых производств, после того как исчерпаны старые аггломерационные возможности (а они в старых районах уже исчерпаны), то окажется, что сумма производственных, коммунальных, транспортных и культурных расходов в старых районах окажется никак не меньшей, чем в новых районах, и что стало быть основное преимущество старых районов перед новыми, заключающееся в возможности использования недоиспользованного основного капитала и рабочей силы действующих предприятий, жилищ, коммунальных и транспортных сооружений, культурных учреждений и т. д. и т. п., отпадает с полным завершением восстановительного периода. Добыть новый миллион тонн угля сейчас в Донбассе ни в какой степени не легче, чем в Кизеле или под Москвой. Везде приходится рассчитывать целиком на новых рабочих, на новых инженеров, на новые шахты, новые жилища, новый транспорт и т. д. и т. п., ибо старые средства и люди уже загружены до отказа. Таким образом с переходом к действительному строительству социалистического общества сила притяжения старых центров, характерная для капитализма, сильно ослабевает и тем самым отпадает главнейшее препятствие к более рациональному размещению производства по районам страны. Мы маскируем и затемняем это обстоятельство старой системой тарифов и благодаря этому несем дополнительные издержки, издержки косности и рутинности, приводящие к тому, что социалистические предприятия продолжают селиться там же, где когда-то селились предприятия капиталистов, вопнуясь своим капиталистическим законам расселения.

Необходимо поэтому решительно покончить в нашей политике районирования со старой тарифной системой и определять перспективы развития районов, исходя не из издержек производства плюс существующие и проектируемые тарифы, а исходя из издержек производства плюс издержки транспорта. Только при таких условиях мы сможем, наконец, отклониться от старых капиталистических стандартов и отыскать новые более рациональные, социалистические стандарты.

Независимо от этого приходится поставить вопрос о чрезвычайном запаздывании районных планов производства и распределения. Транспорт не может проектировать грузовых потоков, если нет указаний, откуда, куда, сколько, что и в какое время будет двигаться. К сожалению, ответы на эти вопросы отсутствуют пока что у планирующих органов. Ни на один из этих вопросов нет достаточных ответов и никакого ответа не существует на все эти вопросы вместе. Требовать при таких условиях от транспорта, чтобы он составлял карты грузовых потоков не только на 5 лет, но даже на 10 и на 15 лет вперед, это значит требовать, чтобы транспорт сделал своими силами работу всех без исключения хозяйственных и планирующих органов СССР. Грузовой поток есть суммой результат производственных, распределительных и потребительских программ социалистического общества. Поэтому отвечать за грузовой поток может лишь тот орган, который направляет его движение. Следовательно характер проектировки грузовых потоков должен быть коренным образом изменен. В основу грузовых потоков должны быть положены не гадательные предположения НКПС, не обязательные и не для одного органа, а точные пятилетние планы районного производства и распределения продуктов по СССР, составляемые соответствующими органами на основе принципа минимальных (при прочих равных условиях) издержек по производству, хранению и транспорту грузов и согласовываемые затем окончательно в Госплане СССР. Нужно совершенно отказаться от практики составления таких грузовых потоков, для которых нет еще пока что никаких оснований ни в производственных, ни в распределительных планах народного хозяйства (например, требование 15-летней перспективы для перестройки узлов при отсутствии даже приблизительных наметок генерального плана).

Теснейшим образом связан с перспективным планом перевозок вопрос о сезонности перевозок. Сезонные колебания перевозок обходятся транспорту и народному хозяйству в чудовищную сумму денег как в части капитальных вложений, так и в части ежегодных расходов. Между тем в природе советского планового общества, где почти единственным хозяином грузов является пролетарское государство в лице своих различных органов, имеется все необходимое и достаточное для того, чтобы правильным планированием грузооборота и рациональной организацией складского дела положить конец спазматичности грузооборота по месяцам и таким образом освободить громадные массы средств, задолженных на этой сезонности. Однако и эта проблема упирается целиком в необходимость вмешательства плановых органов в эту сторону дела.

Из всего сказанного выше следует, что проблема рационального плана перевозок, требующего наименьшей затраты труда и материальных сил на транспортную деятельность, не может быть разрешена силами одного только транспорта, ибо она упирается в вопрос о плановой организации всего народного хозяйства в целом. В отличие от капитализма плановому обществу свойственно не увеличение, а относительное уменьшение затрат на транспортную деятельность, как и вообще на всю ту сферу, которая

носит при капитализме название сферы обращения. Благодаря рациональному размещению производительных сил и плановой организации движения грузов социалистическое общество может и должно значительно сократить относительные издержки обращения и тем увеличить количество сил и средств, направляемых непосредственно в сферу производства. Именно развитие этой последней и определяет темпы нашего движения к социализму. Поэтому вполне последовательным представляется требование образования внутри Госплана мощного и авторитетного сектора обращения, который поставил бы, наконец, перед собой задачу рационализации общественных трудовых затрат на передвижение продуктов с места производства к месту потребления.

О НЕПРЕРЫВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Мы имеем ряд огромных преимуществ перед капиталистическими странами, но лишь постепенно начинаем распознавать их и ими пользоваться. Мы часто долгое время проходим мимо самых простых вещей, нормальных для капиталистического строя, но совершенно ненормальных для нас, не замечая этой ненормальности и не решаясь сразу эту ненормальность устранишь и, таким образом, получить возможность использовать одно из тех многочисленных преимуществ, какими мы имеем перед капиталистическими странами.

К числу таких преимуществ, мимо которых мы долго проходили без внимания и которыми долгое время не пользовались, относится и переход на непрерывную неделю, использование которого, несомненно, может нам дать громадные результаты.

Переход на непрерывную производственную неделю является одним из ряда мероприятий, последовательным осуществлением которых мы все ближе и ближе подходим к введению у нас действительно непрерывного производства. Первым шагом к введению непрерывного производства явилось введение в наших предприятиях многосменной — двух-трех-сменной — работы. Мимо этого нашего преимущества мы тоже долгое время проходили без внимания, не замечая возможности широкого его использования, и первые пятилетки ВСНХ и Госплана совершенно не учли этого обстоятельства: на все пятилетие они предположили работу предприятий примерно в таком же количестве смен, какое они работали в то время. В конце 1927 г., при составлении ВСНХ первых контрольных цифр пятилетнего плана, был поставлен вопрос о необходимости увеличения смен в наших предприятиях и, в частности, о введении трехсменной работы в связи с постепенным переходом промышленности на 7-часовой рабочий день. Большинство наших специалистов утверждало, что непрерывная работа предприятий в течение 24 часов в сутки является вещь невозможной во всех отраслях, за исключением тех, в которых непрерывное производство уже существовало (выплавка чугуна в домах, некоторые химические процессы и т. п.). Вопрос о переходе на 7-часовой рабочий день отчасти и был выдвинут в связи с тем, что при 7-часовом рабочем дне предприятия могут быть переведены на три смены (остается трехчасовой перерыв для уборки и чистки машин и помещений) и, таким образом, могут при том же оборудовании дать значительное увеличение продукции. Значение этого мероприятия далеко еще недостаточно выявлено. Однако уже развертывание производства при сравнительно небольшом увеличении капитальных затрат в промышленности. Это был первый резкий сдвиг в сторону приближения к непрерывному производству, в сторону значительно лучшего использования нашего основного капитала.

Следующим шагом в этом же направлении явился ряд мероприятий по постепенному превращению наших сезонных отраслей в отрасли постоянные. Так, маслобойная промышленность по мере роста посевных площадей и увеличения урожайности масличных культур стала постепенно переходить от сезонной работы к работе в течение почти круглого года. Кирпичное производство, также работавшее прежде в течение всего нескольких месяцев в году, стало постепенно удлинять продолжительность своего производства и в настоящее время подходит уже к работе в течение примерно 11 месяцев, т. е. тоже превращается в производство постоянное. Сахароварение, являющееся сезонным производством, вследствие невозможности сохранения на продолжительный срок скоропортящегося сырья — свеклы — с переходом на выработку сахара из сушеной свеклы также может быть превращено в производство постоянное. Строительство, которое всегда являлось производством сезонным, в настоящее время, в связи с необходимостью максимального ускорения процесса строительства, также постепенно удлиняет свой сезон и местами переходит в постоянное производство путем производства работы в зимнее время в тепляках. Нужно думать, что через некоторое время мы все строительство превратим в нормально работающее в течение круглого года постоянное производство.

Таким образом, постепенно удлиняя продолжительность времени работы сезонных отраслей, мы их превращаем в отрасли, постоянно работающие, и это мероприятие также приближает нас к переходу на непрерывное производство во всей промышленности.

Третьим мероприятием, которое было выдвинуто в половине 1928 г. и также должно было нас приблизить к переходу на непрерывное производство, является упничтожение летних остановок предприятий из-за ремонта и из-за летних отпусков рабочих. В половине 1928 г. ВСНХ СССР был издан по этому поводу специальный приказ, по которому сказано, что до сих пор в этом отношении сделано еще сравнительно мало, и в настоящее время, в связи с переходом на непрерывную неделю, вопрос этот поднят снова, и к осуществлению этого мероприятия принимаются уже более решительные меры.

Наконец, последним мероприятием, заключающим эту цепь мероприятий по переходу на непрерывное производство, является перевод промышленности на непрерывную рабочую неделю. Если в 1927 г. вопросу этому не было уделено должное внимание, то это в значительной мере объясняется тем, что в то время мы имели еще большие резервы неиспользованного оборудования, в частности, в смысле возможности увеличения числа смен, и поэтому в то время мероприятие это, действительно, не могло бы дать своего полного эффекта. В нашем распоряжении находилось еще много не менее эффективных мероприятий. Правда, и теперь еще мы имеем очень много неиспользованных резервов, в частности, в смысле возможности увеличения количества смен, упразднения летних остановок предприятия, и нужно отметить, что даже в пятилетнем плане возможность использования этих резервов учтена далеко не полностью. Но все же в настоящее время введение непрерывного производства может уже нам дать такие громадные результаты, что осуществление его является мерой безусловно своевременной, а может быть даже и несколько запоздалой.

Возможность перевода всей промышленности на непрерывное производство путем полного осуществления всех перечисленных мероприятий является нашим громадным преимуществом перед капиталистическими странами. Ни одна капиталистическая страна не может целиком перевести свою промышленность на непрерывное производство. Этому мешает неиз-

бежная для капиталистического строя диспропорция между производственной мощностью предприятия, емкостью внутреннего рынка и возможностями сбыта продукции на внешнем рынке. Этому мешает господствующая там конкуренция и монополистическое загнивание во многих отраслях, вследствие чего основной капитал предприятий в буржуазных странах является далеко незагруженным. Даже в такой передовой капиталистической стране, как САСШ, основной капитал даже в лучшие времена загружен не больше, чем на 70%. В других странах процент этой загрузки снижается иногда до 50.

Совершенно иное положение у нас. У нас не может быть кризиса перепроизводства. Все наше развитие мы базируем на возможно быстром поднятии уровня жизни рабочего и крестьянского населения. И этот процесс быстрого поднятия уровня жизни населения создает для нашей промышленности такой громадный рынок сбыта, что наша промышленность даже при нашем бурном, певиданном в мировой истории темпе роста производства не может полностью удовлетворить быстро растущий платежеспособный спрос трудящегося населения, как не успевает она удовлетворить и быстро растущий спрос на орудия производства со стороны не менее быстро развивающихся других отраслей народного хозяйства. Поэтому мы свободно можем позволить себе провести в жизнь это мероприятие, недоступное для капиталистических стран.

Но мы не только можем, мы и должны его осуществить в возможно более короткий срок, ибо введение непрерывного производства колоссально повышает производственную способность нашего оборудования, позволяя нам при том же самом оборудовании и при тех же капитальных затратах произвести неизмеримо больше продукции и ускорить темп нашего развития. А ускорение темпа, выигрыш во времени является для нас одной из важнейших задач нашего развития, является условием, которое позволит нам действительно в кратчайший исторический период догнать и перегнать передовые капиталистические страны и построить в нашей стране социализм. Именно поэтому к вопросу о введении непрерывного производства привлечено в настоящее время такое большое внимание всей страны и для осуществления его мобилизуются все силы нашей советской общенности, все силы партийных, профессиональных и общественных организаций.

Не останавливаясь на параллельно проводимых мероприятиях по увеличению сменности, уничтожению сезонности производства и летних остановок, остановлюсь на тех совершенно несомненных и громадных экономических преимуществах, с которыми связан для нас переход на непрерывную неделю.

Переход на непрерывную производственную неделю, прежде всего, дает нам возможность при том же оборудовании и при тех же капитальных затратах увеличить производство не менее, чем на 20%. Это значит, что путем проведения только одного этого мероприятия мы сможем превратить нашу пятилетку в четырехлетку, ибо наш пятилетний план предусматривает прирост продукции, примерно, на 20% ежегодно. Далее, введение непрерывной недели в производстве строительных материалов и самом строительстве позволит нам значительно ускорить процесс строительства, позволит нам значительно раньше построить и ввести в действие целый ряд новых заводов и, благодаря этому, позволит еще больше ускорить процесс развертывания нашей промышленности, а следовательно, и всего народного хозяйства. Введение непрерывной недели в машиностроении позволит нам ускорить производство машин и оборудования, необходимых

для промышленности, для сельского хозяйства, для транспорта, и тем самым создать условия для более быстрого развертывания всех отраслей народного хозяйства.

Введение непрерывной недели позволит нам ускорить процесс производства даже в непрерывно действующих производствах. Так, мы уже имеем целый ряд случаев, когда переход на непрерывную неделю давал в результате, благодаря регулярному ходу всего производственного процесса, увеличение продукции непрерывно действующих агрегатов на довольно значительную величину. Так, на одном из кирпичных заводов обжиг кирпича на тех же непрерывно действующих печах увеличился на 8%. В ряде случаев мы имеем увеличение числа плавок мартеновских печей при переходе всех подсобных цехов на непрерывную неделю т. д. Таким образом, даже в непрерывно действующих производствах непрерывная неделя позволит добиться от тех же самых агрегатов большей производительности без всяких затрат на их реконструкцию. Несомненно, что в производствах не непрерывных по характеру технологического процесса перевод на непрерывную неделю отдельных цехов, являющихся узкими местами, даст для производства всего предприятия еще больший производственный эффект.

Переход на непрерывное производство несомненно позволит увеличить производительность труда. Мы имеем в большинстве предприятий почти всех отраслей промышленности значительные выявленные и скрытые излишки рабочей силы, благодаря неправильному процессу организации производства. Резкое увеличение производства, благодаря переходу на непрерывную неделю, позволит рационализировать процесс производства, не прибегая к увольнению рабочих, и позволит при том же количестве рабочих путем пжнття в первую очередь излишков рабочей силы значительно увеличить производство, что существенно повысит выработку на одного рабочего.

Несомненно также, что правильная, бесперебойная работа предприятий даст возможность лучше использовать и оборудование, и рабочую силу, и топливо, и энергию и создаст в производстве экономию в целом ряде направлений, которые в настоящее время трудно сколько-нибудь исчерпывающе предусмотреть. В частности, возможность при переходе на непрерывную неделю концентрировать производство на лучшей части оборудования или на лучших предприятиях также даст значительный экономический эффект и позволит нам снизить себестоимость.

Несомненно, что в результате перевода промышленности на непрерывное производство мы сможем при тех же капитальных затратах и при той же реконструкции производства, которые намечены в пятилетнем плане, добиться значительно большего снижения себестоимости,—не на 53%, как это предположено пятилетним планом, а вероятно, процентов на 38—40.

Несомненно, что от перехода на непрерывную неделю много выиграет и рабочий, а вследствие этого и само производство. Прежде всего, значительное увеличение производства позволит нам вовлечь в промышленность большее количество рабочих, несмотря на больший рост производительности труда. Повышение производительности труда, несомненно, поведет к большому повышению зарплаты, а большее снижение себестоимости даст значительную экономию от введения непрерывной недели и позволит нам часть этой экономии направить на усиление жилищного строительства, на повышение культурного уровня рабочих и т. д.

Улучшение материальных условий жизни рабочих и более быстрое повышение культурного уровня, несомненно, в свою очередь благоприятно скажутся на более быстром повышении производительности труда и создадут еще один несомненный выигрыш для промышленности. На громадном значении введения непрерывной недели для повышения культурного уровня рабочих я останавлиюсь несколько дальше.

Все эти преимущества перехода на непрерывную неделю настолько несомненны и очевидны, что, казалось бы, осуществление этого мероприятия не должно встретить никаких возражений ни с чьей стороны. Несмотря на это, вопрос о переходе на непрерывную производственную неделю вызвал большую дискуссию и даже сделался предметом политической борьбы. Как и всякое мероприятие, имеющее большое значение для ускорения процесса индустриализации страны, вопрос о переходе на непрерывное производство вызвал с стороны наших явных и скрытых врагов ожесточеннейшее сопротивление. Многие из специалистов выступили с рядом возражений и указаний на то, что переход на непрерывное производство встретит на своем пути непреодолимые трудности и что в настоящее время мы это мероприятие осуществить не можем. Эти соображения были подхвачены некоторыми хозяйственниками и правоуклонистским оппортунистическим крылом партии и были сформулированы в ряде тезисов, весьма сильно смахивающих на определенную «платформу» правой оппозиции в этом вопросе. Мало того, некоторыми ответственными товарищами из Наркомтруда были приняты меры к мобилизации вокруг этой «платформы» наиболее отсталых хозяйственников и профессионалистов.

Какие же возражения были выдвинуты в этой «платформе»?

Первое возражение — это то, что наше изношенное оборудование не позволит вести работу без еженедельного останова предприятий на ремонт. Это возражение внешне обставлено наиболее научно и, казалось бы, меньше всего пахнет «политикой». Однако совершенно несомненно, что именно неправильная политическая установка послужила причиной тому, что оппортунисты выставили такое соображение в качестве возражения против возможности введения непрерывного производства, как в свое время недостаток строительных материалов выдвигался ими в качестве аргумента в защиту невозможности быстрого процесса индустриализации страны. Сравнительно непродолжительная проверка этого возражения на ряде предприятий, которые указывали на невозможность обойтись без еженедельных остановок на ремонт, показала, что возражение это неправильно, необоснованно. Почти во всех без исключения предприятиях, в которых это возражение выдвигалось, оказалось возможным наладить производственный процесс и ремонт оборудования таким образом, чтобы предприятия или совершенно не останавливались на ремонт, или временно останавливались на один, максимум два дня в месяц, пока не будут приняты некоторые меры по дооборудованию предприятия, связанному со сравнительно ничтожными капитальными затратами, которые могут быть произведены в относительно очень короткий срок. В печати уже приводился ряд примеров такой проверки (в частности, завод «Треугольник», стекольные заводы, спичечные фабрики и др.), и поэтому на этих примерах можно здесь не останавливаться. Практическая проверка доказала, что этот аргумент правых оппортунистов является аргументом в значительной мере надуманным.

Другое возражение, выдвинутое ими, — это недостаток рабочей силы, в особенности квалифицированной. Этот аргумент тоже является совершенно явно надуманным и притянутым за волосы. При быстром росте

производства, независимо от того, результатом чего он является, требуется некоторое увеличение количества рабочих, в том числе квалифицированных. И в частности, когда на текущий год первоначальные директивы предполагали рост производства на 24%, предусматривалось и соответствующее увеличение рабочих, но сравнительно на небольшую величину — всего на 3,7%. Естественно, что перевод на непрерывную неделю дает нам возможность еще больше развернуть производство, а в связи с этим нужно вовлечь и дополнительное количество рабочих, но опять-таки сравнительно очень небольшое. Указание на то, что в связи с введением непрерывного производства нам придется увеличить число рабочих, примерно, на 20%, является, конечно, совершенно необоснованным и противоречит нашей политике, требующей возможно более быстрого повышения производительности труда. Поэтому естественно, что затруднения с рабочей силой при проведении непрерывного производства являются затруднениями обычного текущего порядка и могут быть преодолены целым рядом мероприятий, проводимых нами в этом отношении систематически из года в год. Никаких непреодолимых затруднений здесь, конечно, нет и быть не может.

Еще одно очень важное и на первый взгляд достаточно обоснованное возражение правых оппортунистов сводилось к тому, что у нас нехватит сырья для перевода ряда отраслей на непрерывное производство. Что у нас сырья нехватает, это, конечно, факт общезвестный. Но меньше всего этот факт может служить аргументом против перевода промышленности на непрерывное производство. Именно перевод промышленности на непрерывную производственную неделю даст возможность соответственно перераспределить капитальные затраты и увеличить вложения в сырьевую базу промышленности, т. е. создаст более благоприятные условия в отношении снабжения промышленности сырьем. С другой стороны, целый ряд экономических, культурных и политических преимуществ, на которые было указано выше, остается в силе и в том случае, если мы в связи с переходом на непрерывное производство не увеличим количества сырья, перерабатываемого тем или иным предприятием, и соответственно не расширим его производства. Концентрация производства на лучшем оборудовании, повышение производительности труда вследствие более правильной организации производственного процесса, большая экономия в топливе и т. д. — все это дает основание утверждать, что даже в тех случаях, когда мы не можем расширить производства на каком-нибудь предприятии из-за недостатка сырья, имеет смысл перевести его на непрерывную неделю, сконцентрировав производство на меньшем количестве оборудования или на меньшем количестве предприятий при том же количестве перерабатываемого сырья, при тех же размерах производства и при том же количестве рабочих. Уменьшится лишь количество работающих агрегатов (станки и т. п.), будет создан известный резерв оборудования, который в наших условиях может являться только плюсом, а не минусом.

Наконец, еще одно весьма серьезное возражение было выявлено в этой «платформе». В ней указывалось, что московскую промышленность невозможно перевести на непрерывную неделю, так как МОГЭС ни при каких условиях не может снабдить московскую промышленность необходимым добавочным количеством электроэнергии. Это заявили и специалисты МОГЭСа, и за этот же аргумент ухватились правые оппортунисты. Сравнительно недолгая проверка этого обстоятельства и здесь натолкнула на ряд мероприятий, осуществление которых вначале представлялось совершенно невозможным. Без каких-либо существенных добавочных капитальных

затрат, без расширения существующих электростанций оказалось возможным снабдить все предприятия московской промышленности необходимым количеством электроэнергии даже в том случае, если бы все опущ перешли в один год на непрерывное производство.

Мероприятия эти настолько просты, что кажется даже странным, как они могли ускользнуть раньше из поля зрения. Сводятся эти мероприятия к следующему:

Прежде всего, сокращение перерывов при ремонтах во многих случаях вдвое. Затем, остановка на ремонт не всех станций, входящих в сеть сразу, а по очереди, и, наконец, некоторое изменение в режиме работы московских предприятий. Так, предприятия, работающие в одну смену, раз или два раза в неделю должны были бы начать работу на час раньше и на час раньше кончать ее с тем, чтобы не войти в часы максимальной нагрузки электростанции. Предприятия, работающие в две смены, тоже раз или два раза в неделю должны были бы работать в первую и третью смены и таким образом тоже избежать этого «максимума». Наконец, предприятия, работающие в три смены, должны были бы раз или два в неделю перенести время перерыва между сменами с промежутка от 1 час. до 4 час. ночи на период от 3 до 6 час. утра. Так просто был разрешен этот казавшийся технически весьма сложным вопрос, который послужил одним из основных аргументов против возможности введения непрерывного производства.

Наконец, правые оппортунисты указывали, что переход на непрерывное производство связан с большой ломкой быта, связан с ломкой религиозных предрассудков и что наша отсталая, некультурная рабочая масса на это мероприятие не пойдет. Нужно сказать, что это возражение не было подкреплено никакими примерами, ибо отношение рабочей массы к этому мероприятию правые оппортунисты на практике не проверяли. В действительности оказалось, что возражение это является таким же надуманным, как и все остальные. Уже первые шаги в направлении проведения непрерывной недели доказали, что рабочая масса встречает это мероприятие сочувственно, нередко даже с энтузиазмом, и в дальнейшей практике мы действительно не имеем со стороны рабочих масс сколько-нибудь серьезного противодействия этому мероприятию. Наоборот, во многих местах рабочие массы брались за проведение непрерывной недели с большим энтузиазмом, с большой энергией и настойчивостью и, таким образом, в действительности оказалось, что отсталой является не наша рабочая масса, очень живо откликающаяся на все, что может содействовать ускорению процесса индустриализации страны, а отсталыми оказались оторванные от жизни и потерявшие чутье действительности правые оппортунисты.

В общем, если присмотреться ко всем этим возражениям правых оппортунистов, становится совершенно ясным, что ничего специфического именно для перехода на непрерывное производство они в себе не заключают. Эти возражения являются обычными аргументами, которые выставляют правые оппортунисты вообще против возможности быстрого процесса индустриализации нашей страны.

Все ставки оппортунистов оказались битыми. Аргументация их, посвящая якобы строго научный и объективный характер, быстро обнаружилась своей политической подоплекой. Идеологическое сопротивление правых оппортунистов сломлено. Но то упорное классовое сопротивление, которое встречает на своем пути переход на непрерывное производство, продолжает действовать и по настоящее время. И потребуются еще очень много усилий и настойчивости для того, чтобы это сопротивление сломить,

для того, чтобы быстро осуществить переход промышленности на непрерывную производственную неделю.

В конце августа текущего года Совнаркомом было принято постановление о переходе на непрерывное производство предприятий и учреждений СССР. А в конце сентября было опубликовано постановление Совнаркома СССР о рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю.

Постановление Совнаркома СССР от 25 сентября 1929 г. разрешило один из основных вопросов введения непрерывной недели, а именно вопрос о продолжительности рабочей недели. Вопрос о продолжительности рабочей недели довольно долго подвергался усилённому обсуждению. Обсуждению подвергались, главным образом, следующие варианты непрерывной недели: вариант семидневной недели (шесть дней работы, один день отдыха); вариант шестидневной недели (пять дней работы, один день отдыха), вариант пятидневной недели (четыре дня работы, один день отдыха), вариант трёхдневной недели (два дня работы, один день отдыха), выдвинутый т. Шауэр в качестве варианта в высшей степени целесообразного, который следует установить на некоторых опытных предприятиях, но который пока еще не может быть проведен в широком масштабе. Помимо этих вариантов выдвигался особый вариант семидневной недели при 5 днях работы и 2 днях отдыха. Выдвигались и некоторые другие варианты, которые, однако, не нашли сколько-нибудь большого количества сторонников.

В результате тщательного обсуждения было признано, что введение пятидневной недели для всех предприятий нашего Союза является наиболее целесообразным, с допущением лишь временных исключений для определенных категорий предприятий и учреждений. Эту точку зрения и принял Совнарком, который постановил, что «во всех предприятиях, переходящих на непрерывную производственную неделю, за исключением строительства и предприятий с сезонным характером работы, вводится пятидневная рабочая неделя (4 дня работы и один день отдыха). В зависимости от известных условий работы отдельных предприятий в них может в виде исключения устанавливаться иная рабочая неделя с разрешения соответствующих органов, которым эти предприятия подведомственны. Для строительства и предприятий с сезонным характером работы продолжительность рабочей недели особо устанавливается правительственной комиссией при СТО по переводу предприятий и учреждений на непрерывную неделю».

Большой дискуссии был подвергнут вопрос о продолжительности рабочей недели для учреждений с шестичасовым рабочим днем. При переходе на шестидневную неделю число рабочих часов для всех служащих остается почти без всякого изменения. Этот аргумент и выдвигался в пользу установления для служащего шестидневной недели. При переходе на пятидневную неделю число рабочих часов служащего в год значительно бы сократилось. Однако удобства единообразного порядка работы предприятий и учреждений, возможность в связи с этим введения единого календаря, который несомненно значительно упростил бы всю организацию производственной жизни страны и налаживания правильного учета и контроля, — заставил сначала ВЦСПС, а затем и ВСНХ и НКТруд прийти к заключению о том, что и для служащих целесообразнее всего установить пятидневную рабочую неделю. Для того же, чтобы ежегодное число рабочих часов служащих не сократилось, было выдвинуто предложение о соответственном удлинении рабочего дня служащего. При этом указывали, что такое удлинение рабочего дня служащего на полчаса было бы совершенно

правильным в целях хотя бы некоторого приближения условий работы служащих в наших учреждениях к условиям, в которых работают служащие, занятые в фабрично-заводских предприятиях. Такое решение приняла и правительственная комиссия при СТО, и это решение было подтверждено Совнаркомом СССР.

Установление единообразного порядка работы и отдыха для всех предприятий и учреждений Союза ССР представляет громадное удобство в смысле возможности введения нового календаря. Существующий календарь по существу говоря, является в достаточной мере неудобным и для организации производственной работы, и для учета и контроля, и с другой стороны он не имеет под собой никаких других оснований, кроме оснований религиозного характера. Он является одной из тех ненормальностей, мимо которых мы долгое время проходили, не замечая их, и о которых я уже говорил выше. Реформа календаря, приспособление его к новому порядку производственной работы в наших предприятиях является очередной насущной задачей.

Переход на непрерывную неделю связан с такими громадными преимуществами, что он должен был бы быть осуществлен возможно более форсированным темпом. Однако он может быть осуществлен успешно лишь в том случае, если в этот переход будут внесены необходимая планомерность и достаточно основательная подготовка. Ряд отраслей, не связанных в своем развитии лимитом сырья, должен совершить этот переход в наиболее короткий срок. К таким отраслям относятся отрасли добывающей промышленности, как каменноугольная, железорудная, торфяная и ряд других отраслей строительной промышленности, как цементная, кирпичная, лесозаготовки, а в связи с разворачиванием лесозаготовок — и лесопильное производство, некоторые отрасли машиностроения, как тракторостроение, сельмашстроение и другие, которые во что бы то ни стало должны быть обеспечены металлом и лесом и т. д. Другие отрасли, в которых сырье является дефицитным, должны переходить на непрерывное производство значительно более осторожно. По тому для первых отраслей правительственной комиссией установлен порядок перехода предприятий на непрерывное производство с разрешения соответствующих управленческих органов. Для второй категории отраслей, до утверждения общего плана их перехода на непрерывную неделю, требуется специальное разрешение.

Выше я уже указал, что недостаток сырья далеко не всегда должен рассматриваться в качестве серьезного препятствия для перевода предприятий на непрерывную неделю. Поэтому в плане этих отраслей должен быть особенно тщательно проработан вопрос о тех выгодах, которые может представить перевод их предприятий на непрерывную неделю и при наличном количестве сырья, в связи с возможностью концентрации производства на меньшем количестве лучшего оборудования или на меньшем количестве более рентабельных предприятий. На этот вопрос должно быть обращено чрезвычайно серьезное внимание.

Перевод на непрерывное производство промышленных предприятий требует обязательного перевода на непрерывное производство также и всех обслуживающих их государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий. Поэтому правительственная комиссия вынесла постановление, опубликованное 25 сентября текущего года, о том, чтобы большинство этих учреждений и предприятий не позже 1 декабря 1929 года тоже перешло на непрерывную неделю.

Перевод на непрерывное производство обслуживающих учреждений должен, как общее правило, проводиться без увеличения штатов.

Исключительно большое значение имеет переход на непрерывную неделю для правильной постановки и значительного усиления культурно-просветительной работы. Ежедневный отдых одной пятой части рабочих позволит значительно увеличить нагрузку всех культурно-просветительных учреждений и предприятий и даст возможность провести через них в несколько раз большее число рабочих. Уже это является настолько резким сдвигом в деле культурной революции, который мы пока еще не можем достаточно правильно оценить. Все те культурно-просветительные учреждения, которые преимущественно работают по воскресеньям, смогут регулярно работать каждый день и получают возможность обслуживать значительно большее количество рабочих.

Громадное поле деятельности в связи с непрерывкой открывается для всякого рода добровольных обществ. Целый ряд примеров возможного развертывания работы этих обществ указывает т. Шаур в статье «Непрерывный культурный год», помещенной в «Правде» от 18/IX 1929 г.

Упразднение дней религиозных праздников — воскресенья и субботы, — введение (сначала фактическое, а впоследствии и формальное) нового календаря и расширение культурно-просветительной работы явятся сильнейшим орудием антирелигиозной пропаганды, внесут радикальные изменения в быт рабочих и явятся громадным шагом вперед в деле культурного перевоспитания масс. На эту сторону должно быть обращено исключительное большое внимание.

Мы очень много говорим о культурной революции, но фактически достаточно мало в этом направлении делаем и отдаем себе далеко недостаточный отчет в том громадном значении, которое задачи культурной революции приобретают в настоящее время. Для того, чтобы дать себе ясный отчет в этом, надо заглянуть немного в ближайшее будущее.

Контрольные цифры на 1929/30 год наметили в качестве обязательного задания увеличение производительности труда на 23,5%. Это такое задание, о возможности которого мы еще совсем недавно и думать не решались. Чем объясняется возможность осуществления такого задания? С одной стороны оно объясняется весьма несовершенной в настоящее время организацией процесса производства и труда, с другой — той большой технической реконструкцией, которую мы начали проводить в нашей промышленности. Процесс технической реконструкции, учтенный в нашем пятилетнем плане чрезвычайно слабо, будет совершаться, несомненно, с гораздо большей быстротой. Это явится результатом также и тех громадных капитальных вложений, которые мы вкладываем в промышленность в течение пятилетия. Уже в текущем 1929/30 г. мы вкладываем в промышленность 3 250 млн. руб., т. е. больше, чем намечалось на последний год пятилетки (3 160 млн. руб.). Вложение в текущем году такой громадной суммы, несомненно, обуславливает собой необходимые вложения в промышленность в следующем году не менее 4, а может быть и 4,5 млрд. руб., а это в свою очередь неизбежно вызовет увеличение вложений в два последние года пятилетия до 5—6 млрд. руб. в год. При таких размерах капитальных затрат мы вложим в промышленность за пятилетие около 20 млрд. руб. и увеличим действующий основной капитал промышленности больше, чем в три раза. Поскольку мы строим новые предприятия по последнему слову заграничной науки и техники, средний технический уровень нашего основного капитала к концу пятилетия будет поднят на неизмеримо большую высоту, чем это намечалось по пятилетнему плану. Значительно больше увеличится и энерговооруженность рабочего. Эти громадные капитальные вложения и связанная с ними коренная техническая реконструкция основного капита-

на п производственных процессов промышленности, несомненно, дадут нам возможность в следующие годы пятилетия ежегодно повышать производительность труда на величину, не только не меньшую той, которая намечена на текущий год, но, по всей вероятности, на еще большую величину. Это даст нам возможность увеличить производительность труда за пятилетие не меньше, чем в три раза. Со стороны технической и организационной такой рост производительности труда является вполне обеспеченным. Однако совершенно ясно, что такую высокую производительность труда сможет дать рабочий только в том случае, если материальные условия его жизни значительно улучшатся и если значительно и очень быстро повысится его культурный уровень. Поэтому задача быстрого поднятия материального и культурного уровня рабочего класса становится для нас уже в ближайшее время одной из важнейших задач. Затраты на эту область будут не менее производительными, чем затраты на машины, оборудование, расширение сырьевой базы и т. д.

Маловеры и правые оппортунисты выставляли и выставляют в качестве одного из возражений против возможности осуществления пятилетнего плана именно недостаточный культурный уровень нашего рабочего и невозможность в короткий срок поднять его на необходимую высоту. Именно поэтому они протестовали в свое время и против возможности намеченного пятилетним планом удвоения производительности труда за пять лет. Естественно, что перспектива утроения производительности труда за этот же период вызовет с их стороны еще больше нападки и возражения. Правильны ли эти возражения и можем ли мы действительно в короткий срок значительно поднять культурный уровень рабочего класса?

Маловеры и правые оппортунисты привыкли мыслить и оперировать категориями даже не сегодняшнего, а вчерашнего дня, и на будущее они считают возможным проектировать преимущественно те пути и способы, которые мы применяли в прошлом. Весьма естественно, что, идя по старым путям, пользуясь приемами прошлого, мы не смогли бы за несколько лет настолько поднять материальный и культурный уровень рабочего, чтобы он мог нам дать возможность втрое, а может быть даже еще больше, чем втрое, повысить производительность труда. Но ошибка правых оппортунистов именно в том и заключается, что они мыслят категориями вчерашнего дня и экономик и политику заменяют арифметикой (знаменитые «балансы»). Введение трехдневной недели (весьма интересное и ценное предложение т. Шауэра), а в некоторых случаях может быть даже такой пятидневной недели, при которой рабочий будет работать три дня и два дня будет иметь свободных, соединенное с обязательным обучением рабочих и соответственным психо-техническим подбором их на предприятии позволит нам в течение нескольких лет провести значительную часть рабочих через реднее техническое образование, а некоторую часть их и через высшее техническое образование. Превращение завода в высшее техническое учебное заведение, превращение рабочих в работников с средним техническим, а в дальнейшем и с высшим образованием внесет, несомненно, полную революцию в наше производство. Производительность труда такого рабочего будет настолько выше, что она в несколько раз перекроет то уменьшение количества годовых рабочих часов с которым связано введение такой сокращенной рабочей недели. Это же обстоятельство настолько убыстрит темп технической рационализации производства (ибо каждый завод превратится не только в вуз, но и в крупнейшую лабораторию), что экономический эффект от такого мероприятия в очень короткий срок покроет все те дополнительные затраты, которые связаны с его осуществлением. В таком заводе

наука подлинно будет соединена с производством. Все рабочие будут сознательными творцами в производстве, которые коллективными усилиями будут быстро двигать производство по пути дальнейших технических достижений. Мы не можем в настоящее время даже в ничтожной степени представить себе ту полную революцию, которую произведет это мероприятие, превращающее наши заводы в подлинно-социалистические предприятия, по уровню организации, техники и массовому коллективному творчеству рабочих стоящие неизмеримо выше любого предприятия передовых капиталистических стран. Это мероприятие целиком и полностью разрешит вопрос о кадрах и колоссально ускорит темп нашего развития. Этого не понимают правые оппортунисты, которые смотрят не вперед, а назад.

Жизнь вынуждает нас стать на этот путь и стать безотлагательно, так как иначе мы запоздаем и на этом участке, как запаздывали на многих других. Конечно, мероприятие это настолько ново, революционно и сложно, что сразу приступить к проведению его в большом масштабе невозможно. Нужно начать с опытов. Но уже в 1929/30 г. эти опыты должны быть проведены в достаточно широком масштабе и в ряде промышленных центров нашего Союза. Эти опыты, проведенные в текущем году, научат нас очень и очень многому. Их мы должны использовать для того, чтобы в следующем 1930/31 году приступить к проведению этого мероприятия уже в достаточно широком объеме. Только в этом случае мы не отстанем от жизни, только в этом случае мы сможем разрешить ту гигантскую проблему перевоспитания и переобучения рабочего класса, которая является одним из основных условий перевыполнения пятилетнего плана, увеличения продукции за пять лет не в три раза, а примерно в пять раз, осуществления вполне выполнимой задачи догнать и перегнать наиболее передовую капиталистическую страну — САСШ — примерно в десятилетний период и к концу второго пятилетия полностью перестроить все народное хозяйство СССР и все общественные отношения на социалистических началах.

Мы должны взять весьма серьезный и трудно преодолимый барьер на фронте культурной революции, который стоит на пути к осуществлению социализма. Непрерывное производство, сокращенная непрерывная неделя в соединении с соответственными культурно-просветительными мероприятиями позволят нам взять этот барьер и устранить одно из основных препятствий, стоящих на пути к построению социализма в СССР.

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ РОСТА ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР до 1928/29 года ¹

XVI партконференция утвердила основные показатели роста народного хозяйства Союза на предстоящее пятилетие. Союзный Съезд советов утвердил весь пятилетний план хозяйственного и культурного строительства, в котором отображена воля рабочего класса в кратчайший срок догнать, а затем и перегнать в технико-экономическом отношении наиболее передовые капиталистические страны. Но для того, чтобы понять, почему пятилетка намечает для той или другой группы отраслей промышленности тот или иной темп роста необходимо проследить динамику роста нашего хозяйства до начавшегося пятилетия. Несомненно, что предстоящие линии хозяйственного развития (несмотря на то, что они являются полным осуществлением сознательной планирующей воли пролетариата, направляющего все хозяйственное и культурное строительство по линии обобществления, изживания классов, социалистической реконструкции деревни и т. д.) в известной мере predeterminedены также наличным уровнем развития производительных сил страны, в основном созданным в дореволюционное время российской буржуазией в соответствии с развивавшимися тогда в России капиталистическими отношениями. Этот технический уровень промышленных предприятий, оставшихся в наследство победившему пролетариату, и количественное распределение их по отдельным отраслям в основном определили линии роста промышленности в «восстановительный период». «Восстановительный» период целиком закончился в 1927/28 г. Хотя в течение трехлетия — 1925/26 — 1927/28 гг. — происходило из года в год увеличивавшееся новое строительство, в особенности в части реконструкции и расширения уже существующих предприятий, все же можно сказать, что новое пятилетие мы начинаем в основном на восстановленной промышленной базе. Это особенно важно потому, что дореволюционная российская экономика, несмотря на относительно высоко развитую промышленность, сильно развитую сеть железных дорог, развитое речное и морское судоходство и даже несмотря на то, что российский капитализм начал приобретать основные империалистические черты, создавая для себя целую систему колоний и колониально подчиненных стран, — характеризовалась как аграрно-промышленная. Российская промышленность не только не удовлетворяла полностью свои собственные производственные потребности и производственные потребности крестьянского и помещичьего сельского хозяйства, но даже не удовлетворяла значительного количества потребностей массового личного потребления. Как сельское хозяйство, так и промышленность в отношении удовлетворения производственных

¹ Редакция считает некоторые положения автора спорным.

потребностей, в особенности в части «основного капитала»: машин, станков, инструментов, двигателей, сложных сельскохозяйственных машин, даже плугов и кос (из Австрии) и т. д. и т. п., были в основном включены в систему международного капитализма как подчиненные части, как рынок сбыта. Своей более или менее крупной промышленностью по производству средств производства, которая удовлетворяла бы основные потребности, в России не было. Поэтому знание основных линий развития восстановительного периода особо важно для понимания основных линий развития «реконструктивного периода». В настоящей статье нам хотелось бы в первую очередь остановиться на вопросе о том, что нового внесло решение XIV съезда ВКП(б), развитое апрельским (1926 г.) пленумом ЦК ВКП(б) по вопросу об индустриализации.

XIV съезд постановил «вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратил в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял собой самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически и способную, благодаря своему экономическому росту, служить могучим средством революционизирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний». «...Обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования» «...поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства по линии повышения земледельческой культуры, развития технических культур, повышения техники земледелия (тракторизация), индустриализации сельского хозяйства, упорядочения дела землеустройства и всесторонней поддержки разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства» (из резолюции, принятой XIV съездом ВКП(б) по докладу ЦК)¹.

XV съезд конкретизировал эту генеральную линию применительно к первому пятилетию ее осуществления. XVI партконференция дала ответственнее конкретные основные показатели осуществления генеральной линии. Съезд дал этим показателям законодательную силу, т. е. сделал их обязательными и руководящими во всей хозяйственно-культурной деятельности органов диктатуры и пролетарской общественности. Троцкисты пытались опорочить постановление XIV съезда тем, что приписывали идею индустриализации Троцкому, якобы бросившему ее впервые с трибуны XII съезда. Эта попытка делалась для того, чтобы опорочить содержание, которое вкладывалось всей партией в понятие индустриализации нашего хозяйства, и противопоставить ему троцкистское содержание такой индустриализации, которая превращала бы Страну Советов в органически составную часть высоко развитого капитализма мировых империалистических держав. По существу такое троцкистское понимание индустриализации является контрреволюционным. Об индустриализации, о развитии нашей промышленности и партия, а в особенности Владимир Ильич, говорили неоднократно и до Октябрьского переворота и после. Вообще говоря, идея индустриализации нашей страны принадлежит т. Ленину. Но почему партия после XIV съезда начала с особой силой делать

¹ «Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б)», с. 958 — 959.

ударение на индустриализацию? Ведь Ленин часто говорил об особом значении крупной промышленности для построения социализма. В том-то и дело, что до XIV съезда нелепо было бы игнорировать уже существующий производственный аппарат. Для того, чтобы строить новые предприятия, необходимы затраты больших средств, а их в стране не имелось. В первую очередь было необходимо поднять экономический уровень страны. В старый производственный аппарат требовалось вложить не большое количество средств, чтобы он заработал и тем дал в руки пролетариата мощную экономическую командную высоту, с помощью которой можно было бы начать перестройку на социалистический лад деревни. Восстановление же существующего, конечно, не создавало того структурного изменения, которое характеризует собой процесс индустриализации. Тем не менее, хотя происходил процесс восстановления, но он одновременно сопровождался некоторой технической и полной социальной реконструкцией. Таким образом мы видим, что претензии троцкистов выражали собой обычное троцкистское самонадеяние.

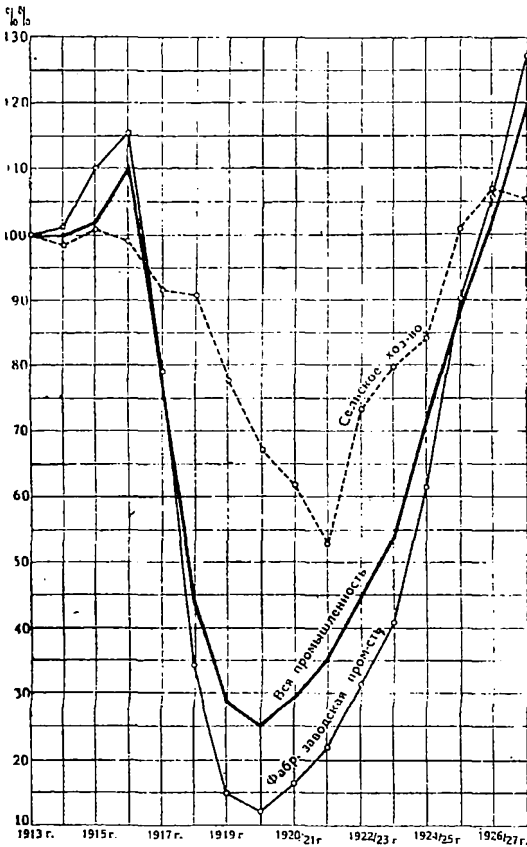
«Левому» «требованию» троцкистов корреспондирует полное непонимание правыми оппортунистами историчности нашей экономической политики; правые думают, что «восстановительная» линия должна продолжаться и в будущем; таким образом исторически predetermined необходимость в течение некоторого отрезка времени восстанавливать аграрно-промышленный характер нашей страны правые требуют продолжать и дальше. Линия же партии состоит в том, чтобы превратить Союз в независимую страну социализма с крепкой собственной индустриальной базой.

До XIV съезда рост нашего хозяйства шел в основном на базе старого производственного аппарата. После XIV съезда должен был начаться период нового грандиозного строительства. Партия должна была определить тип хозяйственного и промышленного роста. В противном случае инерция валичной структуры промышленности и давление растущего частного крепкого крестьянского и кулацкого хозяйств, а также растущий спрос населения и товарный голод — могли толкнуть на опасный для самостоятельности страны и строительства социализма путь развития. Если мы рассмотрим линии хозяйственного роста страны до XIV съезда и после него, то увидим, что решение съезда означало серьезный поворот в нашей практике и окончательное оформление генеральной линии партии.

Графически изображенная линия движения продукции всего промышленного производства (и фабрично-заводского в том числе) за период с 1913 г. до 1927/28 г. показывает картину упадка и затем резкого подъема промышленности.

Как видно из диаграммы (с. 18) продукция промышленности уже к 1927/28 году значительно превысила довоенный уровень; объясняется это несколькими причинами: 1) плановыми условиями, дающими возможность полностью нагружать производственную мощность предприятия; 2) рационализацией промышленного производства, уже осуществленной в значительной мере к 1927/28 г.; 3) значительными капитальными вложениями в уже существующие предприятия и 4) кое-где уже введенными в действие новыми предприятиями. Приведенный график изображает движение продукции по всей промышленности без расчленения на две части: на средства производства и средства потребления. Это расчленение можно было бы иллюстрировать лишь по отдельным отраслям, ни в коем случае не могущим претендовать на то, чтобы на основании их линии движения можно

было сделать заключение о характерной линии движения двух разделов общественного промышленного производства: производства средств производства и производства средств потребления. Достоверные данные имеются лишь начиная с 1925/26 г. и отчасти с 1924/25 г. Поэтому наши суждения будем делать на основании данных с периода 1924/25 года ¹.

Движение валовой продукции сельского хозяйства и промышленного производства СССР за 1913—1926,28 г. (в млрд. руб. по довоенным ценам).

Итак, в восстановительный период продукция промышленности бурно росла. Ежегодные темпы роста доходили до 45, 53 и 60%. В это же время сельскохозяйственное производство, двигаясь значительным темпом вперед, все же (в отношении темпа) отставало от промышленности. Наивысший темп роста сельского хозяйства был в 1922/23 г. 35,3% по отношению к продукции с. х-ва в 1921/22 г., но и то потому, что этот год следовал за голодным 1921/22 годом.

Означает ли такое соотношение темпов роста (уже не говоря о том, что продукция фабрично-заводской промышленности за период гражданской войны пала до 12,8% довоенного уровня, максимальное же падение продукции сельского хозяйства выразилось в 54,4% довоенного уровня) быструю индустриализацию страны и вообще более высокую степень индустриализации по сравнению с довоенным уровнем? Имеется ли налицо заметное структурное изменение по сравнению с довоенной структурой промышленности?

Теоретически говоря, можно себе представить такое положение вещей: 1) когда темп роста продукции промышленности незначительно превышает темп роста продукции сельского хозяйства; но, вместе с тем, мы можем иметь быструю индустриализацию; или же 2) можно себе представить темп роста промышленной продукции, неизмеримо превосходящий темп роста сельского хозяйства, и не иметь налицо индустриализации. Оловом, нельзя все

¹ Необходимо предупредить читателя, что во все наши расчеты не входит мелкая промышленность, так как по ней нет точных данных по годам. Даже то, что есть «достоверного» (за 1926/27 г.), будет по всей видимости опровергнуто всеобщей переписью мелкой промышленности. Эта перепись, провести которую предполагается осенью и зимой 1929/30 г., даст картину состояния мелкой промышленности и кроме того даст материал для критического пересмотра всех существующих представлений о состоянии мелкой промышленности за прошедшие несколько лет.

богатство содержания понятия индустриализации свести только к относительно более быстрому темпу роста продукции промышленности.

Эпоха «военного коммунизма» характеризовалась исключительной нуждой в любом продукте; с этой точки зрения развитие рассматривалось лишь сквозь призму количественного роста продукции вообще. Этот «грех» военного коммунизма остался в силе и на «восстановительный» период нашего роста, когда развитие было равнозначно загрузке наличного производственного аппарата, т. е. максимального увеличения продукции по всей линии наличных предприятий. Исторический этап довел над теоретическим представлением. Госплану еще в 1926 г. проблема индустриализации представлялась в следующем виде:

«Сущность процесса индустриализации народного хозяйства состоит в изменении удельного веса основных отраслей промышленности и сельского хозяйства в системе народного хозяйства в целом: удельный вес промышленности при индустриализации растет за счет удельного веса сельского хозяйства. Основными признаками для определения удельного веса являются величина продукции и число лиц, занятых в соответственных отраслях» (разрядка паша — С. Г.)¹.

В 1928 г. Госплан изменяет свое представление об индустриализации: признаками ее являются не «продукция и число рабочих», как это писалось в 1926 г., а «удельный вес крупных предприятий».

«Основным показателем индустриального развития страны является рост удельного веса предприятий, организованных по типу крупных промышленных предприятий на основе современной техники и современных методов организации производства. Особо показательны в этом отношении предприятия, производящие орудия и средства производства, так как они, во-первых наиболее сложны и, во-вторых, создают необходимые элементы для реконструкции всех других отраслей хозяйства по типу индустриальных предприятий (разрядка паша. — С. Г.)².

Данное определение теоретически более правильно, чем предыдущее, и вполне соответствует содержанию понятия индустриализации, данному XIV съездом ВКП(б). Первое определение соответствует практике нашего роста до 1927 г. Второе соответствует практике развития после 1927 г. и находится на уровне предположений госплановской пятилетки по оптимальному варианту. Это, конечно, не значит, что Госплан до сего года имел неправильную практику! Это значит лишь, что исторически рациональная, — но и исторически ограниченная — практика довлела над теоретическим обобщением и прогнозом.

До 1927 г. индустриализацию понимали лишь как более быстрый рост продукции промышленности по сравнению с ростом продукции сельского хозяйства. Соотношение этих темпов выше мы показали. В общих чертах для роста нашей промышленности до 1926 г., когда продукция промышленности подходила к довоенному уровню и производственный аппарат почти целиком уже был загружен, такое представление было правильно. Для периода после 1926 г. данное понимание оказывается не только теоретически, но и практически неверным. Увеличение продукции в основном происходит в результате новых капитальных вложений.

¹ «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г.» Изд. «Плановое хозяйство», М., 1926 г., с. 169.

² «Контрольные цифры на 1928/29 г.», с. 59.

Но поскольку мы имеем дело с весьма пестрым по своему техническому уровню аппаратом отдельных отраслей промышленности и отдельных предприятий внутри отрасли (и даже внутри одного треста), то на первых порах одни и те же вложения в старые предприятия имеют различный экономический эффект. Поэтому по росту продукции на протяжении короткого отрезка времени нельзя судить о структурных изменениях. Анализ роста продукции можно сделать лишь на материале ряда лет и не по годам, непосредственно следующим за войной и революцией, когда развитие отдельных отраслей и предприятий идет крайне неравномерно. Единственно правильным критерием для маленького отрезка времени является анализ роста или падения основного капитала, так как основной капитал легче всего учитывается и дает наиболее верную картину действительной производственной мощи страны, отрасли и предприятия. Вместе с тем, значительную ценность имеет сопоставление линии роста по продукции с линией роста по основному капиталу. Посмотрим сначала линию роста валовой продукции основных разделов общественного промышленного производства.

Рост валовой продукции ценовой промышленности ¹ за 1924/25—1927/28 гг.
(в тыс. черв. руб. по цепям соответствующих лет)

	1921/25	1925/26	1926/27	1927/28
1	2	3	4	5
Вся промышленность	6 760 798	9 955 990	11 438 948	13 566 352
В % к предыд. году	144,7	147,3	114,9	119,0
А. Производство средств произ- водства	2 153 311	3 215 038	3 968 283	4 674 096
В % к предыд. году	143,1	149,3	123,4	117,8
Б. Производство средств потре- бления	4 670 487	6 740 922	7 470 665	8 944 256
В % к предыд. году	145,5	144,3	110,8	119,7

Эта таблица может создать неправильное впечатление о действительном ходе развития, она создает представление о каком-то колебании темпов роста. И это вполне понятно. Рост продукции происходит на базе лишь уществующих предприятий. Большой или меньший темп роста продукции зависит от степени рационального использования уже существующего оборудования и применения рабочей силы. Эта «степень» имеет определенные границы, тем более в определенный отрезок времени. Более характерную картину может представить темп роста основного капитала и имущества.

Приведем таблицу движения основного капитала по тем же крупным разделам общественного производства.

Эта таблица характеризует движение мощности производственного аппарата; предыдущая же таблица отражает картину его функционирования; с этой точки зрения эта таблица показывает одну характерную черту нашего роста в «восстановительный» период: мощность производственного аппарата для производства средств производства растет неуклонно быстрее, чем мощность аппарата для производства средств потребления.

¹ Эта и следующие таблицы составлены по данным, имеющимся в ЦСУ СССР до июня 1929 г.

Темпы роста основного капитала и имущества ценовой промышленности СССР за 1925/26—1927/28 гг. (включая незаконченные работы) в тыс. руб.

	На 1 октября			
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
1	2	3	4	5
Вся промышленность:				
а) по полной восстановит. стоимости	9 078 180	9 401 960	9 986 429	10 982 800
В % к предыд. году	—	103,6	103,2	110,0
б) по реальной стоимости	5 856 715	6 108 554	6 655 402	7 546 468
В % к предыд. году	—	104,3	108,9	113,4
А. Производство средств производства:				
а) по полной восстановит. стоимости	4 429 853	4 677 733	5 053 450	5 926 600
В % к предыд. году	—	105,6	108,2	117,0
б) по реальной стоимости	2 757 855	2 996 295	3 413 880	4 242 965
В % к предыд. году	—	108,6	113,9	124,3
Б. Производство средств потребления:				
а) по полной восстановит. стоимости	4 648 317	4 724 227	4 922 978	5 056 200
В % к предыд. году	—	101,6	104,2	102,7
б) по реальной стоимости	3 098 860	3 112 259	3 241 522	3 303 503
В % к предыд. году	—	100,5	104,2	101,9

Одна и та же тенденция в основном намечается как по полной восстановительной стоимости, так и по реальной стоимости. В этом проявлялось неуклонное стремление партии быстрее подготовить экономическую базу для социалистического переустройства всего народного хозяйства.

Несомненно, что чуть ли не с первого же дня восстановления промышленности в отрасли, производящие средства производства, вкладывалось сравнительно больше средств, чем в отрасли, производящие средства потребления. Но не это является характерным для линий восстановительного периода. Голой констатацией более быстрого темпа роста одного раздела по сравнению с другим нельзя ограничиться, так как такая констатация может только затемнить вопрос и вместо его решения мы окажемся перед новой группой проблем, кажущихся еще менее разрешимыми.

Для того, чтобы наша постановка вопроса в дальнейшем была для читателя вполне ясна, необходимо предварительно теоретически точно выяснить, при каком типе развития промышленности мыслим процесс индустриализации в полном смысле этого слова.

Теоретически можно представить себе такое положение вещей, когда темп роста предприятий, производящих средства производства, значительно превысит темп роста предприятий, производящих средства потре-

¹ Под восстановительной стоимостью понимается та стоимость основного капитала, по которой на рынке можно было бы купить совершенно новым такой же «капитал», т. е. стоимость его воспроизводства. Под реальной стоимостью понимается стоимость капитала за вычетом амортизации, т. е. стоимость капитала с учетом остатной децельности его функционирования.

бленя, но все же процесс индустриализации может и не происходить. Это парадоксальное положение станет сразу ясным и понятным, если мы обратим внимание на то обстоятельство, что раздел «средств производства» отличается в таком большом разрезе от раздела «средств потребления» общим определением: первые идут на производительные цели, другие — на потребительные. Однако раздел средств производства может быть со своей стороны разбит на свои подразделения. Продукты производства каждого из них играют различную роль в дальнейшем производственном процессе и способствуют производству различных предметов. Одни средства производства могут потребляться лишь в отраслях, производящих средства потребления, другие — в отраслях, производящих средства производства. Кроме того, имеются такие, как напр., уголь, который употребляется всеми отраслями, а также идет в известной части в индивидуальное потребление. Имеются отрасли, производящие средства производства для сельского хозяйства. Если, напр., весь большой темп роста средств производства по сравнению со средствами потребления получался бы только за счет производства сельскохозяйственных машин, то мы имели бы высокоразвитый тип аграрной страны, с развитым сельским хозяйством, но не с самостоятельной промышленностью. Промышленность находилась бы (в той степени, в какой было бы развито сельское хозяйство) в полной или значительной мере в зависимости от иностранной индустрии. В условиях капиталистического окружения такое положение для СССР недопустимо. Для нас необходимо такое пропорциональное развитие всех отраслей промышленности, при котором она не только полностью влияла бы на развитие сельского хозяйства и переводила бы его на социалистические рельсы, но, кроме того, полностью удовлетворяла бы свои собственные потребности. Появление каждого нового предприятия означает, что произошло увеличение производства оборудования и т. п. на всех остальных предприятиях; однако объем такого увеличения далеко не исчерпывается одними потребностями оборудования данного нового предприятия; увеличение должно волнообразно распространиться от предприятия к предприятию на значительно большую цифру. Эта цифра будет тем больше, чем больше индустриализована (машинизирована) данная страна; в наиболее индустриально развитой стране увеличение спроса на один какой-либо продукт вызывает увеличение производства целого ряда предприятий, не имеющих прямого отношения к оборудованию нового предприятия, но способствующих этому косвенно.

Для определения процесса как индустриализаторского, необходимо, чтобы весь раздел средств производства развивался быстрее раздела производства средств потребления и чтобы внутри самого раздела средств производства, с одной стороны, была бы динамическая пропорциональность его частей и, с другой стороны, относительно более быстро развивались отрасли, производящие средства производства для производства средств производства.

Последним и наиболее полным мерлом индустриализации является производство машин, станков и др. оборудования, также рост основного капитала предприятий, производящих машины, станки, оборудование, инструменты и т. д. Всякое увеличение производства обязательно предполагает значительное добавочное количество машин, станков и т. д. В этом свете интересно сравнить темпы роста отдельных отраслей производства.

Предварительно необходимо объяснить, почему мы не будем рассматривать все отрасли производства (и даже не все

крупнейшие отрасли производства), почему мы будем анализировать движение (и сопоставлять движения их между собой) лишь тех отраслей, которые с точки зрения всего общественного производства являются характерными для того или другого типа индустриального развития. Такими отраслями и группами отраслей являются: 1) текстильная промышленность, 2) топливо и производство электроэнергии и 3) общее машиностроение. Внутри этих групп мы покажем наиболее значимые отрасли. Приведем данные по текстильной промышленности.

Рост валовой продукции текстильной промышленности за 1924/25—1927/28 гг.
(в тыс. руб., по ценам соответствующих лет)

	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
1	2	3	4	5
Вся текстильная промышленность	1 904 662	2 718 694	3 199 756	3 605 711
В % к предыд. году	—	142,7	117,7	112,7
В том числе:				
Хлопчатобумажная	1 307 742	1 892 110	2 234 392	2 476 884
В % к предыд. году	(190,4)	144,7	118,1	110,8
Шерстяная	292 215	333 848	480 630	—
В % к предыд. году	(151,9)	114,2	123,8	116,3

Как видно из таблицы, темп роста продукции всей текстильной группы из года в год резко снижался. Еще резче этот снижающийся темп бросается в глаза по хлопчатобумажной промышленности. По шерстяной промышленности в 1925/26 г. темп роста резко снижается, затем опять значительно повышается и в 1927/28 г. опять сравнительно незначительно понижается. Это явление является вполне закономерным. Производственный аппарат сначала резко нагружался. Накопление оборотного капитала давало предприятиям возможность нормально функционировать. Затем начинается некоторая «относительная» стабилизация, т. е. медленный рост в меру рационализации. К 1927/28 г. в действие было введено относительно небольшое количество новых предприятий. Капитальные вложения были относительно большими, чтобы иметь возможность завернуть машину и удовлетворить исключительный голод на товары. Конкретное объяснение действительного движения данной группы отраслей мы найдем в таблице движения основных капиталов.

Эта таблица целиком подтверждает наше положение о росте продукции главным образом за счет загрузки производственного аппарата и рационализации производственного процесса и, лишь в относительно незначительной мере, вследствие ввода в действие новых предприятий. Потенциальная мощность аппарата текстильной промышленности растет из года в год на всем протяжении анализируемого отрезка времени; по реальной же стоимости наличный основной капитал и имущество сначала падают по стоимости, а затем медленно повышаются. Темп повышения реальной стоимости основного капитала и имущества ниже, чем темп роста по полной восстановительной стоимости. Это объясняется относительно более быстрым темпом роста амортизационных отчислений плюс износ машин, оборудования, инструментов, зданий и имущества, чем темп ввода в действие реконструированных и новых предприятий. Еще более заметно это явление по хлопчатобумажной промышленности. Необходимо помнить,

**Рост основного капитала и имущества текстильной промышленности СССР
за 1925/28 гг. (включая незаконченные работы) ¹ в тысячах рублей**

	Н а 1-е о к т я б р я			
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
1	2	3	4	5
Вся текстильная промышленность:				
а) по полной восстановит. стоимости	2 157 874	2 181 492	2 232 614	2 320 214
В % к предыд. году	—	101,1	103,3	103,0
б) по реальной стоимости	1 490 434	1 474 338	1 507 187	1 530 822
В % к предыд. году	—	98,9	102,2	101,6
Хлопчатобумажная:				
а) по полной восстановит. стоимости	1 614 932	1 629 227	1 674 036	1 730 300
В % к предыд. году	—	100,9	102,8	103,4
б) по реальной стоимости	1 127 066	1 109 038	1 119 072	1 139 758
В % к предыд. году	—	98,4	100,9	101,8

что в стоимость основного капитала включаются и уже сделанные вложения на новое строительство на старых предприятиях, так что отмеченный нами рост «ножниц» в действительности превышает данную выше пометку. Оценить данное явление ни в коем случае нельзя вне сравнения с основными отраслями раздела производств, производящих средства производства. Сам по себе темп роста основных капиталов и капитальных вложений в текстильную группу производств экономически недостаточен. С точки же зрения имевшихся и наличных средств на индустриализацию, этот темп должен быть квалифицирован как неизбежный, единственно возможный на данном отрезке времени.

Восстановительный период, кроме всего прочего, характерен тем, что восстановление проходило в порядке кампаний: одно время необходимо было в ударном порядке восстанавливать одну отрасль производства, в другое — другую отрасль, в третье — третью отрасль и т. д.

Исключительное внимание обращалось на восстановление каменноугольной промышленности, а также на увеличение производства различных видов топлива и энергии; это объясняется тем, что данные отрасли производили самое основное для обеспечения возможности функционирования всей индустрии. Вложения в эти отрасли производства, в особенности в первые годы восстановительного периода, определяли более быстрый темп роста основных капиталов по разделу производства средств производства. Посмотрим сначала рост продукции этих отраслей производства.

Таблица показывает из года в год значительный рост продукции топливной промышленности. Темп роста данной группы отраслей несоиз-

¹ Сюда включены только те незаконченные новые работы, которые велись на старых предприятиях, так как вложения на совершенно новое строительство не идут по сметам объединений и предприятий и не могут быть учтены по их отчетам или по балансу «Б» ЦСУ СССР. Во всех остальных таблицах мы точно так же отвлекаемся от совершенно нового строительства.

Рост валовой продукции топливной промышленности и производства электроэнергии за 1924/25 — 1927/28 гг. (в тысячах рублей в ценах соответствующих лет).

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1	2	3	4	5
Топливо и электростанции общественного пользования	483 449	675 344	885 814	995 517
В % к предыд. году	—	139,7	131,2	112,7
Электростанции	107 634	136 961	154 105	191 720
В % к предыд. году	—	127,2	112,5	124,4
Каменноугольная	165 394	273 874	393,286	416 691
В % к предыд. году	—	165,6	143,6	106,0
Нефтедобывающая	191 521	238 301	296 026	335 987
В % к предыд. году	—	124,4	124,2	113,5

меримо более высок, чем темп роста отраслей в первой группе. Еще более резко эта разница в темпах выявляется при рассмотрении динамики капиталов и имущества.

Рост основного капитала и имущества топливной промышленности и электростанций СССР за 1925/28 гг. (включая незаконченные работы) в тысячах рублей.

1	На 1-е октября			
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
	2	3	4	5
Топливно-промышленность:				
а) по полной восстановительной стоимости	1 185 602	1 257 351	1 440 101	1 646 700
В % к предыд. году	—	106,1	114,5	114,3
б) по реальной стоимости	800 915	841 167	988 050	1 163 992
В % к предыд. году	—	105,0	117,5	117,8
В том числе каменноугольная:				
а) по полной восстановительной стоимости	504 623	535 296	634 203	703 800
В % к предыд. году	—	106,1	118,5	111,0
б) по реальной стоимости	303 170	338 035	435 201	511 040
В % к предыд. году	—	111,5	128,7	117,4
Нефтяная:				
а) по полной восстановительной стоимости	680 979	722 055	805 898	942 900
В % к предыд. году	—	106,0	111,6	117,0
б) по реальной стоимости	497 745	503 132	552 849	652 952
В % к предыд. году	—	101,1	109,9	118,1
Электростанции общественного пользования:				
а) по полной восстановительной стоимости	427 605	519 901	571 806	820 800
В % к предыд. году	—	121,6	110,0	143,5
б) по реальной стоимости	278 854	335 260	397 893	638 666
В % к предыд. году	—	127,4	112,0	160,5

Если сопоставить эту таблицу с вышеприведенной таблицей по крупным общественным разделам: средств производства и средств потребления,

то увидим, что темпы роста всей топливно-энергетической группы и каждой ее отрасли в отдельности превосходят средние темпы роста капиталов и имущества по всему разделу средств производства на протяжении всего восстановительного периода. Лишь последний 1927/28 год намечает известный перелом, — средний темп роста капиталов и имущества по разделу производства средств производства выше темпа роста всей топливной группы, в частности выше, чем каменноугольной промышленности, и равен нефтяной (по полной восстановительной стоимости); исключение составляют электростанции, стоимость капиталов и имущества которых очень быстро возрастает. Интересно отметить, что по топливной промышленности потенциальная мощность росла быстрее, чем реальная стоимость капиталов в 1925/26 г.; это означало, что темп амортизации и износа был относительно более быстрым, чем ввод в действие реконструируемых и новых предприятий; хотя одновременно происходил и абсолютный рост и того и другого. В последующие годы темп роста усиливается, причем темп роста ввода в действие реконструируемых и новых предприятий значительно обгоняет темп амортизации и износа. По каменноугольной промышленности темп ввода в действие реконструируемых и новых предприятий все время превышает темп движения амортизационных отчислений и износа; по нефтяной промышленности в отношении соотношения темпов такая же картина; по электростанциям потенциальная мощность предприятий растет бешеным темпом; амортизация и износ относительно незначительны.

Рассмотрим теперь ту группу отраслей промышленного производства, которая в конечном счете дает определение процессу развития хозяйства страны, как процессу индустриализации: мы говорим об отраслях, производящих орудия производства для всех отраслей народного хозяйства, т. е. об отраслях, производящих машины, станки, аппаратуру, оборудование, инструмент и т. п.

Рассмотрим сначала движение продукции этой группы отраслей производства.

Рост валовой продукции группы отраслей общего машиностроения по всему Союзу ССР за 1924/25—1927/28 гг. (в тысячах рублей по ценам соответствующих лет).

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1	2	3	4	5
Общее машиностроение	383 958	541 226	711 833	917 125
В % к предыд. году	—	140,9	131,5	128,8
В том числе:				
Производство и проч. машиностроение	156 470	232 118	297 555	392 067
В % к предыд. году	—	148,3	128,2	131,8
Сел.-хоз. машиностроение	53 384	94 232	121 588	163 837
В % к предыд. году	—	176,5	129,0	134,7
Электротехническое (включая лампы и кабель)	61 785	80 487	109 601	139 933
В % к предыд. году	—	130,3	136,2	127,7

Предварительно необходимо обратить внимание читателя на один момент: внутри этой «индустриализаторской» группы отраслей производства самое, можно сказать, непосредственное отношение к созданию базы индустриализации имеет «производственное и прочее машиностроение»;

эта отрасль создает то, что затем непосредственно участвует в производстве средств производства, производит средства производства для производства средств производства. Вот эта-то отрасль по темпу роста своей продукции относительно отстает от других весьма значимых отраслей своей же группы, хотя, по сравнению со средним темпом группы, имеет колеблющийся, отчасти немного более высокий рост продукции. Вся данная группа имеет средний рост продукции более высокий, чем ранее приведенные группы. Этот относительно высокий «продуктивный» темп роста скрывает действительную картину вещей. Эта группа отраслей производства и в довоенное время была недостаточно развита. Больше того, недоразвитость в основном этой группы делала довоенную Россию аграрно-индустриальной страной, а нашу промышленность — зависимой от заграницы. Относительно более быстрый рост продукции этой отрасли говорит о благоприятном движении. Но до сих пор исключительно отсталой отраслью (в соответствии с потребностями нашей растущей промышленности) было станкостроение. В целом же продукция всей группы не удовлетворяет наиболее серьезные потребности промышленности.

Неблагоприятная картина лучше всего выявляется при сравнении. Оговариваемся, что мы говорим о недостаточно быстром росте. Самый быстрый рост все равно сразу не мог бы удовлетворить все потребности Союза. Для разрешения такой задачи требуются годы, и едва ли она будет осуществлена целиком в пределах пятилетки. Это обстоятельство нужно осознать для соответствующего планирования. Если мы сравним абсолютные цифры продукции и стоимости основных капиталов и имущества названной группы с такой же стоимостью других групп, то увидим, до чего незначительна по объему и экономической значимости данная группа отраслей. Цифры, характеризующие объем продукции в 1927/28 г., сами говорят за себя:

Общее машиностроение	917 125 т. р.
Топливо и электростанции	995 517 " "
Текстильная промышленность	3 605 711 " "

Еще разительней оказываются сравнительные цифры стоимости основных капиталов и имущества данных отраслей на 1 октября 1928 года.

По полной восстановительной стоимости

Общее машиностроение	969 800 т. р.
Топливная и электростанции	2 467 500 " "
Текстильная промышленность	2 320 214 " "

Приведем таблицу движения основных капиталов и имущества по группе отраслей общего машиностроения (см. след. страницу).

Эта таблица чрезвычайно показательна. Во-первых, бросается в глаза то, что в 1926 г. стоимость основного капитала и имущества по всей группе абсолютно уменьшилась в обоих выражениях: и по полной восстановительной стоимости и по реальной стоимости. Во-вторых, хотя в 1927 г. и 1928 г. стоимость основного капитала и имущества абсолютно росла, но темп роста был значительно ниже, чем по всему разделу производств средств производства. В то время как стоимость основного капитала и имущества всего раздела производства возросла за три года (с 1925 по 1928 г.) в полной восстановительной стоимости на 33,8%, группа отраслей общего машиностроения возросла в том же выражении

Рост основного капитала и имущества группы отраслей общего машиностроения по СССР за 1925—1928 гг. (включая незавершенные работы) в тысячах рублей

1	На 1-е октября			
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
	2	3	4	5
По всей группе				
а) по полной восстановительной стоимости	861 425	857 426	903 041	969 800
В % к предыд. году	—	99,5	105,3	107,4
б) по реальной стоимости	601 742	594 884	639 732	710 440
В % к предыд. году	—	98,9	107,5	111,1
В том числе:				
Производственных машиностр.:				
а) по полной восстановительной стоимости	389 481	402 719	426 323	469 223
В % к предыд. году	—	103,4	105,9	110,1
б) по реальной стоимости	249 260	256 841	279 612	312 921
В % к предыд. году	—	103,0	108,9	119,1
Сел.-хоз. машиностроение				
а) по полной восстановительной стоимости	95 179	101 113	107 258	121 391
В % к предыд. году	—	106,2	128,3	113,2
б) по реальной стоимости	59 970	66 027	71 823	83 903
В % к предыд. году	—	110,1	108,8	116,8

лишь на 12,6%. В-третьих, рост «индустриализаторской» отрасли был наиболее интенсивным во всей группе общего машиностроения; в 1926 г. хотя капитал и возрос, но темп амортизации и износа был относительно больше, чем ввод в действие реконструированных и новых предприятий; затем развитие шло в общем «нормально», т. е. рост шел средним темпом. Более красивая линия темпа роста вырисовывается по сельскохозяйственному машиностроению (и неприведенному нами электротехническому), но это происходит потому, что развитие сельскохозяйственного машиностроения началось почти с «относительного нуля»; сельскохозяйственное машиностроение могло бы и в настоящее время сбывать продукцию в 5—6 раз большую, чем оно сбывает, но производственный аппарат его столь мизерен, что говорить о какой-либо значительной продукции можно будет лишь после крупных вложений в данную отрасль производства.

Все вышесказанное говорит о том, что индустриализаторский процесс к 1927/28 г. ушел незначительно вперед по сравнению с тем, что нам оставила российская буржуазия. Больше того. Если по продукции заметна отградная линия относительно большего роста средств производства по сравнению с ростом средств потребления, с одной стороны, и внутри раздела средств производства в последнее время относительно более быстро растет продукция индустриализаторской группы отраслей, с другой стороны, — то в части роста капиталов и имущества картина менее благоприятна, хотя по сравнению с разделом средств потребления раздел средств производства растет быстрее, но внутри раздела средств производства индустриализаторская группа росла относительно медленнее, лишь за последний год усилив немного темп роста (более быстро росла топливная группа).

Исключительный интерес для понимания структурных изменений в нашей промышленности могут представить нижеприводимые две таблички. Первая — по продукции — весьма интересная, но до известной степени не отражающая действительной структуры нашего промышленного производства и другая — по основному капиталу — целиком отражающая структуру производственной мощности нашей промышленности.

Структура продукции фабрично-заводской промышленности СССР за 1924/25—1927/28 гг. (по ценам соответствующих лет).

В % к итогу по всей промышленности.

	1924/25 г.	1926/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1	2	3	4	5
Вся промышленность	100,0	100,0	100,0	100,0
А. Производство средств производства	31,9	32,3	34,7	34,3
Б. Производство средств потребления	69,1	67,7	6,3	65,7
Общее машиностроение	5,7	5,4	6,2	6,7
В том числе:				
Производственное и прочее машиностроение	2,3	2,3	2,6	2,9
С.-х. машиностроение	0,8	0,9	1,0	1,2
Электротехническая (включая лампочки и кабели)	0,9	0,8	0,9	1,0
Топливо и электростанции общественного пользования	7,2	6,8	7,7	7,3
В том числе:				
Электростанции общего пользования	1,6	1,4	1,3	1,4
Каменноугольная промышленность	2,4	2,8	3,4	3,1
Нефтедобывающая "	2,8	2,4	2,6	2,5
Текстильная "	28,2	27,3	28,0	26,5
В том числе:				
Хлопчатобум. промышленность	19,3	19,0	19,5	18,2
Шерстяная "	4,3	3,3	3,6	3,5

Как видно из этой таблицы, вес средств производства в общей продукции промышленности хотя и медленно, но всё же повышается. Нужно отметить, что эта в общем благоприятная линия сделала некоторый неблагоприятный зигзаг в 1927/28 г. Проектировка на 1928/29 г. исправляет эту кривую в благоприятную сторону для средств производства: в 1928/29 г. по данным контрольных цифр Госплана (как известно, фактически эти цифры превзойдены) отношение должно быть таким: 36,2% и 63,8%.

Итак, растет вес общего машиностроения с 5,7% до 6,7%, производственного и прочего машиностроения — с 2,3% до 2,9%; топливо

¹ Метод исчисления Госплана немного иной, чем наш, поэтому получается разница на один пункт. Госплан исчисляет стоимость валовой продукции по ценам 1926/27 г. В наших таблицах стоимость продукции дана по ценам соответствующих лет. Это является причиной незначительного расхождения в цифрах, однако принципиальных расхождений нет, так как Госплан на основе данных ЦСУ СССР делает пересчет по ценам 1926/27 г. По нашему методу исчисления соответственно должно быть примерно такое отношение; 35 и 65% в 1928/29 г. Таким образом будет заметный рост средств производства по сравнению со средствами потребления.

и электроэнергия в общем стабильны, а текстильная промышленность понижает свой вес с 28,2% до 26,5%. Хотя картина эта в общем и благоприятна, однако нельзя забывать, что, например, такая исключительно важная для индустриализации страны и сельского хозяйства отрасль промышленности, как сельскохозяйственное машиностроение, попрежнему абсолютно незначительна и ее удельный вес подымается с 0,8% лишь до 1,2% и т. п. В особенности резко бросается этот «фон» структурных изменений в промышленности, если мы рассмотрим движение по стоимости основных капиталов и имущества.

Структура основного капитала и имущества промышленности СССР за 1925—28 гг.
(включая незаконченные работы)

Основные отрасли промышленности.	В % к итогу по всей промышленности.							
	По налоговой стоимости.				По полной восстановительной стоимости.			
	На 1/X 1925 г.	На 1/X 1926 г.	На 1/X 1927 г.	На 1/X 1928 г.	На 1/X 1925 г.	На 1/X 1926 г.	На 1/X 1927 г.	На 1/X 1928 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Вся промышленность	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
А. Производство средств производства	47,1	49,1	51,3	56,2	48,8	49,8	50,7	54,0
Б. Производство средств потребления	52,9	50,9	48,7	43,8	51,2	50,2	49,3	46,0
Общее машиностроение	10,3	9,7	9,6	9,6	9,5	9,1	9,0	8,9
В том числе:								
Пронзв. и проч. машиностроение	4,3	4,2	4,2	4,1	4,3	4,3	4,3	4,3
С.-х. машиностроение	1,0	1,1	1,1	1,1	1,0	1,1	1,1	1,1
Каменноугольная промышленность	5,2	5,5	6,5	6,8	5,6	5,6	6,4	6,4
Нефтяная "	8,5	8,2	8,8	8,7	6,5	7,5	8,1	8,6
Итого: топливная " (без торфяной).	13,7	13,7	14,8	15,5	12,1	13,1	14,5	15,0
Электростанции общественного пользования	4,8	5,8	6,0	8,4	4,7	5,5	5,7	7,5
Текстильная промышленность	25,4	24,1	22,6	20,3	23,8	23,2	22,6	21,1
В т. ч. хлопчатобумажная промышленность	19,2	18,2	16,8	15,1	17,8	17,3	16,8	15,8

Таблица рисует неуклонный (в отличие от продукции) рост веса раздела производства средств производства. Но по отдельным группам и отраслям этого раздела производства наблюдаются ухудшения. Так, индустриализаторская группа снижает свой удельный вес по полной восстановительной стоимости на 0,6%, т. е. с 9,5% до 8,9%; по реальной же стоимости это снижение выражено значительно резче: на 0,9%, т. е. с 10,3% до 9,4%.

Это неблагоприятная черта. Индустриализация в конечном счете выражается в повышении органического состава не только индивидуального капитала, но, в особенности, всего общественного капитала. В общественном воспроизводстве раздел средств производства должен относительно быстрее расти (это у нас так и происходит), но внутри раздела средств производства должна относительно значительно быстрее расти та группа отраслей, которая создает материал для так называемого

«основного капитала». Самой же серьезной в этом отношении, или, как мы ее назвали, — «индустриализаторской» группой отраслей является группа общего машиностроения. Вот эта-то группа теряла свой вес в народном хозяйстве вплоть до 1927/28 г. Пятилетка проектирует изменить в более благоприятную сторону движение этой отрасли. Ниже мы это проиллюстрируем.

Далее, общественный вес производственного и прочего машиностроения остается стабильным по полной восстановительной и даже снижается по реальной стоимости на 8,1%. Стабильность эта, нужно иметь в виду, происходит на относительно низком уровне. Вес сельскохозяйственного машиностроения в общем стабилен. Вес каменноугольной промышленности растет по полной восстановительной стоимости с 5,6% до 6,4%; нефтяной — с 6,5% до 8,6%, хотя по реальной стоимости выражение роста менее благоприятно — с 8,5% до 8,7%. Вся же топливная промышленность повышает свой вес по полной восстановительной стоимости с 12,1% до 15,0%; по реальной же стоимости — с 13,7% до 15,5%. Бешено скачет вверх вес электростанций: по полной восстановительной стоимости с 4,7% до 7,5%; по реальной стоимости картина еще более разительна — с 4,8% до 8,4%. Текстильная промышленность теряет свой вес: 23,8% до 21,1% по полной восстановительной стоимости и еще более резко по реальной стоимости — с 25,4% до 20,3%.

Наконец, хлопчатобумажная промышленность понижает свой вес с 17,8% до 15,8%.

Структурные изменения, происходившие в нашей промышленности, не могут быть охарактеризованы одной формулой: «благоприятные» или «неблагоприятные». К концу 1927/28 г. советская промышленность была в значительной своей части уже не той, какой была русская промышленность до революции. Один только 1928/29 г. производит крупные сдвиги в структуре промышленности, так как в этом году введены в действие новые предприятия: реконструированные и совершенно новые, на 1½ млрд. рублей. В дальнейшем темп структурных сдвигов еще более усилится. Тем более значимо знание прошлого и сегодняшнего дня для учета необходимых линий для планирования. Те сдвиги, которые происходили до сего дня, показывают значительную реконструкцию, значительное увеличение электростанций и сельскохозяйственного машиностроения; первое способствует рационализации производственного процесса, переводу промышленности на новый технический уровень, второе — усиливает командную роль промышленности по отношению к сельскому хозяйству, усиливает социализирующую роль промышленности.

Анализ роста нашей промышленности показывает, что он шел положительно бешеным темпом; неуклонно идет создание базы индустриализации; однако эта база индустриализации носит лишь «предварительный» характер к «пятилетке» социалистической и индустриальной трансформации народного хозяйства, которая после решения V съезда советов Союза стала законом для пролетарской общественности, хозяйственных органов и т. д. XIV съезд партии, оформивший в 1925 г. генеральную линию на индустриализацию, был вполне прав, так как раньше, до восстановления производственного аппарата и получения необходимой производственной и экономической базы, нельзя было вести линию на структурные изменения промышленности. Мы видели, что и после XIV съезда структурные изменения производились с большим трудом и весьма медленно. Решение XIV съезда было новым словом в смысле намечения на будущее длительной линии структурных изменений на базе восста-

новленной промышленности, дающей потребные для того средства. Уровень, достигнутый промышленностью, дает возможность непосредственного воздействия на бедняцко-средняцкие хозяйства деревни в смысле значительного усиления коллективизации, т. е. перевода сельского хозяйства на социалистические рельсы его развития.

Если на восстановление, а затем и дальнейший рост производственного аппарата промышленности и изменение его структуры в значительной мере давило наследство довоенных зависимостей, то социальная структура промышленности из года в год резко изменялась в пользу социалистического сектора: государственной и кооперативной промышленности.

Социальная структура валовой продукции промышленности СССР за 1924/25 1927/28 гг.

	1924/25 г.	1926/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1	2	3	4	5
Вся промышленность	100,0	100,0	100,0	100,0
Государственная промышленность	90,3	89,6	91,3	90,9
Кооперативная	5,7	6,4	6,4	7,7
Концессионная	0,2	0,4	0,5	0,5
Частная	3,8	3,6	1,8	0,8

Табличка эта говорит о неуклонном вытеснении частного хозяйственного сектора; частник отчасти уходит в нецензовую промышленность, но в основном вообще вымывается. Это можно было бы иллюстрировать большим количеством примеров, но это не входит сейчас в нашу задачу.

Государственная промышленность сохраняет свой вес. Кооперативная промышленность неуклонно растет сама по себе и за счет частника. Концессионная промышленность растет по своему удельному весу, вместе с тем рост ее идет в пределах маленьких абсолютных цифр.

Если мы обратимся к проектируемой пятилетке, то увидим совершенно иные линии движения всей промышленности и основных ее разделов.

В наиболее общем виде намечаются следующие линии роста: изменение действующего основного капитала госпромышленности намечается (по полной восстановительной ценности) за пятилетие на 223%. Капитальные вложения в промышленность распределяются следующим образом по двум разделам:

Средства производства 78%
Средства потребления 22%

Эти данные касаются лишь государственной и кооперативной промышленности. В постановлении партконференции имеются следующие данные о капитальных вложениях: «общая сумма капитальных вложений в пятилетие 1923/24 — 1927/28 гг. составляла 26,5 млрд. руб.; для пяти-

летия 1928/29 — 1932/33 гг. размер капитальных вложений во все народное хозяйство определен в сумме 64,6 млрд. руб. В то время как за истекшее пятилетие капитальные вложения в промышленность составляли 4,4 млрд. руб., для проектируемого пятилетия они определены в 16,4 млрд. руб.; соответственные цифры для сельского хозяйства составляют 15 млрд. руб. и 23,2 млрд. руб.; для транспорта 2,7 млрд. руб. и 10 млрд. руб. и для электрификации 0,9 млрд. руб. и 3,1 млрд. руб.». К тому же нужно иметь в виду, что значительная доля вложений в сельское хозяйство пойдет в обобществленный сектор. В результате общая социальная структура капитальных фондов народного хозяйства изменится за пятилетие следующим образом:

Секторы:		1927/28 г.	1932/33 г.
Государственный	} Социалистический	51,0	63,6
Кооперативный		1,7	5,3
Частный		47,3	31,1
Итого		100,0	100,0

О продукции можно судить по следующим двум-трем цифрам: химические удобрения растут с 175 тыс. тонн в 1927/28 г. до 8 с лишним млн. тонн в 1932/33 г.; тракторы — с 4 тысяч в 1927/28 г. до 60 т. в 1932/33 г. Строится несколько крупнейших заводов по станкостроению, несколько заводов по производству инструментов и т. д. и т. д.

По ВСНХ-овской промышленности основные капиталы распределяются по основным разделам следующим образом:

	1928/29	1932/33
Средства производства	5 430 м. р.	14 856 м. р.
Средства потребления	4 230 „ „	6 435 „ „

На основании того материала, который опубликован, можно смело утверждать, что промышленность сделает громадный скачок вперед в отношении роста капиталов и продукции и что индустриализация сделает гигантский шаг вперед и уже в пределах первого пятилетия сделает СССР в значительной мере индустриально независимой от иностранного производства. Конечно, закончить процесс индустриализации, в особенности процесс обобществления, можно лишь в пределах генерального плана, первую пятилетку которого утвердил Съезд Советов. Но основная база индустриализации закладывается пятилеткой; народное хозяйство на протяжении пятилетия получит огромные ресурсы воздействия на сельское хозяйство; социализм получит ту техническую и экономическую базу, без которой немислимо его построение. Этим пока ограничим анализ линий развития народного хозяйства Союза в предстоящем пятилетии.

Интересно будет отметить экономико-политический смысл познания пройденного этапа роста хозяйства СССР.

Линии роста, характерные для нашего «вчера», не были результатом давившей на нас экономической стихии. Человечество двигалось всегда вперед, целиком опираясь на уже достигнутое предыдущими поколениями. Октябрьская революция послала буржуазию «к праотцам»: победивший пролетариат поставил перед собой задачу использовать весь оставленный нам буржуазией производственный аппарат с целью укрепления экономических позиций социализма и подготовки прочного экономического и технического плацдарма для наступления пролетариата

на твердыни капитализма — для построения полного социалистического общества.

Уже 1927/28 г. — шестой или седьмой год относительно спокойного хозяйственного строительства, — показал, что пролетариат не только восстановил хозяйство до довоенного уровня, но сумел использовать старый производственный аппарат лучше, чем его использовала буржуазия; этот аппарат реконструирован настолько, что в известных частях его уже нельзя узнать, а кое-какие части этого аппарата построены совсем заново. Быстрота роста в прошлом говорит за то, что пятилетний план будет целиком осуществлен, дает уверенность в том, что первый пятилетний отрезок генерального плана построения социалистического общества станет осуществленной действительностью.

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ ОБОРОТА КАПИТАЛА

ВЫСВОБОЖДЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ОБОРОТА И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОТА.

Второй том «Капитала» Маркса является наименее известным и разработанным. За исключением отдела об общественном воспроизводстве; эта добрая треть труда Маркса почти не тронута и не подвергалась ни достаточной популяризации, ни дальнейшей разработке, если не считать немногочисленных попыток упрощенного изложения да некоторых отдельных часто цитируемых мест. Между тем учение о кругообороте капитала содержит не менее интересный круг проблем, чем такие известные и широко дискутируемые и изучаемые вопросы, как проблема нормы прибыли, ренты, кредита и т. д. Этот слабый интерес ко второму тому «Капитала» объясняется очевидно тем, что вопросы оборота и кругооборота капитала стояли до сих пор дальше, чем другие проблемы теоретической экономики, от непосредственной классовой борьбы. К тому же данный отдел политической экономики связан с применением математического метода анализа. Он требует также довольно большой «силы абстракции», значительно затрудняющей усвоение предмета.

Во втором томе «Капитала» мы находим целый ряд вопросов, нуждающихся в дальнейшем развитии и требующих в первую очередь для правильного своего понимания детального и глубокого анализа. Среди этих вопросов крайне интересным и важным для понимания некоторых явлений современного капиталистического хозяйства является вопрос о высвобождении денежного капитала в процессе оборота, чему и посвящена данная статья.

I. ДВЕ ЦИТАТЫ ИЗ ФОРДА И МАРКСА

Так называемый «фордизм» бесспорно является последним словом капиталистического предпринимательства. Однако обыкновенно у Форда обращают внимание главным образом на достижения в области техники и организации труда. В лучшем случае к этому присоединяется интерес к фордовским методам ускорения оборота капитала. Но почти всегда остается в тени вопрос о фордовской организации механизма оборота, об освобождении в связи с этим у Форда огромного денежного капитала и увеличении благодаря этому нормы его прибыли.

В книге «Моя жизнь» Форд пишет: «Настоящим источником финансирования промышленного предприятия является фабрика, а не банк... Я нашел, что фабрика имеет полную возможность удовлетворять всем требованиям такого рода; в одном случае даже, когда у общества оказался серьезный недостаток наличных средств, фабрика по требованию предоставила большую сумму, чем мог бы нам кредитовать любой банк страны.. Умная финансовая политика в значительной мере заключается

в регулировании периодических операций. Приток денег должен быть почти равномерным. Для того, чтобы работать успешно, нужно иметь возможность работать регулярно. Периодический застой обуславливает большие убытки... Для того, чтобы достичь успешного производства и вместе с тем постоянного денежного оборота, мы должны были предпринимать наши операции с величайшей осторожностью... Производство рассчитывается на год вперед, и число ежемесячно вырабатываемых автомобилей заранее определено, так как, естественно, заготовка и расценка сырого материала и тех непогих частей, которые мы еще получаем позже, является нелегким делом для производства. Мы столь же мало можем себе позволить держать на складе большое количество сырья, как и готовых изделий. Все должно непрерывно двигаться к нам и от нас¹.

Как видно из этой цитаты, организация оборота в связи с потребностью в денежном капитале занимает у Форда среди других мероприятий большое место. Форд получает свои огромные прибыли, во-первых, благодаря низким издержкам производства (в силу введения новейших технических усовершенствований, рационального использования средств производства и рабочей силы, детальнейшего разделения труда, глубокой специализации), во-вторых, — что тесно связано с предыдущим — благодаря увеличению скорости оборота его капитала (сокращение времени производства и времени обращения); в-третьих, благодаря соответствующей организации оборота этого капитала. Низкая себестоимость и сверхприбыль дают возможность Форду конкурировать благодаря дешевизне своих товаров. Его конкурентоспособность базируется на крупном масштабе и высокой концентрации его предприятий, а также на сравнительно малой нуждаемости в кредите, благодаря ограниченной потребности в авансировании денежного капитала. В этой конкурентоспособности и прибыльности предприятий играет немалую роль именно соответствующая организация оборота капитала, при помощи которой Форд повышает форму прибыли. Организация оборота является, несомненно, одним из мало изученных еще нами способов повышения конкурентоспособности и прибыльности капиталистических предприятий. Все значение этого явления, однако, может быть осознано лишь при достаточно ясном понимании процесса оборота капитала. Между тем, у Маркса, являющегося единственным глубоким последователем данной области, разработка теории оборота не закончена. Свидетельством этому служит примечание Энгельса к тексту Маркса².

Энгельс пишет: «Маркс запутался в вычислениях оборотов, так что наряду с незаконченностью получились кое-какие неправильности и противоречия... Неверные результаты этих кропотливых вычислений привели к тому, что Маркс придавал незаслуженное значение одному, на мой взгляд, практически маловажному обстоятельству. Я имею в виду то, что он называет „высвобождением“ денежного капитала... высвобождение денег; следовательно, образование скрытого, лишь потенциального капитала в денежной форме, конечно происходит, но оно происходит при всяких обстоятельствах, а не только при особых условиях, ближе намеченных в тексте, и происходит в более крупном масштабе, чем это предполагается в тексте... Главное в тексте указание — это на то, что, с одной стороны, значительная часть промышленного капитала постоянно

¹ Генри Форд. Моя жизнь и мои достижения, изд. „Время“, Л. 1924, с. 216, 217 и др.

² «Капитал», т. II, изд. «Пролетарий», 1923, с. 202.

должна существовать в денежной форме, с другой стороны, еще более значительная часть должна время от времени принимать денежную форму».

Приведенная цитата показывает, что вопрос с высвобождением капитала в процессе кругооборота не совсем ясен и требует дальнейшей разработки. Для того, чтобы разобраться в этом деле, необходимо сначала, очевидно, установить само понятие, т. е. выяснить, что же из себя представляет «высвобождение» или «освобождение» капитала³.

Однако, прежде чем ответить на поставленный вопрос, необходимо хотя бы очень кратко остановиться на общих положениях теории оборота капитала.

И. НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ ОБОРОТА КАПИТАЛА.

Стоимость является капиталом только в движении. «Представление о капитале, как о самовозрастающей стоимости, охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающее из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть, кроме того, движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам в свою очередь заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое. Те, кто полагают, будто стоимость приобретает самостоятельное существование лишь в абстракции, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция in actu. Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается»⁴. Каждая часть капитала проходит в своем кругообороте три стадии или фазы. Этими тремя стадиями в изображении Маркса являются:

$$D - T < \frac{Cn}{P}, \quad \text{и} \quad \dots T_1 \text{ и } T_1 - D_1,$$

т. е. 1) стадия превращения денежного капитала в товар — средства производства и рабочую силу⁵; 2) стадия превращения этих производственных элементов в результате их производительного потребления в форму готового товара — товарного капитала и 3) стадия превращения товарного капитала (готового товара путем его продажи) опять в денежный капитал.

Если мы рассмотрим капитал какого-либо предприятия, то обнаружим, что в силу того, что различные части его одновременно могут проходить различные стадии, отдельные части капитала в каждый данный момент существуют в различной форме. Одна часть капитала в определенный момент будет находиться в виде денег, другая — в виде запасов средств производства (машин, сырья)⁶, третья — в виде неготового еще товара (так называемое незавершенное производство), четвертая — в виде готового товара. Соотношение между всеми этими частями будет изменяться во времени для всего капитала в зависимости от характера

³ О степени значения этого явления говорят также и то, что вопрос о высвобождении и связывании капитала ставится Марксом неоднократно во всех трех томах «Капитала». См. напр. III т., ч. 1 с. 87, и др.

⁴ Капитал, т. II, с. 62.

⁵ В силу особого способа оборота переменного капитала для него эта стадия совершается в виде кредитной сделки на рабочую силу с уплатой после ее потребления.

⁶ «Капитал», т. II, с. I.

организации оборота, свойственного данному предприятию. Этот характер оборота определяет закономерность оборота как каждой отдельной части капитала, так и всего капитала в целом. Как же подойти к изучению процесса оборота и установлению типа его организации?

В отличие от кругооборота капитала, представляющего последовательное изменение форм существования капитала в процессе его движения с возвращением к исходной форме, — оборот капитала есть регулярное повторение процесса кругооборота, т. е. процесс перподического последовательного возвращения капитала в своем движении к уже раз пройденной форме.

При изучении оборота капитала недостаточен анализ только со стороны формы с абстрагированием «от всех моментов, которые не имеют ничего общего с изменением и образованием формы, как таковым». Здесь анализ неизбежно должен включать вопрос о величине капитала, изменяющего форму и продолжительность этого изменения. Прежде чем анализировать движение капитала с точки зрения продолжительности метаморфоз и фаз оборота различных частей, необходимо выяснить, каким образом следует расчленить в понятие единый капитал предприятия, чтобы такой анализ был успешен. Прежде всего надо выяснить, не различаются ли принципиально части единого совокупного капитала по способу своего оборота, ибо это очевидно в первую очередь позволит нам взглянуть в организацию оборота капитала.

Вообще говоря, можно расчленить совокупный капитал предприятия на основании различных признаков на любые части, в зависимости от того, насколько это научно оправдывается. Прежде всего весь капитал может быть разделен соответственно своему состоянию в каждый данный момент на: 1) денежную часть, 2) часть в виде запасов средств и предметов труда⁷, 3) часть в виде неготового товара, 4) часть в виде готового товара. Рассматривая движение капитала с какого-либо определенного момента в разрезе каждой из этих четырех частей, мы получим оборот капитала предприятия как совокупность трех форм кругооборота⁸.

Схематически это можно было бы изобразить так:

Оборот совокупного капитала предприятия.

$$\text{Оборот частей капитала} \left\{ \begin{array}{l} Д - Т . . . П . . . Т_1 + д - Т . . . П . . . п т . д . \\ Т - П . . . Т_1 - Д + д - Т . . . П . . . Т_1 - п т . д . \\ П . . . Т_1 - Д + д - Т . . . П . . . Т_1 - Д + д - п т . д . \\ Т_1 - Д + д Т . . . П . . . П_1 - Д + д - Т - п т . д . \end{array} \right.$$

Оборот капитала в целом:

$$(Д + Т + П + Т_1) - (Т + П + Т_1 + Д + д) - (П + Т_1 + Д + д + Т) п т . д .$$

При этом совершенно необязательно, чтобы разные стадии оборота были одинаковы по своей продолжительности. Точно так же, как совершенно необязательно, чтобы отдельные стадии оборота различных частей

⁷ Для переменного капитала аналогичная фаза не существует, ибо способность к труду в руках рабочего не есть еще капитал. См. Маркс, Капитал, т. II, с. 281.

⁸ Как известно, Маркс в главе о кругообороте капитала различает: форму кругооборота денежного капитала, если анализ начинается с денежной стадии, форму кругооборота производительного капитала, если анализ начинается со стадии производства и форму кругооборота товарного капитала, если анализ начинается со стадии реализации готового товара.

капитала, различающихся по своим функциональным формам, были одинаково продолжительны. Более того, совершенно необязательно, чтобы в каждый данный момент соотношение частей капитала, находящихся одновременно в различных фазах, было бы одинаково. Точно так же, как и в процессе оборота одной части капитала, взятой в ее величине на определенный момент, совершенно необязательно, чтобы совершалось одновременно превращение всей этой части капитала в другую фазу, а затем в третью и т. д.

Следовательно, такое разделение совокупного капитала по формам его существования само по себе ничем не может помочь в изучении оборота капитала. Само это разделение должно быть объяснено, ибо предмет изучения как раз и является выяснение того, каким образом складывается оборот. Другими словами, предметом исследования как раз и является вопрос, почему в течение определенного времени отдельные части капитала предприятия, различаемые по форме его существования, находятся в определенной величине и в определенном соотношении между собой.

Исходным пунктом для рассмотрения движения капитала может быть взята, как это делается при исследовании кругооборота, любая его стадия. Однако для более глубокого анализа оборота капитала прежде всего важно разделение капитала в той стадии, где создается стоимость, — в стадии производства. Ибо только эта стадия, в которой совершается присвоение неоплаченного труда, и делает оборот промышленного капитала капиталистическим оборотом. Очевидно, что с точки зрения этой основной стадии можно анализировать и остальные. Но кроме того, — и это самое важное, — разделение капитала в стадии производства позволяет выделить части капитала, различные по способу своего оборота. Такими принципиально различными частями капитала являются оборотный капитал предприятия и основной капитал. Экономическая наука уже давно употребляет данное деление капитала, но только Марксу принадлежит окончательное выяснение отличия оборотного капитала от основного. Оборотный и основной капитал отличаются способом передачи своей стоимости производимому товару: первый — в процессе производства переносит всю свою стоимость на производимый товар целиком; второй (основной капитал) переносит свою стоимость на товар частями, несмотря на то, что своей потребительной стоимостью целиком участвует в процессе производства. Это различие двух частей капитала по способу передачи стоимости имеет существенное значение при изучении оборота капитала, ибо «из того особого способа, какими средства труда передают свою стоимость продукту, или из той роли, которую они играют как образователи стоимости во время производственного процесса», вытекает «особый способ обращения основного капитала»⁹, а «из своеобразного обращения основного капитала вытекает своеобразность оборота»¹⁰ основного капитала.

В противоположность основному капиталу, капитал оборотный в процессе своего оборота должен наряду с производством товара постоянно возобновляться в натуре, чтобы ход производства не прерывался. Следовательно, оборот оборотного капитала, состоящего из постоянного и переменного капитала, характеризуется участием целиком всей своей стоимостью в производимом товаре. По реализации оборотный капитал вновь восстанавливается всей массой в денежной форме и снова целиком всей своей стоимостью затрачивается на производство.

⁹ «Капитал», т. II, с. 104.

¹⁰ Там же, с. 107.

Таким образом, принципиальное разделение капитала на основной и оборотный капитал имеет решающее значение для понимания оборота капитала. Все фазы всего капитала в целом необходимо рассматривать как сумму фаз, сумму стадий основного и оборотного капитала. В каждой фазе оборота всего капитала должна выделяться часть, являющаяся фазой оборота основного капитала, и часть, являющаяся фазой оборота оборотного. Тогда оборот всего капитала примет вид совокупного оборота двух частей капитала с параллельным прохождением различных фаз. Следовательно, деление капитала в стадии производства служит исходным пунктом изучения оборота. При таком подходе выясняется, что каждая фаза совокупного капитала образуется путем сложения фазы оборота оборотного капитала и однородной фазы оборота основного.

Но как же происходит оборот капитала во времени?

Распределение капитала на различные части и время нахождения этих частей в той или иной фазе обуславливаются прежде всего тем, как организован производственный процесс и как идет реализация производимого товара¹¹.

Для производства какой-либо потребительной стоимости необходимо время. Время, в течение которого производится потребительная стоимость и создается новая стоимость, называется временем производства данного товара. Время же, в течение которого данный (созданный) товар может быть продан, называется временем обращения данного товара. Очевидно, что время производства и время обращения производимых товаров в первую очередь обуславливают оборот капитала, продолжительность фаз его движения.

Однако в выражениях «время обращения товара» и «время производства товара» не все окончательно ясно. Неясно, к какому количеству этого товара относятся данные понятия. Ибо понятие времени производства обязательно подразумевает как определенную степень законченности производимых предметов, так и определенное количество этих предметов. Очевидно, что здесь должен разумеется «товар готовый», который может быть реализован на деньги. Но необходимо заметить, что понятие готового товара в смысле возможности его реализации может совпадать и не совпадать с понятием товара, готового для потребления. Всякий товар, не готовый для потребления (производительного или личного), «не готов» для реализации. Но не всякий товар, «физически» готовый к потреблению, готов к реализации. Для оборота играет значение именно факт реализации товара, ибо только тогда капитал совершает движение. Следовательно, прежде всего необходимо установить понятие товара, готового к реализации. В различных отраслях производства это понятие готового к реализации товара различно. В одних случаях, как только товар физически (по своим свойствам) готов к потреблению, независимо от его количества, он реализуется. Следовательно, каждая штука товара может быть реализована. Такой случай, очевидно, может относиться только к товарам с определенным пределом естественной делимости. В других случаях под готовым товаром подразумевается определенное количество этого товара. Здесь устанавливается понятие «партии» товара, в которой только и может быть товар продан и которая не может быть делима, чтобы не потерять способность к реализации. Это понятие может быть и очень определенным, твердо установленным и очень неопределенным. Чаще всего оно вырабатывается как размер обычного

¹¹ Кроме этого имеет значение и организация закупки элементов производства.

среднего минимума сделки, меньше которой обыкновенно она (сделка) не производится. Такой средний минимум может иметь своим основанием масштаб производства, размер и форму спроса на данный товар, размер и форму транспорта или ту или иную степень удобства продажи в определенном размере¹². Этот случай обязателен для товаров без определенного минимума естественной делимости. Кроме указанных двух случаев может быть и третий, часто встречающийся случай — когда совершенно не устанавливается определенный обычный размер реализуемого товара. Тогда само понятие готового товара остается неопределенным с точки зрения реализации и может быть установлено только с физической точки зрения — с точки зрения производства. При производстве же вещественных товаров и отсутствии установленного обычного объема сделки понятие готового товара теряет всякую определенность. Таким образом, и понятие времени производства и понятие времени обращения товара для различных отраслей зависит от понятия товара, готового к реализации. В случае же неопределенности понятия готового товара и эти понятия утрачивают всякий точный смысл. Для того, чтобы вопрос о времени производства и времени обращения был совершенно ясным, необходимо, кроме установленного понятия готового товара, уточнить понятие производственного процесса.

Что же необходимо разуметь под этим понятием?

В процессе производства можно различать две стороны. Первая сторона заключается в превращении потребительных стоимостей в новую потребительную стоимость. Вторая сторона заключается в создании новой стоимости — в затрате рабочей силы, в процессе труда. Следует отметить, что кроме того первая сторона включает в себе процесс изменения потребительной стоимости под воздействием различных естественных процессов. Производство и заключается в этой совокупности разносторонних процессов, в единстве этих процессов. Однако не всегда все указанные процессы протекают одновременно и слитно. В процессе производства отдельно может выделяться производительное потребление той или иной части основного или оборотного капитала. При изучении оборота капитала во времени требования к терминологии в данной области должны быть чрезвычайно повышены. Поэтому временем труда или рабочим временем должен называться период времени, в течение которого происходит потребление рабочей силы. Временем же функционирования капитала должен называться период, в течение которого происходит производительное потребление материальных элементов капитала. Но так как снашивание (общественно-необходимое) основного капитала, происходящее вне производительного процесса, также входит в стоимость изготавливаемого товара, то для основного капитала можно различать еще собственно время функционирования, понимая под таким период, в течение которого основной капитал снашивается в результате своего физического (своей потребительной стоимостью) участия в процессе производства, в отличие от вообще времени (периода) снашивания, в течение которого весь основной капитал производительно потребляется, теряет свою потребительную стоимость и вся стоимость его переносится на стоимость готового товара. Исходя из такого понимания производительного процесса, можно было бы время, в течение

¹² В данном случае степень удобства продажи мыслится в широком смысле, так что под этим может подразумеваться, например, стремление к наименьшим издержкам в стадии обращения на самую продажу товара и т. д.

которого он протекает, назвать временем производства. В этом именно смысле слова употребляется термин «время производства» по отношению к готовому товару. Время производства готового товара всегда составляет определенную величину и является временем, в течение которого элементы производства, необходимые для приготовления определенного количества товара, превращаются в новую потребительную стоимость, в готовый для реализации товар. Это время производства может совпадать со временем потребления необходимой для производства данного количества товара рабочей силы, с временем производительного потребления необходимого для производства данного количества товара оборотного постоянного капитала, с временем функционирования, в узком смысле слова, основного капитала, необходимого для производства данного количества товара. Это время производства может быть больше какого-либо из перечисленных периодов времени, но, как следствие из предыдущих рассуждений, никогда не может быть меньше ни одного из них. Однако с точки зрения оборота капитала время производства нечто большее, чем период собственно производства. Каждая часть капитала, переходя из одной формы состояния в другую, наконец возвращается к уже раз пройденной, чтобы снова начать свой кругооборот. Это время, в течение которого капитал претерпевает между двумя одинаковыми формами состояния различные стадии превращения, называется циклом или периодом оборота.

Если анализировать период оборота капитала, то в нем можно различить две уже указанные выше принципиально различные части: одна часть — когда капитал превращается в другую потребительную стоимость в производстве и увеличивает посредством потребления рабочей силы свою стоимость; другая часть — в течение которой капитал превращается из потребительной формы готового товара в деньги и из денег — в потребительную форму элементов производства, т.е. переходит из одной формы в другую посредством обмена без увеличения стоимости. В символах эти две части целого периода оборота будут выражаться:

$$T_1 - D_1 - T \frac{cn}{p} \dots \Pi \dots T_1 = \left(T \frac{cn}{p} \dots \Pi \dots T_1 \right) + \left(T_1 - D_1 - T \frac{cn}{p} \right)$$

целый период оборота 1-я часть 2-я часть

С этой точки зрения временем производства капитала будет называться время, в течение которого капитал связан в производстве, т.е. находится в состоянии элементов производства и непосредственно в про-

цессе производства $\left(T \frac{cn}{p} \dots \Pi \dots T_1 \right)^{13}$. Временем же обращения

будет «продолжительность пребывания капитала в сфере обращения». При этом «время обращения распадается на две части: на время, которое ему требуется, чтобы превратиться из товара в деньги, и на время, которое ему требуется, чтобы превратиться из денег в товар»¹⁴. Иначе говоря,

продолжительность стадии $T_1 - D - T \frac{cn}{p}$ и составляет время обращения капитала. Время же обращения готового товара есть

¹³ «Капитал», т. II, с. 74 и 167.
¹⁴ «Капитал», т. II, с. 74 и 78.

время, потребное для реализации определенного количества товара, т.-е. для превращения его в деньги.

После того, как точно установлено понятие времени производства и времени обращения, можно прямо подойти к вопросу о типах организации оборота.

От чего же зависит тип организации оборота? Прежде всего, очевидно, для организации оборота имеет большое значение, специализировалось ли предприятие на производстве одного вида товара или же оно производит целый ряд товаров. Во-вторых, производятся ли различные виды товаров с одинаковым периодом оборота или с неодинаковым, наконец, каково соотношение рабочего времени и времени обращения.

Соответственно этим различиям можно наметить следующую схему главных типов организации оборота:

А. Оборот при производстве товара одного вида.

Б. Оборот при производстве товара нескольких различных видов, когда:

- а) различные товары производятся с одинаковым периодом оборота партии, с одинаковым отношением в этом периоде рабочего времени и времени обращения;
- б) различные товары производятся с одинаковым периодом оборота партии, но с неодинаковым соотношением в этом периоде рабочего времени и времени обращения;
- в) различные товары производятся не с одинаковым периодом оборота партии, но с одинаковым соотношением в этом периоде рабочего времени и времени обращения;
- г) различные товары производятся не с одинаковым периодом оборота партии и с неодинаковым соотношением рабочего времени и времени обращения.

Однако организация процесса оборота может быть различна не только благодаря производству одного или нескольких видов товара. Организация оборота обуславливается кроме того целым рядом не менее важных моментов, как то:

- 1) равномерность производства;
- 2) равномерность реализации (причем в зависимости от равномерности реализации находится само понятие готового к реализации товара — партии товара);
- 3) прерывистость производительного процесса;
- 4) организация выпуска из производства готового товара (одновременный выпуск только одной или одновременный выпуск нескольких партий товаров);
- 5) организация последовательности производства партий товара и ряд других, уже более второстепенных обстоятельств.

Все указанные моменты могут сочетаться в различных предприятиях между собой в различные комбинации. Получающееся вследствие этого весьма большое число различных типов оборотов можно, однако, расклассифицировать по следующей схеме:

ТИПЫ ОБОРОТА

А. При равномерном производстве

1. При неустановленности и неопределенности понятия готового к реализации товара (неравномерная реализация):

1. Непрерывный процесс производства.
2. Процесс производства прерывистый.

II. При установленности и определенности понятия готового к реализации товара (равномерная реализация).

1. Непрерывный процесс производства:

α. Одновременный выпуск из производства только одной партии товара:

а) процесс производства одной партии товара начинается сразу же по окончании процесса производства перед этим производимой партией товара.

б) процесс производства одной партии товара начинается во время еще неокончившегося производства раньше начатой партией товара.

β. Одновременный выпуск нескольких партий товара. При этой организации могут быть типы, сходные с типами, намеченными для условий одновременного выпуска одной партии товара.

2. Прерывистый процесс производства:

а) Процесс производства одной партии товара начинается спустя определенное время после реализации перед этим произведенной партией товара.

б) Процесс производства одной партии товара начинается сейчас же вслед за реализацией перед этим произведенной партией товара.

в) Процесс производства одной партии товара начинается в то время, когда произведенная перед этим партия товара находится в виде товарного запаса.

В. При неравномерном производстве

Здесь также могут быть все типы оборота, намеченные и для условий равномерного производства, причем характер неравномерности реализации в разделе I может быть связанным с характером неравномерности производства и может быть несвязанным.

Во всех разделах типов организации может быть различное соотношение между рабочим периодом и временем обращения.

Эта грубая схема, конечно, не охватывает всего многообразия возможных типов организации оборота, но она и не претендует на это. Схема лишь помогает представить себе это разнообразие типов в определенной системе. Необходимо отметить, что при всяком определенном типе оборота организация фаз оборота должна рассматриваться отдельно для каждой части всего капитала предприятия, отличающейся особым способом оборота. Следовательно, оборот капитала в целом должен всегда представляться как сумма оборотов частей капитала, различающихся между собой по способу оборота. Разное соотношение таких частей капитала будет соответственно давать и разное конституирование фаз оборота капитала в целом. Более того, организация оборота этих частей капитала может быть различна независимо от общей организации оборота. При этом для основного капитала будут играть роль: а) характер и период снашивания различных его частей; б) соотношение этих частей между собой (кооперация машин, система машин и проч.); в) возможность возмещения и ремонта и т. д.

Для постоянной части оборотного капитала существенное значение имеют вид и форма запаса элементов производства, создаваемого в процессе оборота.

Для переменного капитала — оборот во многом обуславливается временем оплаты рабочей силы.

Так как в дальнейшем при исследовании вопроса об освобождении денежного капитала, мы займемся только оборотом оборотного капитала, то отметим здесь лишь те моменты, которые важны при изучении оборота оборотного капитала.

Оборот постоянной части оборотного капитала может протекать без образования запаса элементов производства и с образованием такого запаса. В первом случае закупка сырья и прочего производится постоянно минимальными долями, обеспечивающими ход производства только изо дня в день. Во втором случае покупка производится периодически, так что раз купленного количества сырья и проч. хватает на достаточно длительный промежуток времени. При этом может быть два положения — или каждая партия запаса сначала потребляется и затем уже приобретается следующая партия — это будет периодическая форма производительного запаса, или же прежде, чем одна партия запаса будет потреблена, закупается следующая партия, так чтобы в запасае всегда существовал определенный минимум элементов производства. Это будет постоянная форма производительного запаса. Вместе с тем мы можем различать запас по его величине в зависимости от того, на какую часть или на сколько целых рабочих периодов он рассчитывается. Так можно наметить для обеих форм три вида запаса. Вид запаса, при котором,

1) партия запаса рассчитана на потребление одного целого рабочего периода;

2) партия запаса рассчитана на часть рабочего периода;

3) партия запаса рассчитана на время, большее одного рабочего периода.

Для оборота переменного капитала, как сказано, важно различать время оплаты рабочей силы. Причем здесь также можно наметить три рубрики:

1) время (период) оплаты рабочей силы равно рабочему периоду;

2) время оплаты рабочей силы больше рабочего периода;

3) время оплаты рабочей силы меньше рабочего периода.

После всех этих замечаний из области общей теории оборота перейдем к поставленному вопросу — когда в процессе оборота может происходить высвобождение и освобождение денежного капитала и что оно из себя представляет.

(Продолжение следует)

В. Погонкин

АЛГЕБРАИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ МАРКСОВОЙ СХЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

«Пока мы рассматривали производство стоимости и стоимости продукта капитала, как индивидуального капитала, для нашего анализа натуральная форма товарного продукта была совершенно безразлична, — безразлично, напр., состоит ли он из машин, или из хлеба, или из зеркала... Но этот чисто формальный прием изложения уже недостаточен, когда мы рассматриваем весь общественный капитал и стоимость его продукта. Обратное превращение одной части стоимости продукта в капитал, вступление другой части в сферу индивидуального потребления класса капиталистов и класса рабочих... есть возмещение не только стоимости, но и вещества, а потому оно в одинаковой мере обусловливается как соотношением составных частей стоимости общественного продукта, так и их потребительной стоимостью, их материальной формой». «Итак, затруднение заключается не в анализе стоимости самого общественного продукта. Оно возникает при сопоставлении составных частей стоимости общественного продукта с его вещественными составными частями»¹.

Фигурально выражаясь, можно было бы сказать, что Маркс преодолел это затруднение, помножив ценность на вещество. В приводимой ниже схеме средства производства и средства потребления в натуре обозначены большими буквами C и W , их ценность — соответствующими малыми буквами.

	c	w
I C	C_c	C_w
II W	W_c	W_w

Вещественная оболочка постоянного капитала подразделения I (производство средств производства) и дохода подразделения II (производство средств потребления) соответствует их общественной функции. Эти две

¹ «Капитал», т. II, 1927, с. 283 и 311.

части общественного продукта образуют полюсы воспроизводства. Единство C_c и W_w осуществляется их связью с C_w и W_c , но эта же связь превращает противоположность в противоречие. Противоречие между ценностью и потребительной ценностью проявляется в тяготении между доходом I подразделением C_w и постоянным капиталом II подразделения W_c . Это противоречие неразрешимо в пределах одного акта производства. Ценность, созданная в этом году абстрактным трудом рабочих I подразделения, переносится в следующем году на предметы потребления конкретного трудом рабочих II подразделения. I подразделение откладывает во II подразделение яички, из которых вылупляются вещественные элементы его дохода. Воспроизводство есть та форма, в которой движется противоречие между абстрактным и конкретным трудом.

1. Условия равновесия простого товарного хозяйства (общее условие равновесия капиталистической страны).

Математическая закономерность марксовой схемы воспроизводства есть закономерность квадрата суммы.

Возьмем схему простого воспроизводства (в тысячах).

$$\begin{array}{r} \text{I. } 4c + 1v + 1m = 6 \\ \text{II. } 2c + 0,5v + 0,5m = 3 \\ \hline \text{Сумма} = 9 \end{array}$$

Объединим v и m в их сумму, равную w^2 :

$$\begin{array}{r} \text{I. } 4c + 2w = 6 \\ \text{II. } 2c + 1w = 3 \\ \hline \text{Сумма} = 9 \end{array}$$

Теперь легко представить составные части схемы в виде членов формулы $(2 + 1)^2$, а обобщая формулу, легко построить алгебраическую схему простого воспроизводства. Предположив, что совокупная ценность общественного продукта равна $(c + w)^2$, мы тем самым представляем качественные показатели c и w как количества, как определенные части совокупной ценности. Схема получает такой вид (геометрическая интерпретация квадрата суммы, при $c = 2$, $w = 1$):

	c	w	
I C	c^2	cW	$= c(c + W)$
II W	cW	W^2	$= W(c + W)$
			$= (c + W)^2$

Распределение совокупной ценности между I и II подразделениями определяется отношением $c:w$, которое можно было бы примерно называть составом фонда воспроизводства. Состав фонда воспроизводства

² «Стоимость всего годового продукта, произведенного в каждом из двух подразделений... распадается на часть стоимости, представляющую постоянный капитал c , потребленный в производстве и по своей стоимости лишь перенесенный на продукт, и часть стоимости, присоединенную всем трудом в течение года» («Капитал», т. II, 1927 г., с. 285).

равен органическому составу капитала, деленному на норму прибавочной ценности, сложенную с единицей:

$$\frac{c}{c} = \frac{c}{v+m} = \frac{c/v}{1+m/v}$$

Перейдем к обоснованию приведенной выше алгебраической схемы. Исходная схема такова:

$$\begin{aligned} \text{I. } C_I + W_I. \\ \text{II. } C_{II} + W_{II}. \end{aligned}$$

«Постоянная... часть стоимости равна стоимости той части этого продукта, которая состоит из средств производства; она воплощается в этой части общественного продукта» («Капитал», т. II, с. 312). Т. е. $C_I + C_{II} = C_I + W_I$, откуда $C_{II} = W_I$. Это равенство выражает общее условие равновесия общественной системы независимо от того, одинаков или неодинаков состав фонда воспроизводства в обоих подразделениях.

Далее. В своих схемах Маркс везде предполагает одинаковую для обоих подразделений норму прибавочной ценности. Уравнительная тенденция капитализма в достаточной мере оправдывает это предположение. Другое предположение, лежащее в основе большинства марксовых схем, — одинаковый органический состав капитала — адекватно частному случаю и делается Марксом простоты ради. Мы берем этот частный случай и выражаем его следующей пропорцией:

$$C_I : W_I = C_{II} : W_{II} \dots \dots \dots (1).$$

Если прибавить к этому общее условие равновесия, то мы имеем все необходимое и достаточное для выведения квадратной формулы.

Условие равновесия:

$$C_{II} = W_I \dots \dots \dots (2).$$

Подставляя (2) в (1), получаем:

$$C_I : W_I = W_I : W_{II} \dots \dots \dots (3).$$

$$\text{Отсюда } W_{II} = \frac{W_I^2}{C_I} \dots \dots \dots (4).$$

Подставляя (4) в (3), получаем:

$$C_I : W_I = W_I : \frac{W_I^2}{C_I} \dots \dots \dots (5).$$

Мы получили выражение с однородным качественным показателем.

Вводим теперь величины C равную $\sqrt{C_I}$, и W , равную $\frac{W_I}{\sqrt{C_I}}$.

$$C_I = C^2 \dots \dots \dots (6).$$

$$W_I = CW \dots \dots \dots (7).$$

Подставляя (6) и (7) в (5), получаем:

$$C^2 : CW = CW : W^2.$$

Сумма членов этой пропорции равна $(C + W)^2$.

Какой вид принимает схема при различном составе фонда воспроизводства в первом и во втором подразделениях? Обратим внимание на

следующее. Как бы различно ни было отношение между постоянным капиталом и доходом внутри подразделений, произведенный совокупный продукт делится на C (средства производства в натуре) и W (средства потребления в натуре) в отношении, определяемом взвешенно-средним составом совокупного фонда воспроизводства. В самом деле, произведенные средства производства всегда и при всяких условиях должны возместить в натуре потребленные средства производства, а произведенные средства потребления должны быть равны совокупному доходу обоих подразделений, т. е.,

$$C_I + W_I = C_I + C_{II} \text{ и } C_{II} + W_{II} = W_I + W_{II}.$$

Отсюда

$$\frac{C_I + W_I}{C_{II} + W_{II}} = \frac{C_I + C_{II}}{W_I + W_{II}}.$$

Следовательно, если ценность совокупного продукта равна $(c + w)^2$, то ценность продукта I подразделения всегда должна быть равна $c(c + w)$, а ценность продукта II подразделения всегда должна быть равна $w(c + w)$. Допустим, что состав капитала I подразделения — выше среднего. Тогда постоянный капитал I подразделения равен не c^2 , а c^2 плюс некоторая величина d , а доход I подразделения равен $c(c + w) - (c^2 + d)$, т. е. $cw - d$. Так как постоянный капитал II подразделения равен доходу I подразделения, то он также равен $cw - d$, а отсюда следует, что доход II подразделения равен $w(c + w) - (cw - d) = w^2 + d$. Схема принимает такой вид:

I	$c^2 + d$	$cw - d$	$= c(c + w)$
II	$cw - d$	$w^2 + d$	$= w(c + w)$
I + II	$c(c + w)$	$w(c + w)$	$= (c + w)^2$

Переходим к определению величины d . Положим, что взвешенно-

средний состав фонда воспроизводства $\frac{C_I + C_{II}}{W_I + W_{II}} = N$, а совокупная ценность общественного продукта = S .

Тогда подразделение I = $\frac{N}{N+1} \cdot S$

» » II = $\frac{1}{N+1} \cdot S$

Положим, что в I подразделении ценность продукта распределяется между постоянным капиталом и доходом в отношении $N_I : 1$, а во II подразделении в отношении $N_{II} : 1$. Тогда

$$C_I = \frac{N \cdot N_I}{(N+1)(N_I+1)} \cdot S; \quad W_I = \frac{N}{(N+1)(N_I+1)} \cdot S;$$

$$C_{II} = \frac{N_{II}}{(N+1)(N_{II}+1)} \cdot S \quad \text{и} \quad W_{II} = \frac{1}{(N+1)(N_{II}+1)} \cdot S$$

Так как $W_I = C_{II}$, то $N_{II}(N_I+1) - N(N_{II}+1) = 0$. При одинаковом в обоих подразделениях отношении между постоянным капиталом и доходом (при $N_I = N_{II} = N$) формулы составных частей схемы упрощаются. Так, например, постоянный капитал I подразделения равен тогда $\frac{N^2}{(N+1)^2} \cdot S$. Мы имеем, следовательно, два равенства:

$$c^2 + d = \frac{N \cdot N}{(N+1)(N_I+1)} \cdot S$$

$$c^2 = \frac{N^2}{(N+1)^2} \cdot S$$

Вычитая второе равенство из первого, получаем:

$$d = \frac{N(N_I - N)}{(N+1)^2(N_I+1)} \cdot S^*.$$

Если состав фонда воспроизводства выше в I подразделении, d — положительная величина; если состав фонда воспроизводства выше во II подразделении, d — отрицательная величина; если состав фонда воспроизводства одинаков в обоих подразделениях, d равно нулю.

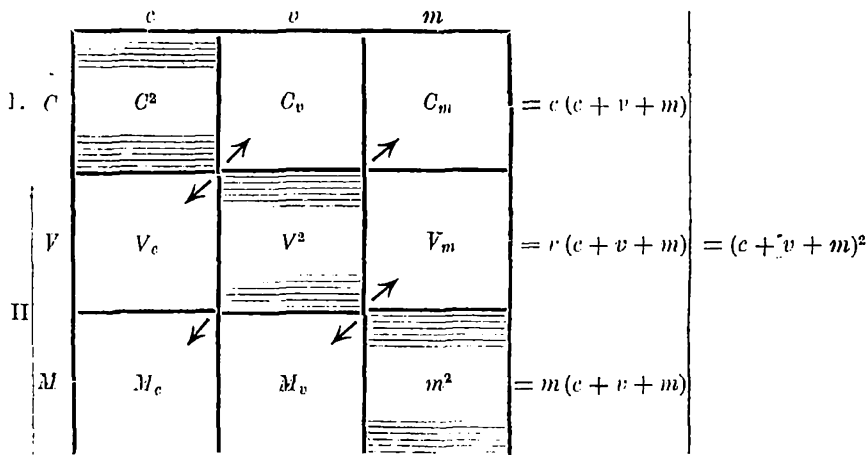
2. Условия равновесия капиталистической системы при простом воспроизводстве.

Переходим к полной схеме простого воспроизводства. Трех подразделения ценности (c , v , m) соответствуют три подразделения материального производства C , V и M : подразделение C — производство средств производства, подразделение V — производство средств потребления для рабочих и подразделение M — производство средств потребления для капиталистов.

Вот графическое изображение схемы при одинаковом органическом составе капитала и одинаковой норме прибавочной ценности во всех подразделениях:

* Если дано: $S = 9\,000$, $N_I = 3$, $N_{II} = 1$, то $N = 2$ и $d = 500$, и получается следующая числовая схема:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4\,500 \, c + 1\,500 \, w = 6\,000 \\ \text{II. } 1\,500 \, c + 1\,500 \, w = 3\,000 \end{array} \right\} = 9\,000.$$

C^2 , V^2 , m^2 обмениваются каждое в пределах своего подразделения. Остальные шесть частей вступают попарно во внешний обмен, каждая в пределах двух подразделений. Воплощение переменного капитала I подразделения обменивается на воплощение постоянного капитала II подразделения ($C_v = V_c$), воплощение прибавочной ценности I подразделения обменивается на воплощение постоянного капитала III подразделения ($C_m = M_c$), и воплощение прибавочной ценности II подразделения обменивается на воплощение переменного капитала III подразделения ($V_m = M_v$).

Предположим теперь, что состав капитала в трех подразделениях различен. В подразделении M он равен $\frac{c}{v}$, в подразделении $V = \frac{zc}{v}$, в подразделении $C = \frac{xc}{v}$,

Тогда в схеме произойдет следующее изменение:

$$\begin{array}{l|l} C & xzc^2 + cv + cm \\ V & zcv + v^2 + vm \\ M & cm + vm + m^2 \end{array}$$

Каков бы ни был состав капитала в подразделении C , — это несколько не изменит отношения между обменными частями, так как xzc^2 не покидает своего подразделения. Иное дело — zcv . Оно должно быть равно cv , но это возможно лишь тогда, когда $z = 1$, т. е. в том случае, когда состав капитала в подразделениях V и M одинаков. Если мы попытаемся найти условие равновесия путем изменения количественного соотношения между объемами подразделений C и V , то из этого ничего не выйдет, так как, умножив cv на z , мы должны будем умножить на z и другие части подразделения C , чтобы произвольно не изменить состава капитала и нормы прибавочной ценности подразделения C .

Получим:

$$\begin{array}{l|l} C & xz^2c + zcv + zcm \\ V & zcv + v^2 + vm \\ M & cm + vm + m^2 \end{array}$$

Теперь нарушилось равенство между прибавочной ценностью подразделения C и постоянным капиталом подраздела M . Если же мы восстановим это

равенство, помножив подразделение M на z , то нарушится равенство. $Vm = Mv$:

$$\begin{array}{l|l} C & xz^2c^2 + zcv + zcm \\ V & zcv + v^2 + vm \\ M & zcm + zvm + zm^2 \end{array}$$

Умножив на z подразделение V , мы только возвратимся к исходному нарушению:

$$\begin{array}{l|l} C & xz^2c^2 + zcv + zcm \\ V & z^2cv + zv^2 + zvm \\ M & zcm + zvm + zm^2 \end{array}$$

При неодинаковом составе капитала в подразделениях V и M равновесие системы, повидимому, невозможно. Перед нами — противоречие, и притом не кажущееся, а действительное. Как оно разрешается? ¹

До сих пор мы предполагали, что обмен происходит между двумя точками. Это — взаимный обмен, обмен в простейшей форме, выражаемый равенством $a = b$. Но обмен может происходить между тремя, четырьмя и n точками и притом по многоугольнику: $a = b = c = \dots = n$. Однако, нам незачем чрезмерно усложнять фигуру обмена. В своей схеме Маркс предполагает взаимный обмен как выражение общего итога. Раз воспроизводство невозможно в рамках исключительно попарного обмена, достаточно предположить обмен по треугольнику. Например, коллективный

производитель средств потребления капиталистов может продать воплощение своего переменного капитала капиталистам, производящим средства производства. Вырученными деньгами он расплачивается со своими рабочими. Рабочие подразделения M покупают воплощение постоянного капитала подразделения V . Деньги, перешедшие к предпринимателям V , возвращаются в подразделение C в обмен на средства производства, являющиеся товарным воплощением прибавочной стоимости капиталистов C . Деньги совершили путь $Cm - Mv - Vc - Cm$, возвратившись к своему исходному пункту. Товары пошли навстречу деньгам по пути

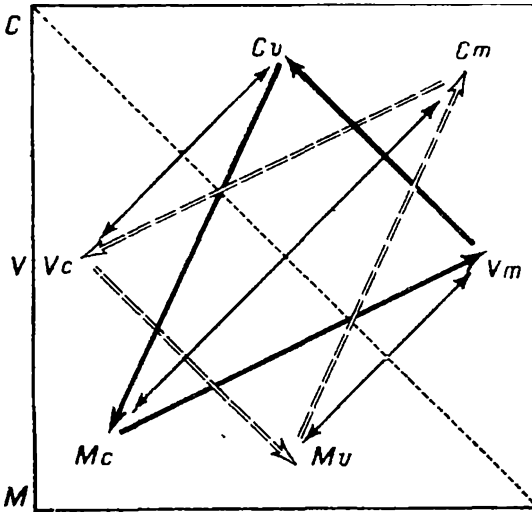

Схема первая

$Mv - Cm - Vc - Mv$. Фигура обмена замкнулась. Противоречие между ценностью и потребительной ценностью нашло новую, треугольную форму для своего движения. Помещаемая схема исчерпывает все случаи обмена попарно и по тр.

¹ «Мы видели, что процесс обмена товаров включает в себе противоречащие и исключают друг друга отношения. Развитие этого процесса... не устраняет этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть форма движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается» («Капитал», т. I, 1928, с. 57).

Путь, обозначенный в схеме стрелками с двойными линиями, условимся называть положительным треугольником обмена, а путь, обозначенный стрелками с одной линией, — отрицательным треугольником обмена. Рассмотрим эту схему поближе, представив ее в числах:

$$\begin{array}{r|l}
 \text{I} & C. \\
 \text{II} & V. \\
 & M. \\
 \hline
 C+V+M &
 \end{array}
 \begin{array}{l}
 15\ c + 5\ v + 5\ m = 25 \\
 6\ c + 3\ v + 3\ m = 12 \\
 4\ c + 4\ v + 4\ m = 12 \\
 25\ c + 12\ v + 12\ m = 49.
 \end{array}$$

Здесь соблюдено условие равновесия при простом воспроизводстве: I (v + m) = II c. Но так как постоянный капитал подразделения V относительно больше постоянного капитала подразделения M, то равновесие устанавливается следующим образом:

На каждой из вершин положительного треугольника Cm — Vc — Mv выделяется излишек, равный единице, реализуемый в порядке треугольного обмена по направлению, указанному стрелками. Условием равновесия является равенство этих излишков между собой, что очень легко вывести из общего условия равновесия¹. При данной величине совокупной ценности абсолютная величина t возрастает вместе с увеличением различия между составом капитала в подразделениях V и M. Эту зависимость можно выразить следующей формулой, в которой $\frac{m}{v}$ величина, одинаковая для всех подразделений:

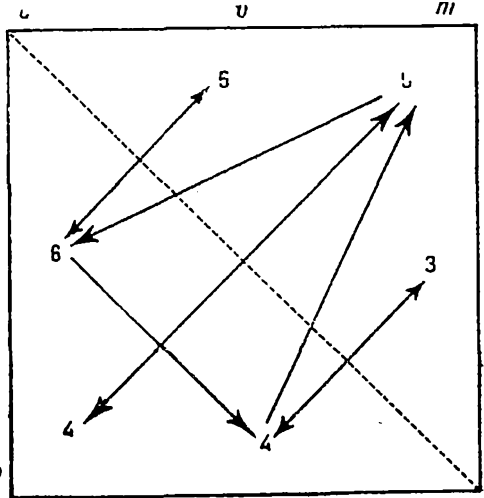

Схема вторая

или

$$t = \frac{\frac{m}{v} + c_2 - c_3}{\frac{m}{v} + 1} **$$

$$t = S \cdot \frac{\frac{m}{v} \left(\frac{c_2}{v_2} - \frac{c_3}{v_3} \right)}{\left(\frac{c}{v} + 1 + \frac{m}{v} \right) \left(\frac{c_2}{v_2} + 1 + \frac{m}{v} \right) \left(\frac{c_3}{v_3} + 1 + \frac{m}{v} \right)} **$$

$$\begin{cases}
 c_2 + c_3 = v_1 + m_1 \\
 m_1 + m_2 = c_3 + v_3
 \end{cases} \quad (1) \quad \begin{cases}
 c_2 = v_1 + t_1 \\
 m_1 = c_3 + t_2 \\
 v_3 = m_2 + t_3
 \end{cases} \quad (2)$$

Отсюда: $t_1 = t_2 = t_3 = t$

$$* \quad c_2 = \frac{v}{m} \cdot m_1 + t \dots (1); \quad m_1 = c_3 + t \dots (2)$$

Подставляем (2) в (1):

$$c_2 = \frac{v}{m} (c_3 + t) + t \quad t = \frac{\frac{m}{V} c_2 - c_3}{\frac{m}{V} + 1}$$

** Вывод этой формулы аналогичен выводу формулы d в I разделе статьи.

где S ценность совокупного продукта, $\frac{c}{v}$ — взвешенно-средний органический состав капитала, $\frac{c_2}{v_2}$ — органический состав капитала подразделения V , $\frac{c_3}{v_3}$ — органический состав капитала подразделения M .

Когда органический состав капитала в подразделениях V и M одинаков, $t = 0$; когда он выше в подразделении V , t — положительно; когда он выше в подразделении M , t — отрицательно. Положительный и отрицательный знак показывают место, на котором откладывается t . Положительное t появляется на вершинах положительного треугольника $Cm - Vc - Mv$, а отрицательное t — на вершинах отрицательного треугольника $Cv - Mc - Vm$.

3. Условия равновесия капиталистической системы при расширенном воспроизводстве.

Условие равновесия производственной системы при расширенном воспроизводстве Маркс выражал неравенством $\Pi c < I(v + m)$. Тов. Бухарин в своей работе «Империализм и накопление капитала» выразил это условие равенством. Тов. Бухарин употребляет следующие обозначения: α — часть прибавочной ценности, идущая на индивидуальное потребление капиталистов; β_c — часть прибавочной ценности, превращаемая в постоянный капитал; β_v — часть прибавочной ценности, превращаемая в переменный капитал. Таким образом: $m = \alpha + \beta_c + \beta_v$. Обозначая подразделения I (производство средств производства) и II (производство средств потребления) соответственно буквами А и В, т. Бухарин ст. опт такую схему:

А	$c_1 + v_1 + z_1 +$	$\beta_{1c} + \beta_{1v}$
В	$c_2 + v_2 + z_2 +$	$\beta_{2c} + \beta_{2v}$

$c_1, \beta_{1c}, v_2, \alpha_2, \beta_{2v}$ не выходят за пределы своего подразделения; $v_1 + \alpha_1 + \beta_{1v}$ обменивается на $c_2 + \beta_{2c}$. Отсюда равенство $v_1 + \alpha_1 + \beta_{1v} = c_2 + \beta_{2c}$. «Другими словами; весь новый переменный капитал I подразделения и подлежащая непродовольственному потреблению часть прибавочной ценности того же подразделения должны равняться новому постоянному капиталу II подразделения»¹.

Рядом с этим бесспорным положением т. Бухарин выставляет другое положение, по моему мнению ошибочное: «В ценностном отношении β_{2c} должна равняться β_{1v} » (с. 8). Откуда взялось это равенство? Его нельзя непосредственно вывести из равенства $v_1 + \alpha_1 + \beta_{1v} = c_2 + \beta_{2c}$, так как оно с ним не тождественно. Если дано $a + b = c + d$, то отсюда нельзя вывести, что $a = c$, если только у нас нет дополнительных данных. Тов. Бухарин исходит из следующего соображения. «В нашем четырехугольнике (см. приведенную выше его схему) замкнута, как легко видеть, проблема простого воспроизводства, которая уже решена выше (для этого нужно было бы, согласно предыдущему, чтобы c_2 равнялась $v_1 + \alpha_1$). Следовательно, трудность возникает из-за новых величин, стоящих за пределами четырехугольника» (с. 7).

¹ Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала». 1925, с. 10.

Я согласен с тем, что в четырехугольнике заключена проблема простого воспроизводства. Но одно дело — разрешать проблему простого воспроизводства стационарной системы, движущейся по кругу, иное дело — разрешать ту же (да не ту) проблему в рамках системы, расширяющейся наподобие спирали. «Трудность возникает из-за новых величин». Но трудность, возникающая из-за части, есть трудность для понимания целого, ибо малейшее изменение в части вызывает изменения во всей системе.

Является ли равенство $v_1 + \alpha_1 = c_2$ обязательным условием равновесия? Это можно проверить на следующей схеме, в которой части, обменивающиеся в пределах своего подразделения, заключены в четырехугольники:

$$\begin{array}{l}
 \text{I. } \boxed{440 c} + 110 v + 55 x + \boxed{44 \beta_c} + 11 \beta_v = 660 \\
 \text{II. } 160 c + \boxed{40 v} + \boxed{20 \alpha} + 16 \beta_c + \boxed{4 \beta_v} = 240 \\
 \hline
 \text{Сумма} = 900
 \end{array}$$

Есть тут равновесие? Да, есть. Сумма обменных частей I подразделения равна по ценности сумме обменных частей II подразделения, хотя β_{2c} на 5 больше β_{1v} , а c_2 на 5 меньше $v_1 + \alpha_1$. Мы в праве, следовательно, сказать, что со стороны самых общих условий нет препятствий к гладкому ходу производства.

Перейдем к общему рассмотрению вопроса. Каковы соотношения экономических величин при расширенном воспроизводстве сравнительно с простым воспроизводством? Поскольку образуется дополнительный переменный капитал, постольку объем II подразделения должен увеличиться. Поскольку же сокращается потребление капиталистов, постольку объем II подразделения должен уменьшаться. Чтобы расчленить эти два противоположно направленные изменения, разделим II подразделение на две части: подразделение v — производство средств потребления для рабочих и подразделение A — производство средств потребления для капиталистов.

C.	$c_1 + v_1 + \beta_1 \cdot \frac{c_1}{c_1 + v_1} + \beta_1 \cdot \frac{v_1}{c_1 + v_1} + \alpha_1$
V.	$c_2 + v_2 + \beta_2 \cdot \frac{c_2}{c_2 + v_2} + \beta_2 \cdot \frac{v_2}{c_2 + v_2} + \alpha_2$
A.	$c_3 + v_3 + \beta_3 \cdot \frac{c_3}{c_3 + v_3} + \beta_3 \cdot \frac{v_3}{c_3 + v_3} + \alpha_3$
C + V + A.	$c + v + \beta \cdot \frac{c}{c + v} + \beta \cdot \frac{v}{c + v} + \alpha$

Так как подразделение C должно воспроизвести в натуре совокупный постоянный капитал, в том числе и дополнительный постоянный капитал, подразделение V должно произвести средства потребления для рабочих, в том числе и для дополнительных рабочих, а подразделение A — средства потребления для капиталистов, то ценность продукта подразделения $C = c + \beta \frac{c}{c + v}$, ценность продукта подразделения $V = v + \beta \frac{v}{c + v}$, ценность продукта подразделения $A = \alpha$.

При простом воспроизводстве мы имели бы:

$$\begin{aligned} C &= c \\ V &= v \\ A &= \alpha + \beta. \end{aligned}$$

При расширенном воспроизводстве относительный объем подразделений C и V в $\left(1 + \frac{\beta}{c+v}\right)$ раз больше, относительный объем подразделения A в $\left(1 - \frac{\beta}{\alpha}\right)$ раз меньше. Предполагая одинаковый во всех подразделениях органический состав капитала, норму прибавочной ценности и норму накопления, мы можем представить схему расширенного воспроизводства в таком виде (те части, которые обмениваются в пределах своего подразделения, покрыты штрихами):

	c	v	$\beta \frac{c}{c+v}$	$\beta \frac{v}{c+v}$	α	
C	c^2	cv	$\frac{c_2\beta}{c+v}$	$\frac{cv\beta}{c+v}$	$c\alpha$	$= c(c+v+m)$
V	cv	v^2	$\frac{cv\beta}{c+v}$	$\frac{v^2\beta}{c+v}$	$v\alpha$	$= v(c+v+m)$
$C \frac{\beta}{c+v}$	$\frac{c^2\beta}{c+v}$	$\frac{cv\beta}{c+v}$	$\frac{c^2\beta^2}{(c+v)^2}$	$\frac{cv\beta^2}{(c+v)^2}$	$\frac{c\alpha\beta}{c+v}$	$= \frac{c\beta}{c+v}(c+v+m) = (c+v+m)^2$
$V \frac{\beta}{c+v}$	$\frac{cv\beta}{c+v}$	$\frac{v^2\beta}{c+v}$	$\frac{cv\beta^2}{(c+v)^2}$	$\frac{v^2\beta^2}{(c+v)^2}$	$\frac{v\alpha\beta}{c+v}$	$= \frac{v\beta}{c+v}(c+v+m)$
A	$c\alpha$	$v\alpha$	$\frac{c\alpha\beta}{c+v}$	$\frac{v\alpha\beta}{c+v}$	α^2	$= \alpha(c+v+m)$

Первый и третий горизонтальные ряды показывают объем подразделения C ; второй и четвертый — объем подразделения V , пятый ряд — объем подразделения A . Та часть совокупной ценности, которая фигурирует в третьем и четвертом рядах, при простом воспроизводстве выступает в оболочке средств потребления для капиталистов, а при расширенном воспроизводстве — в оболочке средств производства и средств потребления для рабочих. Суммируя однородные горизонтальные ряды (первый с третьим и второй с четвертым), получаем следующую схему:

$$H = 1 + \frac{\beta}{c+v}$$

C.	c^2H	cvH	$c^2H \frac{\beta}{c+v}$	$cvH \frac{\beta}{c+v}$	$c\alpha H$	$= cH(c+v+m)$
V.	cvH	v^2H	$cvH \frac{\beta}{c+v}$	$v^2H \frac{\beta}{c+v}$	$v\alpha H$	$= vH(c+v+m)$
A.	$c\alpha$	$v\alpha$	$c\alpha \frac{\beta}{c+v}$	$v\alpha \frac{\beta}{c+v}$	α^2	$= \alpha(c+v+m)$

C.	$440c + 110v + 44\beta_c + 11\beta_v + 55\alpha = 660$
V.	$110c + 27,5v + 11\beta_c + 2,75\beta_v + 13,75\alpha = 165$
A.	$50c + 12,5v + 5\beta_c + 1,25\beta_v + 6,25\alpha = 75$

$$C + V + A \quad 600c + 150v + 60\beta_c + 15\beta_v + 75\alpha = 900$$

Чтобы закончить оформление схемы, присоединим к постоянному капиталу c дополнительный постоянный капитал $\beta \cdot \frac{c}{c+v}$ и к переменному капиталу v — дополнительный переменный капитал $\beta \cdot \frac{v}{c+v}$. Для этого нужно суммировать однородные вертикальные ряды, первый ряд сложить с третьим, второй с четвертым.

$$H = 1 + \frac{\beta}{c+v}$$

C.	c^2H^2	cvH^2	$c\alpha H$	$= cH(c+v+m)$
V.	cvH^2	v^2H^2	$v\alpha H$	$= vH(c+v+m)$
A.	$c\alpha H$	$v\alpha H$	α^2	$= \alpha(c+v+m)$

C.	$484c + 121v + 55\alpha = 660$
V.	$121c + 30,25v + 13,75\alpha = 165$
A.	$55c + 13,75v + 6,25\alpha = 75$

$$C + V + A \quad 660c + 165v + 75\alpha = 900$$

Итак, расширяющаяся производственная система находится в равновесии тогда, когда: 1) расширенный переменный капитал подразделения C равен расширенному постоянному капиталу подразделения V ; 2) потребляемая часть прибавочной ценности подразделения C равна расширенному постоянному капиталу подразделения A , 3) потребляемая часть прибавочной ценности подразделения V равна расширенному переменному капиталу подразделения A .

Если состав капитала в подразделениях V и A неодинаков, равновесие устанавливается таким образом, что известная часть продукта обменивается по треугольнику, и тогда $v_1 = c_2 - t$, $m_1 = c_3 + t$ и $m_2 = v_3 - t$, где $t = f \left(\frac{c^2/v_2}{c_3/v_3} \right)$.

Чтобы облегчить сравнение нашей схемы со схемой тов. Бухарина, преобразуем ее следующим образом:

$$\begin{array}{l} \text{I (C). } \boxed{c_1} + \overbrace{cv + \frac{cv\beta}{c+v}}^{v_1} + \overbrace{cx + \frac{cx\beta}{c+v}}^{\alpha_1} + \boxed{\beta_{Ic}} + \overbrace{\frac{cv\beta}{c+v} + \frac{cv\beta^2}{(c+v)^2}}^{\beta_{Iv}} \\ \text{II (V+A). } \underbrace{cv + \frac{cv\beta}{c+v} + cx}_{c_{II}} + \boxed{v_{II}} + \boxed{v_{II}} + \underbrace{\frac{cx\beta}{c+v} + \frac{cv\beta}{c+v} + \frac{cv\beta^2}{(c+v)^2}}_{\beta_{IIc}} + \boxed{\beta_{IIv}} \end{array}$$

Отсюда видно, что $v_1 + \alpha_1 > c_{II}$ и $\beta_{Iv} < \beta_{IIc}$, причем эти неравенства тем больше приближаются к равенствам т. Бухарина, чем выше норма накопления, и только в том случае, когда α равно нулю, равенства т. Бухарина становятся обязательными условиями гладкого хода производства. В самом деле, если прибавочная ценность целиком превращается в капитал, подразделение A выпадает, и $v_1 = c_{II} = cv + \frac{cv\beta}{c+v}$;

$$\beta_{Iv} = \beta_{IIc} = \frac{cv\beta}{c+v} + \frac{cv\beta^2}{(c+v)^2}.$$

НЕОКАНТИАНСКАЯ ТЕОРИЯ АБСТРАКТНОГО ТРУДА¹

О КНИГЕ И. ДАВЫДОВА «АБСТРАКТНЫЙ ТРУД В УЧЕНИИ МАРКСА
О СТОИМОСТИ»

Около шести лет ведется оживленная дискуссия вокруг проблемы абстрактного труда. Споры, вызванные появлением «Очерков по теории стоимости Маркса» И. И. Рубина, то затихая, то разгораясь, постепенно охватывают новые области и ныне вплотную подошли к коренным вопросам марксистской методологии. Дискуссия, все время переходящая на более высокую базу, несомненно всколыхнула всех экономистов-марксистов. Но вместе с тем она расшевелила кое-где элементы, весьма далекие от марксизма, охотно использующие «защитную окраску» марксистской фразеологии и мнимой внешней ортодоксальности. Иногда под шумок споров делаются антимарксистские вылазки, с удовольствием подхватывающие и раздувающие отдельные ошибочные положения диспутантов и пытающиеся совлечь дискуссию с марксистских позиций.

Таких вылазок было за время дискуссии уже несколько. Однако последнее выступление И. Давыдова имеет все данные занять среди них первое место.

И. А. Давыдов — писатель весьма известный. Еще около 1905 г. он выступил с платформой неокантианской ревизии марксизма, будучи одним из если не самых крупных, то самых ретивых ее глашатаев. «Я должен открыто заявить, — писал Давыдов, — что духу человеческому тесно в рамках традиционно-марксистской доктрины: не может последняя дать должного выражения в слове и в мыслях нашим идеальным стремлениям»². «Итак, философский критицизм, поскольку он остается в рамках имманентного, — вот куда и к чему я решаюсь звать своих идейных товарищей из марксистского лагеря»³.

Убежденный и воинствующий неокантианец, И. Давыдов занимался «уничтожением» марксизма, «подправляя» его идеалистическими теориями Р. Штаммлера и Наторпа, требовал замены диалектического материализма имманентным идеализмом (см. с. XIX цитированной работы), предавался философски-реплигиозным исканиям (там же) и критиковал «методологическую беспомощность марксизма» (см. с. 9).

¹ Соглашаясь с оценкой, данной В. Серебряковым антимарксистскому выступлению И. Давыдова, редакция считает необходимым отметить, что В. Серебряков оставил вне поля зрения один из основных пунктов экономической концепции И. Давыдова — механистическую трактовку им вопроса о соотношении производства и обмена.

² «Исторический материализм и критическая философия». Сборник статей. СПб, типогр. т-ва «Общественная польза», 1905 г., с. 227.

³ Там же, с. XVI. Разрядка принадлежит Давыдову.

Не оставлял Давыдов без внимания и экономические проблемы. Он пытался растворить марксовы экономические категории в «общем духовном начале», констатируя понятие «общественной души» (см. с. 34), отвергая положение Маркса о том, что производительные силы являются движущей силой исторического процесса (см. с. 55 п 72), считая таковой «структурно-идеально-формативные элементы человеческого «я», и проводил à la Штаммлер разрыв производительных сил и производственных отношений.

Вряд ли необходимо приводить другие «перлы», которыми обильно усеяны давыдовский «Исторический материализм etc.» и его обширное предисловие ко 2-му тому «Хозяйства и права» Р. Штаммлера. Старая позиция Давыдова, звавшего от Маркса к Канту и советовавшего «захватить с собою» за компанию и Фр. Ницше (см. с. 227), вырывается и без того достаточно ясно и недвусмысленно.

Новая работа И. Давыдова, вышедшая в августе 1929 г., название которой мы привели в подзаголовке и разбору которой посвящаем настоящие строки⁴, убеждает в том, что общие методологические позиции автора остались неизменными. Лишь одному научился Давыдов за последние четверть века, бывшие годами величайшего триумфа марксизма и разоблачения буржуазно-упадочной сущности неокантианства: Давыдов не выступает более с открытым забралом против Маркса, не бросает прямого призыва к Канту. Ныне он занимается фальсификацией Маркса, подстригая его под Канта и Штаммлера, пытаясь выдать неокантианские теоретические фокусы за доподлинный марксизм.

Но тем более опасна новая работа И. Давыдова. К вопросам методологии политической экономии сейчас приковано внимание очень широких слоев. Книжке, посвященной проблеме абстрактного труда, обеспечен сбыт и интерес. И возможно, что кое-кто из малоподготовленных читателей примет давыдовский «марксизм» за чистую монету. Внешние данные для этого в книге имеются: постоянные ссылки на Маркса, претензии на монопольное его толкование, третирование авторов-марксистов, писавших по вопросам абстрактного труда. Наконец, собственные воззрения Давыдова зачастую заботливо смягчены или завуалированы.

Это побуждает нас заняться разбором некоторых важнейших положений книги И. Давыдова. Ряд более мелких и производных моментов придется оставить без рассмотрения. В книге Давыдова 170 страниц и, пожалуй, не меньшее количество ошибок. Разобрать их все в рамках настоящей статьи представляется невозможным, да вряд ли это и необходимо.

ЧЕТЫРЕ ПРИЗНАКА КАНТИАНСТВА

Для критической философии, как известно, характерен полный разрыв между формой и содержанием, между «явлениями» и их непознаваемыми сущностями — «вещами». Кантианство требует строжайшего разграничения содержания и формы с тем, чтобы подвергать их затем лишь изолированному рассмотрению. А так как всякое конкретное целое, всякое действительное явление, в том числе и экономическое, есть единство формы и содержания, живое и конкретное единство противоположностей, противоречивые моменты которого движут и определяют явление, то никакого действительного изучения на базе игнорирования единства построить нельзя. Тот, кто не охватит явление в единстве заключенных в нем противоположностей, тот не уловит внутренних диалектических противоречий, образующих сущность явления. Это неизбежная вторая черта критицизма. Но тем самым будет исклю-

⁴ План настоящей статьи задуман совместно с т. М. Жив, ряд положений продуман с ним же. Автор приносит т. Жив свою дружескую благодарность.

чена возможность понять и объяснить движение, развитие явления, ибо «противоречие — вот что на самом деле движет миром»⁵. Статический подход, изучение явлений лишь в состоянии покоя, вне действительного движения — такова третья, вытекающая отсюда черта кантианства. И неизбежна также четвертая: если явление не может быть понято в единстве, то тогда одна из противоположностей отбрасывается, игнорируется, а другая уродливо одномерно удлиняется, раздувается, чтобы охватить, (хотя это явно невозможно), всю конкретную полноту явления — процесса. Игнорирование материального мира, односторонний идеализм — вот последний интересующий нас здесь признак критицизма.

В работе И. Давыдова наличествуют все четыре указанные черты кантианства. Попытаемся последовательно их вскрыть.

Но предварительно — еще одно замечание. Давыдов, фактически исходя в применении к конкретной экономической области из методологических принципов кантианства, старается не оговаривать этого, не подвергать эти принципы специальному рассмотрению. Однако ему не всегда удается удержаться на этой позиции, и он порою явно становится на путь защиты Канта.

Давыдов, например, голословно и крикливо в примечании на с. 52, оспаривает, что Кант рассматривал форму как нечто внешнее по отношению к содержанию. Он обрушивается на тех авторов, которые, в полном согласии с действительностью и единодушным мнением марксистской философии, позволили себе это утверждать. И развивая свои взгляды, Давыдов не сдерживает победоносного восклицания: «Здесь веет духом гегелева и к а н т о в а учения о форме»⁶. Совсем непохоже друг на друга учения о форме Канта и Гегеля отождествляются здесь для того, чтобы и проташить Канта и прикрыться очень авторитетным именем великого диалектика Гегеля.

РАЗРЫВ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ У И. ДАВЫДОВА

Исходным тезисом Давыдова является следующий: производительные силы и производственные отношения должны рассматриваться как чуждые, невыводимые, не соприкасающиеся друг с другом. «Материальные производительные силы — категория чисто натуралистическая». Производственные отношения, напротив, носят «социальный характер»⁷, представляют собою «социальные условия»⁸. Производительные силы и отношения производства отнюдь не относятся друг к другу, как стороны одного единства. Они, как «натуралистическое» и «социальное», «отличны друг от друга, не сводимы друг к другу, не в о д и м ы друг из друга»⁹. Их никак нельзя сочетать в одном целом, они даже не сталкиваются и не е р е к р е щ и в а ю т с я в своем движении¹⁰.

В приведенном построении действительно веет духом к а н т о в а учения о форме. Но здесь все находится в вопиющем противоречии и с Гегелем и с Марксом.

Производительные силы — это вовсе не нечто «чисто-натуралистическое». Они представляют собою процесс воздействия общественного чело-

⁵ Гегель, Сочинения, т. I, с. 206, Госиздат, 1929 г.

⁶ «Абстрактный труд в учении Маркса о стоимости», «Прибой», 1929 г., с. 52.

⁷ Там же, с. 132. То же, с. 85.

⁸ Там же, с. 85 и 93.

⁹ Там же, с. 84. Разрядка паша. Далее мы оговариваем лишь те места, где разрядка принадлежит цитируемым авторам.

¹⁰ См. сс. 6, 14, 84, 126, 155, 156, 164 и др.

века на природу, являются, как правильно сформулировал т. Абезгауз, «действиями человека в определенной материальной среде»¹¹. Да и производственные отношения — не голая социальная форма, которая не имеет никакого отношения к бренной материи. Они суть отношения людей в процессе производства на почве материального производства, специфические общественные отношения людей между собой на базе их общего отношения к природе.

Представить производственные отношения не выводимыми из производительных сил — это значит выбросить центральное положение исторического материализма, гласящее, что производительные силы являются стержнем и конечной движущей силой исторического развития, что данная общественная форма вызывается к жизни известным уровнем развития производительных сил и изменяется в результате конфликта с последними. Давыдов уже в 1905 г. воевал против этого краеугольного камня марксистской социологии и экономики. Ныне он остается на своих старых позициях.

Далее, поистине смехотворно педантичное заявление о том, что «натуралистическое» и «социальное» нельзя сочетать в одном целом. Они реально, в действительной жизни сочетаются и взаимосвязываются в единстве каждого данного способа производства, хозяйственного строя, экономики. Способ производства представляет собою «сочетание общественных связей и технических приемов»¹². Внутри него мы имеем находящиеся во внутреннем противоречии, теснейшем взаимодействии и взаимопроникновении материальные производительные силы и производственные отношения, сложившиеся на их основе. Единство этих моментов никак не устранил их реальнейшего различия. Последнее отнюдь не исключает действительного единства.

Противоречивое отношение производительных сил и отношений производства образует закон движения, сущность хозяйственного строя. Специфически-историческая форма этого противоречия — противоречие между производством продукта и производством прибавочной стоимости — предоставляет собою глубочайшую сущность капитализма, а соответственно — и важнейшую проблему политической экономики. Наконец, всякое экономическое явление есть действительное единство производительных сил и производственных отношений, составляющих его содержание и форму. Таковы, труд, товар, капитал и т. д. Хороша же политическая экономия, которая с самого начала разрывает связи между содержанием и формой производства!

Даже неокантианец Фр. Петри имеет некоторое преимущество перед Давыдовым в понимании Маркса: он увидел, по крайней мере, что Маркс синтезирует «материально-техническое» и «социальное», материальный процесс производства и его общественную форму. Но отягченный грузом кантовских предрассудков Петри не мог возвыситься до уяснения марксова диалектического подхода, восприняв это как «дуализм». С Давыдовым дело обстоит хуже — он просто похоронил блестящее построение Маркса, выбросил всю «материально-техническую» сторону противоречия и этим нехитрым приемом избавился от нелюбимых им внутренних противоречий. Впрочем Давыдову угодно считать это защитой Маркса от обвинения в дуализме.

Итак, производственные отношения благополучно оторваны от производительных сил, а последние целиком высланы в довольно отдаленную

¹¹ «Проблемы экономики» № 4—5 за 1929 г., с. 230.

¹² «Капитал», т. I, изд. 1920 г., с. 648.

область технологий. Не угодно ли на одном конкретном примере посмотреть, что из этого получается?

«Высоко развитая техника Соед. Штатов Сев. Америки наших дней, — иллюстрирует свой основной тезис Давыдов, — in abstracto могла бы служить основой для чисто-социалистического строя хозяйства. Сама по себе она несколько не предрешает характера производственных отношений, которые могли бы быть связаны с нею. Что она предрешает, — конечно, технологически, — это крупный масштаб производства. Но крупный масштаб производства в одном случае может облечься в костюм буржуазных производственных отношений, в другом — в костюм коллективистических производственных отношений»¹³.

Следовательно, производственные отношения не связаны необходимо с определенной ступенью развития производительных сил; капиталистическая структура САСШ не находится в вопиющем противоречии с развитием производительных сил, а последнее не требует ломки тормозящей его общественной формы; высокий уровень производительных сил ничего не предрешает и прекрасно уживается с любой системой производственных отношений. А с другой стороны, в Америке после пролетарской революции, видимо, не понадобится ни социалистической реконструкции, ни коренного перелома в темпе и характере развития производительных сил.

Реакционная теория неизбежно тащит за собою реакционные практические выводы, хочет или не хочет того ее автор. «С древа абстракции сам практики плод упадет».

ОТРИЦАНИЕ И. ДАВЫДОВЫМ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Мы видели уже в предыдущем, что Давыдов игнорирует единство противоположностей в общественном производстве. Но единство противоположностей есть коренной закон диалектики; вместе с ним Давыдовым игнорируется вся диалектика и старушка формальная логика безраздельно владеет всем ходом рассуждений нашего исследователя. Если факты, которые иногда видит сам Давыдов, не согласуются с канонами формальной логики — тем хуже для них.

«Сфера производства товаров не есть лишь простой материально-технический процесс — она есть в то же время, точнее — прежде всего „производственное отношение“. Фабрика, например, — это „категория одновременно и технологическая и социологическая»¹⁴. Так обстоит дело в действительности и этого не может не заметить даже Давыдов. Но формально... формально все должно выглядеть иначе. Nous avons changé tout cela — может заявить Давыдов. И вот что у него получается:

«Товарно-капиталистический способ производства и простой процесс труда в понятии не имеют между собою ничего общего, они несоизмеримы между собою, они в основных своих чертах глубоко отличны друг от друга. Но реально, фактически они сливаются в один клубок и лишь абстрактно-аналитическая мысль отпрепарирует четко их друг от друга и превратит (!) в особые, несоизмеримые между собою категории»¹⁵.

Давыдов выдал здесь своей же теории свидетельство на неспособность адекватно отражать действительность. Реально, фактически мы имеем

¹³ И. Давыдов. Цит. соч., с. 127.

¹⁴ Там же, с. 10. «Товаров» — подчеркнуто Давыдовым.

¹⁵ Там же, с. 18.

внутренне-противоречивое единство, а так как Давыдов не хочет признать имманентных противоречий, то приходится все так «отпрепарировать», чтобы «в понятии» между частями конкретного единства не осталось ничего общего.

Сколько далеки давыдовские формально-логические понятия, пахлящие в резком противоречии с действительностью и неспособные ее всесторонне охватить, от живых и конкретных понятий марксистской экономики! Пытаясь изгнать внутренние противоречия из действительности Давыдов вынужден создать нелепейшее противоречие между действительностью и отражающими ее понятиями.

Немудрено, что при попытках толкования Маркса Давыдову приходится очень туго и он вынужден попадать в грубейшие, отнюдь не диалектические противоречия. Так, он берется упрекать Петри за то, что «потребительная стоимость — меновая стоимость, конкретный, полезный вид труда — труд абстрактно-всеобщий, — этой полярной противоположностью», несомненно играющей основную роль в учении о стоимости Маркса, Петри все же не уяснил себе должным образом¹⁶. Неплохо как будто бы. Но уяснил ли себе эту полярную противоположность Давыдов? Посмотрим несколькими строками ниже на этой же странице, и мы прочтем: «Но Маркс сознательно, en toutes lettres, ограничивает задачу политической экономии именно социальным строением хозяйства. Технология и марксова политическая экономия лежат в совершенно различных плоскостях, не сталкиваясь и не перекрещиваясь на путях своего движения».

Куда же девалась у Давыдова основная противоположность? Она благополучно рассечена пополам и половинки ее «не сталкиваются и не перекрещиваются». «Потребительная стоимость и стоимость меновая движутся в двух разных плоскостях, непомерных, непокачественных»¹⁷. И тем самым невозможно никакое реальное противоречие между ними.

Маркс рассматривает товарно-капиталистическое производство как противоречивый процесс — процесс труда и процесс производства прибавочной стоимости. Соответственно, труд выступает как противоречивое единство труда конкретного, создающего потребительную стоимость, и труда абстрактного, создающего стоимость. Ибо и товар является противоречивым единством потребительной стоимости и стоимости. Напрасно искать всего этого у Давыдова. Он не может «в понятии» охватить «материально-техническое» и «социальное», связать одну сторону единства с другой, насильственно «препарирует» действительность и при этом упускает все внутренние противоречия.

Давыдов не возвысился до понимания диалектики, да и вообще он не особенно ее жалует. Он не устает многократно издеваться над «диалектикой» всех других авторов, писавших об абстрактном труде, чеголяет постоянным «или — или», говорит о якобы непременно «внутренне-противоречивом характере» практики¹⁸ и выдвигает, наконец, взамен диалектического метода абстрактно-аналитический, который, по собственному заявлению Давыдова, игнорирует «процесс неустанных изменений».

СТАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ДАВЫДОВА

Для Давыдова характерен статический подход — такой статический подход неизбежно вытекает из отрицания внутренних противоречий. В са-

¹⁶ И. Давыдов, Цит. соч., с. 155.

¹⁷ Там же, с. 164.

¹⁸ Там же, с. 159.

мом деле, сущностью и источником самодвижения всех вещей являются имманентные противоречия. Если упустить их из виду, то движение станет необъяснимым. На базе формальной логики приходится искусственно брать явления лишь в состоянии покоя.

Марксу было в высокой степени чуждо статическое рассмотрение живой диалектической действительности. Маркс с первых же строк своего исследования берет явления в борьбе внутренних противоположностей, в противоречии, которое является их деятельным обнаружением. Логический путь «Капитала» воспроизводит основную линию действительного исторического развития товарно-капиталистического хозяйства; именно основную линию, вне зигзагов и случайностей конкретной истории. Маркс никогда не применял изолированно абстрактно-аналитического метода, последний был для него лишь одним из моментов единого диалектического метода. Здесь-то и лежит, между прочим, отличие метода Маркса от метода классиков. Однако давидовская интерпретация метода Маркса еще грубее и ошибочнее.

«В рамках марксовской политической экономии, — заявляет Давыдов, — у нас два устоя: диалектический метод и метод абстрактно-аналитический»¹⁹. Все здание политической экономии следует строить, именно руководясь последним²⁰. В чем же он заключается?

«Абстрактно-аналитический метод» упрощает «действительность: в многогранной конкретности он берет за исходный пункт один какой-либо момент и логически развивает его, сознательно игнорируя все остальные моменты, присущие данной конкретности. Процесс неустанных изменений, процесс неустанного становления мы как бы совершенно элиминируем в этом случае и сознательно, но лишь на данный момент, становимся на статическую точку зрения»²¹.

И это называется методом исследования, и это методологическое фокусничество приписывается Марксу. Выхватить из живой связи «один какой-либо момент», игнорируя все другие; элиминировать процесс неустанных изменений; стать на статическую точку зрения — таков нехитрый рецепт запутавшего кантланца, наглядно показывающий, сколь криво отражается метод «Капитала» через призму критической философии.

Однако, требуя не касаться диалектики «там, где речь должна была бы идти о применении абстрактно-аналитического метода Маркса»²² (а это «там» распространяется Давыдовым на всю область основных законов политической экономии), наш автор готов все-таки отвести некоторую роль и ей. Как представляется эта роль Давыдову, неплохо иллюстрируется им на с. 91. Товар, рынок, обмен, свободная конкуренция, стоимость — все это Давыдов, а по его мнению и Маркс, находит и строит статически. Лишь затем, когда даны по существу все основные законы, Давыдов соглашается перейти к диалектике, «привлекая к анализу новый момент — тенденцию нормы прибыли к одинаковому уровню».

Если следовать Давыдову, то пришлось бы признать, что оба первые тома «Капитала» построены статически, а товар, стоимость, обмен и т. д. исследуются Марксом не как реальные процессы, а как метафизиче-

¹⁹ И. Давыдов, Цит. соч. с. 108.

²⁰ «Абстрактно-аналитический метод есть не более как леса, которые мы воздвигаем вокруг строящегося здания. Здание закончено постройкой — и леса мы убираем, отбрасываем» (с. 34). И так, диалектика вступает в свои права лишь тогда, когда уже «здание закопчено постройкой». Вряд ли можно выразиться более цинично.

²¹ Там же, с. 90.

²² Там же, с. 126.

ские понятия. Любой читатель «Капитала» без труда убедится в противоположном.

С одним только заявлением Давыдова по разбираемому вопросу мы должны безоговорочно согласиться. «Без ясного, четкого представления о природе и характере абстрактно-аналитического метода и метода диалектического — пишет он, — нет и не может быть правильного представления об учении о стоимости Маркса»²³.

ИДЕАЛИЗМ И. ДАВЫДОВА

Мы видели выше, что Давыдов оказывается неспособным увязать производительные силы и производственные отношения. Единственно возможный для кантианца выход из положения — это игнорирование производительных сил вообще, игнорирование материального производства и ограничение политической экономии областью, никак не связанными с производительными силами и их развитием «чистых» социальных отношений.

Давыдов так и делает. Он сводит товарно-капиталистическое производство к голому понятию и утверждает: «В товарно-капиталистическом производстве как таковом, то есть (!?) в понятии товарно-капиталистического производства, нет ни грана ни от „природы“, ни от „техники“. Та и другая лежат за пределами товарно-капиталистического производства»²⁴. Конечно, в понятии самом по себе ни грана «природы» или «техники» нет. Но какой чудовищный ляпсус — отождествить понятие с тем явлением, которое оно отражает!

«Производство» у Давыдова оказывается не имеющим ничего общего с материальным производством. Он довершает тем самым тот процесс изгнания «материально-технического» из политической экономии, в котором приняли до него поспешное, но гораздо более умеренное участие Франц Петри и другие. Вспомним, например, что Франц Петри стремился разгородить «естественно-научные» и «культурно-научные» моменты теории Маркса, оторвав производственные отношения от всякой «материи». Но дальше всех, конечно, пошел Давыдов. От диалектического материализма его давыдовская интерпретация не оставляет ничего. Зато в писаниях Давыдова справляют свою вторую молодость стыдливо-прикрытые «правовые отношения» Р. Штаммлера. Давыдов остался верен Штаммлеру и не изменил своей первой любви. Он был и остается идеалистом.

Вполне увязываются с общей концепцией Давыдова и те взгляды, которые он развивает по вопросу о предмете политической экономии.

«Марксова политическая экономия, — пишет Давыдов, — изучает ту совокупность общественных отношений, которая возникает в процессе хозяйственной деятельности автономных товаропроизводителей»²⁵. Все, что касается производительных сил, относится к области технологии, с которой политическая экономия не имеет никаких связей, никаких точек соприкосновения. Тем самым, сущность товарно-капиталистического хозяйства, имманентное ему противоречие между процессом производства и его общественной формой остается за пределами политической экономии. Ведущий момент, определяющий основную линию возникновения, разви-

²³ И. Давыдов. Инт. соч., с. 166.

²⁴ Там же, с. 18. Разрядка всюду, за исключением слов «то есть», принадлежит Давыдову.

²⁵ Там же, с. 163.

тия и упадка товарно-капиталистической системы производственных отношений, — момент, которому уделяется максимальное внимание в «Капитале», оказывается за бортом. Для коренного противоречия и представляющих его конкретизацию противоречий между абстрактным и конкретным трудом, стоимостью и потребительной стоимостью, стоимостью и производительной силой труда, тенденцией увеличения прибавочной стоимости и средством к этому — развитием производительных сил, — противоречий, выражающихся в кризисах, противоречий, приводящих к краху капитализма — для всех этих основных проблем «Капитала» в давидовской политической экономии места нет. Ведь конкретный труд, потребительная стоимость, производительная сила труда, развитие производительных сил и т. д. — все это относится Давыдовым к «натуралистическому» и принципиально им игнорируется.

Конечно, политическая экономия вовсе не изучает ни производительные силы, ни потребительные стоимости, ни отношение человека к природе, как к т а к о в ы е. Но она берет производительные силы как элемент образующего сущность капитализма противоречия, на фоне которого только и становится понятным развитие системы производственных отношений и внутренних ее противоречий. Имея целью вскрыть «закон экономического развития современного общества»²⁶, политическая экономия изучает противоречия между производительными силами и их капиталистической общественной формой и складывающуюся на этой основе систему производственных отношений.

Со своей идеалистической точки зрения подходит Давыдов и к проблеме взаимоотношения производства и обмена: Он выступает здесь непосредственно против несомненной переоценки роли обменярядом авторов, но критикует их очень своеобразно. Если те склонны считать производство исключительно материально-технической сферой, то Давыдов, возражая им, стремится вовсе изгнать «материально-технические» моменты не только из обмена, но и из производства. Если критикуемые им авторы, пытаясь уловить сложную диалектическую связь производства и обмена, приходят в результате к переоценке последнего, то Давыдов вообще далек от понимания всякой диалектики и просто «подгоняет» производство и обмен друг к другу.

Общественный характер товарного производства он понимает метафизически, игнорируя, по существу, моменты разорванности и частной формы общественного процесса производства, не выясняя как следует имманентной необходимости реализации этого общественного характера через обмен. У Давыдова исчезает вся диалектика связи общественного и частного, смазывается вся проблема и товарное хозяйство приобретает черты упорядоченной общественной «целостности».

А в решающем месте Давыдов совершает противоположную ошибку, прямо переходя на позиции критикуемых им авторов. Вот что он пишет: «То, что частный вид труда становится в сфере обращения общественным трудом; то, что конкретный вид труда, уравниваясь со всеми другими конкретными видами труда, становится абстрактным трудом; то, что сложный труд (труд квалифицированный) сводится к простому труду, а индивидуальный труд сводится к общественно-необходимому труду — эти сложнейшие процессы могут происходить в сфере

²⁶ «Капитал», т. I, с. XIV. «Предметом моего исследования в настоящей работе, — говорит Маркс в том же предисловии к I изданию, — является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» (с. XII).

о б р а щ е н и я лишь благодаря тому, что товар как единство потребительной стоимости и стоимости, являясь на рынок, уже залася из сферы производства всеми необходимыми для этого качествами. Рынок не творит этого, а даст лишь возможность проявиться этому»²⁷.

Следовательно, и по Давыдову частный труд в сфере обращения и становится общественным. Превращение труда в абстрактный, общественно-необходимый и простой совершается тоже в сфере обращения. Оговорка — относительно неких «качеств», которые в сфере производства предопределяют явления обращения сути дела не меняет.

Нечего уже и говорить о том, какую путаницу порождает содержащаяся в приведенной цитате отнесение стоимости к производству, а образующего ее абстрактного труда — к обращению.

Мы проследили, таким образом, давидовские «методологические основы». По всем основным пунктам они совпали с общими принципами критицизма и по всем пунктам они разошлись с диалектической методологией Маркса. Давыдов, который якобы поставил перед собою задачу «вскрыть методологические основы учения о стоимости Маркса»²⁸, в действительности занялся некапиталистской переделкой марксовской теории. Приходится согласиться с ним в том, что «окончательное решение проблемы абстрактного труда, как и вообще проблемы стоимости, лежит исключительно в плоскости методологии». Качество последней у Давыдова дает все основания отбросить его решение проблемы.

Следует разобрать еще однако и непосредственные высказывания Давыдова по вопросам абстрактного труда.

ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ТРУДА

Исходный пункт политической экономии — это проблема двойственного характера труда, который является первым выражением противоречивого двойственного характера товарного производства. Фактический трудовой процесс представляет собою в товарном хозяйстве единство частного, создающего определенную потребительную стоимость, конкретного труда и труда абстрактного — безразличной затраты части совокупной рабочей силы общества. Лишь на фоне внутренней диалектики труда в товарном хозяйстве, приводящей к стоимости и деньгам, можно понять природу абстрактного и конкретного труда, дать их адекватную характеристику, выяснить их соотношение.

Абстрактный и конкретный труд лишь в их взаимопроизводительности и отражают отношения производства и производительные силы товарного хозяйства. Конкретный труд есть по содержанию полезная, определенно направленная деятельность индивида; как таковой он является частным, несоизмеримым с другим трудом автономного товаропроизводителя. Абстрактный труд представляет собою по содержанию простую затрату общественной рабочей силы и в этом качестве он — специфически-общественный труд, определенное отношение производителей, всесторонне связанных между собою и в то же время формально оторванных друг от друга противоречивой системой общественного разделения труда²⁹.

Всего этого для Давыдова вовсе не существует. Он совсем не видит проблемы двойственного характера труда, действительного противоречия между абстрактной и конкретной сторонами трудового процесса. Трудовой процесс в товарном хозяйстве как целое Давыдов отрицает вообще.

²⁷ И. Давыдов, цит. соч., с. 12.

²⁸ Там же, с. 4.

²⁹ Мы говорим здесь о системе общественного разделения труда, как она складывается в системе товарного хозяйства, образуя его основное производственное отношение.

«Если берется, например,—пшет он,—труд как создатель потребительной стоимости и тот же труд как создатель стоимости и прибавочной стоимости,— то здесь можно было бы, конечно, говорить об отношении тождества и различия. Но это „носит здесь характер „исключения“: п л и о д н о — п л и д р у г о е»³⁰. Давыдов дошел, таким образом, до отрицания того, что стоимость и потребительная стоимость создаются не в двух разных, но в едином действительном процессе труда.

Неудивительно, что Давыдов утверждает, будто «в марксовой системе понятия абстрактного труда и труда конкретного даны, они несводимы одни к другому, они не в выводи мы одни из другого, и свои построения по отношению к этим категориям Маркс ведет в двух различных плоскостях, отнюдь не сливающихся одна с другой»³¹.

Естественно, что Давыдов не может понять переходов конкретного труда в абстрактный и наоборот. Естественно также, что он не представляет себе реального существования абстрактного труда, которое все более превращается из «латентного» в очевидное по мере присущего капитализму развития кооперации, технического разделения труда, превращения хозяйства в мировое и все большего фактического сведения труда к простому, который является формой существования абстрактного труда. Возникновение абстрактного труда для Давыдова сводится к тому, что «путем абстрагирования от некоторых «черт», «признаков» данного «конкретного» мы строим новое понятие»³².

О «ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ» СОДЕРЖАНИИ АБСТРАКТНОГО ТРУДА

В натуральном хозяйстве труд отдельного производителя непосредственно включен в систему совокупного общественного труда и тем самым имеет непосредственную общественную значимость. Иное дело в товарном хозяйстве, где на основе сложившейся системы общественного разделения труда и частной собственности становится безразличной индивидуальность трудящегося. Налицо множество конкретных видов труда — и ни один из них не выделяется из ряда других. Происходит постоянная миграция труда. Определенный вид труда становится безразличным и более или менее «случайным». Общественное значение труда сводится к затрате рабочей силы, вне зависимости от конкретной ее формы и индивидуальности производителя. «Время — все, человек — ничто; он только воплощение времени»³³. «Тот труд, который образует субстанцию стоимости, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы». Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, принимается здесь за одну и ту же человеческую рабочую силу, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил»³⁴. «Труд, измеряемый, таким образом, временем, выступает в действительности не как труд различных индивидуумов, но скорее различные трудящиеся индивидуумы выступают как простые органы этого труда»³⁵.

Итак, специфический общественный характер работ товаропроизводителей состоит в их всеобщности, в том, что каждая из них представляет

³⁰ И. Давыдов, цит. соч., с. 100. Разрядка подлинника.

³¹ Там же, с. 69.

³² Там же, с. 69.

³³ К. Маркс, Ницета философии, изд. 1919 г., с. 55.

³⁴ «Капитал», т. I, с. 5. То же у Ленина, см. Собр. соч., т. XII, с. 327.

³⁵ «К критике политической экономии». Одесса, 1923 г., с. 44.

однородную частицу общественного труда. Абстрактный труд и является таким специфически-общественным трудом товарного хозяйства, затратой общественной рабочей силы³⁶. Труд каждого отдельного производителя в качестве образующего стоимость берется как часть такой затраты, как простой средний труд, ибо «абстракция всеобщего человеческого труда существует в среднем труде, который в состоянии выполнять каждый средний индивидуум данного общества; это—определенная производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д.»³⁷. Общественный труд выступает как «затрата рабочей силы в физиологическом смысле слова»³⁸, последняя оказывается в товарном хозяйстве содержанием абстрактного труда, основой количественного сравнения стоимостей, носителем определенных производственных отношений.

Понимание этого пункта является решающим для всей марксовской теории. Переоцените роль «физиологической затраты», превратив ее в вечную категорию, имеющую постоянное экономическое значение,—и вы совершенно упустите то специфически-историческое значение, которое она имеет. Игнорируйте, наоборот, эту «физиологическую затрату», ограничившись вскрытием формы абстрактного труда — и вы превратите его в пустое «общественное значение», а кроме того закроете путь к выяснению количественной стороны абстрактного труда и стоимости.

Давыдов начисто отрицает трудовое содержание абстрактного труда и он был бы плохим кантианцем, если бы поступил иначе. Он требует «однородности» всех составных моментов абстрактного труда³⁹, который, однако, к сожалению, представляет собою не надуманную категорию, а реальное явление, не могущее не быть единством многих, притом противоположных определений.

Прямые высказывания Маркса относительно содержания абстрактного труда чрезвычайно мешают Давыдову, и последний пускается в их комментирование. Оказывается, что соответствующие выражения Маркса следует «понимать фигурально», как некую «метафору». «Маркс и следовательно в целях пояснения своей мысли об „единой субстанции“ в портняжестве и ткачестве обращается в этой связи к физиологическим терминам... Вещи не-формально этот образ вполне пригоден»⁴⁰...

Конечно, здесь налицо издевательство над автором «Капитала». Важнейшее его положение сводится к простой метафоре, а подправленный Давыдовым Маркс, оказывается, занимается внешне-формальными аналогиями. Нелепость такого представления о Марксе настолько бьет в глаза, что самому Давыдову становится неудобно. И на с. 56 он проговаривается, что Марксу нужна «физиология» для того, «чтобы показать и выявить то „общее“, „одинаковое“, что кроется за „различным“ (портняжество, ткачество)»⁴¹...

Неудача «истолкования» марксовых высказываний отражает общую

³⁶ Последнее не является чем-то нереальным. Товарное производство фактически выступает как общественное производство, товар — как продукт коллективного труда, а труд каждого отдельного производителя, всеобщие-связанного с другими,—как часть общественного. При этом общественная рабочая сила вовсе не равна простой сумме отдельных сил. Она, как то показал Маркс хотя бы на примере простой кооперации, далеко не совпадает с механической суммой сил.

³⁷ «К Критике» etc., с. 45. Разрядка Маркса.

³⁸ «Капитал», т. I, с. 11.

³⁹ И. Давыдов, цит. соч., с. 112.

⁴⁰ Там же, с. 51 и 97.

⁴¹ Там же, с. 56.

беспомощность и положительной трактовки Давыдова и его критических упражнений. Почти вся книга посвящена опровержению физиологической версии, но Давыдов делает это поразительно неудачно. Вместо того, чтобы поставить «физиологию» на ее настоящее место и диалектически опровергнуть механическое игнорирование общественной формы и стремление к естественным законам, книга содержит лишь крикливые заверения о неудовлетворительности (это, конечно, верно) позиции «физиологистов», подкрепленные тоскливо повторяющимися кантапскими методологическими вывертами.

Наконец, прекрасным заключительным аккордом давидовской концепции звучит его пзументальное рассуждение о теории Петри. Давыдов заявляет: «Петри не понял ни учения об обществе Маркса, ни учения о стоимости как о регуляторе меновых отношений самостоятельных товаропроизводителей. Но это не мешало ему выработать отчетливое, в основном правильное понимание абстрактного труда»⁴².

Комментарий излишен... И если стыдливый неокантинец пытается (как мы показали на ряду пунктов — неудачно) отмежеваться от теории своего откровенного единомышленника, если он не жалеет слов о «непонимании», то все же по отношению к важнейшей проблеме марксовой теории стоимости между ними обнаруживается полное единодушие. Последнее показывает, что учения Маркса об обществе и о стоимости не понял не только Петри, но и разбираемый нами автор. И оба они выработали совершенно неправильное понимание абстрактного труда.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ СТОРОНА ПРОБЛЕМЫ

Особенно отчетливо демонстрирует свое бессилие **ф о р м а л и с т и ч е с к а я** версия абстрактного труда при подходе к количественной стороне проблемы.

Давыдов вообще этой стороной интересуется мало. «Больше труда, меньше труда — это момент второго порядка и тут нет никакой особой проблемы»⁴³, пренебрежительно заявляет он. Вместе с тем он скромно отмечает, что в его книге «количественная проблема получает четкое и вполне адекватное отражение в полном согласии и с буквой и с духом марксова учения о стоимости»⁴⁴. Посмотрим, каково же это «четкое» и «адекватное» решение.

«Мы берем совокупное общественное рабочее время. Из этой целокупности как бы делаем затем вырезок, берем некоторую (!) часть, приурочивая (!) ее к данному товару или стоимости (Маркс)⁴⁵. Этот вырезок тем самым выражает некоторое количественное отношение к целому, ибо вне этого отношения он вообще не существует, как зависящая от целого величина»⁴⁶.

Вот все. Лишь в одной из своих статей, легших в основу разбираемой книги⁴⁷, Давыдов кроме того обобщает свое решение в следующей формуле:

$$\text{Стоимость} = \frac{\text{количество затраченного на товар рабочего времени}}{\text{масса общественного рабочего времени}}$$

⁴² И. Давыдов, цит. соч., с. 146.

⁴³ Там же, с. 137.

⁴⁴ Там же, с. 110.

⁴⁵ Здесь мы имеем, между прочим, один из образчиков давидовской манеры цитирования. При чем тут Маркс? Он указан и из него взято два слова для того, чтобы создавалась видимость того, что фраза представляет цитату из Маркса или близко отражает какое-либо из его высказываний. Здесь ни того, ни другого, конечно, нет.

⁴⁶ Там же, с. 133.

⁴⁷ См. И. Давыдов, Проблема абстрактного труда (К методологии марксова учения о стоимости). «Записки научн. о-ва марксистов», кн.: II за 1928 г.

Вряд ли можно придумать что-либо менее удовлетворительное. Прежде всего, как определить «количество затраченного на товар рабочего времени», как найти ту «некоторую» часть, которую Давыдов предлагает «приурочить» к данному товару? Взять индивидуально-затраченное время? Но ведь оно вовсе не показательно, ибо не фактическая затрата труда отдельного производителя, а о б щ е с т в е н н ы й и общественно-необходимый труд образует стоимость. Взять продолжительность затраты общественной рабочей силы, продолжительность простого «физиологического» труда? Но именно для борьбы с этим Давыдов «в поход собрался». На первый из возникающих вопросов он ответа не дает.

Далее, что это за «масса общественного рабочего времени», как ее вычислить, в каких единицах измерить? В часах, — ответит Давыдов, и это, конечно, верно. Но в часах чего? В часах затраты общественной рабочей силы, то есть в часах «физиологической затраты данной интенсивности» — сказали бы мы. Но Давыдов с этим не согласится. Может быть, взять фактическую сумму труда, затраченного обществом, что, по нашему мнению, даст тот же результат, что и сумма физиологических затрат? Но ведь этого ни один формалист не признает. Как Давыдов измеряет общественное рабочее время — остается секретом.

Давыдовское «совокупное рабочее время» и его «некоторая часть» суть словесные пустышки, которые призваны затушевывать обход проблемы.

Но пусть бы мы даже согласились отбросить все сомнения по поводу числителя и знаменателя нашей дроби, ради того, чтобы по рецепту Давыдова узнать величину стоимости. Найдем частное. Но ведь оно вовсе не покажет величинности стоимости, а лишь выразит отношение данной товарной стоимости к стоимости совокупной массы товаров. Претенциозно заявленная формула оставляет нас у разбитого корыта.

Такая путаница неизбежно свойственна в количественной характеристике абстрактного труда и стоимости не только Давыдову, но и всем, кто формалистически подходит к вопросу. Наиболее решительный из формалистов, М. Айзенберг, прямо утверждает, что вообще не стоимость и меновая стоимость определяются абстрактным трудом, а наоборот, количества абстрактного труда обуславливаются меновыми пропорциями. Поскольку последние не нарушают общественного равновесия и удовлетворяют производителей, обмен признается за эквивалентный, стоимости обмениваемых товаров — за одинаковые, и количества труда, затраченного на изготовление этих товаров, «отражаются в сознании людей как общественно-равные»⁴⁸.

Эта вульгарная, явно немарксистская точка зрения в пределах неизбежна для всех формалистов. Ее вынужден был бы принять и Давыдов, если бы потрудился до конца додумать свою точку зрения. Ведь у Давыдова величина абстрактного труда (а соответственно и стоимости), лишенная реального трудового содержания, оказывается вполне произвольной и акты менового приравнивания должны явиться единственным материалом для суждения о пей.

Для полноты характеристики разбираемой книги следует остановиться на одном пункте. На с. 45 Давыдов позволяет себе обвинить А. Вознесенского в смешении труда и рабочей силы за то, что тот вместо физиологической затраты человеческой рабочей силы говорит о физиологическом труде. Воз-

⁴⁸ М. Айзенберг, К пониманию теории трудовой стоимости, «Социалистическое хозяйство», кн. IV за 1927 г., с. 101, 102 и др.

несенский, конечно, вправе сделать это, ибо труд и есть процесс затраты рабочей силы. А на с. 96 Давыдов начинает утверждать, что «одна и та же „рабочая сила“ в одном случае создает продукт, в другом — стоимость, в третьем — прибавочную стоимость». Здесь он действительно грубейшим образом путает рабочую силу, отнюдь не создающую стоимость, с трудом.

Противоречить самому себе, делать элементарные ошибки и при этом развязно обвинять других авторов — таков часто применяемый прием Давыдова.

* * *

Вряд ли есть надобность в специальном подведении итогов; они достаточно ясны. В своей положительной части работа Давыдова соединяет оба опаснейших греха, с которыми мы боремся в политической экономии — механистический подход и формалистические тенденции. В части критической она совершенно беспомощна, ибо стоит на более низкой методологической базе, чем критикуемые ею авторы.

Книжка Давыдова, под флагом марксизма протаскивающая совершенно чужеродные воззрения, представляется нам прямо вредной. Надо предостеречь от нее малоискушенных читателей. А самому Давыдову следует напомнить его же собственные слова: «Нужно быть несколько скромнее по отношению к тому великому и идейному наследию, которое завещали нам основоположники научного социализма, и не выдавать свои надуманные построения как „углубление“ дальнейшего развития их учения»⁴⁹.

— — —

⁴⁹ И. Давыдов, цит. соч., с. 94.

ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА КОНЦЕПЦИИ МАРКСА¹.

Моя книга «Учение о ренте» оживила внимание к этой важной проблеме политической экономии. За один прошлый год в одном только журнале «На аграрном фронте» было помещено целых три статьи, вызванных к жизни названною моею книгой. Многие авторы, писавшие о моей книге, возражают против тех или иных основных положений ее. Это естественно. Тем более, что я ведь в общем только повторяю то, что писал по этому вопросу Маркс. Между тем многие наши экономисты, вопреки своим уверениям, в вопросах ренты далеки от ортодоксального марксизма и лишней раз обнаруживают, как прав был Г. В. Плеханов, любивший повторять, что «не всякий твердящий: господи, господи, войдет в царство небесное». И вот, все эти писатели, по меткому слову одного молодого экономиста, «не смея нападать на Маркса, нападают на повторяющего его Любимова», причем нападки эти приукрашивают цитатами из... Маркса; ведь, как пишет Гете, «ссылаться очень любит чорт на доводы священного писанья». Среди наиболее обстреливаемых участков «моей» теории ренты одно из главных мест принадлежит вопросу о местонахождении источников дифференциальной земледельческой ренты. Я утверждаю и доказываю, что они лежат в земледелии же и что, следовательно, дифференциальная рента — феномен производства, а мои противники уверяют, что источники эти лежат в индустрии и что, следовательно, дифференциальная рента — феномен не производства, а обращения. Ввиду важности вопроса о примате производства над обращением и в отношении дифференциальной ренты позволю себе снова остановиться на этой проблеме².

* * *

Мне представляется не лишним, — приступая к анализу этого вопроса, вокруг которого в последнее время разгорелись оживленные споры, — дать сначала хоть и не подробное, но все же более или менее достаточное изложение «моей» позиции, всецело позаимствованной мною у Маркса².

Представим себе для простоты, что весь спрос общества на хлеб покрывается урожаем с двух сортов земли. На лучшем участке при затрате 400 часов труда среднего качества получается 1.000 кг пшеницы с 1 га; на худшем при затрате того же количества труда на той же площади собирается только 800 кг пшеницы. Эти 200 кг разницы и будут

¹ В порядке обсуждения.

² Настоящая статья является главой из имеющей скоро выйти книги автора «Земельная рента», видоизмененной согласно отличиям между самостоятельной статьей и главой из книги.

составлять дифференциальную ренту (натуральную). Далее, так как стоимость 1 кг хлеба определяется количеством среднего труда, затраченного на его добывание на худшей общественно-необходимой земле, то она составит в данном случае 0,5 часов (400:800). Если допустим, что за час общественно-необходимого труда образуется стоимость, равная 30 коп., то выйдет, что стоимость 1 кг хлеба составляет 15 коп. Таким образом денежное выражение натуральной ренты в 200 кг составит 30 рублей.

К этому же выводу можно прийти и другим путем. Согласно сделанному выше допущению стоимость 1 кг хлеба составляет 15 коп. Стало быть, на гектаре лучшей земли будет произведена стоимость в 150 руб. (15 коп. \times 1.000), а на гектаре худшей земли стоимость в 120 руб. (15 коп. \times 800). Разница между ними—30 рублей—и составит дифференциальную ренту (денежную).

Иначе говоря, большее относительное плодородие лучшей земли делает труд на ней относительно более производительным, что в капиталистическом обществе, если есть необходимость пользоваться худшей землей, означает, что на лучшей земле производится большая стоимость и большая прибавочная стоимость, чем на худшей³, и что на лучшей земле мы наблюдаем в этом случае рост относительной прибавочной стоимости, подобно тому, как это наблюдается в индустрии в «медовый месяц» машины, т. е. в то время, когда лишь немногие предприятия пользуются этой лучшей машиной. Главная разница в данном случае, как указывает Маркс, заключается в том, что относительная прибавочная стоимость, которую дает владение новой машиной, явление скоропреходящее по сравнению с той относительной прибавочной стоимостью, которую дает владение лучшей землей.

Из приведенных выше цифр следует, что фактически на обоих участках затрачено 800 часов труда, т. е. мы имеем в данном случае 800 часов индивидуального труда. Но количество индивидуального труда, как известно, очень часто не совпадает с количеством общественно-необходимого труда. Сколько же последнего имеем мы в данном случае?

Из вышеприведенных цифр следует, что 1 кг пшеницы соответствует 0,5 часа общественно-необходимого времени. Всего же на обоих участках произведено 1.800 кг пшеницы. Стало быть, на обоих участках затрачено 900 часов общественно-необходимого времени (0,5 \times 1.800). Иными словами, общественно-необходимого труда в земледелии (при наличии дифференциальной ренты) затрачивается больше, чем индивидуального, и чем больше эта последняя разница, тем больше и дифференциальная рента. Иначе говоря, количество общественно-необходимого времени, затраченного в земледелии, обязательно соответствует произведенной там стоимости: иначе и быть не может при той непосредственной связи, которая существует между общественно-необходимым трудом и стоимостью. Количество же индивидуального труда в земледелии может быть относительно меньше, чем произведенная там стоимость. Это также находится в полной гармонии с марксовым учением о стоимости, согласно которому величина стоимости отнюдь не стоит в непосредственной связи с количеством индивидуального труда.

* * *

Приступая к изложению взглядов моих противников, я должен заметить, что громадное значение обращения для экономической жизни

³ Но конечно, эту большую стоимость и большую прибавочную стоимость образует не сама лучшая земля, а труд рабочих, занятых ее обработкой.

не подлежит и не должно подлежать сомнению. Поэтому заслугою С. Булгакова является то, что он в то время, когда был наиболее близок к марксизму, в своей книге о рынках одним из первых обратил внимание на чрезвычайную важность вопроса об обращении.

Но С. Булгаков, как отмечает Ленин, свои рассуждения строил по старинному рецепту: «Назвался груздем, полезай в кузов»⁴. Поэтому не удивительно, что Булгаков увидел решающую роль обращения и там, где ее нет, и в частности не удивительно и то, что Булгаков пришел к выводу, что «дифференциальная рента — феномен не производства, а обращения»⁵, и пытался обосновать этот последний вывод в своей очень далекой от марксизма книге «Капитализм и земледелие». Это положение Булгакова, как и вся его «новая» теория ренты, — к слову сказать, жестоко разгромленная Лениным, долго не находила отзвука в марксистских рядах. Это и не удивительно. Гораздо более удивительно, что в последнее время оно наконец обрело таких сторонников. Причем последние распадаются на две основные группы. Одна не только признает это положение С. Булгакова, но и в основном повторяет (надеюсь, бессознательно) его аргументацию; другая, признавая это положение Булгакова, защищает его иначе, чем это имело место у самого родоначальника этого взгляда (в русской литературе), у Булгакова. Типичным представителем первых является В. Позняков, вторых — С. Солнцева.

О позиции В. Познякова я уже писал⁶, поэтому предметом настоящей статьи явится почти исключительно разбор системы С. Солнцева. Но все же предварительно придется сказать несколько слов о позиции В. Познякова, чтобы лучше было видно, чем выгодно отличаются от нее взгляды С. Солнцева.

Сравнивая позицию В. Познякова и С. Булгакова, мы, как я показал в названной статье, неизбежно приходим к выводу, что между Булгаковым и Позняковым наблюдается полное и безусловное единодушие по следующим вопросам:

1) Оба они полагают, что определенная стоимость хлеба количеством труда, идущего на производство единицы его на наилучшей земле, составляет принципиальное нарушение теории трудовой стоимости.

2) Оба они утверждают, что цена хлеба должна отличаться от стоимости его.

3) Оба они уверяют, что цена хлеба выше стоимости его.

4) Оба они настаивают на том, что причиной образования дифференциальной ренты является это превышение цены хлеба над стоимостью его.

5) Оба они находят, что дифференциальная рента создается не в земледелии, а главным образом в индустрии.

6) Оба они единодушны в том, что в земледелии оно попадает в результате процесса обращения или, как говорит Булгаков, «распределения»⁷.

Между их позициями есть еще много других черт сходства, но мы опускаем их в данном случае, так как они не имеют непосредственного отношения к разбираемому нами здесь вопросу о местонахождении источников дифференциальной ренты. Что касается последнего вопроса, то

⁴ Ленин, Собр. соч., т. IX, с. 71.

⁵ Булгаков С., Капитализм и земледелие, т. I.

⁶ Л. Любимов, Возрождение булгаковщины, «Социалистическое хозяйство», 1928, № 5 — 6.

⁷ Ibid., с. 37

центральный пунктом, к которому сводится часть других, в свою очередь служащих исходными моментами для всего остального, является пункт 3-й, согласно которому цена производства хлеба выше его стоимости.

Но признание этого пункта означает по существу отрицание теории абсолютной ренты. Ведь абсолютная рента, как известно, равняется разнице между стоимостью хлеба и ценою производства его (или части этой разницы); если же стоимость ниже цены производства хлеба, то разница между ними будет отрицательная, т. е. выходит, что владелец худшей земли не только ничего не может получить, сдавая ее в аренду, а еще сам должен приплачивать, чтобы эта сделка могла состояться. Поэтому С. Булгаков вполне последователен, когда, выставляя положение о том что цена производства хлеба выше его стоимости, вместе с тем отрицает абсолютную ренту. И если Позняков — поскольку он утверждает, что стоимость хлеба ниже его цены производства — не пришел к отрицанию абсолютной ренты, то объясняется это только тем, что он просто недостаточно продумывает, какие выводы вытекают из того разделяемого им положения Булгакова, что цена хлеба превышает стоимость последнего.

* * *

Я уже отмечал, что хотя С. Солнцев так же, как и Булгаков — Позняков, стоит на той точке зрения, что источник дифференциальной ренты лежит в индустрии; в отличие от последних он все же по крайней мере обычно держится того правильного взгляда, что в земледелии ценность «кило пшеницы устанавливается по условиям наихудшего участка». «Общественная рыночная ценность пуда пшеницы, — пишет он непосредственно после только что цитированного места, — будет наиболее высокая, чтобы обеспечить возможность экономического существования и самому плохому участку»⁸.

Чем же обосновывает С. Солнцев свою, как я уже сказал, не марксистскую позицию, что источники земледельческой дифференциальной ренты лежат в индустрии? Среди доказательств С. Солнцева, разумеется, далеко не последнюю роль играют цитаты... из работ Маркса.

Ввиду признания к нашему великому учителю рассмотрим раньше всего, действительно ли говорят эти цитаты в пользу взглядов С. Солнцева. Начнем хотя бы с самой длинной из цитат, приводимых нашим экономистом. «Если бы — цитирует он Маркса — уравнение прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий и, в частности, в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монополярная цена, превышающая цены производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, то даже и в этом случае не были бы уничтожены границы, определяемые стоимостью товаров. Монополярная цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монополярной ценой. Косвенным образом возникло бы местное нарушение той пропорции, в которой распределяется между различными сферами производства прибавочная стоимость, но граница самой этой прибавочной стоимости осталась бы неизменной. Если товар с такой монополярной ценой входит в число предметов необходимого потребления рабочего, то должна повыситься заработная плата,

⁸ С. Солнцев, К вопросу об источнике дифференциальной земельной ренты, «На рабочем фронте», 1928 г., № 10, с. 45.

п, следовательно, понизится прибавочная стоимость, раз рабочему попрежнему выплачивают всю стоимость его рабочей силы. В этом случае возможно также понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, но последнее лишь при том условии, если заработная плата превышает границу ее физического минимума. Здесь монополярная цена выплачивается при помощи вычета из реальной заработной платы (т. е. из суммы потребительных стоимостей, получаемых рабочим путем данного количества труда) и из прибыли других капиталистов. Таким образом границы, в пределах которых монополярная цена может нарушать нормальное регулирование товарных цен, поддаются строгому, определенному и точному учету⁹. Мы нарочно привели всю эту цитату, и читатель может наглядно убедиться, что в ней, несмотря на весьма солидные размеры ее, нет ни одного слова, имеющего отношение к вопросу, являющемуся предметом спора.

Во-первых, Маркс говорит здесь не о том, что есть, а о том, что могло бы быть: цитата и начинается словами «если бы». Во-вторых, «монополярная цена, превышающая цену производства и стоимость» хлеба, конечно, переносит в монополярную область производства часть прибавочной стоимости, выжатой в других, немонополярных сферах производства, но этой монополярной хлебной цены, как правило, не наблюдается в действительности, как доказал Маркс, и поэтому-то у него в данной цитате господствует не изъявительное, а сослагательное (условное) наклонение. В-третьих, — самое главное, — Маркс говорит здесь о монополярной ренте, о монополярных ценах, предметом же спора является местонахождение источников дифференциальной ренты. Верное же в отношении монополярной ренты, как правило, не верно в отношении ренты дифференциальной именно вследствие различия природы и источников их. В-четвертых, и сам Солнцев, как мы видели, признает, что цена хлеба определяется стоимостью его «по условиям наихудшего участка». Так что совершенно непонятно, почему он приводит цитату, говорящую о том, что будет в том случае, если хлеб будет продаваться не по той цене, о которой говорит сам Солнцев, а по более высокой. Нельзя же при невозможности привести в свою пользу цитату по спорному вопросу, аргументировать цитатами, относящимися к совершенно иным проблемам.

С. Солнцев не преминул сослаться и на то «всем известное место из 39-й главы», где Маркс вскрывает, что дифференциальная рента представляет «ложную, социальную стоимость». В своей статье «Возрождение булгаковщины» я подробно проанализировал эти слова Маркса. Поэтому теперь в отношении их мы можем ограничиться очень немногим. Это место «Капитала» в лучшем для С. Солнцева случае отнюдь не говорит за него, так как Маркс вскрывает здесь ложный социальный характер стоимости, образующей дифференциальную ренту, но вовсе не указывает, что она образуется в индустрии, а потом уже перекочевывает в земледелие. Поэтому С. Солнцев совершенно напрасно ссылается на это место «Капитала», — тем более напрасно, что в действительности этот лучший для С. Солнцева случай не имеет места, так как Маркс указывает в этом же месте 39-й главы, что «ложно утверждение, что стоимость продуктов (земельных — Л. Л.) при замене капиталистического производства ассоциацией осталась бы прежняя»¹⁰.

⁹ «Капитал», т. III, ч. 2, с. 399, изд. 1923 г. Разрядка наша.

¹⁰ Любимов, цит. статья.

Из всего этого места 39-й главы и в частности из того, что Маркс говорит здесь о стоимости, а не о цене сельскохозяйственных продуктов, всякому марксисту должно быть понятно, что эта «ложная социальная стоимость», которая исчезнет в ассоциативном обществе, неизбежно производится в капиталистическом земледелии, а отнюдь не в индустрии. Так что в сущности С. Солнцев привел даже не безразличную для защищаемой им позиции цитату (что по крайней мере излишне), а цитату, бьющую его и бьющую очень чувствительно.

Но еще сильнее, еще более сокрушающе бьет позицию С. Солнцева третья (и последняя) цитата из Маркса, которою оперирует С. Солнцев при анализе вопроса «об источнике дифференциальной земельной ренты» (разрядка наша—Л. Л.). «Даже монополярная рента, поскольку она не есть вычет из рабочей платы, следовательно, не составляет отдельную категорию, косвенно должна всегда составлять часть прибавочной стоимости, если и не часть избытка цены сверх издержек производства самого товара, составную часть которого она образует, как при дифференциальной ренте, или избыточной части прибавочной стоимости самого товара, в которую она входит как составная часть, сверх части ее собственной прибавочной стоимости, измеряемой среднюю прибылью (как при абсолютной ренте),— то все-таки прибавочную стоимость других товаров, т. е. товаров, которые вымениваются на данный товар, обладающий монополярной ценой» («Капитал», т. III, ч. 2, гл. 49, с. 689, изд. 1896, разрядка всюду моя—Л. Л.). Эта цитата очень сильно бьет по позиции самого С. Солнцева, который ее приводит, так что наш экономист выступает в данном случае в роли самобичующегося.

В самом деле. Всякому непредубежденному читателю совершенно ясно видно из приведенных только что слов Маркса, что лишь «монополярная рента... косвенно должна составлять часть прибавочной стоимости... других товаров, т. е. товаров, которые вымениваются на данный товар, обладающий монополярной ценой». Дифференциальная же и абсолютная ренты в противоположность монополярной ренте составляют часть прибавочной стоимости не других товаров, на которые они вымениваются, а непосредственно того товара, при производстве которого они образуются, причем дифференциальная рента составляет часть цены производства этого товара. Наконец относительно дифференциальной ренты здесь совершенно недвусмысленно указано, что она «образует составную» часть «того самого товара» (т. е. стоимости его), при производстве которого она образуется, т. е. сказано именно то, что совершенно опрокидывает позицию С. Солнцева и ясно указывает, что дифференциальная рента представляет собою часть стоимости и прибавочной стоимости, произведенной именно в земледелии¹¹.

Итак мы видим, что в подлиннике еще яснее, чем в переводе Базарова и Степанова, выступает то обстоятельство, что дифференциальная

¹¹ Так как в переводе Нпк—он'а, которым в данном случае пользуется С. Солнцев, это место отличается неуклюжестью и так как эта последняя маскирует ясность указания Маркса на сельскохозяйственный источник дифференциальной ренты, то позволим себе привести это место в другом переводе (Базарова и Степанова): «Даже монополярная рента, поскольку она не является вычетом из заработной платы, т. е. не образует особой категории, косвенно всегда неизбежно образует часть прибавочной стоимости; если она и не образует части избытка цены над издержками производства (в цитируемом переводе в данном случае ошибочно сказано «ценного производства».—Л. Л.) того самого товара, составную часть которого образует (как при дифференциальной ренте), или если она и не образует избыточной части прибавочной стоимости того самого товара, составной частью которого она служит, над частью его собственной прибавочной стоимости, измеряемой среднюю прибылью (как при

рента составляет часть превышения цены над издержками производства того самого товара, составную часть которого образует «einen Teil des Preisüberschusses über die Produktionskosten der Ware selbst (разрядка наша—Л. Л.) von der sie einen Bestandteil bildet».

Итак, в приведенном отрывке Маркс совершенно ясно указывает на то, что всякая рента представляет собою (добавочную) прибавочную стоимость. Причем, если эта рента дифференциальная или абсолютная, то она представляет прибавочную стоимость, созданную при производстве тех товаров, составную частью (стоимости) которых они (эти ренты) являются, а монополярная рента наоборот представляет часть прибавочной стоимости тех товаров, на которые обменивается данный монополярный товар. Другими словами, источники дифференциальной (и абсолютной) ренты, получаемой в сельском хозяйстве, лежат в неоплаченном труде сельскохозяйственных же рабочих, а источники монополярной ренты, получаемой там же, лежат в неоплаченном труде преимущественно индустриальных рабочих.

Другими словами, мы видим, что одной этой приводимой С. Солнцевым цитаты из Маркса достаточно, чтобы доказать, что позиция Солнцева и вообще всех тех, которые уверяют, что источники дифференциальной ренты лежат в индустрии, противоречит тому, что в действительности пишет Маркс.

* * *

Итак приведение Солнцевым цитат из Маркса началось и в особенности кончилось весьма плачевно для его же, Солнцева, позиции. Перейдем теперь к разбору собственных доводов С. Солнцева. Анализ последних естественнее всего начать с разбора комментария С. Солнцева к только что приведенным словам Маркса. Вот этот комментарий: «Здесь (в только что приведенном месте из Маркса—Л. Л.) Маркс уже определенно говорит о монополярной ренте, считая источником ее прибавочную ценность других товаров, вымениваемых на товар с монополярной ценой. Таким образом здесь Маркс прямо указывает на то, что рента есть часть прибавочной ценности, перекачиваемой в земледелие из индустрии»¹². Анализируя эти слова Солнцева, надо заметить, что первая половина их (до точки) хотя и совершенно верна, но опять-таки совершенно не относится к делу, так как в ней речь идет о монополярной, а не о дифференциальной ренте, а исследуется источник именно этой последней. Вторая половина построена с нарушением правил логики, так как из того, что относится к одному специфическому виду ренты (к ренте монополярной), делается вывод не в отношении этого одного вида ренты, а в отношении ренты вообще. Это до того нелогично, что

абсолютной ренте), то все же она образует часть прибавочной стоимости других товаров, т. е. товаров, обмениваемых на этот товар, обладающий монополярной ценой» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 362. Разрядка наша—Л. Л.)

Чтобы не возникло недоразумения, что в данном переводе мысль Маркса о земельном источнике дифференциальной ренты подчеркнута сильнее, чем дает на это право подлинник, приведем последний: Selbst die Monopolrente soweit sie nicht Abzug vom Arbeitslohn ist, also keine besondere Kategorie bildet, muss indirekt immer einen Teil des Mehrwerts bilden, wenn nicht Teil des Preisüberschusses über die Produktionskosten der Ware selbst, von der sie einen Bestandteil bildet wie bei Differentialrente, oder überschüssigen Teil des Mehrwerts der Ware selbst, von der sie einen Bestandteil bildet über den Durchschnittsprofit gemessenen Teil ihres eigenen Mehrwerts (wie bei der absoluten Rente), so doch des Mehrwerts anderer Waren, d. h. der Waren, die gegen diese Ware, die einen Monopolpreis hat, ausgetauscht werden (III 2, S. 368. Hamburg, 1922).

¹² С. Солнцев, Цит. статья, с. 47—48. Курсив мой.

мне очень хотелось бы, чтобы здесь имела место не такая грубая ошибка, а просто какая-либо типографская или корректурная погрешность. Я бы предположил, что здесь перед словом «рента» пропущено прилагательное «монопольная», но тогда все это рассуждение теряет всякий смысл, потому что все оно в таком случае оказывается относящимся к другому виду ренты, чем тот, исследование которого составляет предмет названной статьи С. Солнцева.

Кроме того, непосредственно за только что разобранными в статье С. Солнцева идут следующие строки: «Посмотрим, однако, подробнее, как может идти процес перекачивания прибавочных ценностей в земледелие из индустрии не в случае монопольной ренты, а дифференциальной»¹³. Это слово «подробнее» доказывает, что никакой крупной корректурной погрешности в предшествующем предложении не было и что по Солнцеву все сказанное выше про источник монопольной ренты должно относиться и к источнику ренты дифференциальной.

В этом случае С. Солнцев жестоко заблуждается. Ясно ведь, что, говоря его же словами, «перекочевывание прибавочных ценностей из одних производств в другие» происходит «при посредстве цен»¹⁴. Стало быть, когда товар продается по своей стоимости, то реализуется вся заключенная в нем прибавочная стоимость. Если он продается выше своей стоимости, то помимо всей заключенной в нем прибавочной стоимости реализовано еще какое-то дополнительное количество прибавочной стоимости, которое естественно могло перекочевать только из какого-либо иного производства.

И наконец, если цена товара ниже его стоимости, это значит, что реализуется не вся заключенная в нем прибавочная стоимость, что часть ее перекочевывает в другие производства. Здесь также есть перекочевание прибавочной стоимости, но не в данное производство, а из него.

Монопольная рента имеет место (если имеет место) при цене, превышающей стоимость. Дифференциальная рента,—как признает и Солнцев,—при цене, равной стоимости (на худшем общественно-необходимом участке), или даже более низкой, чем эта последняя. Стало быть, первая (т. е. монопольная рента) означает, что должно происходить перекочевывание прибавочной стоимости в земледелие, образование же второй не только не требует этого, но даже может иметь место и тогда, когда часть прибавочной стоимости переливается из земледелия в индустрию.

Таким образом положение, верное для монопольной ренты, теряет всякую силу и значение в применении к ренте дифференциальной. Думать иначе значит не понимать «механизма» перекачивания прибавочной стоимости из одного производства в другое.

Здесь необходимо коснуться еще одного обстоятельства, опрокидывающего всю систему С. Солнцева и почти всех остальных сторонников взгляда, что источники дифференциальной ренты лежат в индустрии.

С. Солнцев (и другие) понимает ту безусловную истину, что источник абсолютной ренты лежит в труде земледельческих рабочих: «Источник абсолютной земельной ренты,—пишет он,—лежит в конечном счете в той прибавочной ценности, которую создает земледельческий рабочий»¹⁵.

¹³ Там же, с. 48. Разрядка наша.—Л. Л.

¹⁴ Там же, с. 48.

¹⁵ С. Солнцев, цит. статья, с. 39. Разрядка моя.—Л. Л.

Как мы видим, принимает С. Солнцев и ту совершенно очевидную истину, что перекачивание прибавочной стоимости в какую-либо другую отрасль производства происходит путем превышения цен производства товаров, изготовляемых в этой отрасли производства, над стоимостями их. Отсюда совершенно ясно, что перекачивание прибавочной стоимости в какую-либо отрасль производства, раз начавшись, будет происходить тем в большей степени, чем сильнее растут цены данного товара (при той же его стоимости). Далее. Едва ли мы ошибемся, предположив, что О. Солнцев признает ту общеобязательную и очевидную для всякого марксиста истину, что абсолютная рента повышает цену пшеницы и т. д.

Таким образом как и С. Солнцев, так и другие (признающие, что источник абсолютной ренты лежит в земледелии и отрицающие это для ренты дифференциальной) впадают в следующее безусловное и неизбежное противоречие с... самими собой. Возьмем страну, где получается только дифференциальная рента (такою страной, напр., и явился по указанию Маркса САСШ его времени, где имелась тогда масса фактически свободных земель, годных к обработке). В такой стране имеет место только дифференциальная рента. Стало-быть, по Солнцеву, происходит перекачивание прибавочной стоимости из индустрии в земледелие; но вот в результате исчерпания запаса свободной земли появляется абсолютная рента, следовательно, повышается цена хлеба (если даже при этом и нет перехода к более плохим землям, т. е. если стоимость хлеба не меняется). И это повышение цены хлеба (при неизменной стоимости) «рассудку вопреки, наперекор стихиям» не вызывает усиления, перекачивания прибавочной стоимости из индустрии в земледелие (ведь источник абсолютной ренты, как признает Солнцев, лежит не в индустрии). Это отсутствие усиления перекачивания прибавочной стоимости из индустрии в земледелие ясно указывает, что такого перекачивания не было и раньше при наличии одной лишь дифференциальной ренты или, иначе говоря, источники дифференциальной ренты также лежат не в индустрии, а в земледелии, в эксплуатации земледельческих рабочих.

* * *

Перейду теперь к изложению следующего и к тому же основного довода С. Солнцева в пользу того, что источник дифференциальной ренты лежит в индустрии. Причем в целях наибольшего беспристрастия изложу этот аргумент по мере возможности словами самого разбираемого автора.

«Представим себе, что общественное хозяйство состоит лишь из двух отраслей: индустрии и земледелия... Если земледельческая отрасль будет состоять... хотя бы из двух или множества совершенно одинаковых производств... то в случае простого воспроизводства реализация на рынке всех произведенных ценностей совершается без всяких затруднений, если переменный капитал плюс прибавочная стоимость индустрии будут равны по своей ценности постоянному капиталу, вложенному в земледелие... Теперь представим себе, что положение изменилось. Представим себе, что спрос на машины и на пшеницу остался без изменения так же, как и предложение. Но пусть земледельческий продукт — пшеница, — оставаясь неизменным в своей массе, будет поступать не из одинаковых участков, как прежде, а из различных по производительности и по плодородию участков. В этом случае ценность пшеницы будет определяться уже по худшему участку и неизбежно подымется, вместе с чем увеличится

и вся масса ценности произведенной пшеницы. Но... вздорожание ее неизбежно вызовет увеличение заработной платы как индустриальных рабочих, так и земледельческих. Вздорожание же заработной платы как в индустрии, так и в земледелии неизбежно повлечет за собою соответственное уменьшение прибавочной ценности... Таким образом появление дифференциальной ренты (а не увеличение стоимости хлеба? — Л. Л.) влечет за собою перемещение прибавочной ценности из индустрии в земледелие; прибавочная ценность из индустрии здесь перемещается в земледелие, вследствие увеличения цены хлеба и прилипания соответствующей части индустриальной прибавочной ценности к цене хлеба; через цену хлеба ушедшая из индустрии часть прибавочной ценности переходит в форме дифференциальной земельной ренты в карман землевладельцев»¹⁶.

Этому доказательству С. Солнцев придает, повидному, очень большое значение, так как неоднократно повторяет его (не увеличивая, однако, тем его доказательной силы). Между тем то, что есть в этом доказательстве верного, совершенно сокрушает позицию нашего экономиста. А верного в этом разбираемом доводе не мало. Совершенно верно, что переход к худшей земле повышает стоимость хлеба, а потому повышает заработную плату и понижает прибыль, но увеличивает дифференциальную ренту. Все это, конечно, отнюдь не ново, это было, как известно, доказано еще Рикардо.

Но все это, повторяем, отнюдь не говорит в пользу доказываемого С. Солнцевым положения, что источник дифференциальной ренты лежит в индустрии.

Во-первых, само собою понятно, что всякое увеличение количества прибавочной стоимости, идущей на образование ренты при прочих равных условиях, неизбежно уменьшает количество ее, идущее на образование прибыли капиталиста, а следовательно, понижает уровень последней. Стало-быть, уменьшение последней неразлучно не только с ростом дифференциальной, но и с ростом абсолютной ренты. Между тем, как мы видели, для С. Солнцева ясно, что «последний (источник абсолютной ренты—Л. Л.) лежит в конечном счете в той прибавочной ценности, которую создает земледельческий же рабочий»¹⁷. Итак, по Солнцеву, получается следующее: понижение нормы капиталистической прибыли, сопровождающее рост дифференциальной ренты, указывает на то, что источник этой ренты лежит в индустрии; понижение нормы капиталистической прибыли, сопровождающее рост абсолютной ренты, не исключает того, что источник ее лежит в земледелии. Совершенно «ясно», что у С. Солнцева здесь выходит совсем не ладно: выходит, что то же самое обстоятельство при прочих равных условиях может свидетельствовать о совершенно противоположных вещах. Позиция С. Солнцева тем менее убедительна, что понижение капиталистической прибыли в его рассуждении вызывается повышением хлебных цен, между тем рост дифференциальной ренты, как известно, не вызывает повышения хлебных цен; наоборот—является следствием последнего, а рост абсолютной ренты является причиной повышения хлебных цен, т. е. является непосредственным виновником того обстоятельства, которое понижает норму прибыли.

Во-вторых, выйти из того затруднительного положения, в которое, как мы видим, С. Солнцев поставил себя, можно, только приняв поло-

¹⁶ С. Солнцев, цит. статья, с. 48—49.

¹⁷ Там же, с. 49.

жение, обратное тому, которое защищает наш экономист, т. е. положение, что прибавочная стоимость перекачивается не из индустрии в земледелие, а, наоборот, из земледелия в индустрию. Прибавим, что такой путь перекачивания находится в полной гармонии с учением Маркса, как известно, гласящим, что прибавочная стоимость перекачивается из областей производства с более низким строем капитала в отрасли с более высоким строем его. Между тем разобранное выше положение С. Солнцева, что источники дифференциальной ренты лежат в индустрии, т. е. что прибавочная стоимость перекачивается из индустрии в земледелие, стоит в безусловном и явном противоречии с указанным положением марксова учения о цене производства. Укажем также, что переливание прибавочной стоимости из земледелия в индустрию вполне объясняет то обстоятельство, что с поднятием цены хлеба уменьшаются размеры этого перекачивания, а следовательно, понижается средняя прибыль. Это последнее будет иметь место не только вследствие перехода к худшим землям, который повышает размеры дифференциальной ренты, но и вследствие роста абсолютной ренты. Таким образом снова и снова выходит, что в земледелии лежат источники ренты не только абсолютной, но и дифференциальной и что противопоставлять эти виды ренты в этом отношении нет достаточных оснований.

* * *

В подтверждение и пояснение теории, что источники дифференциальной ренты лежат в индустрии, С. Солнцев приводит ряд таблиц с очень многословными пояснениями к ним. Приведем (в сокращении) и то и другое.

«Возьмем два производства, на которое распадается все общественное хозяйство: индустриальное производство машин и сельскохозяйственное производство хлеба (пшеницы). Ради большей простоты анализа пусть и та и другая производственные ветви имеют одинакового размера капитал и одинаковое органическое его строение. Пусть эти производства таковы:

I. $120 c + 60 v + 60 m = 240$ труд. единиц (машин)

II. $120 c + 60 v + 60 m = 240$ труд. единиц (8,19 центн. пшеницы)¹⁸.

Предположим теперь, что «два земельных участка, дающих обществу 8,19 центн. пшеницы, будут участками, различными по своему плодородию; если, скажем, при одном и том же производственном капитале один из них дает 3,93 центн. пшеницы, а другой — 4,26 центн. В этом случае ценность (индивидуальная) 0,16 кг пшеницы на худшем участке будет составлять 5 труд. единиц, а индивидуальная ценность 0,16 кг на лучшем участке будет 4 $\frac{2}{13}$ труд. единиц... Таким образом ценность 0,16 кг на рынке будет равна 5 трудовым единицам. Но, продавая по такой ценности свою пшеницу, капиталисты лучшего участка будут иметь добавочные прибыли... всего на сумму 10 трудовых единиц, которые составят дифференциальную земельную ренту»¹⁹. Вдорожание хлеба повысит заработную плату и понизит прибыль. В результате получается следующая картина:

I. $120 c + 62,5 v + 57 m = 240$ (машин)

II. $120 c + 67,5 v + 67 m = 250$ (8,19 центн. пшеницы).

Итого $240 c + 125 v + 125 m = 490$ труд. единиц (машин + 8,19 центн. хлеба)²⁰.

¹⁸ Солнцев, цит. статья, с. 49.

¹⁹ Там же, с. 50.

²⁰ Там же, с. 50.

«Эти 10 трудовых единиц (или 0,33 кг пшеницы) и есть та часть прибавочного продукта, которую потеряли в процессе возникновения и образования дифференциальной земельной ренты наши капиталисты (и индустриальные, и земельные). Это нам и показывает, что дифференциальная земельная рента выплачивается из общего фонда прибавочного продукта или прибавочных ценностей»²¹.

Таблицы С. Солищева, вопреки его мнению, не имеют никакого отношения к вопросу о местонахождении источников дифференциальной ренты. Конечно, мы наблюдаем, что во второй²² из них стоимость сельскохозяйственных продуктов выше на 10 трудовых единиц, чем в первой. Но произошло это не «благодаря возникновению дифференциальной ренты», как думает С. Солищев, а благодаря переходу к худшим (из общественно-необходимых земель), повысившему стоимость хлеба. Что дифференциальная рента не является причиной этого повышения, видно хотя бы из следующего. Допустим, что не половина хлеба, как это предполагает С. Солищев, будет произведена на худшем участке, на котором стоимость 0,16 кг будет составлять 5 труд. единиц, а вся пшеница будет произведена на землях такого качества. В этом случае, очевидно, никакой дифференциальной ренты (по плодородию) не будет, так как вся земля совершенно одинакова по плодородию, а стоимость пшеницы все же будет составлять 250 труд. единиц, как и во второй таблице, т. е. на 10 труд. единиц будет больше, чем в первой солищевской таблице. Итак это повышение на 10 единиц будет иметь место и при отсутствии дифференциальной ренты, следовательно, повышение это вызвано не дифференциальной рентой. Таким образом, если таблица Солищева что-либо доказывает, так только то, что с повышением стоимости 0,16 кг пшеницы соответственным образом повышается стоимость и 8,19 центн. ее. Но это, помимо всего, истина настолько несложная, что для доказательства ее вряд ли существовала необходимость в построении ряда таблиц.

Можно и нужно сказать больше: не это повышение (на 10 единиц) имеет место «благодаря возникновению дифференциальной земельной ренты», как уверяет Солищев, а, наоборот, дифференциальная рента смогла возникнуть только благодаря этому повышению (точнее благодаря частичному переходу к более плохим землям, симптомом которого оно является). Иначе говоря, не «благодаря возникновению дифференциальной земельной ренты произошло некоторое передвижение ценностей»²³, а наоборот, «некоторое передвижение ценностей (при известных обстоятельствах) вызывает к жизни дифференциальную ренту (и рост ее). «Не рента с земли определяет цену ее продукта, а цена этого продукта определяет земельную ренту», — учил еще Андерсон и был, как указывает Маркс²⁴, совершенно прав, поскольку имел в виду именно дифференциальную ренту. Формулировка С. Солищева возвращает нас к временам физиократов и Ад. Смита; последний ведь, как известно, держался того взгляда (хотя тоже не всегда), что рента (дифференциальная) оказывает влияние на цену продуктов, а, стало-быть, и на — употребляя терминологию С. Солищева — «передвижение ценностей».

Иначе говоря, дифференциальная земельная рента, как правило, не вызывает вздорожания пшеницы, следовательно, не может вызывать

²¹ Там же, с. 51.

²² У Солищева она 4-я, но мы выпустили некоторые его таблицы, без особой нужды загромождающие изложение.

²³ С. Солищев, цит. статья.

²⁴ Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II.

«некоторого передвижения ценностей», а, наоборот, сама обязана своим существованием (п ростом) этому последнему.

Чтобы еще выпуклее представить ошибку С. Солнцева, попробуем изложить дело, держась возможно более близко его же изложения. Возьмем сначала первую таблицу его.

I. $120 c + 60 v + 60 m = 240$ труд. единиц (машин)

II. $120 c + 60 v + 60 m = 240$ труд. единиц (8,19 центн. пшеницы).

Теперь «представим себе, что спрос на машины и на пшеницу остался, без изменения, так же как и предложение. Но пусть»²⁵ следующий год будет малоурожайным и «производство того же количества потребовало больше труда и пусть в этом случае ценность (индивидуальная) 0,16 кг пшеницы... будет составлять 5 трудовых единиц»²⁶. В таком случае стоимость 8,19 центн. пшеницы, очевидно, поднимется на 10 труд. единиц и станет равняться 250 труд. единицам. Иначе говоря, в конце-концов, общество осталось при том же материальном достижении, какое было и раньше. «Материально продукт не изменился ни в машине, ни в пшенице. Лишь возросла, „вздулась“ ценность пшеницы ровно на 10 труд. единиц благодаря возрастанию стоимости килограмма пшеницы»²⁷.

Словом, произошло то, о чем говорит С. Солнцев, но дифференциальной ренты никакой нет, так как земля нами в обоих случаях предположена совершенно одинаковою. Так что, очевидно, что все явления, о которых говорит С. Солнцев (вздорожание общей суммы пшеницы, размер этого вздорожания), вызываются отнюдь не дифференциальной рентой и тем более ни в какой степени не могут служить доказательством того, что источники ее лежат в индустрии.

* * *

Перейдем к рассмотрению следующего положения С. Солнцева. «Благодаря... возникновению дифференциальной ренты,— пишет он,— произошло некоторое передвижение ценности»²⁸. Та же мысль подробнее развита им в другом месте: «появление дифференциальной земельной ренты,— уверяет он,— влечет за собой перемещение прибавочных стоимостей из индустрии в земледелие»²⁹.

Это — пункт решающей важности. Если С. Солнцев окажется здесь неправым, то это смертельный удар для всей его позиции. Между тем здесь на небольшом пространстве сделано чрезвычайно много ошибок. Во-первых, последние слова его объективно противоречат тому, что сейчас же вслед за ними им же написано: «прибавочная стоимость индустрии перемещается... в земледелие вследствие увеличения цены хлеба»³⁰. Итак, несколькими строками выше перекачивание, перемещение прибавочной стоимости из индустрии в земледелие выводится из появления дифференциальной ренты, а несколькими строчками ниже оно же объясняется «увеличением цены хлеба». Противоречие вопиющее: ведь дифференциальная рента и повышение цены хлеба вовсе не одно и то же, даже если бы они всегда шли рука об руку (последнего, как мы знаем, нет, хотя бы уже потому, что повышение цен, как мы видели, может и не сопровождаться наличием дифференциальной ренты). Во-вторых,

²⁵ С. Солнцев, цит. статья, с. 48.

²⁶ Там же, с. 50.

²⁷ Там же, с. 51.

²⁸ Там же, с. 51.

²⁹ Там же, с. 49.

³⁰ Там же, с. 49.

рост цен пшеницы означает, конечно, что за нее будет получено больше индустриальных товаров, но, вопреки мнению С. Солнцева, это не имеет никакого непосредственного отношения к вопросу о местонахождении источников дифференциальной ренты и даже к самому существованию последней. В самом деле, повышение цены любого товара означает, что в обмен на него будет получено больше других товаров, т. е. хотя бы это повышение цены имело место в одной сфере производства, все же оно будет иметь, так сказать, междусферное (интерсферное) значение. Так как это совершенно верно для любого товара, хотя бы и чисто индустриального происхождения, то стало быть это не имеет никакого непосредственного отношения к ренте вообще и дифференциальной в частности.

В-третьих, повышение цен товаров обязательно означает, конечно, что в обмен на данную сумму этого вздорожавшего товара будет получено больше товаров, чем получалось раньше до вздорожания. Но это вовсе не означает обязательно, что здесь будет иметь место перекачивание прибавочной стоимости в ту сферу, где произошло вздорожание товара. Как я уже доказал выше, это вздорожание может привести и к тому, что из той сферы, где произошло вздорожание, будет после этого вздорожания переливаться меньше прибавочной стоимости, чем раньше переливалось, в те отрасли производства, где этого повышения цен не произошло. Я уже указывал, что в земледелии именно это последнее обстоятельство и имеет место в случае вздорожания хлеба и что это совершенно бьет все выводы С. Солнцева относительно того, что дифференциальная земельная рента выплачивается «из общего фонда прибавочного продукта или прибавочных ценностей», иначе говоря, тот вывод его, что дифференциальная рента выплачивается из фонда, который образуется преимущественно в индустрии.

* * *

Итак сначала мы убедились, что приводимые нашим экономистом цитаты из Маркса или не имеют никакого отношения к делу или говорят против позиции, занятой С. Солнцевым, теперь видим, что выставляемые им его собственные, «оригинальные» доводы недоказательны именно вследствие своей оригинальности,—согласно им выходит, что дифференциальная рента повышает стоимость хлеба.

Но почему С. Солнцев дошел до выставления подобных доводов? Где кроется корень его ошибки?

Мне кажется, что корень ошибок С. Солнцева — в неверном представлении о форме прибавочной стоимости (и способе ее образования), которое в свою очередь базируется на,—к слову сказать, широко распространенной,—переоценке индивидуальной («перманентной») стоимости и индивидуального («перманентного») труда и недооценке значения общественной, «рыночной» стоимости и общественного необходимого труда, на непонимании того, что к категории производственных отношений относятся не только и не столько первые (индивидуальные, «имманентные»), сколько вторые (общественно-необходимые) категории,

Отметив мимоходом, что С. Солнцев предпочитает пользоваться не обычным марксовым термином «индивидуальный» (труд, стоимость и т. д.), а другим равнозначным, но значительно реже употребляемым Марксом термином «перманентный» (труд, стоимость и т. д.), приступим к разбору положений и доказательств С. Солнцева.

«Норму эксплуатации,— пишет С. Солнцев,— Маркс всегда определяет... по данным имманентной ценности продукта»³¹. «Понятие нормы эксплуатации или нормы прибавочной ценности,— пишет он в другом месте,— имеет непосредственное отношение только к имманентной ценности»³².

Это — замечу — совершенно неверно. Это противоречит основам марксова учения о прибавочной стоимости, это противоречит марксовой теории относительной прибавочной стоимости, это не дает возможности объяснить «медовый месяц» машин, о котором говорит Маркс. В самом деле. Что такое норма прибавочной стоимости? Это отношение $\frac{m}{v}$, почему

же это имеет отношение только к имманентной (индивидуальной) стоимости, а не к общественной («рыночной») стоимости? Чтобы нагляднее вскрыть ошибку С. Солнцева, можно воспользоваться хотя бы следующим цифровым примером. Предположим, что стоимость [как общественная (рыночная), так и индивидуальная] единицы какого-либо товара—500, причем перенесенная стоимость (стоимость сырого материала и т. д.) составляет 400, а вновь созданная—100. Пусть при этом 50 единиц последней представляют то количество заработной платы, которое приходится на единицу товара, а остальные 50 единиц—то количество прибавочной стоимости, которое приходится также на единицу товара; тогда, очевидно, норма прибавочной стоимости будет равняться $\frac{50}{50}$, или 100%. Предполо-

жим теперь, что одна какая-либо фабрика, изготовляющая этот товар, ввела у себя новые машины, при помощи которых единица товара данного рода изготовляется вдвое быстрее. Так как подавляющее большинство товаров выделяется по прежнему способу, то стоимость (общественная, «рыночная») не изменится или почти не изменится (я нарочно оставляю без дальнейшего рассмотрения интересный вопрос, кто прав в данном случае—Рубин или Кон, так как то или иное решение его не имеет значения для анализа разбираемого мною сейчас вопроса о норме прибавочной стоимости). Предположим для большей простоты и наглядности, что стоимость (общественная, рыночная) единицы данного товара совершенно не изменится и что совершенно же не изменится перенесенная стоимость. Тогда вновь созданная рыночная стоимость составит для единицы данного товара попрежнему 100 единиц и на той единственной фабрике, где введено соответствующее улучшение. Но так как теперь там единица товара выделяется вдвое быстрее, то, при сохранении той же самой повременной платы, на единицу товара придется вдвое меньшая сумма заработной платы; стало-быть, если заработная плата при вычислении на единицу товара раньше равнялась 50, то теперь она составит только 25.

А так как прибавочная стоимость равняется вновь созданной стоимости минус заработная плата, то выходит, что в данном случае прибавочная стоимость составит на единицу товара $\frac{75}{25}$, т. е. 300%. Норма эксплуатации, норма прибавочной стоимости подымется втрое. Таким образом, если исходить из того, как это делает и Маркс, что норма прибавочной стоимости относится к общественной стоимости, ясно, откуда

³¹ Солнцев, цит. статья, с. 40. Разредия Солнцева.

³² Там же, с. 41.

берется относительная прибавочная стоимость, ясно, следовательно, откуда вытекает медовый месяц машины.

Теперь станем на точку зрения С. Солнцева, что норма прибавочной стоимости «относится только к имманентной ценности». Последняя после введения новой машины составит на данной фабрике, очевидно, 450; сбросим 400 — перенесенную стоимость —, останется 50. Это и будет вновь созданная стоимость. Заработная плата составляет на единицу товара, как мы видели, 25; следовательно, на долю прибавочной стоимости останется также только 25, а норма прибавочной стоимости будет равняться $\frac{25}{25}$, или 100%, т. е. будет такую же, как была до введения

новой машины. Стало быть, здесь нет возможности объяснить, откуда взялась та относительная прибавочная стоимость, которая всегда обращается на фабрике, первой введшей то или иное улучшение. Встав на точку зрения С. Солнцева, никак нельзя вывести, откуда получается «медовый месяц» машины.

С. Солнцев мог бы, пожалуй, сказать, что норма прибавочной стоимости одинакова, как на фабрике, введшей новую машину, так и на фабриках, пользующихся старыми машинами, и что большая прибыль первой получилась вследствие перекачивания из последних прибавочной стоимости. Но так как здесь совершенно несомненно, что большая прибыль первой базируется на относительной прибавочной стоимости, то выйдет, что относительная прибавочная стоимость (т. е. наиболее характерная для капитализма форма прибавочной стоимости) получается в результате перекачивания прибавочной стоимости, т. е. в результате обращения, т. е. выйдет, что относительная прибавочная стоимость феномен не производства, а обращения. Эта же позиция — явно антимарксистская, не только потому, что выпячивает роль обращения по сравнению с значением производства, но и потому, что учение об относительной прибавочной стоимости создано и выведено Марксом при предпосылке о продаже товаров по их стоимостям, т. е. остается верным и тогда, когда товары продаются по их стоимости, «перекачивание» же прибавочной стоимости может иметь место только тогда, когда цены товаров отклоняются от их стоимости.

Позволим себе резюмировать это следующим образом: учение об относительной прибавочной стоимости (один из краеугольных камней экономической системы Маркса) развито Марксом в I томе «Капитала». Том этот, как известно, исходит из того, что «цена — это денежное выражение стоимости», иначе говоря, что цена (средняя) не отклоняется от стоимости. Перекачивание же прибавочной стоимости имеет предпосылкой именно такое отклонение (и учение о нем развито уже в III томе «Капитала»). Стало быть, относительная прибавочная стоимость может вполне иметь место и тогда, когда нет никакого перекачивания прибавочной стоимости. Наличие же относительной прибавочной стоимости ясно указывает, что норма прибавочной стоимости вычисляется по данным, в основе которых лежит рыночная (общественная) стоимость товаров, а никак не «имманентная» (не индивидуальная). Этот же вывод, как увидим ниже, непреложно вытекает и из теории дифференциальной ренты.

Чем же обосновывает С. Солнцев это свое, столь отклоняющееся от действительного марксизма положение? У него только один довод; гласит он буквально следующее: «Норму эксплуатации Маркс всегда определял

не по результатам реализации созданного продукта (не по результатам перекачивания прибавочной стоимости — Л. Л.), а по действительным производственным отношениям, т. е. по данным имманентной ценности продукта³³. Все, что написано до слов «т. е.» «есть истина святая». Но эти два слова («т. е.») вставлены совершенно напрасно, тем более, что и рыночные стоимости продукта так же ведь «действительные производственные отношения», из всего же сказанного выше ясно, что при определении нормы прибавочной стоимости Маркс всегда имел в виду именно эти последние, «действительные производственные отношения», общественные, а не индивидуальные. И вообще, совершенно невероятно, чтобы Маркс, который так подчеркивал и выявлял именно общественный момент, вдруг ни с того ни с сего в основу определения нормы прибавочной стоимости положил не общественную, а индивидуальную стоимость; стоимость, определяемую не общественно необходимым временем, а индивидуальными условиями производства.

* * *

Исходя из только что разобранных положений, что существует только норма индивидуальной прибавочной стоимости, С. Солнцев продолжает: «ни откуда не следует, что норма эксплуатации непременно выше на лучшем участке. Скорее можно было бы предположить обратное»³⁴. В соответствии с первой половиной (до точки) этого положения он пишет дальше: «одна и та же затрата труда и капитала на двух различных по производительности участках, дающих поэтому различную массу однородного продукта (например пшеницы), не может привести к двум различным ценностям этой массы»³⁵.

Начнем наш анализ этого участка позиции С. Солнцева с разбора его последнего положения, как положения основного. Если признавать одну только индивидуальную стоимость, то С. Солнцев, конечно, прав. В таком случае действительно «одна и та же затрата труда и капитала... не может привести к двум различным ценностям». Но спрашивается, почему надо признавать только одну индивидуальную стоимость и не следует признавать общественной стоимости, т. е. почему должно отрицать ту категорию, которой Маркс придает главное значение, которую он кладет в основу своей теории, как известно, насквозь общественной, а вовсе не индивидуальной? Признание же общественной стоимости моментально опрокидывает построение С. Солнцева, как лишенное фундамента. В самом деле, предположим, что общественная стоимость кило пшеницы равна некоей величине a . Предположим, что при одной и той же затрате труда и капитала (т. е. труда живого и мертвого) на одном участке (худшем) собрано n кило ее, а на другом (лучшем) $2n$ кило ее. В таком случае, если общество нуждается в продукте обоих участков, на первом из них будет произведена стоимость $=an$, а на втором — равная $2an$, т. е. вдвое большая. Что может быть бесспорнее?

Теперь дальше. Предположим, что стоимость сношенной части постоянного капитала на каждом из этих участков составляет по $\frac{1}{2}an$, а заработная плата по $\frac{1}{4}an$. В таком случае отношение $\frac{m}{v}$ будет для

³³ С. Солнцев, цит. статья, с. 40.

³⁴ Там же, с. 40 — 41.

³⁵ Там же, с. 41.

худшего участка $\frac{\frac{1}{4} an}{\frac{1}{4} an} = 100\%$, а для лучшего участка $\frac{\frac{1}{4} an}{\frac{1}{4} an} = 500\%$.

И это более чем естественно: ведь знаменатель в обоих этих случаях один и тот же ($= \frac{1}{4} an$), а числитель в последнем случае должен быть больше на всю ту сумму (an), на которую (общественная) стоимость всей массы хлеба, произведенного на лучшем участке, больше стоимости (общественной) массы хлеба, произведенной на худшем участке. При равенстве же знаменателей, очевидно, та дробь будет больше, у которой больше числитель. Таким образом терпит полное крушение мнение С. Солнцева, что «ни откуда не следует, что норма эксплуатации непременно выше на лучшем участке». Оно построено на двух ошибках, на признании только индивидуальной стоимости и на признании только индивидуальной нормы прибавочной стоимости; и то и другое находится в полном противоречии с общественным, а отнюдь не индивидуальным характером экономической системы Маркса и в частности его учения о стоимости.

* * *

Перейдем теперь к следующему пункту в объяснении дифференциальной ренты. Сейчас же вслед за только что разобранными словами С. Солнцев пишет: «Дело в том, что образование дифференциальной земельной ренты должно быть понято и выяснено при предположении существования одной и той же нормы эксплуатации, или, иначе говоря, при одной и той же норме прибавочной стоимости»³⁶.

Кажется на первый взгляд, что С. Солнцев тем более прав в данном случае, что всякий вопрос надо сперва «понять и выяснить» при предположении прочих равных условий.

Но предположка прочих равных условий отнюдь не равносильна предположке всех равных условий: ведь в последнем случае вообще не может быть никакого изменения, никакого движения вперед по пути исследования.

Итак, для возможности исследования часть прежних условий приходится считать изменяющейся и притом именно ту часть, влияние изменений которой мы хотим проследить. В данном случае мы хотим проследить образование и рост дифференциальной ренты. Но образование и рост дифференциальной ренты невозможны без образования и роста относительной прибавочной стоимости, а образование и рост суммы прибавочной стоимости (при неизменности переменного капитала) означают рост нормы прибавочной стоимости, нормы эксплуатации. Стало-быть, дифференциальная рента не может ни образоваться, ни расти, если норма (общественная) прибавочной стоимости на лучшей земле будет такая же, как и на худшей. Это говорит не только логика, но и арифметика.

Норма прибавочной стоимости это $\frac{m}{v}$. Дифференциальная рента — часть прибавочной стоимости, т. е. часть m . Стало-быть, рост ее неразлучен с ростом m , а рост m (при неизменном v) не может не означать роста дроби $\frac{m}{v}$, не может не означать роста нормы прибавочной стоимости.

Здесь С. Солнцева опять погубило смешение «общественных» и индивидуальных категорий. Конечно, индивидуальная стоимость пшеницы, собран-

³⁶ С. Солнцев, цит. статья, с. 41.

ной с единицы площади, будет та же самая (при условии одинаковости затраты индивидуального труда), как бы ни отличалось количество кило пшеницы, собранных с двух участков одинаковой величины, но совершенно различного плодородия. Одинаковой будет при этом и норма (индивидуальной) прибавочной стоимости. Но зачем, повторяем, ограничиваться только индивидуальными категориями и упускать из виду общественные?

С. Солнцев защищает свою точку зрения следующим образом. «Последнее (то, что дифференциальная рента должна быть выяснена при предпосылке существования одной и той же нормы эксплуатации — Л. Л.) станет особенно ясно, если мы будем иметь перед глазами случай образования дифференциальной земельной ренты при различном положении участков одной и той же производительности относительно центров сбыта. В данном случае абсолютно нет никаких данных предполагать наличие различных норм прибавочных ценностей. И тем не менее участок, расположенный ближе к рынку, даст дифференциальную земельную ренту. От того, что рынок приближается или отдаляется, не может измениться степень эксплуатации на участке»³⁷.

Это также верно лишь в том случае, если признавать только индивидуальную норму эксплуатации и только индивидуальную стоимость. Дело радикально изменяется, если мы вспомним про общественную стоимость.

Представим, что перед нами два участка «одной и той же производительности», пусть каждый из них приносит, скажем, по 1 000 кило пшеницы, пусть издержки производства (кроме заработной платы) составляют в каждом из них по 25 руб., а заработная плата также по 25 руб. Предположим теперь, что один из них лежит возле самого рынка и стоимость кило пшеницы составляет в этом месте 0,20 руб., а другой лежит далеко от рынка, стоимость кило пшеницы составляет там 0,15 руб., не только сепа, но и стоимость кило пшеницы в двух разных местах не совпадает, и это вполне естественно. В таком случае стоимость всего хлеба, собранного с первого участка, составит 200 руб. Выбросим издержки производства, кроме заработной платы, остается 175 руб. Сбросим 25 руб. на заработную плату, остается 150 руб. Это и будет прибавочная стоимость; норма прибавочной стоимости в таком случае составит $\frac{150}{25} = 600\%$. Возьмем теперь более отдаленный участок. Стоимость собранной на нем пшеницы составит 150 руб. Прибавочной стоимости выжато на нем будет 100 руб. Норма прибавочной стоимости составит $\frac{100}{25} = 400\%$.

Итак мы видим, что уверенность С. Солнцева, будто «от того, что рынок приближается или отдаляется, не может изменяться степень эксплуатации на участке», терпит полный крах. Это и естественно. «Индивидуальная» основа, на которой оно построено, как мы снова и снова убеждаемся, совершенно не достаточна при построении теории дифференциальной ренты.

В подкрепление своей позиции С. Солнцев говорит, что «у Маркса вся проблема (образования дифференциальной ренты.— Л. Л.) разрешается именно при предпосылке одинаковой нормы прибавочной стоимости»³⁸.

³⁷ С. Солнцев, цит. статья, с. 41.

³⁸ Там же, с. 41.

Это, конечно, было бы чрезвычайно сильным доводом в пользу С. Солнцева, если бы это... соответствовало действительности. «В 41, 42 и 43 главах III тома «Капитала», как известно, имеется 14 таблиц, где Маркс выводит норму ренты, и в пределах каждой из них норма ренты меняется в зависимости от урожайности земли. Правда, Маркс пишет здесь про норму ренты (или, что в данном случае то же самое, про норму сверхприбыли), а не про норму прибавочной стоимости, но всякому экономически и арифметически грамотному человеку должно быть ясно, что норма ренты вообще, и дифференциальной ренты в частности, не может меняться, если не меняется норма прибавочной стоимости: ведь дифференциальная рента составляет часть, и притом иной раз очень значительную, прибавочной стоимости. Но на всякий случай продемонстрируем сказанное на примере хотя бы I таблицы Маркса.

Вот эта таблица³⁹:

Сорт земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена пропоз. ф. ст.	Продукт кварталы	Продаж. цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма сверхприбыли
								Кв.	Ф. ст.	
A	1	2 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{2}$	3	1	3	3	0	0	0
B	1	2 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{2}$	3	2	3	6	1	3	120
C	1	2 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{2}$	3	3	3	9	2	6	240
D	1	2 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{2}$	3	4	3	12	3	9	360
Всего . . .	4	10		12	10		30	6	18	

Что говорит эта таблица? Норма прибавочной стоимости, как известно, равна $\frac{m}{v}$; m (масса прибавочной стоимости) очевидно равна сумме прибавочной стоимости + сумма ренты). Стало-быть на земле А (худшей) норма прибавочной стоимости составит $\frac{1}{2v}$ ($\frac{1}{2} : v$), а на земле D (самой лучшей) эта норма будет равняться уже $\frac{19}{2v}$ или $(\frac{1}{2} + 9) : v$; стало-быть будет в 19 раз больше. Хороша «предпосылка одинаковой нормы прибавочной стоимости»!

И не только Маркс, но и сам С. Солцев, вопреки своему собственному мнению, в сущности не держится этой предпосылки. Правда он совершенно ошибочно называет m (массу прибавочной стоимости) только массу прибыли капиталиста, которую Маркс обозначает p (profit = = прибыль). С. Солцев исключает, таким образом, из прибавочной стоимости ренту. Но ведь последняя от этого не перестает быть в действительности прибавочной стоимостью. Поэтому для получения действительного m действительной массы прибавочной стоимости, надо к солнцевскому m прибавить еще массу ренты. Внося эту поправку, мы увидим, что солнцевская таблица составлена не «при одной и той же норме прибавочной ценности»⁴⁰ как он уверяет, а при совершенно различных

³⁹ Маркс, „Капитал“, т. III, с. 224, р. п. 221. В подлиннике опечатка при вычислении нормы сверхприбыли: всюду опущен 0. Для интересующей нас здесь проблемы это не имеет никакого значения.

⁴⁰ С. Солцев, цит. статья, с. 47.

нормах прибавочной стоимости: для земли I (худшей) она составляет 100% $\frac{15 m}{15 v}$, а для земли V (самой лучшей) 1700% $\frac{(15 m + 240)}{15 v}$ диф. ренты.

Вот для уничтожения всяких сомнений таблица С. Солнцева ⁴¹:

Земель- ные участки	Состав производственного капитала	Индивид. ценность хлеба	Кол-ч. собр. хлеба	Рыночная (об- щественная) стоимость, допность 16,4 кг. хлеба	Обществен. ценность всего хлеба	Дифферен- циальная рента
I . . .	30 с + 15 v + 15 m	60 тр. ед.	0,16	60 тр. ед.	60 тр. ед.	+ 00 тр. ед.
II . . .	30 с + 15 v + 15 m	60 " "	0,33	60 " "	120 " "	+ 60 " "
III . . .	30 с + 15 v + 15 m	60 " "	0,49	60 " "	180 ⁴² " "	+120 " "
IV . . .	30 с + 15 v + 15 m	60 " "	0,66	60 " "	240 " "	+180 " "
V . . .	30 с + 15 v + 15 m	60 " "	0,82	60 " "	300 " "	+240 " "
I V . . .	150 с + 75 v + 75 m	300 тр. ед.	2,46	60 тр. ед.	900 тр. ед.	600 тр. ед.

Если мы примем во внимание, что Солнцев совершенно напрасно включил 15 m «в состав производственного капитала», — тем более, что ни прибавочная стоимость вообще, ни прибыль капиталиста-арендатора в частности не входит в состав капитала, — и что эти 15 m надо было включить в рубрику прибыли, как это и сделано у Маркса (см. приведенную таблицу), и что 15 m следует лишить самовольно присвоенного им звания (m) (это не все m, а только часть его p), то мы ясно увидим, насколько неосновательны претензии Солнцева на то, что составленная им таблица удовлетворяет выставленному им требованию, чтобы норма прибавочной стоимости (а не норма прибыли капиталиста-арендатора) была одинакова на землях разной производительности. Но эта таблица показывает большее, и отчасти поэтому я и привел ее. Как видно из рубрики «общественная ценность всего хлеба», сам С. Солнцев признает, что общественная ценность (а не цена только) всего хлеба, полученная с единицы площади земель различного плодородия, различна, т. е. признает именно то, что составляет основное положение моей позиции в вопросе о местонахождении источников дифференциальной ренты, против которого он же ополчился.

Признавая же, что общественная ценность хлеба (не единицы хлеба, а всей массы его, произведенной на данном участке) на различных землях различна, он тем самым должен (бессознательно) признать, что норма общественной прибавочной стоимости на них также различна. Более того. Признавая, что общественная стоимость всего хлеба на землях различного плодородия различна, и не отрицая, что издержки производства хлеба на них одинаковы, он тем самым, сам того не сознавая, признает, что дифференциальная рента производится в самом земледелии, что в самом земледелии производится та добавочная прибавочная стоимость, которая является ее источником. В самом деле, «общественная ценность всего хлеба» на землях большего плодородия больше, а издержки производства на всех землях одинаковы. Но если мы из двух разных уменьшаемых отнимем по одному и тому же числу, то

⁴¹ С. Солнцев, Цит. соч., с. 46.

⁴² В таблице С. Солнцева опечатка: там напечатано 180.

больше останется от большего уменьшаемого. Так учит элементарная арифметика. А политическая экономия учит, что если мы от стоимости товара отнимем его издержки производства, то останется прибавочная стоимость. Сопоставив оба эти положения, мы увидим, что на земле большего плодородия при прочих равных условиях будет произведена большая прибавочная стоимость, чем на земле худшей (разумеется, если сохраняется общественная надобность в обработке последней), т. е. получается то, против чего так горячо спорит С. Солнцев.

Пойдем дальше. Итак на более плодородной земле производится большая сумма прибавочной стоимости, чем на менее плодородной: количество прибавочной стоимости, идущей на образование прибыли капиталиста, одинаково на обоих участках, так как и капиталы их и нормы прибыли их совершенно равны на обоих участках. Если из всей массы прибавочной стоимости отнять ту сумму ее, которая идет на образование прибыли, то (поскольку мы отвлеклись от ссудного процента и всех остальных видов капиталистического дохода) остается притом рента дифференциальная. Так как, если то же самое вычитаемое отнять от двух разных уменьшаемых, то останется больше в том случае, когда самое уменьшаемое больше, то выходит, что на лучшей земле остается больше прибавочной стоимости для образования дифференциальной ренты и притом именно настолько больше, сколько нужно для образования дифференциальной ренты данной величины. Ясно же, что если при обработке лучшей земли получается такое добавочное количество прибавочной стоимости, которое вполне достаточно для образования дифференциальной ренты, то для объяснения последней нет ни надобности, ни смысла прибегать к помощи индустрии, откуда будто бы переливается прибавочная стоимость в земледелие.

* * *

После того, как С. Солнцев так победоносно опроверг сам себя, нет надобности останавливаться на большинстве остальных еще не разобранных мною промахах, которых, к слову сказать, немало в его статье. Позволю себе задержаться лишь на одном из них, где он приписывает мне мысль, в которой я совершенно «не грешен». С. Солнцев полагает, что я уверяю, будто индивидуальная («имманентная») стоимость кило пшеницы больше на лучшей земле, чем на худшей. «По Любимову выходит,— пишет он,— что имманентная ценность кило хлеба на лучшей участке, состоящая из затрат на мертвый труд (c) и живой ($v + m$), выше имманентной ценности кило такого же хлеба на худшем участке»⁴³. О том же он пишет и в другом месте: «Там, где масса продукта больше, там при одной и той же затрате» труда и капитала, «единица продукта имеет меньшую ценность, а не большую, как думает Любимов»⁴⁴.

Мало того, что С. Солнцев приписывает мне этот вздор, он уверяет, что этот вздор лежит в основе «моей» (в действительности же, как мы видели, марксовой и только повторенной мною) концепции о местонахождении источников дифференциальной ренты. «Едва ли,— пишет С. Солнцев,— могут быть какие-либо сомнения в том, что понимание характера образования дифференциальной земельной ренты и ее источника, которое мы находим у Любимова, в корне неправильно. Неверно уже то, что кило

⁴³ С. Солнцев, цит. статья, с. 40.

⁴⁴ Там же, с. 41.

хлеба, полученного с лучшего участка, при одной и той же затрате труда (и капитала), как и на худшем участке, по своей имманентной ценности будет дороже кило хлеба с худшего участка. Как раз наоборот»⁴⁵.

Смею уверить моего критика, что я не написал ничего подобного тому, что он мне приписывает. Во-первых, я вовсе не говорю в цитируемом С. Солнцевым месте «Учения о ренте» (с. 117 и с. 118) об индивидуальном («имманентном») кило пшеницы. Я пишу там о рыночной (общественной) стоимости кило последней, как видно хотя бы из следующих слов: «стоимость килограмма пшеницы определяется тем количеством труда, которое идет на выращивание килограмма его на худшей общественно-необходимой земле». Во-вторых, в «Учении о ренте» действительно написано и притом на странице, цитируемой С. Солнцевым, что на лучшей земле производится большая стоимость, чем на худшей, но относится это не к индивидуальной стоимости кило пшеницы, а к рыночной стоимости всей массы пшеницы, собранной на каждом из этих участков. Последнее же бесспорно, если признать, как делает это и С. Солнцев, что рыночная стоимость кило пшеницы одинакова как на лучшей, так и на худшей (общественно-необходимой) земле данной страны.

Чтобы яснее было видно, жертвою какого прямо невероятного недоразумения стал С. Солнцев, позволю себя выписать целиком критикуемое им место, благо оно содержит всего несколько строк: «На лучшей земле производится при той же затрате труда (и капитала) большее количество килограммов пшеницы. А так как стоимость килограмма хлеба определяется тем количеством труда, которое идет на выращивание килограмма его на худшей общественно-необходимой земле, то, следовательно, на лучшей земле производится большая стоимость, чем на худшей»⁴⁶.

Итак: во-первых, я ясно пишу про рыночную стоимость, а С. Солнцев полагает, что у меня речь идет об индивидуальной стоимости, во-вторых, я ясно пишу про стоимость всего урожая с данного участка, а С. Солнцев относит это к кило пшеницы. Не удивительно, что после подобной обработки это место из моей книги стало совершенно неверным. Но можно ли это отнести к числу моих ошибок? Ответ как будто не возбуждает сомнений.

Мало того, С. Солнцев приписал мне не только положение, которого я не высказывал, он приписал мне положение, обратное тому, которое действительно имеется в моей книге, «Цена производства (в данном случае речь идет уже об индивидуальной цене производства.— Л. Л.) таких же продуктов на лучшей почве (или руднике) меньше», определенно пишу я в критикуемой С. Солнцевым книге. Таких мест в «Учении о ренте» не мало. Как будто мысль выражена ясно? Однако С. Солнцев запутался, не понял. Объясняется это в значительной степени тем, что наш экономист под терминами «ценность» (если нет никаких поясняющих прилагательных) понимает всегда индивидуальную («имманентную») ценность, и любезно приписывает такое свое понимание и мне, хотя у меня ясно сказано, что стоимость (безо всяких прилагательных) для меня категория не индивидуальная, а общественная (рыночная).

* * *

Выше я неоднократно и с большим удовольствием отмечал, что С. Солнцев не следует ходу аргументации Булгакова, и потому система

⁴⁵ С. Солнцев, Цит. соч., с. 40.

⁴⁶ Л. Любимов, Учение о ренте.

первого свободна от многих из недостатков, характерных для Булгакова и для Познякова, повторившего (хочется думать, бессознательно) в основном аргументацию С. Булгакова.

Но хотя у О. Солнцева ход аргументации иной, чем у Булгакова—Познякова, сама позиция у них общая. Поэтому многие возражения, ниспровергающие позицию Булгакова—Познякова, не теряют своего значения и в применении к С. Соляцеву. Так, напр., необходимо указать, что источники дифференциальной ренты уже потому не может лежать в индустрии, что прибавочная стоимость переливается из тех отраслей производства, где строение капитала ниже, в те, где строение капитала выше. Строение же земледельческого капитала значительно ниже, чем индустриального. Иными словами: прибавочная стоимость может переливаться и переливается из индустрии в банковое и торговое дело, так как в последних строение капитала выше, чем в индустрии, но не может из индустрии переливаться в земледелие, так как в последнем строение капитала ниже (и значительно), чем в индустрии. Другими словами, положение, что источники дифференциальной ренты лежат в индустрии, противоречит марксовой теории цены производства.

Это во-первых, а во-вторых, необходимо заметить, что положение, что источники дифференциальной ренты лежат в индустрии, независимо от способа его доказательства, противоречит еще и марксовой теории абсолютной ренты. В самом деле. Поскольку источники дифференциальной ренты лежали бы в индустрии, это свидетельствовало бы о том, что в индустрии выжимается (относительно капитала) больше прибавочной стоимости, чем в земледелии. Абсолютная же рента, как известно, доказывает обратное. Таким образом, для лучших земель, приносящих, как известно, и дифференциальную и абсолютную ренты, получилось бы, что там одновременно выжимается и больше и меньше прибавочной стоимости чем в индустрии.

В-третьих, обе версии, утверждающие, что источники дифференциальной ренты лежат в индустрии, противоречат теории цены производства и абсолютной ренты еще и в отношении, которое указано мною выше в настоящей статье (сл. стр.).

В-четвертых, обе эти версии упускают из виду то обстоятельство, что дифференциальная рента (денежная)—только денежное выражение натуральной (зерновой, хлебной) ренты, а последняя, очевидно, может образоваться только в земледелии.

Против первого из выставляемых мною в настоящем разделе аргументов можно выдвинуть указание на более медленное обращение капитала в земледелии, чем в индустрии, и сделать отсюда вывод, что прибавочная стоимость может вследствие этого переливаться из индустрии в земледелие.

Однако,—не говоря уже про то, что это возможное возражение несколько не затрагивает силы остальных трех моих аргументов,— оно менее всего способно уничтожить доказательную силу и первого моего довода. Как я подробно доказал в своей книге «Учение о ренте», в главе «Теория абсолютной ренты у Каутского», быстрота обращения земледельческого капитала далеко не в такой степени различается от быстроты обращения индустриального, как строение первого отличается от строения второго. Следовательно, действие первого различия отнюдь не может парализовать действие второго различия и, стало-быть, в земледелии производится больше прибавочной стоимости (относительно капитала), чем в индустрии, и значит (пока действует стоимость и цена

производства) прибавочная стоимость никак не может переливаться из индустрии в земледелие, а может иметь место только обратное явление. Далее. Если бы совершилось совершенно невероятное в капиталистическом обществе явление и разница в темпе обращения между земледельческим и индустриальным капиталом покрыла бы разницу в строении этих капиталов и, таким образом, парализовалось бы значение последнего, то исчезла бы абсолютная рента, так как последняя мыслима только тогда, когда в земледелии на тот же самый капитал выжимается больше прибавочной стоимости, чем в индустрии. Таким образом мы снова видим, что существование абсолютной ренты доказывает полную несостоятельность утверждения, что источники дифференциальной ренты лежат в индустрии.

Итак мы видим, что учение о том, что источники дифференциальной ренты находятся в индустрии, покоится либо на отрицании марксова закона стоимости хлеба, как это имеет место, напр., у Булгакова (и Познякова), либо на том, — как напр. у Солнцева, — что в основу всех экономических категорий — стоимости, нормы прибавочной стоимости, дифференциальной ренты — кладется не общественная, а индивидуальная стоимость, что скрадывает общественный характер стоимости, лежащей у Маркса в основе построения всей его экономической системы. Стало быть, в основе обеих версий ошибочного учения «об индустриальном характере источников дифференциальной ренты» лежит ошибка в понимании основной категории марксовой политической экономии, категории стоимости, а так как стоимость — категория производственная, то неудивительно, что обе версии разбираемой неверной теории выводят дифференциальную ренту не из производства, а из обращения, т. е. выпячивают значение обращения по сравнению со стоимостью, тогда как Маркс всегда и постоянно выдвигал значение производства по сравнению с таковым обращением.

Что ошибка в тех или иных областях теории ренты базируется на тех или иных погрешностях в понимании тех или других частей марксовой теории стоимости, тем менее удивительно, что марксова теория ренты, как известно, построена на его же теории стоимости и что поэтому всякая ошибка в этой последней может найти продолжение и яркое выражение в грубых ошибках в теории ренты.

И. Блюмин

К ВОПРОСУ О ТРУДЕ, ОБРАЗУЮЩЕМ СТОИМОСТЬ

Современная дискуссия в политической экономии ведется главным образом вокруг книги И. И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса». Как ни относиться к отдельным положениям Рубина, нельзя отрицать, что «Очерки» представляют огромный научный интерес. Рубину удалось поднять на значительную высоту обсуждение ряда теоретических вопросов. С полным правом можно сказать, что «Очерки» могут быть зачислены в разряд «erосchenmachenden» работ.

Центральным вопросом дискуссии является вопрос о труде, образующем стоимость (в последнее время выдвинулась также проблема предмета политической экономии). Вполне понятно, что этот вопрос стоит в центре внимания. Стоимость, по Марксу, «есть лишь определенный общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи» («Капитал», т. I, с. 50). Очевидно, что для понимания категории стоимости и для характеристики трудовой теории имеет решающее значение определение труда, который представлен, выражен в стоимости. Недаром Маркс вопрос о двойственном характере труда считал центральным в своей экономической теории.

По вопросу об абстрактном труде пока нет общепринятой классификации разных версий и точек зрения. И термин «физиологическая версия», и термин «социологическая версия» являются неудовлетворительными. По нашему мнению, основные точки зрения, имеющиеся в марксистской литературе, могут быть сведены к трем формулам: а) абстрактный труд — однородный физиологический труд, затрата мускулов, мозга, нервов и т. д., труд вообще, рассматриваемый вне его конкретных условий и форм проявления (точка зрения Дашковского и других); б) абстрактный труд — однородный физиологический труд товаропроизводителей, т. е. материальный труд в специфической исторической форме (точка зрения Абезгауза, Дукора и Ноткина, Сайгушкина и других); в) абстрактный труд — социально-уровненный труд товаропроизводителей или социально-уровненный труд в специфической исторической форме (точка зрения Рубина). Основной спор ведется по двум линиям: а) следует ли включать в определение абстрактного труда характеристику товарного общества и б) является ли абстрактный труд материальным, физиологическим трудом или нет. Нам представляется, что наиболее важным вопросом является второй вопрос. Решение первого вопроса играет важную роль в выяснении взаимоотношений между категориями — абстрактный труд и труд, производящий стоимость. Если мы принимаем вторую формулу, то обе эти категории совпадут. Если же мы ограничимся первой формулой, то придется сделать вывод, что понятие «абстрактный труд» более бедно по

сравнению с понятием труда, образующего стоимость, что первое понятие является лишь элементом второго. Как ни важен этот вопрос, он не затрагивает проблемы качественной и количественной характеристики стоимости. Значительно серьезнее второй спор. Здесь затрагивается очень сложная проблема о характеристике общественного труда вообще и общественного труда товаропроизводителей в частности.

Категория социально-уравненного труда имеет решающее значение в системе Рубина. «Абстрактный труд есть разновидность общественного труда или социально-уравненного труда вообще. Это — труд общественный или социально-уравненный в той специфической форме, которую он имеет в товарном хозяйстве» («Очерки», 3-е изд., с. 157—158). Но термин «социально-уравненный труд» можно понимать по-разному. Сам этот термин говорит лишь о том, что данный труд приравнивается другим видам, частям общественного труда. Центр тяжести рубинской точки зрения состоит в своеобразном понимании общественного труда. Центральное положение теории Рубина состоит в том, что общественный труд, рассматриваемый как таковой, не включает в себе ни атома материи, что этот труд качественно и количественно отличается от материального, физиологического труда. «Общественный труд в свою очередь является лишь одной стороной труда как единого целого, который, с одной стороны, выступает как общественный труд, а с другой стороны, как материальный или конкретный труд» («Очерки», с. 357). В целом ряде мест Рубин дает яркие характеристики абстрактного труда. «Так как стоимость продуктов труда является их общественной, а не естественной функцией, то и труд, образующий эту стоимость, представляет не физиологическую, а общественную субстанцию» («Очерки», с. 153). «По учению Маркса, и абстрактный труд и стоимость отличаются чисто общественной природой и представляют чисто общественные величины» («Очерки», с. 170). Так как у Рубина нет никаких оговорок о том, что только в рамках товарного хозяйства возникает категория общественного нематериального труда, то мы имеем право сделать тот вывод, что, по Рубину, в любой экономической формации общественный труд отличен от материального, физиологического труда. И, действительно, рассматривая социалистическое общество, Рубин делает следующее замечание: «Даже при том предположении, что данное числовое выражение двух количеств общественного труда (20 часов и 10 часов общественного труда) в точности совпадает с числовым выражением двух количеств физиологической энергии (20 единиц и 10 единиц физиологической энергии), остается коренное различие природы общественного труда и затраты физиологической энергии, социального уравнивания труда и его физиологического равенства» («Очерки», с. 173). В большинстве же случаев «не только общественно-равный труд качественно отличается от физиологически-равного труда, но и количественная определенность первого может быть понята нами только как результат социального уравнивания труда» («Очерки», *ibidem*). Таким образом, с точки зрения Рубина, труд имеет две стороны — материально-техническую и общественную. Общественный труд имеет свою качественную и количественную определенность. Общественный труд, очевидно, следует отличать от производственных отношений, поскольку последние не поддаются количественному измерению. Стоимость является выражением общественного труда; материальный труд непосредственно не отражается в стоимости; он находит себе лишь косвенное отражение. «Стоимость является прежде всего и непосредственно выражением общественного или абстрактного труда, и каждое изменение количества этого труда отра-

жается на величине стоимости (количество общественного или абстрактного труда находит свое точное выражение в величине стоимости, количество же материального труда находит в величине стоимости лишь косвенное выражение, а именно через посредство количества общественного труда, которое не всегда равно количеству фактически затраченного материального труда) («Очерки», с. 355).

Необходимо отметить, что Рубин продолжает все время уточнять свои формулировки. Его работу нужно рассматривать как динамический процесс, а не как ряд законченных формул. Поэтому возможно, что многие неясности, имеющиеся в 3-м издании, будут устранены в дальнейшем. Но все же, если сопоставить все три издания «Очерков», то можно обнаружить, как через всю книгу Рубина красной нитью проходит противопоставление физиологического равенства труда социальному уравнению труда, разграничение между материальным и общественным трудом. Наиболее оригинальным и наиболее трудно усвояемым пунктом в концепции Рубина является положение об общественном труде. Рубинская теория абстрактного труда может быть принята только тогда, если принята его теория общественного или социально-уравненного труда. Трудности понимания последней теории заключаются в следующем. Обычно марксисты различают две категории — живой, непосредственный труд, представляющий собой единство материального процесса взаимодействия человека с природой и общественной формы, и овеществленный труд, или стоимость. Рубин выдвигает особую категорию общественного труда, которая отлична и от живого труда (поскольку последний является материальным, физиологическим) и от стоимости. Здесь возникает основной вопрос — существует ли такая промежуточная категория общественного труда, что представляет собой общественный труд, существует ли нематериальный общественный труд. Этому вопросу можно придать другую формулировку. Рубин, конечно, не отрицает, что между материальным трудом и общественным трудом существует тесная зависимость и что в конечном счете движение стоимости определяется материальным трудом. Вопрос идет только о том, отражается ли материальный труд в стоимости непосредственно или через ряд промежуточных звеньев, отделяющих материальный труд от стоимости. Рубин отрицает факт непосредственного отражения и в качестве промежуточного звена выдвигает категорию общественного труда.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРУД

Трудности определения понятия «общественный труд» заключаются в том, что это понятие является весьма многогранным и что в отдельных случаях в определение общественного труда вкладывается разное содержание. Попробуем установить отдельные элементы общественного труда, причем для упрощения анализа мы возьмем натуральное хозяйство, а затем рассмотрим те модификации, которые получает общественный труд в условиях товарного хозяйства.

Во всяком обществе труд выступает как организованный определенным образом. Момент наличия общественной организации, момент наличия специфических производственных отношений составляет первый элемент общественного труда. В этом отношении труд члена любого общества (товарного или натурального) отличен от труда изолированного субъекта или Робинзона, если последний имел бы место. Тот факт, что труд затрачивается не изолированным субъектом, а производителем, жи-

вущим в обществе, говорит о материальной зависимости данного производителя от общества на основе разделения труда, о правовой зависимости, о наличии определенных имущественных отношений между данным производителем и другими членами общества, о культурно-исторической зависимости и т. д. Труд, рассматриваемый с материальной стороны, является продуктом длительного исторического процесса. И характер средств производства, и особенности производимых продуктов, и тип производственных отношений предполагают определенный культурный уровень. Труд, таким образом, выступает как общественный, уже поскольку он затрачивается членом общества, поскольку он предполагает определенную экономическую структуру, поскольку он является известным образом общественно организованным. Другим моментом общественного характера труда является его общественно-полезный характер. Последний выражается в том, что производитель работает не на себя, а для других, что он своим производством удовлетворяет общественные потребности. Труд, производящий общественные потребительные стоимости, тем самым выступает как необходимое звено общественного разделения труда. Но наличие этого момента еще недостаточно. Труд может быть направлен на производство таких вещей, которые вообще-то нужны обществу, но в ином количестве. Полезность вещи и необходимость данной трудовой затраты должны быть признаны обществом. Для того, чтобы получить законченную общественную характеристику, труд должен выступить в качестве общественно признанного. Последний момент общественного труда тесно связан с механизмом регулирования труда. Труд может получить общественное признание только в том случае, если он предварительно подвергнется прямому или косвенному общественному регулированию, если он выступает как общественно-регулируемый, общественно-обусловленный труд. Все эти четыре признака тесно связаны между собою. Труд общественный в законченном виде имеет место только тогда, когда труд выступает в качестве социально-организованного, общественно-полезного, общественно-признанного и общественно-обусловленного труда.

Все эти общественные элементы тесно связаны с живым, материальным процессом труда. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, — процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» («Капитал», т. I, с. 148). Труд выступает с другой стороны как определенный энергетический процесс, как процесс затраты энергии мускульной, нервной и др. со стороны производителя. Материальный процесс производства предполагает определенную расстановку людей, определенные общественные отношения и зависимости между производителями. Общественно-полезный и общественно-признанный характер труда выражается в определенном направлении производственной деятельности, в известном распределении труда между отдельными производственными сферами. Это распределение устанавливается механизмом общественного регулирования производства. Таким образом труд материальный, т. е. живой, непосредственный процесс труда, при определенных условиях наделяется целым рядом общественных элементов. выступает как общественный труд.

Если обратиться к рассмотрению товарного хозяйства, то там мы можем установить своеобразную форму проявления всех этих моментов. Прежде всего труд в товарном обществе выступает как труд, специфически организованный, как труд, предполагающий определенную экономическую структуру; этот момент присущ труду товаропроизводителя в такой

же степени, как и труду социалистического работника. Труд товаропроизводителя, направленный на производство вещей, в которых нуждаются другие, является общественно-полезным. Здесь, однако, необходимо сделать ряд оговорок. Товарное хозяйство есть анархическое хозяйство. Поэтому далеко не исключается возможность, что производитель изготавливает вещи, в которых никто не нуждается, которые вышли из употребления или которые не вошли еще в обиход потребителя. Нужно, однако, отметить, что такие случаи все же являются скорее исключением, чем правилом. Конкуренция быстро устраняет с поля деятельности неудачливых предпринимателей. Возможно и другое положение, что производитель изготавливает вещи, которые входят в состав общественного потребления, но в размере, превышающем общественные потребности. Тогда излишняя часть перестает быть потребительной стоимостью, излишняя часть труда становится общественно-бесполезной. Нужно, однако, отметить, что случаи абсолютного перепроизводства, т. е. превышения производства над абсолютными потребностями, имеют место весьма редко. Чаще всего объем производства превышает платежеспособный спрос населения, и товар сбывается по ценам ниже стоимости или цен производства. Таким образом, если рассматривать соотношение между производством и абсолютными потребностями общества, то труд товаропроизводителя уже в фазе производства выступает, как правило, как объективно общественно-полезный труд (хотя возможны исключения — труд может затрачиваться на изготовление вовсе ненужных вещей или нужных вещей в слишком большом количестве по сравнению с потребностями).

Является ли труд товаропроизводителя (мы всюду берем фазу производства) общественно-регулируемым трудом? Конечно, в товарном обществе отсутствуют элементы планового регулирования. В этом основной *differentia specifica* товарного хозяйства. В этом основное отличие товарного общества от натурального. Игнорировать эту особенность товарного хозяйства значит игнорировать основной источник всех диспропорций и дисгармоний общественного производства. Но недостаточно ограничиваться только этой формулировкой. Товарная система имеет свой стихийный регулятор производства. Товаропроизводитель не работает наобум, он считается с рыночными ценами, он вносит в свой производственный план целый ряд коррективов на основе рыночной практики. Поэтому труд товаропроизводителя выступает как труд, косвенно или стихийно регулируемый обществом. Этот момент стихийного регулирования имеет очень важное значение, ибо он объясняет установление тенденции к пропорциональному распределению труда. Товарная система имеет ряд особенностей, отличающих ее от натуральной системы и сближающих с последней. В товарном обществе, как и в натуральном хозяйстве, устанавливается свой тип пропорционального распределения труда, но тенденция пропорционального распределения осуществляется на фоне непрерывных нарушений этой тенденции.

Поскольку труд товаропроизводителя является косвенно общественно-регулируемым, постольку он выступает как потенциально общественно-признанный. Труд товаропроизводителя, конечно, не выступает как непосредственно общественно-признанный. Товар должен выдержать жесткое испытание на рынке, и только тогда, когда товар оказывается реализованным, данный труд тем самым получает общественное признание. Только в процессе реализации труд выступает как непосредственно общественно-признанный. До реализации труд является лишь потенциально признанным. Потенциальный характер общественного признания можно понимать

двойко. Можно утверждать, что данный товар имеет вероятность быть реализованным при наличии благоприятной конъюнктуры. Товар может быть реализован, но может также остаться непроданным. В этом случае потенциальность означает возможность общественного признания труда. Но эту потенциальность можно понимать и в другом смысле. Теория стоимости изучает явления в их нормальном состоянии, отвлекаясь от действия многочисленных рыночных факторов, от колебаний спроса — предложения, от действия конкуренции и т. д. Теория стоимости изучает законы равновесия товарно-капиталистической системы, которые (законы) проявляются на фоне непрерывных нарушений этих законов. «Разделение труда превращает продукт труда в товар и делает поэтому необходимым его превращение в деньги. Оно в то же время превращает в дело случайности, удастся ли это пресуществление. Но здесь мы должны рассматривать данное явление в его чистом виде» («Капитал», т. I, с. 75). Экономические явления наблюдаются в чистом виде, когда реализация происходит гладко и беспрепятственно, когда труд оказывается пропорционально распределенным между отдельными производственными сферами. Отсюда следует, что, когда мы рассматриваем тенденцию к установлению равновесия, то мы исходим из того, что товары производятся в количестве, соответствующем нормальному платежеспособному спросу, т. е. мы исходим из того, что труд производителя имеет все предпосылки быть общественно-признанным, что он должен быть признан, что его непризнание является временным и объясняется чисто техническими трудностями (товар еще не вышел из сферы производства, еще не успел попасть на рынок, еще не прошел через общественно-необходимый или минимальный период обращения). Отсюда следует, что хотя в фазе производства нет непосредственного общественного признания труда, но сам процесс распределения труда, сам механизм стихийного регулирования создает все предпосылки для этого признания. В фазе обмена осуществляется это признание, и общественный характер труда получает законченное выявление и оформление.

Отсюда следует, что живой материальный труд товаропроизводителя или частный труд имеет целый ряд своеобразных общественных признаков — он является трудом специфически организованным, в общем общественно-полезным (хотя бывают исключения), косвенно или стихийно регулируемым и потенциально общественно-признанным. В этом отношении он отличается от труда в натуральной системе, который является непосредственно общественно-регулируемым и общественно-признанным.

Живой материальный труд товаропроизводителей обладает потенциальной способностью получать общественное признание, выражаться в стоимости; с известным правом можно говорить, что товару в фазе производства присуща потенциальная форма стоимости. Эта потенциальная способность труда выражаться в вещных отношениях имеет решающее значение для понимания образования стоимости. Если ограничиваться качественным анализом, то можно прийти к выводу, что реализации товара достаточно для того, чтобы труд получил общественное признание и общественное выражение. Если же обратить внимание на количественную сторону явлений, то мы можем убедиться, что и после процесса реализации труд может получить неполное, неадекватное общественное признание. «Если обмен вообще совершается, т. е. если товар не оказывается непроданным, то всегда имеет место изменение формы, хотя в случаях ненормальных в этом превращении формы может быть урезана или повышена величина стоимости, претерпевающая превращение субстанции» («Капитал», т. I,

с. 75). Разграничение между образованием стоимости и реализацией стоимости основано на противопоставлении фактически признанного труда фактически затраченному труду, который, при сложившихся условиях реализации, обладает лишь потенциальной способностью выражаться в стоимости. Точно так же разграничение между образованием и распределением стоимости, которое (разграничение) имеет столь важное значение для понимания теории цен производства, основано на учете этой потенциальной способности. Труд, затраченный в сфере с низким органическим составом капитала, получает общественное признание и выражение не в меру фактических трудовых затрат, а пропорционально величине капитала. Стоимость, произведенная в этой сфере, означает труд, который не получает непосредственного выражения в вещных отношениях, который обладает этой способностью получать непосредственное вещное выражение лишь в потенции. Если отвлечься от этой потенциальной формы стоимости, то, строго говоря, в капиталистическом обществе нельзя было бы говорить о категории стоимости. Ведь стоимость означает общественный способ выражения труда в отношениях вещей. Очевидно, что здесь предполагается, что труд находит себе адекватное отражение в вещных отношениях. Иначе непонятно различие между стоимостью и рыночной ценой, стоимостью и ценой производства и т. д. Можно ли утверждать, что в капиталистическом обществе наряду с ценами производства существует категория стоимости, поскольку труд здесь непосредственно не получает общественного выражения? Не следует ли в пятичленной формуле Рубина: производительность труда—стоимость—цены производства—распределение капитала—распределение труда—второй член заменить категорией трудовой затраты, поскольку последняя не выражается непосредственно в ценах? Когда мы говорим о стоимости в капиталистическом обществе, то мы имеем в виду трудовые затраты, которым потенциально присуща способность при известных условиях выражаться в вещных отношениях непосредственно или влиять на эти вещные отношения через ряд промежуточных звеньев. Таким образом потенциальные общественные способности живого труда имеют очень важное значение для понимания количественных закономерностей процесса образования стоимости.

Выяснение природы общественного труда связано с рассмотрением способов общественного выражения труда. Возьмем первоначально натуральное общество. Социалистический работник трудился определенное количество часов, например n часов. Общество в лице своих хозяйственных органов зачло эти n часов как n или иное число часов, вменило (выражаясь термином австрийской школы) работнику данное число часов. Живой труд социалистического работника получает известное выражение в учетной системе общества. Труд выступает как определенная доля общественно-учтенного труда. Мы имеем право говорить об общественно-выраженном или общественно-учтенном труде. Предположим, что работник фактически работал в течение 10 часов простого труда, а общество, учитывая ряд добавочных моментов, зачло эти 10 часов как 12 часов. Что представляют собой эти 12 зачтенных или учетных часов? Можно ли сказать, что наряду с материальным трудом, живым трудом социалистического работника существует еще особый однородный общественный труд, выражающий количество учетных обществом часов? Нам представляется, что нет никаких оснований для удвоения категории труда. Существует лишь одна категория труда—живого, непосредственного материального труда, который является определенным процессом затраты физиологической энергии, т. е. энергетическим процессом. Живой труд, т. е. определенное количе-

ство затраченной энергии, может получать общественное учетное выражение, учетную характеристику, учетную форму. 12 часов зачетного данному работнику труда не представляют собой какого-то нового реального труда наряду с живым трудом; это лишь отображение фактического, живого труда в учетной системе данного общества. Это особенно ясно в тех случаях, когда нет количественных расхождений между числом фактически проработанных часов и числом общественно-учтенных часов. Работник работал в продолжение 10 часов, и общество учло ему 10 часов. Очевидно, что 10 учетных часов, это—определенная бухгалтерская категория, которая отражает реальный трудовой процесс. Очевидно, что между реальным или живым трудом и его учетным выражением существует ряд различий. Живой труд—материален, учетное выражение труда не включает в себе ни атома материи, это—форма общественного признания, общественного учета. Между этими категориями существуют и различия в объеме понятия: не всякий реальный труд общественно учитывается. Между этими категориями возможны, наконец, количественные различия. Так, напр. 10 часов реального труда учитываются как 12 часов. Последнее обстоятельство создает почву для представлений о наличии самостоятельной категории общественного труда. В самом деле, труд может быть измерен продолжительностью трудового процесса. 12 часов учетного труда представляют собой какой-то особый труд, отличный от 10 часов реального. Различная продолжительность этих трудовых процессов указывает на различную природу этих видов труда. В действительности, эти 12 учетных часов представляют чисто условную величину, которая отражает не только фактические трудовые затраты, но и моменты социальной оценки разных видов труда. Общественная учетная форма затраченного труда может давать не адекватное отображение последнего. На причинах количественного расхождения между реальным трудом и его учетным выражением в натуральном обществе мы остановимся ниже.

В товарном хозяйстве отсутствует непосредственный общественный учет затраченного труда, поскольку тут отсутствует общественное регулирование производства. Здесь учет производится косвенно через овеществление труда в стоимости. Последнюю можно сопоставить с общественным учетным выражением труда в социалистическом обществе. Как первая, так и вторая категория не материальны. Обе представляют собой лишь способ (разный, в зависимости от различия социально-экономических условий) выражения живого реального труда. Обе связаны с моментом общественного признания труда, с моментом выявления общественного характера труда. И в социалистическом обществе общественный характер труда получает полную наглядность только тогда, когда этот труд получает выражение в общественной системе учета, когда он наглядно выступает как доля общественного труда, хотя он по своей природе является непосредственно общественным трудом. Количественные закономерности этих обеих категорий можно объяснить лишь на основе учета признаков, лежащих в сфере материального производства. В стоимости находит себе непосредственное выражение живой, материальный труд. В противном случае пришлось бы допустить весьма сложную схему, что стоимость является выражением общественного труда, который в свою очередь является учетной формой материального труда. Если категория особого общественного труда (как числа зачетных обществом условных часов) имеет еще какой-то смысл в натуральном обществе, то эта категория совершенно непонятна в рамках товарного хозяйства, где общественный учет труда проявляется лишь через движение стоимости.

Если обратиться к «Очеркам» Рубина, то там можно встретить двойственное понимание категорий общественного труда. В иных случаях общественный труд понимается как общественная сторона труда: «Общественный труд в свою очередь является лишь одной стороной труда как единого целого, труда, который, с одной стороны, выступает как общественный труд, а с другой стороны, как материальный или конкретный труд» («Очерки», с. 357). В других случаях общественный труд понимается как способ выражения материального труда: «Количество же материального труда падает в величине стоимости лишь косвенное выражение, а именно через посредство количества общественного труда» («Очерки», с. 355). Оба эти толкования расходятся между собою. Так напр. стоимость и потребительная стоимость являются двумя сторонами товара, но ни одна из этих сторон не служит способом выражения другой. С другой стороны стоимость является способом выражения труда, но не стороной последнего. В одном случае речь идет о разных элементах одного и того же объекта, в другом случае — об объекте и его форме выражения. Что нужно понимать под общественной стороной труда? Обычно в марксистской литературе принято общественной стороной труда считать экономическую структуру общества, совокупность производственных отношений, социальную форму производства. Капиталистический процесс производства «есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства, т. е. определенной общественно-экономической формы последних» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 347—348). Во втором издании «Очерков» общественный труд понимается преимущественно как социальная форма производства, как определенное производственное отношение. Если общественный труд понимать в этом смысле, то непонятно, как можно говорить об определенной величине общественного труда. Ведь производственные отношения не поддаются количественному измерению, их нельзя выражать в часах или других единицах. В третьем издании «Очерков» преобладает другое толкование общественного труда. Последний не отождествляется с производственными отношениями. «Общественный или абстрактный труд, который является общественной стороной материального трудового процесса, предполагает (предполагает только, а не тождественно!—И. Б.) наличие определенных производственных отношений между людьми» («Очерки», с. 355). Общественный труд выступает как качественно и количественно определенная категория.

Здесь мы сталкиваемся с довольно сложной проблемой—как нужно понимать рубинский общественный труд, который является стороной материального трудового процесса, который предполагает производственные отношения, который имеет количественную определенность? По моему мнению, Рубин в данном случае ставит знак равенства между общественным трудом и общественным выражением труда, общественно-учетной формой труда в натуральном хозяйстве. «Органы общественного учета (в социалистической общине—И. Б.) признают, что работник А затратил в общественном процессе производства 20 единиц труда, а работник В.—10 единиц труда. Значит ли это, что А действительно работал вдвое более продолжительное время, чем В? Никким образом; еще менее означает этот расчет, что А затратил вдвое большее количество физиологической энергии, чем В... Этот труд представляет собой чисто «общественную субстанцию», единицы этого труда представляют собой единицы однородной массы общественного труда, учетного и уравненного обще-

ственными органами» («Очерки», с. 169). Поскольку общественный труд подменяется здесь общественной формой выражения, постольку получается вывод о нематериальности общественного труда, об отличии последнего от физиологического труда. Очевидно, что при таком понимании общественного труда нельзя последний рассматривать как сторону труда вообще. Общественный труд в этом специфическом понимании существует наряду с живым трудом как форма его выражения. Это не труд, а способ выражения труда. Если общественный труд в этом понимании считать содержанием стоимости, то последняя будет представлять собой форму выражения труда в квадрате, сама субстанция стоимости, при этом понимании является учетной формой труда. При таком понимании абстрактного труда стирается различие между последним и стоимостью. Эта категория общественного выражения труда или учетной формы труда имеет место лишь в рамках натурального хозяйства, ибо в товарном обществе труд нигде не учитывается непосредственно обществом. Здесь наряду с живым трудом существует только овеществленный труд. Трудовой процесс не подвергается здесь общественному учету и оценке. Если и можно здесь говорить о косвенно учтенном товарным обществом труде через учет стоимости, то этот общественно-учтенный труд является производной категорией по отношению к стоимости и не может объяснить изменения последней. Ключ к объяснению изменений стоимости нужно искать в живом материальном процессе труда. Общественно-учтенный труд не может служить необходимым звеном в объяснении стоимости, ибо он сам может быть выведен лишь на основе стоимости. Правда в товарном обществе можно говорить еще об индивидуальном учете и оценке труда со стороны отдельных товаропроизводителей, поскольку последние учитывают не только физиологические затраты, но и другие моменты, напр., риск, сезонность, квалификацию, естественные монополии и т. д. Эти индивидуальные оценки труда играют весьма важную роль при передвижении производителя из одной сферы в другую, но эти оценки не могут образовать в качестве результата общественно-учетную форму труда. Если бы такая категория существовала в товарном обществе, то она была бы равнодействующей субъективных оценок труда со стороны отдельных производителей, т. е. она имела бы чисто субъективное основание. Теория Маркса была бы заменена субъективной трудовой теорией.

ОБ АБСТРАКТНОМ ТРУДЕ.

В дальнейшем мы будем держаться того взгляда, что общественный труд является живым материальным трудом, наделенным целым рядом общественных признаков. Этот материальный общественный труд находит себе выражение в стоимости. Назовем эту версию материалистической. Отсюда не следует, что мы другую точку зрения обвиняем в идеализме. Мы утверждаем лишь, что материальный труд непосредственно выражается в стоимости, а не в конечном счете или косвенно, как утверждает Рубин. Возьмем простейшую модель товарного хозяйства. Предположим, что внутри отдельных сфер производства отсутствуют всякие различия в технике и ловкости между отдельными производителями. Предположим, что всякий труд не требует предварительной подготовки, что всякий труд является простым. Отвлечемся от всяких добавочных моментов, влияющих на выбор профессии и распределение труда, т. е. предположим, что производителей интересуют только трудовые физиологические затраты. В этих условиях при нормальном ходе экономических

явлений (т. е. в состоянии равновесия) вещные отношения (или отношения, в которых приравняются вещи) будут служить адекватным отражением затраченного материального труда или абстрактного труда.

Какие формулы абстрактного труда могут быть даны при наличии исходной предпосылки, что абстрактный труд является живым, материальным трудом? Здесь могут быть даны разные формулы, и мы их рассмотрим поочередно. Прежде всего может быть дана формула, что абстрактный труд представляет собой затрату физиологической энергии, труд вообще, отвлеченный от конкретных форм его проявления. «Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют производительную затрату человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле являются одним и тем же человеческим трудом» («Капитал», т. I, с. 10). Здесь прежде всего встает вопрос—можно ли абстрактный труд определять как затрату физиологической энергии? Можно ли труд, образующий стоимость, понимать как энергетическую категорию? Должна ли всякая материалистическая версия абстрактного труда быть в то же время физиологической, энергетической версией? Нам представляется, что на этот вопрос нужно дать утвердительный ответ. Живой, материальный труд представляет собою энергетический процесс. Всякий труд (даже интеллектуальный труд, — труд, производящий нематериальные услуги) есть прежде всего затрата разных видов физиологической энергии. Если отвлечься от этого физиологического, энергетического ядра трудового процесса, то у нас ликвидируется само понятие живого, материального труда. Материальный труд, который не является затратой физиологической энергии, представляет собой внутренне-противоречивое понятие, *contradictio in adjecto*. Нам представляется неудачным разграничение Рубиным двух физиологических версий абстрактного труда. Согласно одной версии абстрактный труд есть затрата известной суммы физиологической энергии. Согласно второй версии, равенство продуктов как стоимостей создается равенством всех видов человеческого труда как затраты физиологической энергии («Очерки», с. 151). По нашему мнению, эти версии не исключают, а дополняют друг друга. Первая рассматривает количественную сторону физиологического труда (величину затраченной энергии), вторая — качественную сторону (однородность всех видов труда). Поскольку всякий труд рассматривается как затрата физиологической энергии, постольку все виды труда, несмотря на различия в конкретной форме их проявления, выступают как качественно однородные, равные.

Но здесь может быть поставлен вопрос—если всякая материалистическая теория абстрактного труда включает в себя энергетическую теорию, но принимаем ли мы все крайние выводы наиболее решительных сторонников энергетической теории, напр. Буха? Можно ли утверждать, что величина стоимости определяется количеством килограмметров, лошадиных сил или других энергетических единиц? Конечно, энергетическую теорию можно принять лишь с целым рядом поправок. Прежде всего, нужно подчеркнуть, что речь идет не о затрате энергии вообще, а о затрате мускульной, нервной, мозговой энергии человека, т. е. о затрате качественно определенных видов энергии. Далее необходимо учесть, что величина этих физиологических затрат находится в тесной зависимости от состояния производительных сил, от технического оборудования, от ловкости и умелости производителя и т. д. Следовательно, величина физиологических затрат определяется всем состоянием производственного аппарата. Далее необходимо помнить, что физиологические затраты труда происхо-

дят в определенной общественной обстановке, предполагают известную экономическую структуру, получают общественную характеристику. Но наличие последней не может аннулировать того обстоятельства, что всякий живой труд является энергетическим процессом, тратой физиологической энергии. Наконец, экономическая теория не претендует на установление адекватного соответствия между величиной трудовых затрат и количеством энергетических единиц. Изучение энергетических единиц, заключающихся в трудовом процессе, не входит в компетенцию теоретической экономики. Это — дело физиологии, и то последняя не справляется пока с этой сложной задачей. Экономист исходит из тех грубых, эмпирических определений величины трудовых затрат, которые (определения) даются в практике производителями. Никто из производителей не занимается точным исчислением количества энергетических единиц. Величина трудовых затрат определяется на глаз. Что же является основой количественного измерения затраченного труда? Что выражает положение, что А затратил вдвое больше труда, чем В? Можно ли сказать, что все дело сводится только к субъективным измерениям и оценкам затраченного труда со стороны отдельных производителей? Существует ли какая-то объективная основа количественных соотношений трудовых затрат? Если отвлечься от индивидуальных измерений трудовых затрат, которые отражают индивидуальные особенности производителей, если рассматривать эти измерения в их массе, то необходимо установить наличие некоторого соответствия (хотя не всегда точного) между фактической затратой энергии и темп эмпирическими измерениями затраченного труда, которые делают производитель. Иначе пришлось бы или построить субъективную трудовую теорию стоимости (т. е. признать решающую роль за субъективными оценками труда), или отказаться от определения количественных закономерностей трудовых затрат.

Количественную определенность затраченного труда можно установить лишь на основе изучения материального процесса производства, а не социального уравнивания труда. Ведь социальное уравнивание труда происходит при всяких условиях—всюду, где происходит приравнивание вещей. В товарном обществе социально равными являются те трудовые затраты, продукты которых уравнивают друг друга или имеют равную цену. И в том случае, когда товары продаются по рыночным ценам, отличным от стоимости, происходит социальное уравнивание труда. Если на минуту допустить, что существует общество, в котором цены регулируются предельной полезностью, то и в таком обществе можно допустить существование социального уравнивания труда, происходящего на иной основе, чем в реальном обществе. Формула, что стоимость определяется количеством социально-уравненного труда (при том условии, что единственным критерием равенства трудовых затрат является их уравнивание в меновом процессе путем равенства цен), может быть согласована с любой теорией стоимости. При наличии этой формулы нет необходимости дополнять теорию стоимости теорией цен производства, ибо и в капиталистическом обществе происходит социальное уравнивание труда, но только на иной основе, чем в простом товарном хозяйстве. Рубин предвидит это возражение и поэтому вынужден признать, что «количественная характеристика абстрактного труда причинно обусловлена рядом признаков, отличающих труд с его материально-технической и физиологической стороны в процессе непосредственного производства, до процесса обмена и независимо от него» (Очерки», с. 176). Здесь может идти спор о том, определяется ли величина затраченного труда только одним материальным

признаком — величиной затраченной физиологической энергии — или рядом признаков, напр, приятностью работы, опасностью для здоровья и т. д. Этот вопрос детальнее мы рассмотрим ниже. Нам представляется, что, поскольку трудовой процесс выступает как процесс затраты физиологической энергии, данный признак имеет решающее влияние. Все остальные признаки материального производства влияют постольку, поскольку они влияют на величину затраченной энергии. Последняя величина в экономической теории фигурирует в своем эмпирическом выражении (т. е. как определенное число часов), в основе которого лежит определенное число энергетических единиц. Дальнейшее исследование энергетического процесса, приведение эмпирического выражения к строго научному не входит в задачу теоретической экономии.

Приведенная выше формула абстрактного труда (как затраты физиологической энергии) не дает социальной характеристики труда, образующего стоимость. Этот пробел заполняет другая формула, имеющая более богатое содержание. Это — формула, согласно которой абстрактный труд есть физиологический труд товаропроизводителя. Здесь абстрактный труд характеризуется как исторически определенный труд. Какая формула правильнее — первая или вторая? Нам представляется, что в данном случае мы имеем дело скорее с терминологическим спором, чем с принципиальным спором. Вопрос сводится к тому, следует ли ставить знак равенства между абстрактным трудом и трудом, образующим стоимость. Положение о том, что труд, образующий стоимость является исторической категорией, совершенно бесспорно. Это положение вытекает из того, что стоимость является исторической категорией. У Маркса на этот счет имеются прямые высказывания: «Труд, создающий меновую ценность, является специфически общественной формой труда. Например, труд портного в своей материальной определенности, как особая производительная деятельность, производит одежду, а не ее меновую ценность. Последнюю он производит не как труд портного, но как отвлеченный всеобщий труд, а этот труд зависит от общественного строя, которого портной не произвел» («К критике», с. 16). Если категории абстрактного труда и труда, образующего стоимость, совпадают, то абстрактный труд нужно признать исторической категорией. Если понятие абстрактного труда шире понятия труда, образующего стоимость, то первый должен быть признан логической категорией. С методологической стороны целесообразно выделить особый термин, который выражал бы родовое понятие — физиологический труд вообще, отвлеченный от конкретных форм своего проявления, и специальный термин для обозначения физиологического труда в товарной системе. Такая классификация отразила бы наличие двух оснований деления — по материальному признаку (труд вообще в отличие от конкретного труда) и по социально-историческому признаку (труд товаропроизводителя в отличие от труда в других хозяйственных системах). Недостатком учения Рубина о двойственном характере труда является то, что у него совершенно не освещен вопрос о первом основании деления, который (вопрос) очень резко поставлен Марксом во 2-м разделе 1-й главы I тома «Капитала». В связи с этим у Рубина получается неудачная формулировка, что «количество абстрактного труда определяется количеством действительно затраченного в материальном процессе производства конкретного труда» («Очерки», с. 361). Термин «количество конкретного труда», употребляемый Рубиным, расходится с обычным марксистским пониманием, что труд, взятый во всей его конкретности, не поддается количественному измерению.

Вопрос о первой и второй формулах приобретает интерес с точки зрения выяснения того, какой смысл вкладывал Маркс в понятие абстрактного труда, какую роль играет это понятие в его системе, в чем познавательная ценность этого понятия с точки зрения Маркса. Нам представляется, что у Маркса абстрактный труд преимущественно фигурирует как труд, образующий стоимость, в отличие от конкретного труда, создающего потребительные стоимости. Двойственный характер труда Маркс всюду связывает с двойственной природой товара. У Маркса нет нигде ясных и отчетливых формулировок о различии между абстрактным трудом и трудом, образующим стоимость. Всюду, где он говорит об абстрактном труде, он молчаливо предполагает, что этот труд находит себе выражение в стоимости. Если ограничиться толкованием абстрактного труда как физиологического, то непонятно, почему Маркс вменял себе в заслугу то, что он раскрыл двойственный характер труда. Само разграничение между трудом вообще и конкретным проявлением труда столь элементарно, что оно логически вытекает из общего разграничения между абстрактными и конкретными категориями. Несомненно, что классики, по крайней мере Рикардо, когда говорили о труде, имели в виду не конкретный труд, а труд вообще. В историческом очерке о развитии теории стоимости (в приложении к главе I «К критике политической экономии») Маркс главную вину своих предшественников видит в игнорировании социальных особенностей всеобщего труда. Если ограничиться чисто физиологической трактовкой абстрактного труда, то непонятно, в чем заключается противоречие абстрактного и конкретного труда. Это противоречие связано с специфическими особенностями труда в товарной системе. Аргументация Рубина по этому вопросу представляется нам вполне правильной.

В чем заключается историческое своеобразие однородного физиологического труда в условиях товарного хозяйства? Основное своеобразие состоит в том, что живой труд в товарном хозяйстве является лишь потенциально общественно-признанным и что общественный характер этого труда выявляется лишь в момент реализации, когда труд выражается в стоимости. Этим связано рассмотрение некоторых особенностей труда в товарном хозяйстве. Часто встречается такая формулировка, что труд вообще (или физиологический труд) в натуральном обществе является только абстрактным понятием, а в товарном обществе превращается в реальную, «практически истинную» по терминологии Маркса, категорию. Как нужно рассматривать труд вообще в натуральном обществе — как абстрактное понятие или как реальную категорию? Чтобы уяснить этот вопрос, сделаем маленькое отступление. Сущность абстракции состоит в том, что часть действительности приравнивается целому. Конкретные явления представляют совокупность целого ряда признаков. В абстрактном анализе мы выделяем один признак из этого комплекса и рассматриваем его изолированно от других. Если абстракция правильная, не надуманная, то она исходит из учета реального признака, который выступает в своем изолированном виде. Физиологический труд, как момент производства, есть вполне реальная категория для любой хозяйственной системы. Во всяком обществе труд есть затрата физиологической энергии. Но физиологический труд есть лишь один из моментов трудового процесса, он всегда выступает с целой совокупностью других признаков и проявляется лишь (в натуральном обществе) в конкретной трудовой деятельности. Выявить этот момент и представить его в изолированном виде, отделенном от всех других признаков, можно лишь при помощи абстракции, при помощи логической операции. Здесь необходимо отличать бытие данной категории

и способы ее выявления. Физиологический труд для натурального общества, как один из моментов трудового процесса, есть вполне реальная категория (т. е. не вымышленная категория), но она может быть выявлена лишь путем абстракции. Как обстоит дело со способами выявления этого труда в товарном обществе? Здесь имеются два способа выявления. С одной стороны, для отдельных производителей сохраняется тот же способ выявления, что и в натуральном обществе. Ошибочно было бы утверждать, что товаропроизводитель определяет количество затраченного труда только по движению стоимости. Если бы дело обстояло так, то непонятно было бы, как происходит процесс передвижения из одной сферы в другую, как отдельные производители определяют рентабельность той или иной сферы. Для этого необходимо сопоставить цены разных товаров с фактическими трудовыми затратами в разных сферах. Но наряду с этим методом выступает другой основной метод выявления абстрактного труда — через стоимость. Физиологический труд получает здесь выражение, независимое от конкретного характера затраченного труда. Стоимость отражает физиологически однородный труд товаропроизводителя так, как если бы этот труд существовал изолированно наряду с конкретным трудом.

Необходимо помнить, что здесь дело идет только о своеобразном выявлении одного из моментов реального труда, но не об образовании этого момента. Поэтому выражение, что в процессе конкуренции и приравнивания товаров происходит абстрагирование от разных конкретных свойств труда, нужно понимать *sim grano salis*. В процессе приравнивания товаров не происходит образования новой категории. Процесс приравнивания товаров может происходить только тогда, если в товарах имеется нечто общее. В процессе приравнивания лишь выявляется это общее, отделяется от особенных моментов, присущих отдельным товарам. Благодаря механизму стоимости, эти общие свойства труда получают особую наглядность, поскольку они особо выражаются самостоятельной категорией стоимости.

Другое своеобразие труда в товарном обществе состоит в том, что труд выявляется как общественный только в качестве абстрактного труда. Если взять фазу производства, то труд является здесь лишь потенциально общественно-признанным. Лишь в акте реализации, когда товар обменивается на деньги, труд получает признание, а товар принимает форму стоимости. Труд становится непосредственно общественным, он получает свою санкцию. Очевидно, что это общественное признание распространяется не только на абстрактную сторону труда, но и на труд, рассматриваемый во всей своей конкретности. Ведь для того, чтобы произошла реализация, недостаточно, чтобы вообще труд затрачивался. Необходимо, чтобы труд затрачивался в определенных конкретных формах, соответствующих потребительскому спросу. Ведь стоимость существует не как изолированная субстанция, а как одно из свойств товара наряду с потребительной стоимостью. В акте реализации подтверждается общественный характер труда как абстрактного, так и конкретного. Ошибочно было бы утверждать, что конкретный труд в товарном обществе лишен общественной характеристикой и является только материальным трудом. В чем же заключается специфическая социальная роль абстрактного труда? В том, что выявление общественного характера затраченного труда осуществляется через процесс реализации, который в то же время является процессом приравнивания товаров, процессом выявления абстрактного труда через категорию стоимости. Основу общественной зависимости в товарном обществе, как и в любом обществе, составляет разделение труда. Для того, чтобы получить

характеристику общественного труда, отдельные виды труда должны быть качественно различны, должны дополнять друг друга. В противном случае нельзя было бы говорить о пропорциональном распределении общественного труда. Обмен был бы невозможен, если бы все виды труда были качественно однородны, если бы все производили одни и те же товары. Орудие установления общественной связи в товарном обществе составляет обмен, в котором происходит приравнение труда и выявление абстрактного труда. Поэтому труд проявляет свою общественную сущность лишь в качестве абстрактного труда. Это нужно понимать не в том смысле, что конкретный труд в товарном хозяйстве не является общественным. До момента реализации и труд абстрактный, и труд конкретный являются потенциально общественно-признанными. После момента реализации оба вида труда получают общественное признание, ибо реализуются не просто товары, а определенные товары, имеющие определенную потребительную стоимость. Но общественная природа труда получает наглядность, становится явной, открытой тогда, когда этот труд приравнивается другим видам труда, когда он выступает в качестве абстрактного труда.

Мы рассмотрели две формулы абстрактного труда. Можно выдвинуть третью формулу, согласно которой абстрактный труд есть общественно-признанный физиологический труд товаропроизводителей. Когда мы говорим о физиологическом труде товаропроизводителей, то тут только предполагается возможность реализации производимого товара. Товаропроизводитель может произвести товары, которые не будут реализованы. До момента реализации нельзя сказать, нужен ли был данный товар или нет. Труд в фазе производства является только потенциально общественно-признанным. Общественная природа этого труда раскрывается полностью только в акте реализации. Не следует ли поэтому в характеристику труда, образующего стоимость, включить определение его как труда, получившего уже общественное признание, уравненного уже в процессе реализации с другими видами труда? Решение этого вопроса находится в зависимости от понимания общественного труда. Если под общественным трудом понимать какую-то особую не материальную, чисто общественную субстанцию или совокупность условных часов общественно-учтенного труда, отличного от живого труда, то этот труд выступает лишь в процессе обращения. Категория общественно-уравненного и учтенного труда возникает лишь в процессе общественного уравнения и учета товаров, т. е. в процессе обмена. Конечно и до момента обращения отдельные производители могут предвосхитить возможную величину общественного труда (в этом понимании). Так же и те материальные факторы, которые в конечном счете обуславливают величину этого своеобразного общественного труда, даны в материальном процессе производства. Но все же при таком толковании категории общественного труда последняя рождается лишь в акте социального уравнения труда. С этой точки зрения момент обмена знаменует возникновение новой общественной субстанции труда наряду с живым, материальным трудом. Поэтому с этой точки зрения весьма важно подчеркнуть, что абстрактный труд есть уже социально-уравненный труд, поскольку этим подчеркивается, что мы имеем дело с новой субстанцией труда. Если же исходить из того, что в стоимости находит себе непосредственное выражение живой, материальный труд, то нет необходимости в подчеркивании того, что данный труд получил уже общественное признание. Живой труд, рассматриваемый в фазе производства в товарном обществе является лишь потенциально общественно-приз-

наным. Когда товар вынесен на рынок, тогда живой труд его уже закончен. Вместо труда, как процесса, мы имеем продукты труда или товары. Непосредственное признание получают лишь товары, поскольку они реализуются как стоимости. Конечно, этим самым общественное признание проецируется и на самый труд, произведший товары но только через стоимость. Труд сам по себе в товарном обществе не выступает никогда как непосредственно общественно-признанный. Общественный характер труда выражается лишь в стоимости. С этой точки зрения, если исходить из того, что существует только живой труд, что других категорий труда нет, нельзя ограничиться формулой — общественно-признанный физиологический труд; нужно в эту формулу ввести корректив — общественно-признанный через стоимость. С такой поправкой данная формула абстрактного труда будет логически неудачной, ибо в само определение труда, образующего стоимость, вводится момент стоимости. Кроме того, нет особой необходимости вводить в определение абстрактного труда момент общественного признания, момент законченного социального уравнивания потому, что в условиях равновесия, в условиях пропорционального распределения общественного труда всякий живой труд имеет все предпосылки получить общественное признание через стоимость.

Возможна и 4-я формула, представляющая логическое развитие третьей формулы. Согласно этой формуле абстрактный труд — труд товаропроизводителя, общественно-признанный через приравнивание продукта труда всеобщему товару или деньгам¹. Эта формула имеет тот недостаток, что предполагает наличие более сложной и конкретной категории денег, которая может быть объяснена лишь на основе категории стоимости. При построении теории стоимости нет необходимости в выяснении всех деталей общественного признания труда. Достаточно предположить, что происходит обмен товаров, в котором товары и труд получают общественное признание.

ОБЩЕСТВЕННО-ИЗМЕРЕННЫЙ ТРУД

До сих пор мы рассматривали простейшую модель товарного общества. Мы исходили из того, что нет никаких различий в технике между предприятиями одной и той же сферы производства и что отсутствуют затраты труда на подготовку квалификации. В этих условиях стоимость выражает количество живого труда, затраченного в производстве. Усложним теперь нашу исходную модель. Введем те условия, которые прежде были опущены, т. е. различие технических условий и квалификации. Тогда мы столкнемся с некоторыми трудностями. Стоимость отражает не то количество труда, которое было фактически затрачено в живом процессе производства, а общественно-необходимый труд. Последний не совпадает для отдельных производителей с фактическими трудовыми затратами. Стоимость отражает не тот живой, непосредственный труд, который был фактически затрачен производителем при данных реальных

¹ «Если сюртук является продуктом частного труда портного, то, казалось бы, про- дажа сюртука или обмен его на золото приравнивает частный труд портного другому виду частного труда, а именно труда золотопромышленника. Каким же образом уравнение одного частного труда с другим частным трудом может сообщить первому общественный характер? Это возможно только в том случае если частный труд золотопромышленника в свою очередь уже уравнен со всеми другими конкретными видами труда, т. е. если продукт, его — золото, может непосредственно обмениваться на любой другой продукт и следовательно, играет роль всеобщего эквивалента или денег» («Очерки» Рубина, с. 143).

условиях, а трудовую затрату при гипотетических общественно-нормальных условиях. В действительности мы имеем технически весьма разнородный состав предприятий в данной сфере; стоимость же отражает данное производство так, как если бы оно было выравнено, приведено к одному общему среднему уровню. Следовательно, трудовые затраты, представленные в стоимости, отличны для отдельных производителей по своей величине от реальных трудовых затрат. Не исключается возможность, что в отдельной сфере общественно-необходимые условия производства не совпадают с реальными ни для одного предприятия, а представляют какую-то среднюю, промежуточную величину. Предположим, что в данной сфере имеются две группы предприятий: в одной группе на производство данного товара затрачивается два часа, в другой — четыре часа. Допустим, что общественно-необходимое рабочее время равно 3 часам. В этом случае общественно-необходимая трудовая затрата не совпадает с фактическими затратами ни для одного предприятия. В стоимости отражается труд, не совпадающий на все сто процентов с живым трудом, а преобразованный количеством труд, сведенный к среднему уровню. Какой же это труд, если существует только живой материальный труд? Не есть ли это только общественное выражение труда? Не есть ли это только сводная характеристика живого труда, не заключающая в себе ни атома материи.

Эти трудности встают перед нами также при изучении квалифицированного труда. Для того, чтобы получить определенную квалификацию, необходима предварительная затрата труда со стороны учителей, ученика и т. д. Основная трудность проблемы квалифицированного труда состоит в том, чтобы уяснить, как происходит процесс суммирования разновременных физиологических затрат. Обычно, если взять производство товаров и учесть труд, затраченный на изготовление средств производства, такое суммирование происходит через стоимость. Труд, изготовляющий средства производства, производит стоимость, которая сразу или по частям переносится на продукт. Можно ли эту схему распространить на труд, затраченный на подготовку квалифицированной рабочей силы? Так пытались поступить Дейч и Бауэр, которые пришли к выводу, что труд, затраченный на квалификацию, через увеличение стоимости рабочей силы, вызывает увеличение стоимости товара. Эта точка зрения ошибочна, так как она включает в заработную плату квалифицированных рабочих некоторые элементы постоянного капитала. Эта точка зрения совершенно неприменима к простому товарному хозяйству, где рабочая сила не является товаром, не имеет стоимости, где труд учителя и ученика не производит никакой стоимости. Эта точка зрения также неприменима и к капиталистическому обществу, где стоимость рабочей силы не переносится на продукт, а выплачивается из новой стоимости. В результате мы получаем следующую картину — в живом процессе производства мы имеем ряд разновременных трудовых затрат на подготовку квалификации и на изготовление продуктов. Стоимостный процесс отражает этот живой труд так, как если бы квалифицированный рабочий в течение данного часа и занимался подготовкой своей квалификации, и производил товары. Квалифицированный производитель при той же затрате энергии в час производит более высокую новую стоимость, чем простой рабочий. Труд, представленный в стоимости продукта квалифицированного труда, есть как бы слитный физиологический труд, который фактически развертывается в течение большого периода. В процессе образования стоимости происходит как бы сгущение труда. Если общая масса труда, представленная в стоимости продукта квалифицированного труда, не расходится с суммой

отдельных фактических трудовых затрат, то в стоимости последние представлены иначе распределенными; они как бы сконцентрированы в течение конечного периода изготовления продукта этого труда.

Здесь мы снова сталкиваемся с той дилеммой, которую поставили выше: А) или в стоимости отражается живой, непосредственный, материальный труд. Тогда чем объяснить количественные расхождения между величиной стоимости и величиной фактических трудовых затрат? Не поступил ли наиболее последовательно Вух, который отказался от теории общественно-необходимого труда и более высокую стоимость продукта квалифицированного труда объяснил большей интенсивностью этого вида труда? В) Или в стоимости отражается не живой труд, а труд, подвергшийся некоторому преобразованию, сведению, которое выявляется лишь через процесс обмена. Но какой же труд возможен наряду с живым трудом? Не есть ли это чисто общественная субстанция? Мы снова приходим к основному вопросу дискуссии — какой труд непосредственно отражается в стоимости, живой труд или нет?

Нам представляется, что на поставленный вопрос нужно ответить следующим образом. При усложнившихся условиях стоимость отражает определенное количество материального труда, общественно-измеренного. Маркс указывает, что товар, принадлежащий данному лицу, содержит «известное количество его собственного труда, измеряемого согласно определенным общественным законам» («Капитал», т. I, с. 135). Как нужно понимать категорию общественно-измеренного труда? Всякий труд представляет собой затрату физиологической энергии, которая (затрата) может быть выражена в виде определенного числа часов. При равной интенсивности отношение трудовых затрат определяется отношением фактической продолжительности трудового процесса; при разной интенсивности делается поправка на последнюю. Величина затраченной энергии, величина трудовой затраты может быть измерена двояко. Во-первых, можно непосредственно измерить эту затрату как то количество часов, которое было затрачено на производство товара в данных конкретных условиях.

Это будет непосредственным измерением трудовой затраты. Во-вторых, эту затрату можно измерить как определенную долю совокупного материального труда общества. Предположим, что в данном обществе производится тысяча штук данного товара и все производители в своей совокупности затрачивают на изготовление этого товара 7 000 часов. Эта цифра является вполне реальной, она выражает совокупность трудовых затрат, совокупность разных живых процессов производства. Эта величина совокупного материального труда общества образует исходный пункт общественного измерения труда. Отдельный товар представлен как одна тысячная совокупной товарной массы, а затрата на одну единицу товара — как одна тысячная совокупного материального труда общества. Иными словами, трудовая затрата на одну единицу товара равна 7 часам. Есть ли это материальная категория или нет? Нельзя ли эти 7 часов рассматривать как особую общественную величину, отличную от материального труда? Нельзя ли утверждать, что эта категория общественно-измеренного труда не дана непосредственно в живом процессе труда, а устанавливается благодаря процессу конкуренции? Процесс конкуренции приводит к тому, что все товары продаются по одной цене, соответствующей общественно-нормальным условиям. Процесс конкуренции приводит к тому, что в цене продукта квалифицированного труда оплачиваются не только последние трудовые затраты, но и затраты на подготовку квалификации.

В противном случае начался бы перелив в сферы с меньшим приложением квалифицированного труда.

Эти выводы представляются нам неосновательными. Указанные 7 часов представляют известную долю реального, материального совокупного труда общества. Следовательно, это — материальная категория, поскольку она означает определенную затрату физиологической энергии. Метод общественного измерения не изменяет ничего ни в самой природе этой субстанции (поскольку труд остается материальным), ни в общей массе представленного в стоимости труда. Эта общая масса труда лишь иначе распределяется между отдельными производителями, в результате чего получается количественное расхождение между непосредственным и общественным измерением. Последнее измерение базируется на следующих предпосылках: а) исходным пунктом измерения является величина совокупного материального труда общества, затраченного в данной сфере производства, включая сюда и труд по подготовке квалификации для данной сферы; б) «различные индивидуумы употребляют одинаковое количество рабочего времени для производства одной и той же количественно и качественно определенной потребительной стоимости» («К критике политической экономии», с. 10). «Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, принимается здесь за одну и ту же человеческую рабочую силу, хотя она состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил» («Капитал», т. I, с. 5); в) «сравнительно сложный труд есть только возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого» («Капитал», т. I, с. 11). Сложный труд в процессе своего применения как бы впитывает в себя труд, затраченный прежде на подготовку квалификации. Величина общественно-признаемого труда дана уже в самом производственном процессе. Она определяется общим состоянием производственного аппарата, общей суммой трудовых затрат в пределах данной сферы производства. Эта величина выявляется в процессе социального уравнивания, но не всегда. Так, даже для простого товарного хозяйства средняя цена или цена равновесия не всегда определяется средними трудовыми затратами (напр. для земледельческих продуктов). Точно так же средняя цена продукта квалифицированного труда не всегда определяется суммой предварительных затрат труда на получение квалификации (здесь могут иметь влияние элементы монополии, например, наличие особых способностей, необходимость известной экономической обеспеченности и т. д.). Отсюда следует, что величина общественно-измеренного труда дана в производственном процессе (если рассматривать не отдельного производителя, а всю данную сферу производства), что эта величина лишь выявляется (и то не всегда адекватно выявляется) в процессе реализации, социального уравнивания труда.

Может встать вопрос о том можно ли в качестве исходного пункта брать все общественное производство или же производство в пределах отдельных отраслей. Ведь совокупное производство представляет собой сумму индивидуальных производств и, следовательно, является свободной величиной. Имеет ли какой-либо экономический смысл категория совокупного производства? Ведь отдельные сферы (при свободной конкуренции) и общественное производство в целом не подчиняются единому центру. Не происходит ли здесь смешения натурального и товарного хозяйства, не вносим ли мы здесь предпосылку об организованности капитализма? Такое возражение выдвигает против Маркса Штольцман («Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 566). Это возражение несостоятельно.

Товарное общество представляет общество людей, связанных разделением труда и разобщенным обменом. Анархическая структура товарного общества порождает вещную форму проявления труда. С другой стороны, движении совокупного общественного производства, как проявления производственной зависимости товаропроизводителей, находит себе отражение в этих вещных категориях. Хотя отдельные товаропроизводители юридически независимы, но они в то же время зависят от условий производства в отдельных отраслях и от совокупного производства. В этом проявляется производственное единство товарного общества.

Может и такой встать вопрос—правильно ли положение, что исходным пунктом общественного измерения труда является величина совокупного материального труда в определенной сфере производства. Не правильное ли другое положение, что исходным пунктом является совокупная масса материального труда, затраченного во всех сферах производства данного общества? Если стать на вторую точку зрения, то можно прийти к тому выводу, что для отдельных сфер величины фактически затраченного труда и представленного в стоимости труда расходятся, хотя эти величины совпадают для всего общественного производства. Нам представляется, что если стать на эту точку зрения, то непонятно различие между теорией стоимости и теорией цен производства. Вторая предпосылка лежит в основе теории цен производства. Общая масса стоимостей совпадает с общей суммой цен производства, но стоимость, произведенная в той или иной сфере, распределяется между разными сферами. Количественное различие между стоимостью и ценой производства обусловливается тем, что цены производства предполагают возможность перераспределения стоимости между отдельными сферами. Если отказаться от первой исходной предпосылки (что исходным пунктом нужно брать отдельные сферы производства), то величина стоимости становится совершенно неопределенной (тут отсутствует предпосылка средней нормы прибыли, которая дает количественную определенность ценам производства).

На основе изложенного выше труд, образующий стоимость, можно определить как общественно-измеренный физиологический труд товаропроизводителей. Здесь может встать вопрос—чем объясняются количественные расхождения между живым трудом и общественным выражением труда в социалистическом обществе? Почему работнику, работавшему в продолжение 10 часов, вменяют 12 часов? Это расхождение объясняется двумя причинами. С одной стороны, известную роль играет момент общественного измерения труда. Данный работник может оказаться более ловким и способным, чем средний рабочий. С другой стороны, влияет момент социальной оценки. В социалистическом обществе отсутствует механизм колебания рыночных цен. И общество для того, чтобы привлечь труд в какую-нибудь сферу, развитие которой важно с точки зрения социалистических планов, может повысить расценки труда. С этой точки зрения нельзя проводить аналогию между общественным выражением труда в социалистическом обществе и величиной стоимости в товарном обществе.

При рассмотрении общественно-измеренного труда может встать следующая проблема—отражает ли стоимость только фактические трудовые затраты или же она отражает также некоторые факторы, влияющие на распределение общественного труда между отдельными сферами производства. И в простом товарном хозяйстве производителя при выборе профессии интересует не только величина затраченной физиологической энер-

гии. Отдельные отрасли производства имеют свои преимущества и недостатки, которые учитываются товаропроизводителями. Предположим, что имеются две сферы—А и В, но во второй сфере производство сопряжено с риском для здоровья и жизни производителя. Если товары (мы предполагаем простое товарное хозяйство) будут в среднем продаваться по ценам, пропорциональным фактическим трудовым затратам, то сфера А окажется более выгодной сферой для приложения труда, поскольку в ней отсутствует элемент риска. Очевидно, что при этих условиях труд начнет переливаться из сферы В в сферу А. Равновесие установится тогда, когда продукты сферы В будут в среднем продаваться по ценам, более высоким, чем продукты сферы А. Можно привести и другие факторы, влияющие на распределение общественного труда, напр. сезонность производства. Предположим, что производство в сфере В является сезонным. Очевидно, что это обстоятельство делает положение производителей в сфере В менее выгодным по сравнению со сферой А, и первые захотят получить какую-то компенсацию. В противном случае они выберут сферу А. При рассмотрении подобных случаев мы сталкиваемся со следующей дилеммой: а) или средняя цена в данных случаях совпадает со стоимостью товаров. Следовательно, стоимость отражает не только фактические трудовые затраты, но и другие факторы, влияющие на распределение труда и на условия равновесия. Следовательно, труд представленный в стоимости, нужно рассматривать как результат не только индивидуальных трудовых затрат, но и некоторых других факторов, хотя и связанных с трудом, но отличных от него; б) или стоимость определяется только фактическими физиологическими трудовыми затратами, но средняя цена в данных случаях не совпадает со стоимостью. Следовательно, и в простом товарном хозяйстве средняя цена не всегда равна стоимости: и тут нужно отличать процесс образования стоимости от процесса распределения стоимости.

Нам могут возразить, что влияние всех этих дополнительных факторов незначительно по сравнению с влиянием решающего фактора—величины трудовых затрат—и что в абстрактном анализе от влияния этих факторов можно абстрагироваться. Нужно, однако, отметить, что число таких факторов можно увеличить и что некоторые из них имеют весьма существенное значение. Возьмем, напр., проблему стоимости хлеба. Если подойти к этой проблеме с точки зрения анализа условий равновесия и ценообразования, то необходимо сделать вывод о том, что средние цены хлеба регулируются трудовыми затратами при наилучших условиях (вернее, на наилучших участках). В противном случае наилучшие участки перестали бы обрабатываться, и общая продукция хлеба сократилась бы. На условия равновесия оказывает здесь влияние новый фактор—естественная монополия. Последняя заключается в том, что один из основных факторов производства—земля—является редким, имеется в недостаточном количестве и не может быть свободно воспроизводим. Будет ли стоимость хлеба определяться трудовыми затратами при наилучших условиях? Когда Рикардо выдвигал такое положение, то у него оно гармонировало с его общим положением, что стоимость всякого товара определяется трудовыми затратами при наилучших условиях. Когда марксисты выдвигают это положение, то оно находится в известном противоречии с общим положением, что стоимость всякого товара определяется трудовыми затратами при средних общественно-нормальных условиях. Между тем очевидно, что условия производства на наилучших участках вовсе не являются всегда общественно-нормальными. Производство на

наихудших участках не всегда доставляет наибольшую массу продуктов и не всегда является типическим для данного общественного производства. Поэтому независимо от того, как определять общественно-необходимый труд (как взвешенную среднюю или как модальную величину), мы получаем несоответствие между регулирующей ценой в индустрии и в сельском хозяйстве. Предположим, что в промышленности и земледелии работает одинаковое число рабочих с одинаковой продолжительностью рабочего дня и одинаковой интенсивностью. Если стоимость хлеба определяется трудовыми затратами при наилучших условиях, то рабочие в земледелии произведут более высокую стоимость, чем в промышленности. Чем объясняется это превышение стоимости полученной в земледелии? Большими трудовыми затратами? Нет, ибо мы исходим из условия равенства трудовых затрат. Это, очевидно, объясняется наличием в земледелии элементов естественной монополии, редкостью земли, невозможностью увеличения земельных участков того же плодородия. Следовательно, при таком понимании редкость выступает как один из факторов, влияющих на величину стоимости, а не только на форму проявления стоимости, на цену. Этот вывод, который логически вытекает из данного ответа, представляется нам очень сомнительным и противоречащим трудовой теории стоимости.

Указанную выше дилемму нужно разрешить в том смысле, что стоимость товаров определяется количеством общественно-измеренного физиологического труда, причем за основу измерения берется общая сумма фактически затраченного труда в пределах отдельных сфер производства. Всякие факторы, влияющие на распределение общественного труда, но не связанные с фактическим увеличением трудовых затрат, обуславливают лишь иное распределение стоимости, отклонение последней от средней цены, но не влияют на величину стоимости. В противном случае нельзя объяснить перехода от теории стоимости к теории цен производства, т. е. нельзя разрешить кардинальный вопрос о действии закона стоимости в капиталистическом обществе. В последнем условии равновесия усложняются. Начинает влиять ряд новых факторов, напр., различие периода оборота капитала, различие органического состава капитала и т. д. Если в данной сфере период оборота капитала выше среднего, то при равенстве всех прочих условий (в том числе и органического состава) средние цены не могут быть пропорциональны трудовым затратам. Капиталисты, работающие в сфере с более медленным оборотом капитала, должны получить какую-то компенсацию. Если исходить из того, что величина стоимости и количество представленного в ней труда могут быть объяснены на основе анализа условий равновесия, то почему нельзя предположить, что и в данном случае товары продаются по стоимости, что период оборота также влияет на величину стоимости?

Правда, можно возразить, что в данном случае речь идет не о распределении труда, а о распределении капитала, что Маркс, говоря о стоимости как о законе равновесия, имел в виду простое товарное хозяйство. Но у Маркса нет никаких указаний, что стоимость при всяких условиях и обстоятельствах является законом равновесия простого товарного хозяйства и что стоимость всегда совпадает со средней ценой. Одна из основных идей теории цен производства состоит в том, что величину стоимости нельзя определить на основании анализа условий равновесия, что величина стоимости может расходиться со средней ценой или с ценой равновесия. Положение о равновесии есть лишь одна из предпосылок теории стоимости. Для того, чтобы закон стоимости действовал, необходимо

наличие тенденции к установлению равновесия в общественном производстве, в распределении труда и капитала. При изучении стоимости нужно отвлечься от всяких факторов, нарушающих равновесие, напр., от действия спроса — предложения. Но положение о равновесии есть лишь одна из предпосылок теории стоимости. Возможны разные типы равновесия в зависимости не только от социально-экономической структуры общества, но и от специфических условий производства в отдельных отраслях народного хозяйства. Изучение стоимости не покрывает собой всего анализа равновесия. Теория стоимости есть лишь первая и наиболее абстрактная ступень этого анализа, который должен быть дополнен теорией рыночной стоимости, теорией цен производства, теорией монопольных цен и т. д. Для простого товарного хозяйства отклонения средней цены или цены равновесия от стоимости значительно меньше, чем для капиталистического хозяйства, поскольку решающим фактором, определяющим равновесие, являются трудовые затраты, рассматриваемые как затраты физиологической энергии. Поэтому с известным приближением можно сказать, что стоимость является ценой равновесия. Но отсюда не следует, что стоимость всегда является ценой равновесия в простом товарном хозяйстве и что все те факторы, которые влияют на равновесие, влияют тем самым на стоимость. В противном случае нам пришлось бы значительно расширить список факторов, влияющих на стоимость, и понятие труда, образующего стоимость, стало бы крайне расплывчатым. Возьмем один пример. В зависимости от целого ряда исторических причин, традиций, предрассудков и т. д. отдельные профессии пользуются неодинаковым уважением в обществе, имеют неодинаковый авторитет. Если труд в сфере А более уважается, чем труд в сфере В, то при равенстве всех прочих условий, когда товары будут продаваться в среднем пропорционально трудовым затратам, труд начнет перелпываться из сферы В в сферу А. Ибо последняя сфера имеет некоторое преимущество по сравнению со сферой В. Этот общественно-психологический фактор может оказать некоторое, хотя и незначительное, влияние на условия равновесия и при последовательном развитии приведенной выше точки зрения должен быть учтен как один из факторов, определяющих стоимость. Здесь мы оказываемся перед дилеммой: а) или признать, что труд, образующий стоимость, есть результат фактически трудовых затрат в данной сфере производства — и только; б) или признать, что труд, образующий стоимость, есть результат трудовых затрат и разных многочисленных, важных и второстепенных факторов, влияющих на условия равновесия и распределение общественного труда. Вторая формула не только открывает путь к плюрализму, но она облегчает возможность применения трудовой теории стоимости со всякими буржуазными теориями. Когда мы допускаем влияние естественной монополии на стоимость, то мы делаем большой шаг навстречу субъективной школе. Стоит лишь несколько видоизменить учение об общественном равновесии, стоит лишь допустить влияние, напр., полезности на цены равновесия, как получается возможность согласовать теорию стоимости с теорией полезности. Стоимость определяется трудом, который отличен от затраты физиологической энергии и определяется разными условиями равновесия в том числе и полезностью. Поэтому вторую точку зрения мы считаем ошибочной.

А. Греблис, М. Коровай, И. Степанов.

О СПОРНОМ И БЕССПОРНОМ

(ОТВЕТ т. Х. БАСКАЕВУ)

Статья т. Баскаева «О вопросах, которые для марксистов должны быть бесспорными»¹ несомненно «просит» ответа. Она примечательна в ряде отношений. И прежде всего как документ, на котором сказались первые удары по механистическим тенденциям в политической экономии.

Ни в какой мере не стремясь опорочить самостоятельность характера творчества автора, — напротив, отдавая ему все должное, — мы считаем все же своим долгом обратить внимание читателей на статью Х. Баскаева. Мы обращаем внимание читателей на то обстоятельство, что эта статья выражает отнюдь не только индивидуальные взгляды автора, но заключает в себе ряд новейших «премудростей» «критического» направления А. Кона и С. Бессонова, которое автор с полным сознанием достоинства и даже с приятной гордостью возводит в степень последовательно-марксистского» направления.

Статья т. Баскаева является одним из наиболее «свежих», последних произведений механистического направления, вышедших в свет в период обостренных полемических «схваток» и под воздействием ударов, которые вынуждены были принять механисты от экономистов-диалектиков. В связи с этим чрезвычайно интересно посмотреть, как выглядит «на сегодняшнее число» лицо механистического направления, хотя и представленного «учеником», как вполне добросовестно и скромно определил себя уважаемый нами автор.

I

Прежде всего статья т. Баскаева интересна тем, что в ней читатель может найти попытку — правда, неудачную, плохо и грубо прикрытую и, пожалуй, малоосознанную, — отступить в ряде пунктов от грубо-ошибочных позиций, например, в вопросе о предмете политической экономии. Но положительное «достоинство» этой статьи кроется, однако, в другом. В ней недвусмысленно нашли свое выражение элементы прямого разложения «критического» направления.

То обстоятельство, что «критическое» направление начало распадаться, в сущности, легко объяснимо. Это можно было заранее предвидеть, ибо «последовательно-марксистское» направление, с одной стороны, имеет своим органическим пороком крайнюю непоследовательность, а с другой — к марксизму оно имеет такое же отношение, как механистическое течение в философии к диалектическому материализму. Можно

¹ См. «Большевик» № 9—10 за 1929 г.

было вообще предположить, что часть «критиков» будет развивать механистические тенденции до степени «дурно-пахнущей» даже для сторонников «критического направления; другая часть, напротив, осознав свои ошибки, начнет их честно и открыто исправлять. Казалось, что это наиболее вероятный, наиболее возможный путь «развития» этого направления.

Однако... предвидь худшее!

В статье т. Баскаева разложение «школы» продемонстрировано в такой форме, что может повергнуть, действительно, кого угодно, где угодно и когда угодно в крайнее недоумение...

Впрочем судите сами.

Известно всем, что «Очерки» И. Рубина вызвали к жизни ряд статей и книг, авторы которых заявили свое несогласие с ними. Из всей полемической литературы «критического толка» наибольшую известность и значение, как известно, приобрели статья Н. Дашковского «Абстрактный труд и экономические категории Маркса» («Под знаменем марксизма» за 1926 г. № 6); книга С. Шабса «Проблема общественного труда в экономической системе Маркса» (1928 г.); критика А. Кона в его «Курсе политической экономии» (1928 г.) и наконец в последнее время статья С. Бессонова «Против выхолащивания марксизма» («Проблемы экономики» № 1—2 за 1929 г.). Перечисленные труды являются пока² единственным литературным источником для суждения о взглядах этих авторов по спорным проблемам в связи с развертывающейся дискуссией.

Взгляды этих авторов, отличаясь в большей или меньшей степени друг от друга в ряде формулировок, в частных и второстепенных вопросах, представляют собой, однако, нечто единое, принципиально-согласованное друг с другом по основным спорным вопросам. Наиболее резкое сходство по родство этих авторов обнаружилось прежде всего в методологическом обосновании критики И. Рубина; во-вторых, — в выборе спорных вопросов политической экономии; и наконец, в-третьих, в положительном разрешении почти всех спорных проблем. Каждый из них с равным правом может считаться создателем того «критического» направления, которое теперь получает наиболее точное наименование «механистического направления»³.

В нашей статье «К спорным вопросам теории стоимости» («Большевик» № 3 за 1929 г.) на основании сказанного выше мы констатировали наличие двух направлений среди марксистов-экономистов, из которых одно направление, а именно «критическое» (И. Дашковский, С. Шабс, А. Кон и С. Бессонов) было квалифицировано как направление, в котором резко проявились механистические тенденции. На диспуте в Институте красной профессуры весной этого года взгляды этих авторов как в отдельности, так и в совокупности были подвергнуты резкой марксистской критике. Какой отзвук это нашло в статье т. Баскаева?

Тов. Баскаев пишет: «Если и нельзя согласиться с утверждением тт. Греблеса, Коровая и Степанова о «наличии размежевки на два направления», то только в том отношении, что фактически наметилось уже не два, а три более или менее оформившихся направления:

² Настоящая статья была написана в августе-сентябре с/г.

³ В последнее время появилось несколько авторов, образующих крайнее крыло этого направления (Кажанов, Финн-Евстаевский), которые, выступая в качестве откровенных ревизионистов, однако лишь с последовательностью, достойной быть отмеченной, доводят до логической ясности то, что у С. Шабса, А. Кона, С. Бессонова и др. выступает путанно-завуалировано двусмысленно.

1) идеалистическое (Рубин со своей группой), 2) физиологическое (Шабс, Дашковский и др.) и 3) последовательно-марксистское. В основном же мысль о том, что мы имеем дело не со случайными единичными разногласиями, а с различными системами взглядов, несомненно, верна» (последние две фразы подчеркнуты нами).

Итак, по уверению т. Васаева, взгляды С. Шабса и И. Дашковского стоят в коренном противоречии с марксизмом и полностью расходятся с «последовательно-марксистским» направлением А. Кона и др. Тов. Васаев «выдает» двух основных критиков И. Рубина, решительно отмежевываясь от них. Они объявлены «физиологистами». Лишь такие критики И. Рубина, как А. Кон и С. Бессонов, по мнению нашего автора, обладают благодатью последовательно-марксистской точки зрения, в то время как И. Дашковский и С. Шабс «отлучаются» от оной нашим уважаемым автором.

Такой «афронт» крайне неожиданный, говоря по совести. Но что побудило т. Васаева всей силой своего авторитета обрушиться на И. Дашковского и С. Шабса? Почему так быстро и так легко раскололся, распался «критический фронт»? Быть может, действительно разногласия между этими «критиками» были настолько существенны, что никакого «единого фронта» никогда и не было, а его просто выдумали злокозненные «рубинцы»?

Или И. Дашковский и С. Шабс выступили с новыми работами, в которых обнаружился не единичный разногласия с А. Коном и С. Бессоновым, но «различные системы взглядов»?

Мы спешим предупредить читателей, что последнее предположение должно сразу отпасть. И. Дашковский с 1926 г. не опубликовал ни единой новой строки по спорным вопросам, а С. Шабс в 1928 г. в ответ И. Рубину поместил в журнале «Под знаменем марксизма» (№ 7—8) статью, в которой повторил лишь то, что уже было в книге, сделав однако одно достойное внимания замечание по вопросу об «едином фронте» с А. Коном⁴.

Тогда остается, стало быть предположить первое? Такое предположение также будет глубоко ошибочным. И не только на основании анализа и сличения работ и взглядов этих «критиков». Мы имеем прямое свидетельство, например, А. Кона о характере и значении критических работ С. Шабса. Вот что в апреле 1928 г. в «Правде» писал представитель «последовательно-марксистского» направления А. Кон о «физиологисте» Шабсе:

«В настоящее время марксистская мысль направилась на то, чтобы восстановить истинное учение Маркса о труде, создающем стоимость, очистив это учение, как от упрощений, внесенных «физиологистами», так и от идеалистических, ревизионистских извращений Рубина. Одной из наиболее заметных попыток в этом направлении является рецензируемая книга С. С. Шабса».

И далее, А. Кон, чтобы не оставить и тени сомнения насчет своего истинного отношения к С. Шабсу, пишет: «считая в целом точку зрения С. Шабса правильной и близкой к нашей точке зрения», следует указать, что последний не в достаточной мере подчеркнул основную методологическую ошибку И. Рубина.

⁴ «Почти одновременно со мной и независимо от меня, — пишет С. Шабс, — другой марксист, А. Ф. Кон, пришел приблизительно к аналогичной трактовке категории труда образующего стоимость».

Мы спрашиваем т. Баскаева, как он «согласует» этот отзыв А. Кона о С. Шабсе, ища одновременно у последнего «различной системы взглядов» в сравнении с «системой взглядов» А. Кона и др.?

Читателю должно стать известным, что т. Баскаев в экономической дискуссии выступает не первый раз, а второй. Впервые им была написана большая статья в журнале «За революционную теорию» № 1 от 5 ноября 1928 г. (орган кабинета марксизма—ленинизма Института народного хозяйства им. Плеханова) под названием «О социологическом методе политической экономии в трактовке И. Рубина». Что же писал наш автор в этой статье по интересующему нас вопросу?

Мы просим внимания... Тов. Баскаев в самом начале этой статьи пишет: «Как в Очерках по теории стоимости, так и в полемических выступлениях, в связи с разгоревшейся дискуссией по спорным проблемам марксовской теории стоимости, Рубин пытается дать «оригинальную», немарксистскую трактовку социологического метода. Последняя, естественно, встретила резкую критику со стороны ортодоксальных марксистов, которые сосредоточили свое внимание в основном на антимарксистских выводах автора... Мы (т. е. т. Баскаев) не ставим перед собою задачи развернутой критики концепции Рубина в целом. Более полную критику читатель может найти в работе С. Шабса «Проблема общественного труда в экономической системе Маркса», отчасти в работе А. Кона—«Курс политической экономии» и в других журнальных статьях» (разрядка наша).

Эта цитата не оставляет никаких сомнений в том, что т. Баскаев к числу «ортодоксальных марксистов» осенью 1928 г. относил С. Шабса, к работе которого, как более предпочтительной даже перед работой А. Кона, он отсылал читателей. Совершенно бесспорно, что, отсылая читателя к критике И. Рубина «и в других журнальных статьях», он не мог не иметь в виду в первую очередь статьи И. Дашковского—другого «ортодоксального марксиста». Если читатель вспомнит, что эта статья т. Баскаева, откуда мы цитируем, написана была в 1928 г., т. е. до литературного выступления С. Бессонова в дискуссии, то оказывается, что «резкая критика Рубина со стороны ортодоксальных марксистов» вообще была представлена лишь И. Дашковским, С. Шабсом и, отчасти, А. Коном.

Вслед за А. Коном, который в апреле 1928 г. выдал С. Шабсу свидетельство «восстановителя» «истинного учения Маркса», т. Баскаев в ноябре этого же года причислял С. Шабса к «ортодоксальным марксистам». И мы утверждаем, что т. Баскаев точно так же, как и А. Кон, совершенно справедливо,—с своей теоретической точки зрения,—причисляли Шабса к своему «лагерю». В этом лагере С. Шабс играл роль духовного отца, идейного кладезя, откуда черпалась критическая «премудрость» последующих поколений «ортодоксальных марксистов» типа С. Бессонова, Х. Баскаева и др.

И мы снова задаем т. Баскаеву вопрос: как он «согласует» свою оценку С. Шабса как «ортодоксального марксиста» в ноябре 1928 г. с наименованием его же «физиологистом» в мае 1929 г., т. е. через каких-нибудь шесть месяцев?

У А. Кона и у Х. Баскаева «критик» Шабс оказывается по обстоятельствам времени (но отнюдь не по существу дела) то «ортодоксальным марксистом», то «физиологистом», образующим третье направление в марксизме.

Мы представляем себе ту «божественную» картину, когда новый шеф «школы» — А. Кон развернет свою серию аргументов против «физиологиста» Шабса. Впрочем мы опасаемся, что и т. Баскаев и т. Кон вряд ли найдут действительные основания для действительной критики Шабса, так как Шабс не больше «физиологист», чем сам А. Кон.

Чтобы покончить с «казусом» нашего автора, мы попытаемся рассмотреть по существу вопрос, являются ли действительно С. Шабс (и И. Дашковский представителями «физиологического» направления в отличие от А. Кона и др., и достаточной ли, полной ли является характеристика С. Шабса как «физиологиста»?

Что такое «физиологизм» в марксистской политической экономии? В противоположность ортодоксальной трактовке категорий политической экономии, как категорий социальных и исторических, «физиологизм» пытается превратить их (часть их — стоимость, абстрактный труд и др.) в физиологические понятия. Ряд предшественников школы С. Шабса и А. Кона (Богданов и др.) выступали как представители физиологического понимания ряда категорий политической экономии⁵.

Из числа категорий, которые подверглись в марксистской литературе «сомнению», являются ли они физиологическими и логическими, или социальными и историческими, наибольшая «популярность» пала на долю абстрактного труда. Спор о том, является ли абстрактный труд, как категория марксовой политической экономии, исторической или не исторической (логической), является ли абстрактный труд социальным или физиологическим понятием, — есть спор, который «проявляет» наличие «физиологического» направления в марксизме.

Можно ли по вопросу об абстрактном труде наметить между И. Дашковским, С. Шабсом — с одной стороны, и А. Коном и С. Бессоновым — с другой, такие расхождения, которые дали бы хотя малейшее основание считать, что по вопросу о трактовке абстрактного труда у них имеются различные системы взглядов? Утверждать это, как то делает т. Баскаев, это значит утверждать «вопиющие вещи». Нет другого пункта спора, где бы более сказалось единодушие этих «критиков», чем в вопросе об абстрактном труде.

Мы утверждаем, что все эти «критики» не являются последовательными «физиологистами». Их позиция может быть скорее охарактеризована, как эклектическая, путаная, противоречивая, ибо их установка состоит в том, чтобы «сделать» категорию абстрактного труда и социальной, и физиологической, и исторической и логической. Мы приведем в целях сличения взглядов этих «критиков» и уличения нашего автора ряд их высказываний по вопросу об абстрактном труде. И. Дашковский считает, что «абстрактный труд, труд вообще, труд как физиологическая затрата мускулов» и т. д. — есть «понятие, выходящее далеко за пределы внутренней организации товарного хозяйства». И эту мысль, что абстрактный труд есть лишь «затрата физиологической энергии в безразличной форме», что абстрактный труд есть «труд в физиологическом смысле», а также, что в таком «качестве» он выступает как логическая категория, — И. Дашковский развивает со всей настойчивостью в своей статье. Однако было бы неправильно не видеть в этой же статье попытку

⁵ К сведению и в утешение т. А. Кона и др. «протестующих» против обвинений их в «физиологизме» сообщаем, что это же делал и А. Богданов, считавший, что он — не за «голое физиологическое понимание».

И. Дашковского «сделать» абстрактный труд и социальной категорией. «Сведение абстрактного труда к простой, безличной, хотя и осуществляемой отдельными лицами затрате физиологической энергии—это есть высшее выражение социального характера труда, несмотря на то, что по видимости оно представляет собой натуралистическую категорию» (подчеркнуто нами). В противоположность «натуралистической видимости» И. Дашковский, пытается в абстрактном труде найти «социальную сущность». В теории абстрактного труда И. Дашковский, придерживаясь в основном физиологической трактовки абстрактного труда, выступает в качестве безусловного эклектика.

С. Шабс, несколько иным путем, при «помощи» одной своей кардинальной ошибки (в которой он, однако, показывает, что стоит на $\frac{3}{4}$ головы выше остальных «критиков»), сохраняет установку, «метод» своей «школы»: характеристику абстрактного труда как исторической и логической, как социальной и физиологической категории. С. Шабс считает, что абстрактный труд «определяется как физиологическое явление в непосредственном объективном своем характере». И, следовательно,—утверждает С. Шабс,—«абстрактный труд в его непосредственном физиологическом характере представляет, по выражению Маркса, «древнейшее действующее отношение», независимо от общественной формы» (подчеркнуто нами), т. е. абстрактный труд, по мнению С. Шабса, выступает в качестве и физиологической и логической категории.

Однако Шабс «невидимому» понял, что такое толкование абстрактного труда не может явиться тождественным понятию труда, образующего стоимость, и что между трудом, образующим стоимость, и самой стоимостью должна быть установлена связь. Но эту связь Шабс «понял», действительно, своеобразно. Не желая быть последовательным «физиологистом», он в противоположность абстрактному труду объявил социальной и исторической категорией «экономический труд»,—труд, образующий стоимость. Таким образом и С. Шабс в теории абстрактного труда не выступает как вполне последовательный «физиологист», хотя и придерживается физиологической версии абстрактного труда. Он выступает как «эклектик», создавая противоречие в своей «системе взглядов», соглашаясь с физиологической версией абстрактного труда и одновременно соглашаясь и развивая ту мысль, что труд, образующий стоимость, есть исключительно социальная и исторически-ограниченная категория. Только из этого эклектического месива, разумеется, и можно было родить такой «выкидыш ума» как новую категорию «экономический труд».

В ближайшей связи с С. Шабсом и с тем же грузом ошибок выступает по вопросу об абстрактном труде и А. Кон. Является ли абстрактный труд трудом в физиологическом смысле? На этот вопрос А. Кон дает ответ, не оставляющий никаких сомнений. По А. Кону, абстрактный труд есть «целесообразная затрата физиологической энергии и только».

Что находит выражение в стоимости, что отражается в ней? «В ней находит отражение самый факт, что на производство товара затрачен труд, что производство стоило определенной массы затрат физиологической энергии человека» (подчеркнуто нами). Совершенно очевидно, что А. Кон полностью разделяет взгляд предыдущих «критиков» об абстрактном труде, давая ему чисто физиологическое толкование. Соответственно этому он признает, что абстрактный труд не есть историческая категория, а выступает как логическая категория. катего-

рия, свойственная любому обществу, а не только капиталистическому. Самый способ конструирования понятия абстрактного труда у А. Кона говорит о том, что абстрактный труд у него логическая, а не историческая категория. «Так как всякий труд является затратой физиологической энергии, то это обстоятельство является общим свойством всех видов труда и входит в качестве логического определяющего в понятие абстрактного труда». Во время дискуссии в 1927 г. в Ранионе А. Кон говорил следующее по вопросу об «историчности» абстрактного труда: «На вопрос о том, является ли абстрактный труд исторической категорией, я отвечаю так: труд, создающий стоимость, является исторической категорией, однако не потому, что это есть абстрактный труд, а потому, что этот абстрактный труд общественно организован определенным образом» (подчеркнуто нами). Совершенно бесспорна попытка А. Кона отделить абстрактный труд от труда, образующего стоимость, определив последний как историческую категорию в противовес первому логическому понятию. Какой труд образует стоимость? На этот вопрос А. Кон в своем «Курсе» дает следующий ответ: «Стоимости создаются абстрактным трудом (конечно, в физиологическом смысле этого слова). Однако для того, чтобы труд создавал стоимость, он должен быть не только абстрактным, но и общественным» (1-е изд., с. 54). Улучшая и поясняя эту формулировку во втором издании своего «Курса», А. Кон под трудом, образующим стоимость, понимает «абстрактный труд в его меновой общественной форме». Не абстрактный труд, а лишь его общественная форма носит исторический характер.

Все перечисленные «толкователи» марксовой теории абстрактного труда — «в достаточной степени» марксисты, чтобы понять, что стоимость носит социальный и исторический характер, что необходимо объяснить историческую природу самой стоимости. Но, будучи вульгаризаторами марксизма, они делают порой прямо невероятные попытки «увязать» труд и стоимость. У Дашковского, оказывается, стоимость как историческая форма выражения труда выступает в качестве исторической категории, но «предмет», который в стоимости отражается, «труд», — вовсе не должен носить исторический характер, — и все это доказывается ссылками на Маркса! У С. Шабса теоретические пируэты по этому вопросу прямо поразительны. Однако выдуманная им новая категория «экономический труд», по уверению С. Шабса, образована в точном «соответствии» с...Марксом! Что касается А. Кона, то он «с неподдающейся никаким сомнениям ясностью» «развивает» взгляды «самого» Маркса, хотя довольно странным образом... почти буквальным позаимствованием и повторением «концепции» Шабса ⁶.

И А. Кон, и С. Шабс, и И. Дашковский и С. Бессонов не выступают в теории абстрактного труда последовательными «физиологистами», хотя и дают абстрактному труду физиологическое толкование. Они, давая последнему «физиологический смысл», методологически отрывают его от труда, образующего стоимость, они рассматривают абстрактный труд как логическую категорию, действующую во всех обществах, признавая исторический характер лишь за «формами» абстрактного труда в различных общественных формациях. У Дашковского исторической «формой» абстрактного труда выступает стоимость, у С. Шабса этой «формой»

⁶ С. Бессонов по вопросу об абстрактном труде разделяет взгляды А. Кона с той «особенностью», что признает исторический характер двойственности труда в меновом обществе, а не абстрактного труда, давая последнему физиологическое толкование (см. его статью «Против выхолащивания марксизма»).

является «экономический труд», у А. Кона «меновая форма» абстрактного труда есть исторически ограниченное явление, у С. Бессонова исторической «формой» абстрактного труда является «двойственность труда».

Теперь должно стать очевидным, что по вопросу об абстрактном труде методология у этих «критиков» общая и единая, что трактовка вопроса у них в основном совпадает полностью, что решение проблемы абстрактного труда они ищут на путях механического соединения физиологической и социальной природы труда, соединения исторического и логического его характера. В противоположность Марксу, рассматривающему абстрактный труд (труд, образующий стоимость) как специфическую форму общественного труда в товарно-капиталистическом обществе и только этому обществу свойственную, они «ищут» специфическую форму абстрактного труда «как такового». И на этих путях они пытаются спасти и примирить, соединить и «натуралистическое» и «социологическое» толкование марксовой теории абстрактного труда. И, само собой понятно, что на этой «просторной дороге» эклектических занятий наши «критики» вкуче и раздельно вопетну во многом «преуспели».

И когда т. Баскаев утверждает, что С. Шабс и И. Дашковский представляют «физиологическое» направление, отличное «целой системой взглядов» от «бессоновского» направления, то мы можем указать ему, что он совершает две крупных ошибки. Во-первых, этого различия нет между «критиками»; во-вторых, не точной и не полной является квалификация этого «объединенного» направления как направления физиологического. Оно выступает как направление эклектическое, сохраняющее «физиологический» багаж лишь как «составную» часть своего учения.

Однако то обстоятельство, что т. Баскаев «свел» С. Шабса и И. Дашковского к «физиологическому» направлению, блестящим образом подтверждает, что т. Баскаев не понял природы их ошибок, не понял их метода, не увидел центра тяжести их «концепции», не заметил, что эклектизм «школы» А. Кона и С. Шабса находит свое объяснение в их механистическом понимании природы и содержания марксовой политической экономии. И если бы т. Баскаев всерьез, добросовестно и тщательно анализировал бы позицию Шабса и др., то он дал бы ей основную характеристику как проявлению механистических тенденций в политической экономии. Но... тогда бы т. Баскаев «умолк» и ни единого слова не сказал бы против С. Шабса, ибо в этом «зеркале» он увидел знакомые лица А. Кона, С. Бессонова и их последователей.

II

В самом начале мы указали, что на статье т. Баскаева успели сказаться первые удары по механистическим тенденциям в политической экономии. Не успели еще оппоненты по-настоящему скрестить литературные мечи, не успели еще отзываться первые речи спорящих, как в лагере «критического» направления обнаружился гнилой процесс, который привел к распаду это направление. А. Кон и др., «спасая лицо», прибегают к отступательному маневру, пытаются отмежеваться от Шабса и Дашковского; а также пытаются отойти в ряде спорных пунктов от собственных грубо-ошибочных позиций, в частности в вопросе о предмете политической экономии. И этот маневр нашел свое естественное отображение и в статье т. Баскаева.

Однако вместо того, чтобы расчистить себе теоретическую стезю для усвоения действительных взглядов Маркса по данному вопросу (о предмете политической экономии), наш автор отступая нагромоздил для себя дополнительную кучу затруднений и ошибок. И как раз в тех местах, где обмалены грани спора, т. Баскаев вместо анализа и последовательного развития мысли последовательно прибегает к фразе, возлагая па нее неоправдываемые надежды в решении спорных проблем.

Основной вопрос спора—входят ли производительные силы наряду с производственными отношениями в предмет политической экономии, — получил в устах наиболее заметного представителя механистического направления С. Бессонова классический ответ как по точности своего смысла, так и по глубине своей ошибочности. На диспуте в Институте красной профессуры весной этого года в тезисах Бессонова мы имеем такой ответ по вопросу о предмете политической экономии: «Обе эти стороны материального процесса производства (производительные силы и производственные отношения) равноправно входят в предмет политической экономии, потому что они равноправно входят в ее объект—материальное производство».

Однако такая позиция Бессонова в вопросе о предмете политической экономии крайностью своей вульгаризации Маркса не могла стать «краеугольным камнем» учения всего «критического» направления. Она настолько грубо-ошибочна, что даже автор ее, разоблаченный к тому же в своем неудовольствии всей постмарксовской литературой, вряд ли решится теперь повторить в марксистском окружении эту—как бы сказать поделкатней—ошибочную мысль.

Повидимому и т. Баскаев желает получить «патент» на свое несогласие с Бессоновым, желает отмежеваться и отступить от этой вульгарной точки зрения. Как же т. Баскаев это делает? Резюмируя свое понимание предмета политической экономии, т. Баскаев пишет: «Итак, повторяем, политической экономии, как науке социальной, нет (!) дела (??) до технологических процессов материального производства: это—область технологий и товароведения» (подчеркнуто нами). Тов. Баскаев не продумал того, что он пишет, и о чем идет спор. Неправда, т. Баскаев, что «политической экономии нет дела до технологических процессов материального производства», ибо указанное С. Бессоновым значение технологии для раскрытия общественных отношений производства, т. е. для подлинного предмета политической экономии (производственных отношений), очень существенно. И спор идет вовсе не о том, есть или нет дела политической экономии до технологии или общественной техники. Спор идет о том, должна или не должна политэкономия включить в свой непосредственный объект познание «тайн технологических процессов», изучение материально-технического процесса производства, или последний в своем существенном значении для политэкономии выступает, однако, лишь в качестве «предпосылки», служащей нам для усвоения, понимания и изучения совокупности производственных отношений товарно-капиталистического общества, образующей предмет марксовской политической экономии.

Тов. Баскаев решил быть «радикальным» и, отказываясь от грубо-вульгарной точки зрения С. Бессонова, дал действительно идеалистическую формулировку. Однако «утешением» может служить то, что эта неправильная формулировка есть лишь дань фразе, ибо мысль т. Баскаева, как это мы покажем ниже, бьется в сетях бессоновской «схемы» и не в состоянии из нее выйти.

Что же изучает, по мнению нашего критика, политическая экономия, что же является ее предметом? Выражаясь языком Бессонова, т. Баскаев «до смерти» боится повторить ленинскую формулу, согласно которой политическая экономия изучает производственные отношения товарно-капиталистического общества в их возникновении, развитии и гибели. Читатель, ознакомившийся со статьей т. Баскаева, легко заметит, что т. Баскаев, давая самые разносторонние определения политэкономии, решительно затрудняется и избегает дать ленинскую формулу. Наш критик не скупится на определения предмета политической экономии. Однако эта «щедрость» в определениях выступает лишь как словесная завеса, которая должна по расчетам нашего критика помочь ему упрятать «концы» своего, «бессоновского», понимания предмета политэкономии.

Приведя значительный ряд цитат из Маркса, т. Баскаев пишет: «Мы привели так много цитат из работ Маркса для того, чтобы не оставить никакого сомнения в том, что предметом экономической теории является материальное производство в его буржуазной (капиталистической) форме». Это определение является, несомненно, правильным. Однако оно недостаточно точно, ибо порождает—уже породило—различное толкование. И т. Баскаев, чувствуя это, спешит сам оговориться, что «это не значит, что политическая экономия изучает процесс материального производства как технологический процесс». Совершенно справедливо, т. Баскаев!

Тов. Баскаев продолжает далее давать определения предмета политической экономии. Он считает,—и совершенно правильно,—что «политическая экономия изучает исторически-определенную форму общественного производства». Чтобы отвести всякое подозрение его в бессоновской трактовке предмета, наш автор дает еще одно,—и также безусловно правильное,—определение политической экономии: она изучает «общественный строй производства в его возникновении, развитии и упадке». Читатель видит, что, давая это определение, т. Баскаев повторяет одну из ленинских формулировок по вопросу о предмете политической экономии.

Казалось, что т. Баскаев оставалось совсем «немного» сделать, чтобы встать на общепринятую марксистскую точку зрения и повторить, как исключаящую всякие криво толки среди марксистов, формулу Ленина, что политическая экономия изучает производственные отношения товарно-капиталистического общества в их возникновении, развитии и гибели. Однако т. Баскаев в многообразии своих определений предмета политической экономии упускает из виду это определение. Читателю должно стать известным, какие теоретические мотивы руководят т. Баскаевым в этом случае.

Утверждая, что политическая экономия изучает производственные отношения товарно-капиталистического общества, ортодоксальные марксисты подразумевают всю совокупность этих отношений или то, что Маркс определил как экономическую структуру товарно-капиталистического общества. Следовательно, утверждая, что политическая экономия изучает совокупность производственных отношений или экономическую структуру, мы имеем дело с тождественными понятиями. Тов. Баскаев с этим не согласен. Оказывается, в том перечне определений предмета, который приведен нами выше, не случайно отсутствует определение политэкономии как науки, изучающей совокупность производственных отношений, их систему.

Оказывается, понятие «общественный строй производства в его возникновении, развитии и упадке», по мнению т. Баскаева, не адекватно понятию «совокупность производственных отношений в их возникновении, развитии и гибели». Понимание экономической структуры, как совокупности производственных отношений, т. Баскаев считает неправильным. Для него характеристика экономической структуры, как совокупности производственных отношений, недостаточна. Он считает, что понятие экономической структуры «более гибкое понятие», чем совокупность производственных отношений. Но не только более гибкое понятие. Оно также и «более богатое определение». Однако наш критик не удовлетворяется и этим. Он считает, что понятие экономической структуры есть «новая категория» в сравнении с категорией «совокупности производственных отношений».

Мы приведем по этому поводу собственные размышления нашего автора, и читателю не составит большого труда заметить, что даваемые прежде автором определения предмета носили у него «аллилуйное» название. В своей статье т. Баскаев пишет: «Под экономической структурой, объектом экономического исследования Маркс понимает не производительные силы и даже (!) не производственные отношения сами по себе (?), а более богатое определение, вытекающее из реального процесса взаимодействия тех и других факторов материального воспроизводства», т. е. производительных сил и производственных отношений. И дальше он развивает свою мысль таким образом: «И. Рубин и его последователи не желают понять, что только существование взаимно-противоречащих сторон (производительных сил и производственных отношений), их борьба, и их слияние „в новую категорию“ составляют сущность диалектического движения»⁷.

Таким образом, усваивая точку зрения нашего критика на понятие экономической структуры, мы можем установить, что под экономической структурой он понимает не производственные отношения (или их совокупность «сами по себе» (?), а «результат» слияния производительных сил и производственных отношений. Или, говоря иначе, совокупность производительных сил и производственных отношений, по мнению Баскаева, и образует «новую категорию» — экономическую структуру.

Теперь становится очевидным, почему т. Баскаев, так охотно определяя политическую экономию как науку о материальном производстве в его буржуазной форме, об общественном строе производства или экономической структуре капиталистического общества, всячески избегает повторить марксистское определение экономической науки (как науки) о совокупности производственных отношений капитализма; в этом последнем определении, на взгляд Баскаева, нет «слитой» категории, нет включения производительных сил, как самостоятельного объекта, в политическую экономию. Такое определение т. Баскаеву кажется односторонним, метафизическим, или, как выразился в одном случае А. Кон, «звучит в настоящее время фальшиво».

Мы можем теперь установить, что наш критик, пытаясь отступить от грубо-вульгарного изложения С. Бессоновым точки зрения «критического» направления по вопросу о предмете политической экономии, в путаной и скрытой форме под покровом «радикальных фраз» и «аллилуйного» отношения к правильным марксистским определениям предмета,

⁷ Тов. Баскаев, неудачно и не к месту замечая это положение из «Нищеты философии» Маркса, почему-то скромно уязвляет об источнике.

повторяет тезис С. Бессонова о «равноправии» производительных сил и производственных отношений как объектов теоретической экономии.

С. Бессонов в своих печально-знаменитых тезисах о включении производительных сил в предмет политической экономии на равноправных началах вполне логично и последовательно развил и расшифровал общее всему «критическому» направлению понимание экономической структуры. А наш критик, разделяя бессоновское понимание экономической структуры, по основному пункту спора—входит ли изучение производительных сил в предмет политической экономии как самостоятельный объект или нет—отделяется новой фразой—«слиятием производительных сил и производственных отношений». Наш уважаемый критик, даже не догадывается, что если он решил отступить в вопросе о «равноправии» производительных сил, он должен отказаться и от своего понимания экономической структуры—теоретического источника бессоновских «открытий».

В самом деле, что послужило логическим основанием С. Бессонову утверждать, что производительные силы на равноправных началах с производственными отношениями образуют предмет политической экономии? Нет ни малейшей тени сомнения в том, что этот вывод С. Бессонова есть лишь логическое следствие его (и т. Баскаева) понимания экономической структуры, как совокупности производительных сил и производственных отношений. Если экономическая структура, объект экономического исследования Маркса, есть совокупность производительных сил и производственных отношений, то вывод, который делает С. Бессонов, что производительные силы образуют «равноправный» объект политической экономии, — является логически совершенно последовательным и вполне законным. И если наш критик не «рискует» с завидной ясностью Бессонова этот вывод повторить, то это свидетельствует лишь о том, что наш «последовательно-марксистский» экономист в вопросе о предмете политической экономии, безнадежно запутавшись в сетях бессоновской «схемы», являет миру образец незавидной непоследовательности своего научного творчества.

Свое ошибочное определение экономической структуры т. Баскаев пытается обосновать на одной ложно понятой им цитате из Маркса («Капитал», т. III, ч. 1, с. 290). Однако т. Баскаев попал благодаря этому в пикантное положение. Эта цитата Маркса, по мнению критика, полностью «разоблачает» И. Рубина, придерживающегося, в этом вопросе той точки зрения, что понятие «экономической структуры» тождественно понятию «совокупности производственных отношений». Наш автор настолько уверен в своей точке зрения, что спешит заявить, что «между Марксом и Рубиным здесь намечается глубокая трещина, именно в понимании экономической структуры» (подчеркнуто нами). Ему и невдомек, что определение экономической структуры, как совокупности производственных отношений, не выдумано Рубиным и не Рубину принадлежит. Если т. Баскаев даст себе труд изучить работы Ленина, то он увидит, что именно Ленин с исключительной настойчивостью во всех своих произведениях подчеркивает именно это значение и это содержание понятия экономической структуры. Намечая в этом вопросе «глубокую трещину» между Марксом и Рубиным, наш критик с роковой «последовательностью» всех «критиков» пытается выковырять «трещину» между Марксом и Лениным.

Итак, ложно истолкованное место из Маркса служит т. Баскаеву исходным пунктом критики взглядов И. Рубина. Однако что скажет

т. Баскаев по поводу того, что откровенный ревизионист Финн-Енотаевский в своей статье «К критике теоретической экономии»⁸ эту же цитату Маркса делает одним из исходных пунктов критики Маркса, намечая «между Марксом и Марксом» глубокую трещину?

Ввиду несомненного интереса мы приведем это место из статьи Финн-Енотаевского. Критикуя Маркса за то, что «человеческая природа и здесь отделяется им (Марксом) от природы», новоявленный критик Маркса пишет: «Человек здесь у него продолжает представлять непосредственно лишь общество, а не природу» (разрядка автора). И он продолжает: «Все эти старания Маркса вырыть пропасть между природой (а у т. Баскаева «материальным») и обществом (у нашего критика «чистой социальной формой») в вопросе о ценности вызывают тем больше удивления, что из самого его учения вытекает, что человек — мост между природой и обществом» (разрядка Финн-Енотаевского). И для доказательства своего удивления Марксом, для доказательства «глубокой трещины» между Марксом и Марксом, Финн-Енотаевский вслед за приведенным приводит цитату, которую т. Баскаев уже «успел» использовать для того, чтобы найти «глубокую трещину» между Марксом и Рубиным. Вместе с Финн-Енотаевским наш злополучный критик дал словам Маркса ревизионистское истолкование:

Кратко резюмируем. Желая отмежеваться от грубо-ошибочных определений С. Бессонова, наш критик так «размахнулся», что дал противоположно-ошибочную, действительно идеалистическую формулировку. Однако эта отмежевка явилась лишь жестом, ибо т. Баскаев не захотел понять источника бессоновской ошибки — неправильную, ошибочную трактовку им понятия экономической структуры. Вместо ответа на коренной вопрос спора т. Баскаев «открыл» новую категорию! Оказывается, лавры нашего бывшего учителя, бывшего «ортодоксального марксиста», бывшего «восстановителя истинного учения Маркса» — одним словом, «бывшего» С. Шабса не дают вам покоя, т. Баскаев! Шабс открыл новую категорию «экономический труд», и вы тоже идете вслед с своим «новым открытием»!

Наш критик в своей статье с исключительной претенциозностью выдает изложенные выше свои взгляды за безусловное и несомненное «последовательно-марксистское» направление. И мы уверены, что читатель, внимательно ознакомившийся с этими взглядами, вместе с нами скажет: и откуда только у людей хватает незавидного мужества объявлять себя «последовательно-марксистским» направлением? Вот уж поистине, где вопрос крайне и крайне спорный.

III

Пребывая в уверенности, что нам вряд ли более придется заняться нашим «изобличителем», мы решили хотя бы бегло остановиться еще на некоторых других «перлах» его творчества, чтобы теоретический облик нашего критика получил бы некоторую законченность и, если можно так выразиться, некую «портретность».

⁸ См. «Социалистическое хозяйство» за 1929, кн. III и IV. Мы всячески рекомендуем эту статью всем, кто желает увидеть подпочвенное, по тем не менее достаточно «почвенное» родство А. Кона, С. Бессонова и др. с этим откровенно ревизионистским Марксом-экзэпомистом.

По правде говоря, вполне достаточно и сказанного выше, чтобы убедиться, что наш досточтимый автор в незавидном виде представил лицо механистического направления «на сегодняшний день».

Не находя в себе «физической силы ума», чтобы радикально поправить свои ошибки и найти новые исходные пункты для действительного понимания марксизма, «критическое» направление стало метаться в поисках громостводов, сегодня отлучая от этого направления С. Шабса и возвещая миру о «физиологической системе взглядов» последнего на тех же «теоретических» основаниях, на каких завтра Бутаевы будут отлучать А. Кона, своего нынешнего шефа школы, чтобы «прокламировать» себя в качестве единственно-истинного, «последовательно-марксистского» направления.

Однако будем справедливы к т. Баскаеву. Он не лишен и черт действительного своеобразия. Он сумел сочетать крайние противоположности: «старчество» направления и «младость» своего творчества. Одним словом, читатели, поговорим снова о т. Баскаеве!

К сожалению, по крайнему недостатку места мы вынуждены из всей суммы элементов, образующих его оригинальную своеобразность, ограничиться лишь одним пунктом, а именно его пониманием задач марксистской критики в «социальной» школе. Однако и этого будет достаточно для того, чтобы увидеть, с какого сорта критиком нам приходится иметь дело.

Тов. Баскаев, распространяя и «развивая» басню С. Шабса, А. Кона и С. Бессонова, что взгляды И. Рубина являются позаимствованными у представителей «социальной» школы и представляют собой «насквозь идеалистическую» трактовку учения Маркса, негодует и по нашему адресу.

Он пишет: «Попытка комментаторов И. Рубина отгородить своего учителя от социального направления буржуазной политической экономии... не удалась». Приведя одну цитату из Фр. Петри, наш критик замечает: «Достаточно приведенной цитаты, чтобы показать... полное совпадение взглядов И. Рубина со взглядами Петри». Быть может нужны еще какие-нибудь тому доказательства? Тов. Баскаев сакраментально заявляет: «Впрочем, стоит ли об этом долго распространяться, когда сами последователи И. Рубина утверждают, что «у Штольцмана, Петри и др. встречаются иногда правильные замечания, подчеркивающие социальное содержание категорий политической экономии».

Прежде чем пойти дальше по следам его рассуждений, нам придется «на месте» сфотографировать нашего критика, как ловкого ученика С. Бессонова в обращении с цитатами. Мы должны привести точно, что нами сказано по этому поводу. Вот что мы писали в своей статье: «Если у Штольцмана, Петри и др. встречаются иногда правильные замечания, подчеркивающие социальное содержание категорий политической экономии, то это объясняется попросту тем, что они заимствовали кое-что у Маркса, к тому же извративши мысли последнего».

Не трудно заметить, что наш критик весьма «своеобразно» пользуется методом цитирования.

Однако не в этом сейчас суть дела... Наш критик, приводя далее ряд замечаний И. Рубина о представителях «социального» направления, тоже процитированных à la Бессонов, еще более повышает тонус своего негодования по этому поводу и пишет: «Одно из двух: либо Штольцман, Амонн и др. — идеалисты, кантнянцы, тогда они не могут давать пра-

вильных определений, совпадающих с точкой зрения Маркса, либо они дают правильные определения предмета политической экономии и тогда они — не идеалисты. Здесь концы с концами у И. Рубина не связаны».

Знакомый хотя бы немного с «социальной» школой, знает, что «своеобразие» некоторых представителей этой школы состоит в том, что они кое-что у Маркса заимствуют и это заимствованное извращают. Мало-мальски осведомленный марксист знает, что у некоторых представителей этой школы встречаются отдельные правильные определения, по большей части опять-таки заимствованные у Маркса, получившие, однако, совершенно неправильную, ложную, буржуазную, идеалистическую трактовку. Наконец, марксист-экономист должен знать, что критика этого направления, если ее вести действительно научным способом, предполагает методологический и логический анализ этой школы, методологическое и логическое раскрытие противоречивости и ненаучности этого направления. И было бы прямо смешным, детски-наивным игнорирование того обстоятельства, что «социальное» направление есть не просто буржуазное направление, а особый вид, разновидность буржуазного направления в политической экономии. И особенность его, кроме указанного, состоит в том, что оно «улавливает» некоторый «социальный элемент» в политической экономии. Марксистская критика этого направления не выполнила бы своей обязанности до конца, если бы она на почве «уловленных» этой школой «социальных элементов» не обнаружила бы полного банкротства этого направления.

Тов. Баскаев чрезвычайно упростил задачи марксистской критики, и, естественно, вульгаризировал их.

В нашей статье по вопросу о «социальной» школе мы писали: «Основной порок этих экономистов состоит в том, что они отказываются поставить в причинную связь социальные или более непосредственно определяемые экономические явления с материальным производством, с одной стороны, и далее, или рассматривают социальные отношения идеалистически, как продукт «человеческой воли», необходимо не вытекающий из условий материального производства, или отождествляют их с юридическими, правовыми отношениями».

Тов. Баскаев решительно не согласен с нами. Он пишет: «Здесь авторы обнаруживают незнакомство с подлинными взглядами представителей социально-органической школы. Не кто иной как Франц Петри утверждает, что «техника остается последним определяющим фактором, с развитием которого связано развитие общества и развитие общественных отношений производства».

Тов. Баскаев пытается доказать, что мы не правы, когда утверждаем, что основной порок «социальной» школы состоит в том, что она отказывается поставить в причинную связь социальные отношения с материальным производством. Мы утверждаем, что наш критик дал себя поймать... и сдал позицию Фр. Петри. Мы утверждаем, что Фр. Петри, вся его работа, вся «система его взглядов» есть прямое выражение его отказа рассматривать социальные отношения в их тесной связи с развитием материальных производительных сил. Если «критик» социального направления т. Баскаев начнет критиковать Фр. Петри, исходя из вымышленного им положения, что Ф. Петри «тоже» признает причинную обусловленность общественных отношений развитием производительных сил, то мы утверждаем, что наш критик поставит марксистскую критику «па голову». Тов. Баскаев приписывает «социальному» направлению идеи и взгляды, прямо противоположные ему.

Но приписывается не только это. «Критики» приписывают еще следующий взгляд «социальной» школе. В их представлении «социальное» направление рассматривает «производственные отношения сами по себе» (?). Мы утверждаем, что это есть вопиющая ошибка. «Социальное» направление не знает и не оперирует «производственными отношениями». Оно оперирует «социальными отношениями». Амонн, например, конструирует политическую экономию как науку, изучающую «социальные отношения людей», но методологически отказывается иметь дело с «производственными отношениями», поскольку он эти «социальные отношения» характеризует не по их связи с процессом производства, а лишь по их формальным признакам. Амонн принципиально отрицает необходимость выделения из круга социальных отношений «производственных отношений», констатируя «формальные социальные отношения», а наш критик уверяет, что «социальное» направление изучает «производственные отношения сами по себе» (?).

Но не только Амонн, и Штольцман, и Фр. Петри, употребляющие в ряде случаев термины «производственные отношения», отождествляют и сближают их (в той или иной мере: Штольцман—более, Петри—менее) с правовыми отношениями, рассматривая их как отношения между «субъектами права» или как «участниками социально-этического регулирования». Совершенно бесспорно, что их метод изучения «социальных отношений» при ряде различий полностью совпадает с формалистической постановкой у Амонна.

Когда т. Баскаев пишет, что И. Рубин «восхваляет Амонна», поскольку Рубин «приходит к правильному положению, что политическая экономия есть наука о социальных отношениях», то он не желает понять, что Амонн, сказав эту в общем правильную мысль, застрял на этом, и не понял ни природы этих отношений, ни особого характера их как производственных отношений.

«Социальное» направление буржуазной политической экономии, повторяем мы, отрицает причинную обусловленность общественных отношений развитием производительных сил: это есть ее коренное содержание, как бы нас ни уверял в обратном «ортодоксальный» критик Баскаев. Это направление не изучает производственных отношений, ибо оно знает лишь «социальные отношения», в своем ближайшем определении выступающие не как производственные отношения, а как отношения «субъектов права» или как продукт «социально-этического регулирования», или получающие чисто внешне-формальное, «формалистическое» определение.

Критики И. Рубина, сближая его с «социально-органическим» направлением, в своем усердии по сути дела приукрашивают, сближают это направление с марксизмом и думают при этом, что выполняют задачу марксистской критики!

Но что сказать о т. Баскаеве как критике этого направления? И мы вынуждены заявить, что, если у остальных представителей механистического направления такая постановка критики есть продукт их непонимания сути «социального» направления, то у т. Баскаева бесспорно иной источник такой постановки: он просто-напросто не знает, о критике какой школы идет речь.

* * *

Экономическая дискуссия явно вступает в новую фазу. Она «обогатилась» дополнительным списком весьма существенных вопросов, ставших

дискуссионными. Вокруг спорных проблем встала, например, такая проблема как теория товарного фетишизма Маркса. Но дискуссия уже переросла и узкотеретические рамки. Как и следовало ожидать, она поставила «на очередь» споры о теоретических основах изучения советской экономики.

Но новый этап дискуссии характеризуется не только расширением круга спорных вопросов,—она расширила и расширяет круг своих участников. В самое последнее время на арену вышли такие экономисты, как Кажанов, Финн-Енотаевский, которые в необычайно яркой форме «проявили» потенциал «критического» направления. Опасность механистических тенденций в политической экономике стала очевидной еще более широкому кругу марксистов-экономистов.

Однако мы не закончили бы описание «черт» настоящего этапа дискуссии, если бы не отметили факта распада «критического» направления на бесконечное число «оттенков», «нюансов» и даже «новых» направлений, как результат последовательной и резкой критики механистического направления со стороны экономистов-диалектиков.

Если А. Кон, X. Баскаев и др. начинают «отмежевывать» от себя своих бывших «учителей» — С. Шабса и др., то в сознании некоторых сторонников «бессоповщины» постепенно выкристаллизовывается понимание механистических черт их «системы взглядов». Однако это «движение» еще далеко от понимания центральной идеи дискуссии, состоящей в том, чтобы решительно преодолеть «механистические тенденции в политической экономике и в теории советского хозяйства».

И. Лapidус

МЕХАНИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В ГЕГЕЛИАНСКОМ НАРЯДЕ

I

К грозной рати экономистов, борющихся на страницах нашей печати «против выхолащивания марксизма», против кантианства, струвизма и прочей чертовщины в политической экономии, присоединился еще один отважный боец. Это—т. Э. Гурвич, посвятившая в шестом номере журнала «Проблемы экономики» специальную статью «критике основных методологических положений концепции Рубина».

Сопоставив «взаимные обвинения» борющихся сторон, «проверив», как беспристрастный судья, «документы» и сравнив их с подлинниками, т. Гурвич пришла к тому выводу, что Рубин и «рубинцы»¹ оторвали «социальную форму капиталистического производства от его материального содержания», что они в этом вопросе, как и в ряде других «вопросов методологии» изменили учению «великих учителей» марксизма.

Грозные обвинения т. Гурвич, конечно, не новы. Ее друзья и единомышленники уже давно твердят «без конца и перерыва» о связи между формой и содержанием, о том, что «рубинцы» этой связи не видят. Издеваясь над теми экономистами-диалектиками, которые указывают на сложность проблемы формы и содержания и считают необходимой ее дальнейшую разработку, друзья т. Гурвич уже давно говорят об этой проблеме с тоном некоторого превосходства, как будто они в этом вопросе уже достигли некоторой «абсолютной истины», неизвестной их противникам.

Поведала ли нам т. Гурвич эту абсолютную истину? Показала ли она нам, как она конкретно понимает характер связи между формой и содержанием вообще и специально в политической экономии?

Увы! Прочитав внимательно статью т. Гурвич от начала до конца, приходишь к выводу, что она в этом вопросе по существу не сказала ничего нового.

Тов. Гурвич мечет громы и молнии против «рубинцев», которые, изволите ли видеть, то вовсе отрывают форму от содержания, то изображают их взаимную связь в виде причинной связи или в виде взаимодействия.

В своем понимании причинности и взаимодействия т. Гурвич действительно проявляет некоторую «оригинальность». Но когда наш автор

¹ Следуя в этом отношении за всеми остальными своими соратниками, т. Гурвич в категорию «рубинцев» («апологетов Рубина», как говорит т. Гурвич) включает всех экономистов-марксистов, борющихся за последовательную диалектику в политической экономии, далеко не во всем согласных с И. Рубиным и критикующих с диалектической точки зрения ряд ошибочных положений последнего.

от критических замечаний переходит к положительным выводам, то оказывается, что она ничего не может по существу прибавить к тому, что уже сказано до нее ее единомышленниками. Она снова и снова повторяет общие фразы о том, что форма и содержание должны быть связаны, она снова криками о единстве хочет замазать вопрос о специфических особенностях и различии формы и содержания; она снова и снова твердит о том, что марксистская наука должна заняться не изучением форм, а соотношением между формой и содержанием².

На те доводы, которые т. Гурвич повторяет вслед за другими своими единомышленниками, экономисты и философы, стоящие на последовательно-диалектической точке зрения, уже дали свой ответ. Отнюдь не претендуя на «абсолютные истины» в вопросе о форме и содержании, считая, что этот вопрос нуждается в дальнейшей разработке, они, однако, показали, как нужно понимать в общих чертах диалектическую связь формы с содержанием. Не ограничиваясь общим признанием связи и взаимодействия между тем и другим, не считая возможным свести единство формы и содержания к их соотношению, они показали, что связь формы и содержания неизбежно предполагает их относительную самостоятельность, наличие внутренней логики развития в самой форме. Они показали, что этой внутренней логики развития не понимают как раз друзья т. Гурвич, ибо они связь понимают или как единство, исключаящее всякое различие, или как внешнее соотношение, подменяющее по существу диалектическую связь махистской «функциональной зависимостью». Экономисты-диалектики давно уже показали, что друзья т. Гурвич, несмотря на их вопли о «существенности формы», трактуют всегда форму как некоторую внешнюю оболочку, не имеющую существенного значения, что эту оболочку можно с их точки зрения снять без вреда для самого содержания.

Совершенно бесцельно и неинтересно в тысячу, первый раз повторять о внутренней логике развития формы, о ее диалектической связи с содержанием, когда противник твердит одни и те же зады, не обнаруживая ни желаний, ни способности продвинуться хоть сколько-нибудь вперед.

И если бы т. Гурвич ограничилась в своей статье только повторением уже сказанного, то мы не считали бы нужным на нее особо отвечать. Но все дело в том, что т. Гурвич, не давая чего-либо нового по существу рассматриваемого ею вопроса о форме и содержании, все же обнаруживает кое-что новое и оригинальное не только в своей «трактатке» причинности и взаимодействия, но и в приемах своей критики, и это последнее обстоятельство заставляет уделить ее статье некоторое внимание.

Тов. Гурвич, как мы сказали, решила заняться «проверкой документов». Чтобы не быть обвиненной в попытке «легко и быстро исправить Маркса», она решила «в своем изложении сослаться каждый раз на великих учителей». При этом, чтобы отвести обвинения в механистичности и непонимании диалектики, наш критик решил из «великих учителей» прежде всего опереться не на кого иного, как на Гегеля.

Вся статья т. Гурвич пестрит цитатами из Гегеля: наряду с «легкой артиллерией» малой «Логикой», пускается в ход и тяжелая артиллерия

² «Там, где для Маркса, — говорит с возмущением т. Гурвич, — стоит вопрос о соотношении между производительными силами и производственными отношениями, Рубин требует изучения не материальной стороны процесса, а его социальной формы».

большой «Науки Логики». Для большей глубины и точности в отдельных цитатах приводится не только русский перевод, но и отдельные слова из немецкого оригинала. При этом — не шутите! — наш искушенный в философии автор, остерегаясь «легких и быстрых» выводов, всегда проверяет те или иные положения Гегеля в отношении их идеалистичности; текст Гегеля сопоставляется при этом с отдельными высказываниями Маркса и Ленина п. т. д. Короче говоря, с внешней стороны у неискушенного читателя может создаться впечатление, что автор пришел к определенным выводам в области методологии политической экономии, после серьезного и глубокого изучения диалектики по первоисточникам, что обвинить автора в «механистичности» могут только злонамеренные «рубинцы», ничего не смыслящие в марксизме вообще и в диалектике в частности.

Бравирование цитатами из Гегеля, крикливые гегельянские наряды, в которые облачается т. Гурвич, и заставляют обратить внимание на ее статью и заняться ее критическим разбором, несмотря на отсутствие позиций и оригинальности в ее положительных выводах. Остановиться несколько на оригинальном гегельянстве т. Гурвич тем более необходимо, что ее гегельянские наряды приходится по вкусу и другим ее друзьям, которые тоже не прочь на страх всем врагам и супостатам щегольнуть иногда цитаткой из Гегеля.

При этом нам придется заранее извиниться перед читателем за то, что необходимость критического разбора статьи т. Гурвич заставит нас совершить экскурс в область некоторых вопросов гегелевской философии, — вопросов, не всегда имеющих прямое и непосредственное отношение к специальным вопросам методологии политической экономии, — к этому нас вынуждает сугубо-«философский» характер статьи самой т. Э. Гурвич.

II

В домарксовой философии нет, пожалуй, ни одного мыслителя, у которого отдельные мысли и положения, высказываемые на протяжении исследования, были так тесно и органически связаны между собой, как у Гегеля. Всякому, кто сколько-нибудь знаком хотя бы с гегелевской логикой, известно, что категории его логики являются лишь ступеньками в общем развитии целого. Каждая новая ступенька является результатом всего предшествовавшего развития, она диалектически отрицает все предшествующие категории, сохраняя их в себе в преодоленной форме, в более развитом и обогащенном виде. Взять отдельные положения Гегеля вне их связи с целым, брать отдельные категории вне их развития — это значит вытравить из них все их диалектическое содержание. Как раз так поступает с гегелевскими категориями т. Гурвич.

Обрушиваясь на ненавистных ей «рубинцев», т. Э. Гурвич, как мы уже сказали, усердно твердит о взаимной связи явлений и понятий. Она усердно выписывает цитаты из Ленина, который говорит о «взаимозависимости понятий, все без исключения», о «переходе понятий из одного в другое».

Но показала ли нам т. Гурвич «взаимозависимость понятий, всех без исключения» в диалектической логике? Подошла ли она, сама с точки зрения связи и развития к категориям гегелевской диалектики? Достаточно быстрого просмотра статьи т. Гурвич, чтобы убедиться в про-

тивноположном. Тов. Э. Гурвич только вырывает отдельные цитаты из живого текста гегелевских работ и действует ими по своему произволу. И делает она это потому, что она вовсе не ставила своей задачей изучение гегелевской диалектики. Ее задача была куда «скромнее»: ей нужно бы набрать серию цитат из гегелевских произведений, чтобы тем самым подвести «диалектический базис» под свою собственную механистическую концепцию. Ближайшее рассмотрение положений т. Гурвич нас убедит в этом.

Тов. Гурвич, как мы уже сказали, придерживается того мнения, что понятия «причинности» и «взаимодействия» не могут ничего дать для понимания связи между формой и содержанием. Причинная связь, по ее мнению (которое она безапелляционно приписывает и Гегелю), вообще «недостаточна, неудовлетворительна, бессодержательна»³. «Не лучше, по ее же собственным словам, обстоит дело с взаимодействием»⁴. Гораздо «содержательнее и удовлетворительнее» представляется ей, как мы видели, понятие отношения. Связь между производительными силами и производственными отношениями в политической экономии, как связь между формой и содержанием общественного производства, представляется ей (как мы уже видели в приведенной выше цитате) именно как «отношение». «Противоречие—говорит т. Гурвич в другом месте—есть отношение, связь между двумя сторонами полярности,—в данном случае между формой и содержанием»⁵.

Мы выше заметили, что философы и экономисты-диалектики давно уже вскрыли механистический характер сведения диалектической связи к отношению. Не случайно, в самом деле, что как раз механист Сарабьянов уже давно пытался свести «качество» к отношению. Не случайно, что тот же Сарабьянов теперь, отстаивая в новой книге свои прежние положения, в сущности сводит к отношению не только качество, но и противоречие⁶, что он таким образом повторяет то же, что и в приведенной цитате т. Гурвич. Уже указывалось, что сведение диалектической связи к отношению странным образом напоминает учение махистов п... тех самых неокангянцев, тенью которых так пугает Гурвич и еще с ней экономистов-диалектиков.

Мы не собираемся останавливаться на критике механистической концепции «отношения», ибо это значило бы повторить то, что по этому поводу уже было сказано. Нас теперь больше интересует то обстоятельство, что т. Гурвич пытается ныне обосновать эту концепцию при помощи Гегеля.

Как же она прodelывает эту «операцию»?

«Гегель—поучает нас т. Гурвич—различает тройное отношение для анализа сущности и его определений: а) субстанциональное отношение; б) причинное отношение и в) взаимодействие. Наиболее богатым по своему содержанию, наиболее существенным он считает субстанциональное отношение»⁷. То, что сама т. Гурвич считает понятие отношения более богатым, чем понятия «причинности» и «взаимодействия»,—это ясно из всей

³ Э. Гурвич, К критике основных методологических положений концепции Рубина, журнал „Проблемы экономики“ № 6 (за 1929 г.), с. 128.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 132 (разрядки наша, —И. Л.).

⁶ В. Л. Сарабьянов, В защиту философии марксизма, М. 1929.

⁷ Э. Гурвич. Цит. статья, с. 126. Кстати сказать, на самом деле Гегель отсылает эти «определения» не к «сущности», а к «действительности».

ее установки. Но доказала ли она, что так действительно понимает дело и Гегель?

Единственным доводом, который она приводит в пользу этого, является цитата из Гегеля, где он определяет субстанцию как «богатство всякого содержания». Но если субстанция является «богатством всякого содержания», то следует ли из этого, что субстанциональное отношение является наиболее богатой категорией? Прежде всего бросается в глаза то, что т. Гурвич почему-то считает нужным ставить знак равенства между «субстанцией» и «субстанциональным отношением». Тов. Гурвич вообще не поняла, что вкладывает Гегель в категорию «субстанционального отношения», но эта категория ей нужна, потому что она напоминает внешне собственную категорию из «диалектической логики» самой т. Гурвич—катеорию «отношения».

Во-вторых, очевидно, что только человек, ничего не понимающий в гегелевской диалектике, может категорию, богатую всяким «содержанием», считать «наиболее богатой» категорией. Тов. Гурвич по простоте своей (выпроще, только ли в простоте дело?), повидному решила, что раз «субстанция» богата всяким содержанием, значит в ней есть уже все, и дальше идти некуда. Между тем, так может мыслить только метафизик. Если субстанция имеет такое богатое содержание, то это еще не значит, что это содержание уже выявилось целиком на данной ступени исследования.

У Гегеля дело как раз обстоит так, что богатство содержания субстанции должно еще выявиться в дальнейших категориях, развивающихся в категорию субстанции и показывающих все богатство ее содержания. Этими категориями и являются как раз ненавидимые т. Гурвич категории причинности и взаимодействия. Гегель критикует всех тех, кто мыслит полноту субстанции как полноту мертвую, неподвижную⁸. Он подчеркивает, что субстанция действительна, активна. Проявляясь, действуя, субстанция становится причиной. «Субстанция—говорит Гегель—есть причина... с другой стороны, она... порождает, как отрицательное самой себе, некое действие⁹... Далее, категория причинности, развиваясь, превращается в категорию взаимодействия». «Взаимодействие — говорит Гегель—есть причинное отношение, положенное в его полном развитии»¹⁰.

Можно после этого рассуждать какая категория богаче: категория ли «субстанции» или категория «причинности», или категория взаимодействия, когда вторая и третья являются дальнейшим развитием первой, выявлением ее мощи?

Считать вообще предыдущую категорию богаче последующей—это значит не понимать того, что каждая новая категория обогащает предыдущую, это значит не понимать диалектики самих категорий. Но где уж т. Гурвич до таких «мелочей», когда она хочет сокрушить «методологические принципы концепции Рубина» и сокрушить их во что бы то ни стало, хотя бы... наперекор диалектике.

III

Мы видим, что экскурсы, совершенные т. Гурвич в область гегелевской философии с целью ниспровержения категорий «причинности» и

⁸ В этом, между прочим, Гегель обвиняет Спинозу. Здесь, конечно, не место разбирать, был ли Гегель прав в отношении Спинозы.

⁹ «Малая логика» § 153 (с. 255 по изд. ИМЭ).

¹⁰ Там же, § 156, прибавление (с. 259).

«взаимодействия», потерпели неудачу, что у Гегеля категории эти лишь обогащают понятие «субстанции» и «субстанционального отношения». Мы не хотим этим сказать, что в нашей материалистической диалектике между категориями «формы и содержания», «субстанции» «причинности» и «взаимодействия» существует точь-в-точь такая же связь, как у Гегеля: больше того, мы берем на себя смелость утверждать, что переходы от одной категории к другой у Гегеля являлись здесь кое-где искусственными и с нашей точки зрения неприемлемыми.

Мы не беремся теперь показать, как же именно мы понимаем эту связь, ибо—чего скрывать!—мы считаем, что вопрос нуждается в дальнейшей разработке. Но тем не менее мы можем сказать определенно, что все высказывания наших «великих учителей» по этому вопросу говорят против «критической» концепции т. Гурвич, что т. Гурвич «дала маху» не только в ее «трактовке» Гегеля, но и в ее истолковании Маркса и Ленина.

У Маркса и Ленина—заявляет нам авторитетно т. Гурвич—«во всех определенных формы и содержания не выпячивается ни вопрос о причинности, ни вопрос о взаимодействии»¹¹.

Так ли это? Займемся и мы небольшой «проверкой документов».

Тов. Гурвич восторженно отзываясь о «Критике политической экономии» Маркса; она здесь обнаружила целый «клад» цитат, которые по ее мнению убивают всех противников механистических новшеств. Посмотрим, что Маркс говорит во «Введении» к этой книге: «С изменением распределения—замечает он—изменяется производство... Наконец, запросы потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом...»¹².

О чем здесь говорится? О том, что общественное производство, взятое во всех его моментах, образует «органическое целое», и что между этими моментами существует взаимодействие. Почему же Маркс решил, не послушавшись благих советов т. Гурвич, употребить такую «бедную» и бессодержательную» категорию как взаимодействие? Быть может, здесь речь идет не об отношении формы и содержания, а о чем-либо другом? Но ведь несколькими страницами раньше Маркс говорит нам о том, что «определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения, — форму, в которой каждый принимает участие в распределении»¹³. Будет ли т. Гурвич отрицать, что «способ участия в производстве» образуют основу или внутреннее содержание для отношения распределения, что отношения распределения являются внешней формой, в которую облакаются отношения производства? А ведь Маркс как раз здесь говорит о взаимодействии между тем и другим...

Послушаем теперь другого «великого учителя»—Энгельса.

«Политическое, правовое и т. д. развитие—говорит он в известном письме к Штаркенбергу—основано на экономическом... Тут взаимодействие на основе экономической необходимости»¹⁴. И тут опять-таки речь идет не о чем другом, как о взаимодействии между формой

¹¹ Э. Гурвич, Цит. статья, с. 127.

¹² Маркс, «К критике» и т. д. Изд. «Московский рабочий», 1922 г. Введение, с. 23; (разрядка паша—И. Л.).

¹³ Там же, с. 19; разрядка паша—И. Л.

¹⁴ Маркс и Энгельс, Письма, М. 1923, с. 342.

и содержанием, ибо сам Энгельс рассматривает экономику как содержание, формой которого являются надстройки. Действительно, говоря в другом письме (к Мерпигу) о роли надстроек и их обратном влиянии на базис, Энгельс замечает, что он с Марксом в своей критике «идеологов» «из-за содержания не обращали должного внимания на формальную сторону»¹⁵.

Много говорил о взаимодействии различных сторон общественной жизни, как известно, также и Плеханов. Правда, Плеханов, вслед за Энгельсом и за Гегелем, считал недостаточным такое понимание взаимодействия, при котором просто констатируется «взаимодействие», но не указывается та основа, на которой происходит это взаимодействие.

Этот же взгляд на взаимодействие разделяет целиком и Ленин, который сочувственно подчеркивает те места у Гегеля, где Гегель вскрывает, по словам самого Ленина, «недостаточность и пустоту голого понятия взаимодействия».

Но если Ленин (и Гегель, и Энгельс, и Плеханов) считают «голое» понятие взаимодействия недостаточным и пустым, то это не значит, что они вообще против признания взаимодействия: они лишь против такого понимания взаимодействия, при котором взаимодействующие стороны лишены внутренней связи, при котором упускается конкретный характер этой связи. «Взаимодействие, — говорит Энгельс в «Диалектике природы», — является истинной causa sui вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия, ибо позади него нет ничего познаваемого»¹⁶. Можно ли после этого утверждать, что категория взаимодействия, понята диалектически, не упускающая из виду конкретной основы, на которой происходит взаимодействие, пуста и бессодержательна? Так может утверждать только т. Гурвич, вопреки всему тому, что говорили наши великие учителя.

Повергая в прах категорию взаимодействия, т. Гурвич хочет, как мы видели, заодно уничтожить и категорию причинности. Приемы ее при этом остаются одними и теми же: приводя несколько цитат, где Гегель или Ленин критикуют категорию причинности в ее метафизическом или идеалистическом понимании, т. Гурвич хочет нас уверить, что категория причинности вообще уничтожена.

Можем ли мы всерьез принять уверения т. Гурвич о причинности, после того, что мы говорили о взаимодействии?

Мы видели, что, по мнению Гегеля, «взаимодействие есть причинное отношение, положенное в его полном развитии». Это значит, что взаимодействие (как и последующие гегелевские категории) не уничтожает причинности, а лишь дальше ее развивает. Но того же мнения придерживаются и «великие учителя» марксизма.

Критикуя «идиотские представления идеологов», Энгельс замечает, что в основе их «лежит заурядное недиалектическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно разъединенных плюсах, абсолютно не видящее взаимодействия»¹⁷. «Только исходя из... универсального взаимодействия, — говорит Энгельс в другом месте¹⁸, — мы приходим к реальному каузальному отношению». Не ясно ли,

¹⁵ Там же, с. 336; разрядка пана—И. Л.

¹⁶ «Архив Маркса и Энгельса», т. II, с. 27.

¹⁷ Маркс и Энгельс, Письма, с. 338. М. 1923. Аналогичные же положения выдвигает Энгельс и в целом ряде других его писем и работ (см., например, «Анти-Дюринг», с. 16).

¹⁸ «Архив Маркса и Энгельса», т. II, с. 27.

что Энгельс возражает против не диалектического представления о причине и следствии, но что он отнюдь не склонен считать диалектическое понимание причинности пустым и бессодержательным, ибо он говорит о «реальном каузальном отношении», основанном на диалектическом взаимодействии причины и следствия?

Мы, конечно, далеки от трактовки причинности как одной из стержневых категорий гегелевской диалектики, вокруг которой вращаются остальные категории (как это делает, напр., т. Варьяш и некоторые другие). Больше того: мы не согласились бы и с теми, которые захотели бы свести связь формы и содержания нацело к причинной связи. Но мы не можем не протестовать против стремлений т. Гурвич ликвидировать категорию причинности.

Мы целиком согласны с Лениным в том, что «каузальность есть лишь одно из определений универсальной связи», но отсюда еще далеко до отрицания важности этого определения. «Ликвидаторское» отношение к категории «причинности» в настоящее время тем более опасно, что на этом пути стоят в настоящее время, как известно, махисты (в том числе и богдановцы) и кантпанцы: первые, признавая «фетишистский» характер понятия «причинности», предлагают его заменить «функциональным отношением», другие считают ее субъективной категорией, не отражающей реальной связи вещей. «Причинность» является для кантпанцев и махистов «излюбленной темой» (как говорит Ленин) не потому, что они так «любят» категорию причинности и считают ее существенной формой реальной связи, а потому, что они думают, ухватившись за эту категорию и «истолковав» ее известным образом, обосновать свои идеалистические и феноменалистические взгляды. Когда Ленин отмечает то обстоятельство, что Гегель уделяет по сравнению с кантпанцами мало внимания категории причинности, то он конечно не хочет сказать, что Гегель почти не придает никакого значения причинной связи; отсюда вовсе не следует, что Гегель (а следом за ним и сам Ленин) считает причинность (как это изображает т. Гурвич) «неудовлетворительной, бессодержательной»: Нет, Ленин хочет сказать, что Гегель, разрешив до рассмотрения причинности целый ряд важнейших логических вопросов, тем самым оказывается в состоянии без особых затруднений разрешить и проблему причинности. Для Гегеля, по словам Ленина, каузальность «есть лишь одно из определений универсальной связи, которую он гораздо глубже и всесторонне охватил уже раньше во всем своем изложении»¹⁹.

Все категории гегелевской логики в их связи и взаимодействии оказываются богаче одной категории, взятой самой по себе. Но можно ли из этого делать вывод о «бессодержательности» этой категории? Никогда. Правда, Гегель в одном месте, приводимом т. Гурвич (с. 128 ее статьи), говорит, что свести все к причинному отношению—это значит застыть на стадии «рассудочной рефлексии». Но заметьте прежде всего, что Гегель говорит о «сведении всего» к причинному отношению; во-вторых, не следует забывать, что Гегель на данной ступени исследования ведет речь о механической причинности, и что о ней также говорит и Ленин, когда он, цитируя соответствующие места из Гегеля, замечает в своем конспекте, что «каузальность, обычно нами понимаемая (подчеркнуто нами — И. Т.), есть лишь малая частичка всемирной связи»²⁰. Эта каузальность, «обычно нами понимаемая», и есть

¹⁹ «Ленинский сборник», IX, с. 166.

²⁰ Там же, с. 162.

механическая причинность, которая понимает дело так, что одна субстанция, являясь активной причиной, переносит свое действие на другую субстанцию, существующую независимо от первой (см. § 154 «Малой логики»). Такая причинность «снимается» у Гегеля взаимодействием. При этом взаимодействии само в свою очередь «снимается» у Гегеля следующими категориями («понятием»), потому, что оно оказывается тоже внешним, механическим взаимодействием.

Тов. Гурвич еще не знает, что в следующем, третьем, отделе «Логики» Гегель переходит к другим, более высоким формам причинности и взаимодействия, которые обнаруживаются в категории «механизм», «химизм» и «жизнь». Тов. Гурвич неведомек, что здесь как раз Гегель говорит о том диалектическом взаимодействии внутри «органического целого», которое Маркс кладет в основу своей трактовки связи производства и распределения.

Берясь «с ученым видом знатока» судить о категориях «причинности» и «взаимодействия», т. Гурвич не обратила внимания на их развитие. Для нее различных форм причинности не существует, ибо изучение всяких презренных «форм» она предоставляет «рубникам», «кантланцам» и прочим «выхолащивателям». Здесь с т. Гурвич «приключилось» то же, что и с другими механистами: она не заметила своеобразия связей отдельных форм действительности на разных ступенях ее развития. Для нее существует лишь причинность вообще, лишь взаимодействие вообще, лишь отношения вообще.

IV

Тов. Гурвич не видит общей линии развития диалектических категорий, она не замечает и развития отдельных категорий. И, конечно, она не видит диалектического развития «формы и содержания» в диалектической логике.

Тов. Гурвич, подобно всем своим соратникам, уклоняется вообще от определения того, что она понимает под формой и содержанием. Вместе с тем она на всем протяжении своей статьи, верная своему методу, оперирует понятиями «содержания» и «формы» в крайне общей и абстрактной форме. Для нее и здесь существует лишь содержание вообще, лишь форма вообще.

Между тем в действительности нельзя продвинуться ни на шаг в изучении этого вопроса, если не учесть того, что категория «формы» на протяжении развития категорий диалектической логики развивается. Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с гегелевской «Наукой логики», чтобы в этом убедиться. Если бы т. Гурвич обратила внимание хотя на подзаголовки раздела «А» третьей главы второй книги (а обратить внимание можно было, ибо как раз отсюда т. Гурвич «черпает» большинство своих цитат), то она заметила бы, что форма берется Гегелем, во-первых, в связи с «сущностью», во-вторых, в связи с «материей», в-третьих, в связи с «содержанием». Из презрения к пустым «формальностям» т. Гурвич не обратила на это внимание, а между тем эти пустые «формальности» имеют кое-какое значение и для нашей, материалистической, диалектики.

Не останавливаясь подробно ²¹ на этом вопросе, укажем лишь, что,

²¹ На этом вопросе мы несколько подробнее остановимся в другом месте.

связывая форму с сущностью, Гегель рассматривает форму как внешнее выражение, выявление внутренней сущности на поверхности явлений. Формы, например, вещных отношений, в которые облачаются людские отношения в товарном хозяйстве, и будут «формами» в этом смысле. Когда Маркс указывает, что вульгарные экономисты ограничиваются поверхностью явлений, то он хочет сказать, что они изучают подобного рода внешние формы вне связи с той сущностью, которую они выражают. Но категория формы не исчерпывается только этой ее разновидностью. Говоря о форме и материи, Гегель имеет в виду уже не такую форму, которая являлась бы лишь внешней оболочкой для своего содержания; здесь форма выступает как активное начало, которое формирует известный материал — вещество: таким формирующим началом выступает, например, у Маркса труд по отношению к формируемому им «веществу природы». — Здесь уже не форма определяется содержанием, а наоборот, форма определяет («формирует») свое содержание. Наконец, на следующей ступени форма выступает не только как внешнее формирующее начало, а как внутренняя форма самого содержания, как его своеобразная внутренняя структура. Это имеет в виду Гегель, когда он говорит о форме в ее связи с содержанием в узком смысле слова. Так, когда Маркс говорит о стоимости (речь идет о самой стоимости, а не о внешних ее проявлениях) как об особой форме («Formbestimmtheit»), то он имеет в виду, что эта форма выразит своеобразную внутреннюю структуру людских отношений в товарном обществе. То же имеет в виду Маркс, когда он говорит о законе стоимости как особой форме распределения труда в обществе. Здесь форма выступает не как внешняя оболочка, не как внешний «костюм», в который облачаются «трудовые затраты», а как выражение специфических особенностей самих трудовых затрат на известной ступени развития, а стало-быть, и особой формы их распределения. Форма, понятая в таком смысле, не только определяет содержание, но и образует его внутреннюю сущность. Изучение такого рода «форм» и является одной из основных задач диалектического исследования, ибо изучить такую форму — это значит понять специфические особенности содержания, его своеобразный закон развития.

Вот этого-то и не понимает г. Гурвич и ее друзья. Вопрос о качественном своеобразии отдельных форм действительности, особенностях их внутренней структуры, вообще говоря, является, как известно, их «слабым местом». Для них высшей премудростью является то, что «форма определяется, как таковая, сущностью»²². Для них обычно «форма — «отражение» содержания или «костюм», который прикрывает «наготу» содержания. В их понимании сосредоточить свое внимание на изучении формы — означает не что иное, как оторвать форму от содержания.

И сколько бы г. Гурвич и ее единомышленники ни выписывали цитат из Ленина и Гегеля о «существенности формы» — они сами или механически «приклеивают» форму к содержанию, рассматривая их в «отношении» друг к другу, или стараются свести форму к содержанию, «утопить» форму в содержании²³. Не случайно, в самом деле,

²² Э. Гурвич. Цитированная статья, с. 136.

²³ Тов. Кош (Борисин как криптик, «Проблемы экономики» № 6, с. 96 и др.) пишет, «глава божу, поляк, что форма выражает «качественную определенность» содержания. Но эта качественная определенность приклеивается у него как ярлычок к содержанию, а не вытекает из самой природы содержания. Это видно из того, что он содержание стоимости —

что, усердно выписывая цитаты о связи формы и содержания, повторяя что-то нечленораздельное о различии формы и содержания, т. Гурвич ничего нам не сказала о самодвижении формы.

Правда, по поводу самодвижения вообще т. Гурвич не ленится сделать несколько выписок из Ленина. «Та суть, которую открыли и спасли Маркс и Энгельс, — декламирует она в своеобразном стиле, — именно заключается в самодвижении»²⁴. Но она готова признать самодвижение где угодно, но только не... в форме, ибо по логике т. Гурвич доказательством непонимания Рубиным самодвижения является то, что он увлекся «фантастическим самодержавием (!) формы»²⁵. «Фантастическое» же «самодержавие» формы у Рубина, по словам самой Э. Гурвич, заключается в том, что он «движение этой формы сделал самостоятельным, непонятно откуда возникающим»²⁶. — Лучше т. Гурвич сказать не могла! Движение формы, значит, не может быть самостоятельным, оно должно возникнуть откуда-то извне, оно должно получить, очевидно, толчок от содержания... Ну, а где «суть», которую по замечательному выражению нашего критика «спасли» Маркс и Энгельс?

Не напоминают ли рассуждения т. Гурвич соображения обывателей о том, что в о б щ е «коммунистическая программа» хороша, но в данном случае или в данных условиях она неприменима? Вообще говоря — «да здравствует самодвижение!», а в отношении формы — «Долой самодержавие»... т. е. самодвижение!

Но, может быть, в самом деле самодвижение формы с диалектической точки зрения — нелепая вещь? Посмотрим, что говорит по этому поводу «великий учитель» т. Гурвич (о, если бы она действительно хоть чему-нибудь у него научилась!) — Гегель. «Форма и содержание, — говорит он, — представляют собою пару определенных, которыми рефлектирующий рассудок часто пользуется именно преимущественно так, что содержание рассматривается им как существенное и самостоятельное, а форма, напротив, как нечто несущественное и несамостоятельное»²⁷. «De te fabula narratur!» — скажем мы, подражая великолепному стилю т. Гурвич. Слова Гегеля попадают не в бровь, а в глаз т. Гурвич, которая рассмотрение формы, как чего-то «существенного и самостоятельного», считает фантастическим («фантастическое самодержавие формы»).

«Форма, — говорит Гегель в другом месте, — будучи порождена сущностью, оказывается до некоторой степени самостоятельной, независимой от сущности»... «Явление, — говорит он, — содержит в себе... момент самодвижущейся формы»²⁸. Мы обращаем внимание на то, что Гегель подчеркивает относительную самостоятельность и самодвижение формы не только в ее связи с сущностью (т. е. формы, являющейся внешним выражением сущности), но и в ее связи с содержанием, т. е. той формы, которая выступает в качестве существенного, определяющего момента самого содержания. Он видит здесь не только единство, не только простое различие, но и противоречие и раздвоение противо-

абстрактный труд — мыслит вне качественных особенностей товарного общества. Специфическая форма людских отношений здесь лишь приводит внешне к абстрактному труду, как внешне «условия», при которых внеисторический абстрактный труд создает качественно определенную категорию стоимости. Стоимость оказывается у Кона плодом механического соединения исторических и внеисторических моментов.

²⁴ Э. Гурвич, Цит. статья, с. 134.

²⁵ Э. Гурвич, Цит. статья, с. 134.

²⁶ Там же, с. 135.

²⁷ «Малая логика», § 133, прибавление (с. 224, изд. ИМО).

²⁸ «Наука логики», кн. II, с. 94, разрядка паша — И. Л.

речия: недаром он, говоря о содержании, имеющем форму внутри себя («полное основание»), приходит к мысли об «удвоении содержания»; недаром он говорит, что «основание», образуя определенную форму, «отталкивает себя от себя самой»²⁹. Здесь мы имеем в несколько мистифицированной форме выражение мысли о том, что форма, образующая существенный момент содержания, не только не тождественна целиком с содержанием, но что она «отталкивается» от своего содержания, на известной ступени развития вступает с ним в конфликт.

А т. Гурвич, декламируя о единстве противоположностей, стыдливо умалчивает о раздвоении противоположностей, и это понятно, ибо этой проблемы для механиста вообще не существует. Для него единство противоположностей, как мы уже не раз указывали, или сводится к единству, или к противоречию, как внешнему «отношению между двумя элементами»³⁰. И после всего этого, после того как т. Гурвич приходит по существу к отрицанию процесса раздвоения противоположностей и самодвижения и относительной самостоятельности формы, она берется поучать других диалектике! А между тем в нашей литературе уже достаточно освещен вопрос, какое значение имеет проблема самодвижения формы специально в политической экономии. Уже указывалось, что без этого самодвижения политическая экономия потеряла бы свое внутреннее единство, что при этом исчезла бы глубокая связь отдельных экономических категорий, и производственные отношения превратились бы в простой «привесок» к производительным силам.

Остается только непонятным, как Э. Гурвич, отрицая самодвижение формы, спешит согласиться с тем, что специфическим предметом политической экономии являются производственные отношения. Здесь сказывается только эклектика наших механистов, которые, отказавшись под напором противника от одних положений, с тем большим усердием пытаются обосновать свою механистическую концепцию другими «положениями».

* * *

Итоги нашего анализа статьи т. Гурвич напрашиваются сами собой. Под крикливым гегелианским нарядом в ней скрывается типичная механистическая концепция.

Тов. Гурвич считает «бессодержательными» понятия причинности и взаимодействия и заменяет их расплывчатым понятием «отношения». Тем самым она по существу диалектику подменяет махистским описанием «функциональных зависимостей». Растворяя все (в том числе и «противоречие») в отношений, она обнаруживает свое родство с механистами в области философии вроде Сарабьянова. Она не видит богатства различных форм связей и не видит развития самого понятия «формы» в диалектике. Она не понимает «формы» как существенного момента содержания и не понимает «самодвижения формы», считая это самодвижение чем-то «фантастическим». Здесь она опять обнаруживает свое идейное родство с механистами, которые считают самодвижение «чертовщиной» и не понимают, что категория формы в наиболее развитом виде выражает особый закон движения действительности на известной ступени ее развития. Поэтому-то она и считает изучение формы «неокантианством» и «струвианством».

²⁹ «Наука логики», кн. II, с. 66—67.

³⁰ Гурвич, Цит. статья, с. 133.

Мы вовсе не собираемся защищать И. И. Рубина от т. Гурвич, ибо далеко не во всем разделяем взгляды Рубина. Видя большую заслугу И. И. Рубина как раз в том, что он подчеркивает значение социальной формы для понимания экономических явлений, мы не согласны однако целиком с его трактовкой взаимоотношения формы и содержания. Его ошибки в этом вопросе и в целом ряде других мы критиковали и будем критиковать³¹. Но критиковать ошибки Рубина так, как их критикует т. Гурвич со своими друзьями, — это значит встать на путь подмены диалектического материализма механическим. Не преодолев этих механистических тенденций, мы не смогли бы дать последовательной критики и ошибок Рубина. Борьба с механистическими тенденциями в особенности важна там, где они прикрываются диалектической «фразой».

«Ревизия Маркса, — как соглашается и сама т. Гурвич, — может идти самым причудливым образом». Прямо отрицать «единство противоположностей», «самодвижение» теперь невозможно. Поэтому-то и понадобилось т. Гурвич для обоснования ее механистической концепции диалектическое «облачение». Но как раз поэтому необходимо было разоблачить ее диалектическую фразу и показать подлинную сущность ее взглядов.

³¹ Автор настоящей статьи принадлежит к тем, кто, ставя в современной экономической дискуссии упор на борьбу с механистическими тенденциями, в то же время всегда подчеркивал необходимость критики И. И. Рубина. При этом, не ограничиваясь общими заявлениями, автор старается всегда давать конкретную критику целого ряда ошибок Рубина (в вопросе о форме и содержании, анализе и синтезе, о соотношении предмета политической экономии и исторического материализма и друг.). Не касаясь здесь отдельных устных и печатных выступлений, где мною критиковались попутно отдельные ошибки Рубина, могу указать, что в более систематизированной форме критика целого ряда положений Рубина мною дана в работе «Предмет и метод политической экономии», написанной для Госиздата еще в июле — августе 1929 года и ныне находящейся в печати.

Вот почему я не могу считать справедливым сделанный мне т. М. Кривцким («Об экономической дискуссии», «Правда» от 22 дек. 1929 г.) упрек в «некритическом отношении» к отдельным ошибкам Рубина, в частности по вопросу о соотношении «исторического» и «логического». Я не могу, конечно, здесь, изложить свою точку зрения в этом, необычайно важном, вопросе — это будет мною сделано в другом месте. Но, во всяком случае, уже моя рецензия на клягу Кушина («Под знаменем марксизма» № 10—11 за 1929 г.) свидетельствует о том, что и в этом вопросе я далек от полной солидаризации с И. И. Рубиным.

ПЕТРОВ Н. Г. и СТЕПАНОВ И. Г.

Предметный указатель к первому тому «Капитала» Маркса

Издательство Коммунистической Академии, 1929 г., с. 105, ц. 1 руб.

Покойный А. А. Богданов, незадолго до своей трагической кончины, охарактеризовал протекающую у нас учебную и научно-исследовательскую работу как «хронический семинар по Марксу». И это меткое замечание одного из старейших русских марксистов, который по злой иронии судьбы не смог последовательно проводить основные положения марксизма, является бесспорным. В самом деле. Аггебра революционной практики, изложенная и доказанная Марксом, Энгельсом, а затем и Лениным, не может не находиться в центре внимания там, где впервые осуществились все ее основные положения. Поэтому Советский Союз представляет собой в настоящее время то место, где самые широкие массы населения, десятки тысяч учащихся, целая армия научных работников заняты изучением теоретического наследства основоположников научного социализма. Коллективный «хронический» семинар с громаднейшим количеством участников работает полным темпом с исключительным напряжением и упорством.

Всякая научная деятельность в любой области знания, в любой отрасли человеческой мысли невозможна без некоторых вспомогательных средств и приемов. значительно облегчающих и в десятки раз ускоряющих работу над данным научным материалом. Сюда относятся всевозможные словари и справочники, списки литературы и библиографии, программы и учебные планы, предметно-систематические и именные указатели. При изучении работ Маркса последние приобретают особо важное значение. Необходимость найти соответствующее место у автора «Капитала», желание познакомиться с тем или иным отдельным вопросом, потребность узнать, что было сказано Марксом по поводу того или иного ученого или писателя, — все это заставляет каждый раз тратить целые часы столь драгоценного времени на нудные и утомительные поиски.

Понятно поэтому, сколь необходима и неотложна задача создания предметного и именного указателя ко всем работам Маркса. Вообще говоря, разрешением этой задачи занят Институт Маркса и Энгельса, поставивший в плане своих работ издание соответствующих указателей. Однако даже и этот Институт, уже выпустивший ряд весьма ценных и исключительно важных изданий, разумеется, не может, по вполне понятным причинам, немедленно осуществить все предпринятые им работы и издания. Подобного указателя до сих пор еще не существует, и все те, кто работают над Марксом, вынуждены сами находить для себя соответствующий выход. Некоторые находят этот выход в составлении подобия указателя для собственного «домашнего» употребления, большинство же с нетерпением ожидает появления соответствующего печатного издания.

Накопец, столь долгожданный предметный указатель — правда, не ко всему Марксу, а лишь к I тому «Капитала» — появился в свет. К сожалению, достаточно озна-

комиться с рецензируемой работой, чтобы немедленно убедиться в том, что она не удовлетворяет предъявляемых к ней требований.

Основным недостатком указателя является крайняя неполнота. Попытка составителей уложить все богатство мыслей, заключенное в «Капитале», в узкие рамки всего лишь около 700 терминов и определений, приводимых в указателе, не могла не окончиться неудачей. Да к тому же многие из отделов указателя представляют собой попросту повторение одного и того же материала, зачастую совершенно ненужное.

Указатель к I тому «Капитала», как и указатели ко всем другим работам Маркса, необходимо должен включать в себя не только указания на чисто экономические термины, определения и замечания, встречающиеся в этом труде, но охватывать также и те философские, социологические, исторические и т. п. мысли, которыми пропитаны все сочинения Маркса. Но этого как раз мы и не имеем в рецензируемом указателе. Составители сделали некоторую, как мы увидим далее, крайне неудачную попытку охватить экономическую сторону «Капитала». Но все другие стороны этой работы, и в первую очередь философско-социологическая, от них безважительно ускользнули. И если всяческие упущения в подобных указателях вообще недопустимы, то тем более непростительным является игнорирование марксистской философии — диалектического материализма.

В самом деле. «Капитал» представляет собой такую работу, которая целиком основана на применении Марксом диалектического метода, насквозь пропитана диалектикой. И поэтому указатель, подобный рецензируемому, обязательно должен был бы проследить, как при анализе экономических категорий Маркс беспрестанно пользуется основными законами и категориями диалектики. Тем более странно, когда мы, раскрывая указатель, узнаем, что диалектический метод в «Капитале» встречается всего лишь два раза в виде: «его общей характеристики» (указатель ссылается на XLV — XLVIII с.) и «превращение количества в качество и молекулярная теория» (284 с.). Но быть может составители отнесли ссылки на диалектику в «Капитале» к соответствующим категориям диалектического метода? Оказывается, что и этого не сделано. Большинство понятий марксистской философии в указателе вообще отсутствует. Мы не находим даже таких слов как, напр., «бытие», «движение», «отрицание отрицания», «тождество противоположностей», «форма и содержание» и т. д. и т. п. Между тем для всякого мало-мальски грамотного человека, знакомого с I томом «Капитала», несомненно, что все эти понятия там беспрестанно встречаются, чуть ли не на каждой странице.

Положение несколько не меняется и в том случае, если составители вводят в указатель соответствующий отдел. Мы находим в рецензируемой книге термин «качество». Но какое же поистине жалкое содержание придано этому понятию! Составители считают, что во всем «Капитале» имеется всего лишь одно место, посвященное данному вопросу, то место, которое уже приводилось однажды в отделе «диалектический метод» в виде «закона превращения количества в качество и молекулярная теория». Переходим к слову «количество», вновь встречаем все тот же одинокий «закон превращения количества в качество и молекулярная теория». Таким образом, если поверить рецензируемому указателю, то оказывается, что один из основных законов диалектики — закон превращения количества в качество — применяется Марксом только однажды на пресловутой 284 с. «Капитала». Это указание, разумеется, является в корне неправильным. Проблема соотношения качества и количества неоднократно затрагивается в «Капитале». Для примера можно сослаться хотя бы на с. 30, 34—35, 72, 336, 638¹ и на целый ряд других. И только по причине небрежного отношения к своей работе составители могли пропустить все эти места.

¹ По изданию 1920 г.

Не лучше обстоит дело и с экономической частью указателя. Некоторые проблемы вообще отсутствуют. Так, напр., мы не находим таких встречающихся в «Капитале» понятий, как: «производство», «распределение», «потребность», «натуральное хозяйство» и др. Если же в указателе и имеется тот или иной термин, то зачастую все указание заключается в формальной ссылке на одноименную главу или параграф «Капитала». Так, напр., по вопросу о «выражении стоимости» указатель отсылает к § 3-му I главы — «Два полюса выражения стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная форма стоимости». По этому поводу необходимо заметить, что Маркс говорит о «выражении стоимости» не только в этом параграфе, но и во многих других местах своего труда. А с другой стороны, ограничиваясь подобными ссылками чисто формального характера, указатель теряет всякое значение, ибо функцию перечисления глав не без успеха выполняет простое оглавление.

Если термины, приводимые в книге И. Петрова и И. Степанова, не охватывают всего содержания «Капитала», то не менее неудачно построены и все те конкретные ссылки, которые приводятся по поводу того или иного понятия. Вслед за термином, помещенным в указателе, обычно следует несколько кратких наименований, долженствующих исчерпать все содержание данного термина. Подбор и порядок размещения этих наименований представляется явно случайным, недостаточно систематическим. Смешно было бы, напр., думать, что все сказанное Марксом по вопросу о «капиталистической эксплуатации» исчерпывается следующими несколькими, отрывочными фразами: «и применение машин», «естественные границы удешевления рабочей силы», «и родительская власть в семье», «и прочие способы эксплуатации», «воспроизводство ее условий» (с. 30). Еще более непонятно, почему в вопросе о «рынке» составители ограничиваются всего лишь двумя скудными замечаниями: «развитие капиталистического способа производства и завоевание иностранных рынков», «создание внутреннего рынка для промышленного капитала». Многочисленные же места первых глав «Капитала», посвященные значению рынка в простом товарном хозяйстве, наши составители пропускают совершенно необоснованно.

Отсутствие строгой научной систематики в распределении материала особенно сильно сказывается в тех фразах, которые составляют содержание слов «политическая экономия». В этот отдел составителями включен чисто случайный материал, помещено все, что угодно; хотя, в то же время, кое-чего и не хватает. Под этим термином мы находим, перемешанными в самом причудливом порядке — или, вернее, безо всякого порядка — наипротивнейшие вопросы и проблемы. Здесь имеется и историческое развитие нашей науки и «характеристика капитала»; «относительное перенаселение» перемежается с книгой Эбера, ссылка на замечание Маркса о Декарте, Локке, Бэкоме и Гоббсе стоит рядом с «возникновением ее как науки», «физиократы и классики о накоплении» упоминаются вместе с «отсутствием в ней категорий „постоянный капитал“ и „переменный капитал“» (с. 59 — 60). Короче говоря, под понятием «политическая экономия» мы встречаем самый причудливый винегрет, составленный из всевозможных обрывков как почему-либо не вошедших в другие отделы указателя, так и долженствующих быть систематизированными в совершенно другом порядке.

Накопец, особо крупным упущением следует признать отсутствие в настоящей книге именного указателя. Правда, рецензируемая работа носит наименование «предметного указателя». Однако мы не можем себе представить, чтобы было допустимо отделять предметный указатель к I тому «Капитала» от соответствующего именного справочника. «Капитал» столь густо насыщен всевозможными именами, что обойтись без именного указателя решительно невозможно. С другой стороны, с каждым именем обычно связывается целый круг идей; по поводу упоминаемых им писателей и ученых Маркс обычно делает весьма интересные и характерные

отступления, которые в своей совокупности дают исключительно ценный критический материал, далеко еще не использованный и недостаточно изученный.

Отмеченные нами весьма существенные недостатки и упущения сильно обесценивают рецензируемый указатель. Однако, из этого еще отнюдь не следует, что большая работа, сделанная Н. Петровым и И. Степановым, не заслуживает внимания или пропала даром. Составление любого указателя таит в себе неисчерпаемые трудности, представляет собой большую и сложную задачу. И все эти обычные трудности неизбежно возрастают в десятки раз, когда подобная работа составляется для такого монументального труда, как «Капитал» с громадным количеством затрагиваемых в нем проблем и вопросов, которые к тому же принадлежат к самым различным областям человеческого знания. Понятно поэтому, что проблема создания соответствующих научно-систематических указателей к работам Маркса не может быть легко и быстро разрешена. На этом пути неизбежны и необходимы всевозможные ошибки и неудачи, способствующие последующей работе, направленной на их преодоление, вызывающие дальнейший прогресс в области составления подобных указателей.

Поэтому, хотя рецензируемая книга еще и не является приемлемым предметным указателем к I тому «Капитала», тем не менее она заслуживает внимательного отношения и серьезной критики, как работа, представляющая собой весьма поучительный и во многих отношениях любопытный опыт.

Гр. Деборин

КУШИН И. А. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ «КАПИТАЛА» МАРКСА

Под редакцией и с предисловием И. И. Рубина, Гиз, 1929, с. 180, ц. 1 р. 40 к.

Вопросам методологии марксистской политической экономии посвящено сравнительно небольшое количество работ. Только последнее время этим вопросам уделяется (и вполне заслуженно) не мало внимания. Вполне понятно, что книга, выходящая под заманчивым и многообещающим названием «Диалектическое строение „Капитала“ Маркса», должна заинтересовать более или менее широкие читательские круги.

Интерес еще более усиливается благодаря предпосланному И. И. Рубиным предисловию к книге, в котором И. И. Рубин так отзывается об этой работе: «Книга И. А. Кушина представляет значительный интерес как первая попытка систематически проследить диалектическое развитие понятий в „Капитале“ Маркса... Правда, И. Рубин замечает: «Рекомендую вниманию читателей работу И. А. Кушина, мы отнюдь не желаем этим сказать, что все выставленные автором положения могут быть признаны бесспорными». Но дальше Рубин опять подчеркивает: «В работе, посвященной выяснению общеметодологических вопросов, такого рода погрешности не имеют решающего значения. Автор тонко прослеживает диалектические переходы от одного понятия к другому» (подчеркнуто мною—М. К.).

Проследим «тонкое прослеживание диалектических переходов от одного понятия к другому» и познакомимся с «товкостью» понимания экономических категорий автором.

Кушин начинает свое «прослеживание диалектического строения „Капитала“ Маркса» с товара. Рубин в предисловии замечает: «Автор правильно берет за исходный пункт исследования основное противоречие товарно-капиталистического хозяйства — противоречие между общественным и частным трудом, проявляющееся в противоречивой природе товара». Посмотрим, как разбирается Кушин в этой «противоречивой природе товара»: «Товар с самого начала был противоречивой

вещью. Именно труд затрачивается в производстве товара как частный труд, а при всем том оказывается, что это—труд общественный. В этом основное противоречие товара. По этой причине и продукт, будучи конкретной ценностью, вещь с особыми материальными свойствами, оказывается вместе с тем и ценностью, вещь, лишенной всяких материальных свойств и состоящей из осевшего труда вообще, лишенного всех его свойств» (с. 12. Курсив мой—*М. К.*). Кушин пошел «дальше Маркса». В последнем положении—целый клубок противоречий, но вытекающих не из природы товара, а из непонимания этой природы. Перечислим эти противоречия:

1) Ценность—вещь (вульгарная материализация ценности);

2) она лишена всяких материальных свойств (абсолютная дематериализация ценности);

3) она состоит из осевшего труда вообще (материализация ценности) и т. д.

Никакая диалектика не разрешит всех этих противоречий, нагроможденных Кушиным.

Но предположим, что это шалости стиля. Пойдем дальше. Перейдем к «прослеживанию диалектического строения» форм стоимости. Простая единичная форма стоимости. Тут, во-первых, мы сталкиваемся действительно с головокружительными открытиями... «Холст, взятый отдельно от сюртука, не имеет к сюртуку вообще никакого отношения» (с. 12). Другими словами: холст, не имеющий к сюртуку никакого отношения, не имеет к сюртуку вообще никакого отношения. Положение новое и совершенно неоспоримое.

Дальше: «Если холст брать отдельно от сюртука, то ценность холста не получает никакого выражения, отличного от потребительной ценности нашего холста» (с. 12). Холст, вырванный из товарного мира, рассматриваемый вне связи с последним, по мнению Кушина, выражает свою ценность в самом себе. Кушин не понимает, что в таком случае он «вместе с водой выплеснул и ребенка», что он лишил холст товарного характера, что тот не может обладать ценностью вне этой связи. Кушин повторяет в несколько ином разрезе это же утверждение, с марксистской точки зрения лишенное всякого смысла, в главе «Развитие экономических форм» и т. д.

«Пока речь идет об отдельном товаре, то под фетишистской формой сверхестественного свойства товара, т. е. под формой ценности, еще сравнительно легко открыть истинное ее содержание. Всякий товар, всякая ценность есть продукт человеческого труда, являющегося частью труда всего общества, т. е. общественного труда. Нет ничего особенно трудного в том, чтобы заметить это обстоятельство и увидеть в затрате общественного труда содержание ценности. Когда же ценность одного товара выражается в другом товаре, например, когда холст как ценность оказывается сюртуком, тогда ценность, с одной стороны, получает более совершенное выражение: становится ясным, что ценность холста не имеет ничего общего с его вещественными свойствами, с его потребительной ценностью...» (с. 173—174).

Если Маркс начинает анализ развития форм стоимости с простой (А—В), то Кушин начинает с «простейшей» (А). Кушин не понимает, что этим самым он категорию ценности выносит за границы товарного общества, делает ее не исторической категорией.

Предположим, что и это также шалости стиля, случайные оговорки, хотя случайность здесь, как в известном анекдоте о «чуде», перешла в привычку. Мы сталкиваемся с гораздо более серьезными «привычками» автора: — «Развернутая форма стоимости» — «Кусок холста, на деле обмененный на водку, мог до осуществления этого обмена обменяться на всякий товар. Значит, он был воплощением всех особых видов труда, или воплощением всеобщего труда, но лишь в представлении своего владельца, а не в действительности (курсив мой—*М. К.*). В действительности же он хотя и оказывается каким угодно осо-

бым продуктом частного труда, но всегда лишь воплощением только одного особого вида труда, не выступающего как всеобщий общественный» (с. 14). Противоречие между частным и общественным трудом автором здесь рассматривается как противоречие между действительностью и субъективным восприятием ее. Это противоречие не объективно существует, а вносится в мир субъектом, т. е. оно является продуктом сознания. Здесь мы сталкиваемся с неприкрытым идеализмом. И никакими шалостями стили его здесь не оправдаешь. Он является, если можно так выразиться, у Кушина не функциональным, а органическим недостатком. Это подтверждается, как мы увидим далее, целым рядом положений, выдвинутых Кушиным.

Перейдем к следующим положениям Кушина. Маркс говорит о товарной природе денег. Кушин, истолковывая Маркса, говорит о депersonальной природе товара. И в данном случае исходным пунктом этого оригинального толкования является сознание товаровладельцев, а не объективно существующее явление.

Предоставим слово самому Кушину: «Товар может действительно превратиться в деньги посредством обмена только при том условии, если и товар и деньги взаимно заменимы, иными словами, если они, взятые сами по себе, имеют одинаковую природу еще до обмена» (с. 20). Из этого правильного утверждения Кушин делает оригинальный вывод: «Следовательно, товар должен быть не только товаром, но и деньгами еще до своего превращения в деньги посредством обмена. Только при этом условии он будет иметь одинаковую природу с деньгами еще до обмена» (с. 20). Но здесь мы сталкиваемся с противоречием между «особой формой потребительной ценности товара» и тем, чем он должен быть еще до обмена, т. е. деньгами. «Это противоречие может быть разрешено только тем, что товар, хотя и будет в действительности попрежнему обладать только формой особой потребительной ценности, но товаровладельцы будут тем не менее относиться к нему, как к известному количеству денег. Товар может оказаться деньгами еще до обмена не в действительности, но лишь в сознании товаровладельцев. Товар до обмена может быть деньгами лишь в «идее», лишь «идеально» (с. 20—21. Курсив мой—М. К.).

Таким образом, сознание товаровладельцев населяет действительно существующий товарный мир несуществующими призраками — «идеальными деньгами». И это сожительство действительно-существующего с действительно-несуществующим разрешает противоречие между тем, чем товар должен быть по Кушину, и тем, чем он есть в действительности... (Мы не говорим уже о идеалистическом понимании «идеального» у Маркса. Это совершенно не противоречит концепции Кушина, если только у него есть какая-нибудь концепция).

Уже из той цитаты, которую мы привели, можно было бы догадываться, что Кушин считает функции денег как мерила ценности и масштаба цен не существующими в действительности. Но не надо тратить усилий на догадки, ибо Кушин сам заявляет об этом: «Поскольку деньги имеют лишь значение мерила ценности и масштаба цен, постольку речь идет о деньгах, существующих лишь в сознании товаропроизводителей. Деньги, как мерило ценности и масштаба цен, оказываются отрицанием первоначального понятия о деньгах как о всеобщем эквиваленте всех товаров, существующем в действительности» (с. 21).

Таким образом, несуществующие в действительности функции денег являются отрицанием действительно-существующей функции денег. Но этого мало: несуществующие функции денег предполагают действительное существование денег как средств обращения. «Роль денег, как мерила ценности и как масштаба цен, предполагает их деятельность как средства действительного превращения формы товара» (с. 21).

Несуществующая в действительности функция мерила стоимости обретает свое действительное существование в «действительных деньгах» — сокровище: «Поскольку деньги выступали как мерило ценности и масштаб цен, постольку товар превращался в деньги, а не в какой-либо особый товар, хотя это имело место лишь в сознании товаропроизводителей, а не в действительности» (с. 24). Но... «Деньги становятся сокровищем»... «Они становятся действительными деньгами» (курсив автора, с. 24). Вместе с этим и функции мерила ценности и масштаба цен выходят из «небытия»: «...Деньги как действительные деньги суть мерило ценности и масштаб цен, существующие в действительности, а не только в представлении...» (с. 24).

Призрачное, несуществующее в действительности причудливо переплетается с действительно существующим. Стирается грань между бытием и небытием. Бытие переходит в небытие и обратно. Но все это происходит не диалектически, а идеалистически-схоластически. Эти положения, насквозь проникнутые идеализмом, развиваются автором и дальше, напр., при анализе функции $D-T-D$ и $T-D-T$.

Но не будем останавливаться на этом, перейдем в трактовке автором других вопросов.

Анализ формулы $D-T-D$ Кушиным ведется таким образом: «Капитал, это — ценность, самовозрастающая, приносящая прибавочную ценность в обращении $D-T-D$ ». «Однако при посредстве обращения может быть изменена лишь форма ценности...» «Ценность ведь есть не что иное, как труд вообще, затраченный на производство данного товара и воплощенный в последнем. Поэтому ценность может быть создана лишь в производстве, а не в обращении. Возрастание ценности может быть лишь результатом затраты добавочного труда в производстве, но не результатом перемены формы в обращении» (с. 32—33). «Если во время пребывания капитала в форме купленного товара имеет место производство, то это значит, что денежная сумма, выступающая как капитал, превращается не в какие угодно товары, но именно в материальные условия производства: в средства производства и рабочую силу. Последнее однако возможно лишь при том условии, если и средства производства и рабочая сила выступают в качестве товара, а не производятся лишь для собственного потребления их производителей» (с. 33).

У Маркса ход рассуждения совсем иной. Исходным пунктом разрешения противоречия формулы $D-T-D$ у Маркса является анализ специфического товара — рабочей силы. И только потом он переходит к анализу капиталистического производства, к производству прибавочной стоимости. Он начинает с товара — рабочей силы, ибо за ним скрываются основные производственные отношения капиталистического общества, отделение свободного рабочего от средств производства и т. д.

Здесь мы сталкиваемся не с формальным отличием, а отличием принципиальным. Мы имеем дело с принципиально-различными методологическими подходами. Маркс связывает разрешение противоречия формулы $D-T-D$ с специфическим характером товара — рабочей силы, с специфическим действием закона стоимости в капиталистических условиях, когда контрагенты являются социально неоднородными. И только благодаря характеру этого товара противоречие получает разрешение. Кушин же поступает обратно: он дает разрешение вопроса независимо от специфического характера действия закона стоимости в данном случае, независимо от специфического характера товара — рабочей силы. Имеется добавочная ценность — должен быть добавочный труд. Вот простое разрешение противоречия. А товар — рабочая сила является не причиной, а лишь условием создания прибавочной ценности... Мы видим, что здесь мы имеем дело «с перевернутым Марксом», с Марксом, поставленным на голову.

Проблема формы и содержания является одной из важнейших методологических проблем марксистской теоретической экономики. Возьмем две важнейшие экономические категории, где проблема формы и содержания наиболее выпукла: зарплата

ботная плата и прибыль. Методологическая разработка экономических вопросов не может пройти мимо этих проблем. Кушин также не проходит мимо них. Но, ставя их, он не разрешает их, он бессилен, ибо он не владеет острым диалектическим методом, хотя и пишет о диалектике «Капитала». Как он объясняет очень сложный и тонкий процесс превращения стоимости рабочей силы в заработную плату?

«Покупка рабочей силы есть покупка ее на известное время, в течение которого покупатель заставляет рабочего трудиться, а рабочий обязан работать. Иными словами, покупка рабочей силы имеет форму покупки времени работника. Покупка рабочей силы имеет форму покупки деятельности этой рабочей силы, форму покупки труда»... «Иными словами, эти деньги принимают форму заработной платы» (с. 41). Справедливости ради должен сказать, что такое объяснение дается в целом ряде популярных книг по политической экономии. Но то, что годится для популярных учебников, не годится для «специального исследования». Такое объяснение ничего не дает для понимания процесса превращения стоимости рабочей силы в заработную плату, — процесса, который создает противоречие между формой и содержанием заработной платы. Это противоречие является выражением основного противоречия товара, противоречия между стоимостью и потребительной стоимостью. Мы имеем дело здесь со специфическим товаром — товаром — рабочей силой. Противоречие между трудом, затраченным на воспроизводство рабочей силы, и трудом как процессом потребления ее — получает характер противоречия между стоимостью и потребительной стоимостью товара — рабочей силой, что в конечном счете принимает характер противоречия между заработной платой и стоимостью рабочей силы. Все эти вопросы обойдены. — взамен дается обычное плоское объяснение этого противоречия.

Если это объяснение является все же допустимым (хотя и с очень большими оговорками), — то совершенно недопустимым является объяснение, даваемое Кушиным процессу превращения прибавочной стоимости в прибыль. «Для действительного возрастания капитала столь же необходимы средства производства, применяемые рабочими, как и сама рабочая сила. Без средств производства рабочим не к чему применять свой труд. Труд вообще, в том числе и прибавочный труд их, не мог бы осуществиться, кристаллизаться и стать ценностью, в том числе и прибавочной ценностью...» Откуда Кушин делает вывод: «По своей форме самовозрастание капитала является, таким образом, результатом не только потребления рабочей силы, но в такой же мере и результатом потребления средств производства» (с. 59).

Указанный процесс «замаскировки» можно отнести и к некапиталистическому обществу. Если возьмем простое товарное общество, то и в простом товарном обществе имеется тот же самый процесс замаскировки, ибо и тогда одинаково необходимы и средства производства и рабочая сила; следовательно, и в простом товарном обществе был процесс, аналогичный процессу превращения прибавочной стоимости в прибыль. И тут Кушин исходит не из специфических капиталистических условий, не из производственных отношений капиталистического общества. Он исходит из производства вообще. Если возьмем даже коммунистическое общество, то и в коммунистическом обществе в создании прибавочного продукта будут принимать участие и средства производства и рабочая сила. И то, и другое будет необходимым. А если это так, то по Кушину и там должен быть процесс замаскировки, процесс превращения прибавочного продукта в какую-то отличную от него по форме категорию... А между тем, для правильного объяснения этого вопроса нужно было прочитать, если уже не первые главы III тома «Капитала» (необходимость чего сама по себе разумеется для автора «Диалектического строения „Капитала“»), но хотя бы письмо Маркса к Энгельсу от 30 апреля 1868 г., где Маркс совершенно отчетливо объясняет этот процесс, увязывая его с процессом замаскировки, с которым мы сталкиваемся в категории заработной платы.

Останавливаясь на чрезвычайно важной проблеме связи логического и исторического развития, автор совершенно не понимает диалектической связи между тем и другим. Он, правда, приходит к заключению, что возможны совпадения между тем и другим. Но это совпадение он объясняет не внутренней связью между ними, а характеризует это совпадение как внешнее совпадение. «Совпадение между развитием понятия об обществе товаропроизводителей и развитием самого общества, однако, опять остается лишь ограниченным и внешним совпадением» (с. 124). И это утверждение неоднократно повторяется автором (см. с. 100, 107, 118, 129 и т. д.). Таким образом развитие понятия лишь внешне, т. е. случайно, связано с историческим развитием. Конечно, для марксиста было бы недопустимо говорить о полном и точном совпадении этих двух рядов, но не менее немарксистским является отрыв одного ряда от другого, характеристика этой связи как внешней, а следовательно, случайной связи. Этот отрыв развития понятия от исторического развития также говорит об идеалистической трактовке автором движения экономических категорий.

И. И. Рубин, говоря в предисловии о «тонком прослеживании диалектических переходов от одного понятия к другому», указывает, что Кушин «не показывает нам их реального эквивалента, т. е. диалектических переходов в самой реальной действительности и их движущих причин». Это уже само по себе такой крупный недостаток, который должен был бы удержать Рубина от рекомендации книги Кушина. Но в книге Кушина нет и тех достоинств, которые указаны Рубиным: нет «тонкого прослеживании диалектических переходов от одного понятия к другому». Можно подумать, что Кушин показывает, каким образом происходит развитие понятий на основе их внутренних противоречий, обрисовывает процесс превращения одного понятия в другое. В действительности и этого нет. В книге Кушина нет анализа процессов, нет анализа движения понятий.

Поставить на голову Маркса — не значит сделаться гегельянцем. В книге Кушина мы имеем дело со схоластической связью понятий, со схоластическим пониманием законов диалектики. Закон отрицания—отрицания в кушинском понимании—носит характер не процесса, не движения, а словесной эквилибристики, часто лишенной всякого смысла.

Закон отрицания отрицания, лежащий в основе всякого развития, всякого процесса, у Кушина является выхолощенным, лишенным всякого реального смысла. Эта словесная эквилибристика приводит Кушина иногда к очень «оригинальным» положениям. На некоторых «оригинальных» положениях мы уже останавливались. Я позволю себе привести еще одну иллюстрацию кушинской диалектики. «...Коммунистическое производство — пишет Кушин — есть не только возврат к простому товарному производству, но и отрицание такового» (с. 139). «...Коммунистическое производство сходится с капиталистическим, а не с простым товарным производством в том отношении, что процесс труда имеет непосредственно-общественную форму» (с. 139). «...Таким образом, непосредственно-общественное производство является не только возвратом к простому товарному производству, но и его отрицанием; не только отрицанием, но и сохранением капиталистического производства. Это синтез того и другого» (с. 140) и т. д.

Мы не будем приводить больше иллюстраций непонимания Кушиным марксистской диалектики. Для этого пришлось бы перепечатать почти всю его книгу.

М. Кривицкий

В. РЕЙМЕС. ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ ХОЗЯЙСТВА

Перевод с немецкого под общей редакцией и с предисловием И. Рубина и с предисловием к немецкому изданию Генриха Кунова.

ГИЗ, М. — Л. 1929 г., с. 189, ц. 1 р. 35 к.

Учение о причинах и формах общественного развития несомненно является одним из важнейших элементов теории марксизма — отражая объективные закономерности общественного развития, оно убеждает нас в правильности материалистического понимания истории, оно учит диалектике борьбы и открывает перспективы дальнейшего движения.

Всякие попытки систематического изложения и популяризации истории социально-экономических форм должны поэтому вызывать большой интерес. В первую очередь наше внимание должно быть сосредоточено на правильности применения диалектического метода, на достаточной четкости выявления революционной и революционизирующей сущности марксова учения.

Такую попытку дать научно-популярное изложение истории хозяйственных форм представляет собой работа В. Реймеса. Русское издание книги В. Реймеса содержит (кроме двух предисловий — И. Рубина и Г. Кунова) шесть лекций (глав): первая, методологическая, лекция носит заглавие «Труд — основа человеческого общества»; затем идут лекции: «Первобытный коммунизм до разложения древнегерманской марки», «Рабовладельческое хозяйство античного общества», «Средневековое феодально-поместное хозяйство», «Развитие городов и городского ремесла», «Кооперация, мануфактура, машинное производство, крупнокапиталистическое производство и тенденция к социализму». В конце книги дано приложение — список рекомендуемой литературы ¹.

В предисловии к немецкому изданию книги Реймеса немецкий редактор, маститый представитель социал-демократии, Генрих Кунов пишет, что «работа Реймеса... больше, чем всякая другая книга из имеющихся в социалистической литературе» (с. 9), отвечает задаче ознакомления массового читателя с историей экономической жизни. Знакомство с прошедшим «необходимо — подчеркивает Кунов — для правильного понимания тенденций нашего современного хозяйственного развития» (с. 9). Как видим, Г. Кунов сразу дает этой книге политическую установку. И он не устает расхваливать своего «товарища Вильгельма Реймеса», который «удачно выполнил поставленную себе задачу — дать краткий общий обзор экономического развития, составленный с социалистической точки зрения» (с. 8). Такая характеристика, данная одним из крупнейших идеологов социал-демократии, «официальным теоретиком германских социал-империалистов», как называет его т. Рязанов ², невольно заставляет насторожиться.

Дело в том, что в период кануна мировой революции для буржуазии особо насущной задачей становится создание и распространение учений, мешающих познанию действительности, искажающих и извращающих закономерности и перспективу исторического развития. Однако рассчитывать на успех в массах на данном этапе может только такая теория, которая облечена в революционные одежды.

¹ Следует тут же отметить, что в этом списке отсутствует, например, указание на такую работу, как «Введение в политическую экономию» Р. Люксембург. Не упоминаются в этом списке, напр., и пособия по истории общественных форм, изданные комвузами им. Свердлова (работа В. Кушнера) и пм. Зиновьева (хрестоматия Н. Андреева), зато безоговорочно рекомендуются немарксистские работы Маслово, Бохера, Кулишера и др., а также курс Богданова и Степанова с их «организаторской» теорией классов и механистической, педиаектической трактовкой ряда вопросов.

² См. предисловие т. Рязанова к брошюре Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», изд. «Московский рабочий» 1922, с. 6.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что огромную служебную роль для буржуазии приобретает социал-демократия и ее социал-предательская теория, мимикрирующая под марксизм, протитирующая марксистскую фразеологию при решительном — на деле — разрыве с основами великого революционного учения международного пролетариата³.

Книга Реймеса рассчитана на «рабочего с известным созревшим жизненным опытом, но без специально-научного образования» (с. 8), на «малоподготовленного читателя» (с. 5). Особенно важной вследствие этого является правильность основных методологических установок. Таким установкам посвящена первая глава книги, и на ней мы и остановимся подробнее.

В. Реймес рассматривает вопрос — чем обуславливаются «человеческие отношения». Оказывается, «всюду эти отношения с самого начала обусловлены трудом и обществом» (с. 23). В этом положении сразу бросается в глаза, что Реймес видит две различные причины общественного развития — это, во-первых, труд и, во-вторых, общества; данное утверждение В. Реймес повторяет неоднократно: «наряду с трудом имеется еще и другой основной решающий момент — человеческое общество» (с. 23). Автор говорит об этом не только на первых страницах книги — так, например, мы на с. 178 встречаем иную формулировку и развитие того же положения. Капиталистическое общество характеризуется здесь как «система производственных и общественных отношений». Итак, труд — один момент, общество — другой момент; труд рассматривается не как общественный труд, общество (со стороны его экономической структуры) — не как «совокупность отношений, при которых носители производства стоят к природе и друг к другу, отношений, при которых они производят»⁴. Стало быть, по Реймесу, существуют два параллельных ряда: общественные отношения — это один ряд, производственные отношения — это другой ряд. Нет нужды доказывать всю механистичность такого утверждения, — в истории общественных форм для марксиста труд (и производство) выступает сразу как общественный труд (и общественное производство). «Общественно-обусловленное производство индивидов»⁵ — таков естественный исходный пункт марксова исследования. Как видим, исходный пункт у Реймеса оказывается иным, чем исходный пункт марксистской системы.

Остановимся далее на трактовке Реймесом вопроса о причине прогресса человеческого общества. Наш автор говорит об этом совершенно определенно: «все стороны развития человека, его прогресса мы должны выводить из прогресса труда, или, как нынче говорят, из технического прогресса» (с. 19); пока что Реймес прогресс труда приравнивает к техническому прогрессу. Читаем дальше: «Что же являлось двигательной силой, толкавшей людей к постепенному совершенствованию труда? Мы отвечаем: удовлетворение растущих жизненных потребностей» (там же).

Сколь это ни поразительно, в книге, рекомендуемой нам, как марксистской, главной двигательной силой развития человеческого общества объявляется не классовая борьба, выражающая противоречия между производительными силами и производственными отношениями, а стремление к удовлетворению потребностей. Но может быть мы ошибаемся, мы слишком придирчивы к автору? Может быть, у автора идет речь только об исходном пункте, о бесклассовом обществе, а не обо всей «писанной» человеческой истории? Нет, ваше понимание автора оказывается верным; на следующей же странице он формулирует эту мысль без всяких обиняков:

³ Само собой разумеется, успешное строительство социализма невозможно, если острее и сильнее оружие пролетариата — теория марксизма — будет затуплено, загрязнено, запущено. И в этом отношении также совершенно естественно и обязательно наше неослабное внимание к чистоте марксистско-ленинской теории.

⁴ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 348.

⁵ Маркс, К критике, Введение, изд. «Московский рабочий», 1923, с. 9.

«С самых ранних времен и до настоящих дней неудовлетворенность и рост потребностей являлись двигательной силой технического прогресса» (с. 20). А где же классовая борьба? Она забыта, ее нет в построениях автора. И еще раз мы убеждаемся в грубейшем непонимании и извращении Реймесом марксизма. «Упущение из вида классовой борьбы свидетельствует о грубейшем непонимании марксизма» (Ленин)⁶.

Впрочем, нет, Реймес говорит и о классовой борьбе. Решив убедить читателя в неизбежности перехода к социализму, Реймес апеллирует к сознательности каждого человека; «не должен ли каждый человек сказать, что бессмысленным является капитализм» (с. 33). «Мы не должны сомневаться в том, — пишет затем Реймес, — что классовая борьба против такого «порядка» станет наконец столь всеобщей и столь могучей, что приведет к установлению социалистического порядка» (с. 33).

Против «всеобщей» классовой борьбы, борьбы всех классов с «порядком» капитализма, как известно, вряд ли станет возражать хоть один из умных представителей буржуазии; вряд ли кто-нибудь из них (а также и из социал-демократических теоретиков социального государства и организованного капитализма) откажется также подписаться под лозунгом «всеобщей» классовой борьбы для мирного вхождения в социализм, аргументируя при этом от бессмысленности и филистерски апеллируя к сознательности «каждого человека».

Полюбумся еще построениями Реймеса.

Реймес рассматривает вопрос о возникновении потребностей человека; он приводит известный пример Маркса — маленький дом рядом с растущим домом становится хижинкой и рабочий — обитатель хижинки — чувствует в ней себя все неудовлетвореннее и приниженнее⁷; приведя фразу Маркса «наши потребности и наслаждения возникают из общества», Реймес комментирует ее следующим образом: «Таким образом в обществе потребности и запросы одного психологически действуют на других возбуждающим и подталкивающим образом; так это ныне, так это было всегда» (с. 21). Англичане говорят, что дьявол очень любит подкреплять свои мысли цитатами из библии! Но если мы посмотрим это место брошюры Маркса, то увидим, что Маркс ни слова не говорил о психологии, как об основной причине возникновения потребностей. Данный абзац Маркса заканчивается словами: «так как они (наши потребности и наслаждения — Б. К.) имеют общественный характер, то они имеют относительный характер»; в этом же абзаце Маркс подчеркивал, что движение заработной платы предполагает движение производительного капитала и вызывается им. Таким образом и здесь Маркс подчеркивал объективные экономические моменты, а совсем не говорил о «психологическом» воздействии людей друг на друга.

Как известно, Маркс формулировал вопрос о соотношении производства и потребления с неподдающейся кривотолкам ясностью: копечпо, потребность непосредственно возникает через восприятие человека, но «производство создаст, порождает потребление... возбуждая в потребителе потребность⁸. «Производство... создает самую способность потребления, как потребность, как побудительный мотив»⁹. Конечно, психологическое воздействие является зачастую посредствующим звеном, но не оно создает, не оно рождает потребление. Нельзя же, например, сводить к психологии возникновение потребности американского рабочего припимать наркотические средства, чтобы выглядеть бодрым и молодцеватым при найме на работу

⁶ Ленин, Собрание соч., 3-е изд., I т., с. 258.

⁷ См. Маркс, Наемный труд и капитал, изд. «Красная повесть», 1924, с. 48 — 49.

⁸ Маркс, К критике. Введение. См. «Основные проблемы полит. экономии» Гиз, 1924, с. 14.

⁹ Там же, с. 17.

Марксов термин «восприятие» совсем не тождественен с реймесовым «психологическим воздействием». Само собой разумеется, что Маркс говорит в данном случае об основной причине возникновения потребностей; Маркс, конечно, этим этюдом не утверждает автоматичности данного процесса; потребности возникают и развиваются, следуя в общем за развитием производства и влияя в свою очередь на него; они модифицируются в зависимости от ряда конкретнее исторических условий данного общества.

Схема Реймеса следовательно такова; в основе изменения общественных отношений лежит прогресс труда, технический прогресс; двигательной силой технического прогресса является развитие потребностей, а потребности развиваются вследствие психологического взаимодействия людей. Схема, как мы видим, — не марксистская. На самом деле базой всех общественных отношений являются производственные отношения как форма общественного процесса производства. Изменение общественной структуры вызывается противоречием между производственными отношениями и производительными силами, — противоречием, выражающимся в антагонистическом обществе в первую очередь в классовой борьбе. Но классовая борьба в схеме Реймеса отсутствует. Классовая борьба и здесь забыта нашим автором при характеристике причин смены одной социально-экономической формации другой¹⁰.

Посмотрим трактовку Реймесом еще одного вопроса. Реймес разбирает вопрос «о цели и регулировании труда»¹¹. И здесь его ответы таковы же, как и вначале. Во-первых, мы узнаем от него, что все великие завоевания культуры возникли потому, что «общественный труд все лучше, все планомернее регулировался» (с. 28). Как известно, капитализм революционизировал технику, преодолел относительный консерватизм феодального хозяйства — и это, если судить по Реймесу, произошло потому, что при капитализме общественный труд регулируется планомернее, чем при феодализме. Но это попутно. Читаем дальше.

Реймес пишет: «Во все времена труд необходимо, тем или иным образом, распределялся и регулировался в соответствии с той целью, которой он служил. А цель эта всегда заключалась в производстве тех предметов, которые человечество в данный момент потребляло. Размеры потребления в пределах данного... общества всегда определяют объем всей совокупности общественного труда, а также и масштаб распределения и регулирования последнего» (с. 28—29)¹².

Так выглядит у нашего автора положение Маркса о примате производства, об историчности и классовом характере распределения и т. д. Все это поглощено универсальной «целью»; в основе основ лежит — потребление!

¹⁰ «Общество» характеризуется В. Реймесом как «объединение многих людей, которые сообща решают задачу хозяйствования путем всесторонней взаимопомощи, разделения труда и взаимного обмена продуктами» (с. 21). Но и «социальная система», «общественная форма» — все это недостаточно конкретно без понятия класса и классового общества». (Ленин, Заметки на книгу «И. Бухарина. См. XI Лен. сборник» (с. 383). Сравни также определение «гражданского общества» Марксом: «общественный строй с определенной организацией семьи, сословий или классов» (см. «Письма» изд. 1928 г., с. 12).

¹¹ Сама постановка вопроса об универсальной цели является метафизичной. Ср., напр., еще: «На всех ступенях развития, цель всякой хозяйственной системы состоит в последнем счете в производстве потребительных стоимостей, отвечающих потребностям общества в данную эпоху» (с. 173. Аналогично см. с. 137 и др.).

¹² См., напр., еще: «Капиталисты не могут направлять производство по произволу; решающим моментом, как и прежде, является общественное потребление» (с. 30); различа только в том, что «труд регулируется в соответствии с потреблением посредством кризисов» (с. 32). Как видим здесь у Реймеса кризисы приводят производство в соответствие с потреблением, а не в соответствие с специфической формой потребления — платежеспособным спросом. К тому же конечная причина кризисов — вопреки Реймесу — лежит не в бесплановости производства как таковой, а в противоречии между расширяющимся базисом производства и суженым характером потребления, в общественном характере производства и частном способе присвоения.

Мы не будем останавливаться на деталях—на том, например, что при социализме часть общественного труда, по мнению Реймеса, «необходимо будет, как и в настоящее время, направлять на поддержание и воспроизводство... средств обращения» (с. 30), что Реймес характеризует требования рабочего движения ласкалевским лозунгом «рабочему полный продукт его труда» (с. 29), что труд дикаря «ощущается не как тяжесть жизни, а как естественная и радостная жизнедеятельность» и сочетается для приятности с игрой и танцами (с. 26) и т. д. и т. п. И в этих деталях мы неизменно наталкиваемся на чрезвычайную методологическую путаницу¹³, на извращение действительности¹⁴, на явно социал-демократические положения. Стоит ли разбирать дальше подробно эту книгу?

Укажем, что Г. Кунов в предисловии не преминул отметить своеобразное свойство дальнейшего изложения: «Автор... не развертывает перед читателями весь клубок гипотез, а без обиняков высказывается в пользу той из них, которая представляется ему наиболее вероятной» (с. 9),— конечно, с своей «социалистической (читай социал-демократической—Б. К.) точки зрения». Достаточно привести, например, еще одну фразу с заключительных страниц книги: «Капитализм неизбежно будет свидетелем того, как растут и крепнут борющиеся против него массы, как они приобретают все большую уверенность в победе социалистических стремлений; социалистические массы в планомерно развертывающейся борьбе овладеют государственной властью и используют ее для постепенного преобразования производства» (с. 187; далее идет цитата из «Анти Дюринга», где Энгельс говорит о том, что при социализме всем членам общества будут обеспечены условия существования и т. д.).

Мы снова видим здесь загущивающую гегемонию рабочего класса в борьбе против капитализма (пролетариат покрыт «массами»), утверждение о необходимости выработки детального плана борьбы за государственную власть, полное умалчивание о революции; как единственном и неизбежном пути завоевания власти пролетариатом, совершенное игнорирование такой задачи пролетарской власти как дальнейшая классовая борьба¹⁵, защита пролетарского государства и т. д.; теории «социального государства» и «мирного вхождения в социализм» вполне корреспондируют этим формулировкам, тем более, что и здесь и в ряде других мест ударение делается на «организации производства», «устранении анархии производства», «бессистемной мировой торговле» и т. д. (см., напр., «вновь ввести планомерность, опираясь на все завоевания техники и науки,—вог то хозяйство, к которому стремится современный социализм!»—(с. 140).

Такое представление о «тенденциях современного хозяйственного развития», как бы ни уверял нас Г. Кунов (см. его предисловие), безусловно не усилит вооруженность пролетариата в борьбе с капитализмом, оно скорее может его дезориентировать¹⁶.

¹³ См., напр., рассуждения о деньгах (с. 107—110 и др.), где причиной возникновения денег объявляется необходимость в средствах обращения для облегчения обмена, а покупательная способность бумажных денег объясняется их обеспеченностью, существованием золотого покрытия.

¹⁴ Реймес, напр., преподносит читателю такую истину: «В большей части России земля полностью принадлежит есду еще по сие время» (с. 56). И это мы видим в книге, написанной после окончания мировой войны и изданной Гизом в 1929 году.

¹⁵ Ср. «... переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом, или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым коммунизмом» (Ленин, Собр. соч., т. VI, с. 347).

¹⁶ Мы не останавливаемся на том, что, например, империализм В. Реймесом сводится к завоевательной политике, основанной на насилии (с. 183), или к стремлению к мировому могуществу (с. 184), что в книге нет ни слова о законе неравномерного развития, о тенденциях к загниванию капитализма, и, тем более о расстройстве рабочего класса—выделении рабочей аристократии и т. д.

Если книга «товарища» Купова — В. Реймеса «во всех отношениях отвечает той цели, ради которой она написана» (из предисловия Кунова, с. 8), то эта цель оказывается пропагандой социал-демократических, симулирующих под марксизм теорий; с этой «почтенной целью» мы должны вести непримиримую борьбу.

Русский редактор рецензируемой книги, к сожалению, ни одним словом не обмолвился о ее «недочетах», а наоборот, в первой же фразе своего предисловия всячески пропагандирует эту работу: «Книгу Реймеса можно смело рекомендовать самому широкому кругу читателей» — так начинается свое предисловие И. Рубин (с. 5).

Смелая и безоговорочная рекомендация подобной литературы действительно является слишком смелой в наших условиях.

Б. Казанский.

ТЕОРИЯ ПРОГРЕССА БИЗНЕСМЕНА

Вместо рецензии на книгу Фостера и Кетчинса «Путь к изобилию» (Foster and Catchings. The Road to Plenty. Boston and New York 1928. 3d ed.)

В Америке интенсивно работают экономические исследовательские институты; на рынке высокая конъюнктура на экономические работы. Выходит несчетное количество книг, посвященных народнохозяйственным проблемам, и нет конечно никакой возможности следить за всем этим бумажным потоком. В этом и нет необходимости, ибо большинство подобных произведений заполнены подсчетами уровня американского процветания и трактует о текущих вопросах экономической жизни.

Но книга Фостера и Кетчинса заслуживает того, чтобы на ней остановиться. Этим мы вовсе не хотим отметить какие-либо примечательные особенности авторов, выделяющие книгу из массы академических и профессорских сочинений. Их работы имеют обычные свойства американской экономической литературы. Пухлые томы заполнены диаграммами и статистическими выкладками, солидным набором ссылок и глубокомысленными вещаниями о незыблемых законах. Защищаемые ими идеи довольно распространены в САСШ. Один из соавторов — Кетчинс — является вице-президентом американской ассоциации экономистов, и таким образом его произведения «репрезентативны» для американских экономистов.

Важнейший труд наших авторов «Profits» («Прибыль») вызвал всеобщий интерес. Фостер и Кетчинс проявили широкий деловой размах и действовали воистину по-американски. При выходе в свет книги они пригласили всех желающих критиковать изложенную в ней систему взглядов и за лучшую работу обещали пять тысяч долларов. На это заманчивое предложение откликнулись 431 виднейших экономистов, банкиров и т. д. из всех стран мира. В работах, поступивших на конкурс, книга была подвергнута обсуждению со всех точек зрения. Жюри, составленное из авторитетнейших экономистов, обсудило присланные работы, и пять лучших из них вышли отдельным изданием в виде сборника статей о «Profits».

Однако наши почтенные мистеры не пожелали остаться на спокойных высотах науки и решили обратиться к массам с пропагандой своих «откровений». Вслед за солидными исследованиями о «Money» и «Profits» они обнародовали свои достижения в «Business without a buyer», а теперь в популярном изложении разъясняют всякому желающему «Путь к изобилию» («The Road to Plenty»). Поиски этого пути происходят в САСШ очевидно довольно интенсивно, так как уже вышло третье издание книжки.

В «Пути к изобилию» авторы дают в общедоступной форме свою теорию конъюнктуры. Изложение ведется в виде беседы в курительной комнате между пассажирами поезда, которые высказывают свои взгляды на то, как можно устранить кризисы и связанные с ними безработицу и нищету. Каждое утверждение они подкрепляют примерами из своего житейского опыта, и в их отношении к обсуждаемым проблемам сказывается их социальное положение, профессиональные предубеждения и т. п. Книга полна психологическими наблюдениями, что значительно оживляет чтение. Представители различных общественных групп—профессор политэкономии, адвокат, член конгресса, епископ и др.—выступают с различными оценками, но все сходится на том, что циклические колебания и все им сопутствующие беды неустраняемы. «Резкие смены процветания и депрессии коренятся в природе человека. Мы их не можем избежать» (27 с.),—так формулирует профессор свой символ веры. И с ним соглашаются все. Одни, изливаясь в жалостных сентенциях подобно «симпатичному адвокату», другие—лицемерно призывая к терпению. Но на одной из станций к присутствующим присоединяется «некто в сером»—седой человек весь в сером одеянии. Он является в книге представителем рабочих и недовольных существующим порядком. Он сам испытал прелести безработицы и непосильной работы; он и его друзья живут жизнью, полной страха и неуверенности в завтрашнем дне. Страницы, посвященные описанию безвыходного положения «живущего от зарплаты» большинства населения САСШ, не часто встречаются в буржуазной литературе. Фостер и Кетчинс дают здесь довольно яркую картину бедствий безработных пролетариев и фермеров в периоды депрессии и находят достаточно резкие слова, чтобы охарактеризовать беспомощное, неустойчивое положение трудящихся и в лучшие времена подъема.

Наши авторы вынуждены коснуться этой оборотной стороны американского «просперити» потому, что читатель, к которому они обращаются в своей популярной книжке,—читатель, который на своей спине перенес блага капиталистической рационализации, не удовлетворится той болтовней о достижениях прогресса, которой обычно убаюкивают среднего обывателя. Проблема очерчивается достаточно четко. Капитализм ничего не дал рабочим. «Бедность вызывает к небесам» (13 с.). «Большинство американцев знает о достатке лишь то, что они видели в газетах и кино» (19 с.). Они не хотят переносить лишения, когда рядом стоят бездействующие машины и склады ломятся от товаров.

«Серый человек» достаточно настойчив. Он проявляет ярко выраженное нежелание следовать совету епископа и терпеть. Ссылка на незыблемые законы капиталистического общества толкает на мысль о необходимости разрушить это общество и построить новое. Проявляется большой интерес к словам «красноволового» оратора, который обвиняет во всем капиталистическую систему и призывает «взять все себе». Оказывается, есть выход. Рождаются желания следовать «русскому примеру» (33—37 с.). «Серый человек» жаждет деятельности. Поставленные вплотную перед изможденным негодующим рабочим, Джо Бернсом, наши авторы вынуждены держать ответ. Для них встает задача, не закрывая глаза на болячки капитализма (ибо их уже нельзя замазать), постараться убедить «серого человека» и тех, кого он олицетворяет, в том, что капитализм может быть исправлен, что можно поправочками найти путь к изобилию, что можно капиталистическими методами уничтожить кризисы и безработицу, расточительность производства и т. д. Появляется трезвый бизнесмен, который излагает свою теорию цикла и кризисов и предлагает свой план достижения изобилия. Разворачивается «политика прогресса» бизнесмена. Свою теорию он обосновывает на следующих фактах.

В капиталистическом обществе кризисы часто поражают народное хозяйство. В эти периоды растет безработица, и население вынуждено испытывать нужду, несмотря на то, что многие машины не используются и безработные люди на бездействующих машинах могли бы выработать те продукты, которые им так необхо-

димы. Товары не изготавливаются не потому, что они излишни, а из-за недостатка платежеспособного спроса; у покупателей нет пужного количества денег, чтобы приобрести уже произведенные товары; капиталисты терпят убытки, и многие предприятия приостанавливаются. Доходы потребителей оказываются недостаточными, чтобы оплатить товары по ценам, стимулирующим дальнейшее производство. «Как возникает этот недостаток?»—спрашивает бизнесмен и отвечает следующим образом:

Доходы потребителей складываются из средств, которые поступили в виде зарплат, платы за услуги и т. п. от капиталистов. Всякий капиталист желает получить за свои товары больше, чем было затрачено на их производство. Затраты капиталистов на издержки производства, распределяемые в форме дохода между потребителями, не могут оплатить продажные цены товаров, которые кроме издержек включают еще и прибыль. Кроме того, из своего годового дохода потребители сберегают некоторую часть, на какую-то опять-таки уменьшается платежеспособный спрос. Таким образом «процесс производства благ не снабжает потребителей деньгами достаточными, чтобы купить эти же блага» (135 с.). Хозяйствующие организации и отдельные личности должны сберегать; эти сбережения создают недостаток потребительского спроса (*consumers buying*), товары не находят сбыта, и депрессия становится неизбежной.

Может ли быть пайден выход из этого положения? Классическая теория либерализма даже не заметила самой проблемы. Ее догмат гласит: производство само создает себе спрос. Механизм конкуренции и «процесс финансирования, обусловливающий рост хозяйства, в значительной мере сами себя регулируют» (121 с.). Никакого вмешательства в хозяйственную жизнь не требуется. Кризисы являются досадной неизбежностью, но в конечном счете (*in the long run*) равновесие восстанавливается. Наш теоретик решительно обрушивается на эти традиционные взгляды. Он считает, что распространение подобных представлений не позволяло вскрыть действительный механизм развития общества. Вера в «экономiku нищеты» мешала найти дорогу к общему благоденствию. Теперь, когда он выяснил действительные причины прогресса, надо действовать по-иному. Необходимо организовать нормальное поступление денег к потребителю. Деньги в нужном количестве, в нужный момент—вот они магические ключи счастья. Надо наладить добавочный поток новых денег, при помощи которых смогут быть куплены все произведенные товары. Тем самым поддержится непрерывный рост производства, капиталисты смогут занять безработных и будет избегнута расточительная бездеятельность людских сил и машин.

Вопрос о том, откуда взять новые деньги, оказывается, тоже не вызывает никаких затруднений. Если бы мы могли добывать столько золота, сколько нужно, чтобы купить все производимые товары, то никакого всеобщего перепроизводства не могло бы быть (99 с.), и все обстояло бы благополучно. Производство золота, правда, не может быть увеличено. Но задача решается просто: «новые деньги могут быть созданы расширением банковского кредита» (104 с.).

Такова теория наших авторов, говорящих устами бизнесмена. Собеседники, подавленные глубиной его анализа и прельщенные открывающимися перед ними перспективами, убеждают его набросать программу осуществления своих открытий. Прежде всего констатируется, что проблему регулирования производства и кредита не в состоянии разрешить разрозненные, конкурирующие капиталисты. Необходимо «коллективное руководство», которое должно быть осуществлено государством. Надо создать специальный департамент, который будет наблюдать за конъюнктурой, предсказывать ее изменения и устанавливать точный момент, «когда надо нажать на рычаг тормоза и когда на рычаг усилителя» (157 с.). При наступлении признаков истощения покупательского спроса государство будет усиливать его всеми имеющимися в его руках мерами, и главным образом, организуя за счет расширения кредита и накопленных средств грандиозные общественные работы. Это увели-

чит денежный спрос населения, не приводя к росту предложения товаров. Наоборот, при избытке денег, подъеме цен и т. п. работы будут сокращаться. Подобная политика государства приведет к росту строительства и у частных предпринимателей, которые выбросят на рынок еще добавочные средства. Так будет предупреждена депрессия и просперити сохранено.

Мы привели вкратце теорию и программу действий бизнесмена. Здесь не место подвергать разбору концепцию Фостера и Кетчиуса. Для них деньги являются «сердцем экономики», и вокруг этого, как они полагают, центрального понятия о потоке денег должна быть построена вся система экономической науки (179 с.). Марксистская критика не раз отмечала основные ошибки экономистов, желающих видеть в денежной скорлупе экономических явлений их настоящее ядро. Наши авторы бескопечно горды в сознании своего превосходства над последователями теории саморегулирующегося спроса и предложения. Они детально разъясняют и подчеркивают, что теория рынка Милля (Сея—Рикардо) предполагает общество, в котором товарообмен совершается без посредства денег. Но «в денежном хозяйстве возможен спрос без предложения и предложение без спроса» (130 с.). С появлением денег появляются и кризисы.

Это, конечно, верно. Но наши авторы притягивают за волосы модные теории о кредитотворчестве и думают, что при их помощи они овладеют конъюнктурой. Как далеки они от истины, когда считают деньги первопричиной цикла! Они хотят привести кругооборот денег в соответствие с распределением товаров и не имеют представления о действительном процессе реализации. В сущности говоря, если они и превзошли Сея, то не ушли от знаменитого тезиса Адама Смита о разложении всей товарной продукции только на доходы. Разделение стоимости годового производства на национальный доход и национальный капитал их не интересует. Вопрос сводится к регулированию доходов и тем самым потребительского спроса. «Соответствующий потребительский спрос поддержит и соразмерный спрос на средства производства» (169 с.). Решение так поставленной проблемы дается очень легко (при предпосылке «экспансии кредита»), но оно ничего в действительности не разрешает.

Но не будем придирчивы к бизнесмену. Он остается дельцом и американцем, даже если он пишет экономические сочинения. В конце концов, он сам выдает себе свидетельство о теоретической бедности, когда заявляет, что ему не важно объяснение причин цикла. «Единственное, что я утверждаю, это то, что нисходящая фаза цикла, чем бы она ни вызывалась (подчеркнуто мной—А. Б.), не превратится в депрессию, если будет в достаточной степени поддержан покупательский спрос» (171 с.). Центр тяжести построения Фостера и Кетчиуса лежит не в теории, а в программе экономической политики, которую они предлагают.

На первый взгляд она выглядит очень внушительно. «Коллективное руководство»—это звучит гордо! Капитализм и в то же время—центральный регулирующий орган. Общество, построенное на священном принципе предпринимательской прибыли, но без неизбежно сопутствующих ему недостатков. Перед нами американское издание теории «организованного капитализма». Подобные широковетвистые планы достаточно популярны в САСШ. В таком духе высказывался Кулидж. Всем еще памятно заявление Гувера после избрания его президентом, о намерении создать специальный фонд для общественных работ, которые уничтожат безработицу и кризисы. За пределами Америки также культивируются аналогичные идеи, особенно социал-демократами. На последнем съезде австрийских с.-д. Вауэр выдвинул в качестве одного из очередных требований создание хозяйственного совета по образцу немецкого, для регулирования народного хозяйства. Как сообщает Врейльсфорд, «английское рабочее правительство намерено создать истоянный центральный орган, который будет направлять и контролировать хозяйственное развитие и одновременно будет увязывать все факторы, определяющие национальный прогресс, в особенности кредит, транспорт и электрическую промышленность». Проекты

уничтожения кризисов — и в Европе еще начиная с предложений Кейнса, который один из первых заострил вопрос о смягчении конъюнктуры, и кончая Брейльсфордом — рассчитаны на методы финансового воздействия и базируются на кредитно-денежных теориях.

Утопичность этих замыслов доказывается каждодневной капиталистической практикой. Несмотря на зашедший далеко процесс трестификации и монополизации, конкуренция не уменьшается. Она видоизменяется, выступает в форме борьбы сходных отраслей производства (например, искусственного шелка и мерсеризированного хлопка, железа и бетона и т. п.), в форме борьбы за перемещение Standort'a и т. д. Капитализм остается обществом разобщенных товаропроизводителей. Верховным законом попрежнему пребывает стихия рынка. В этих условиях прогноз конъюнктуры и контроль над всем народным хозяйством остаются невыполнимым желанием. Эту задачу капитализм должен оставить на разрешение своему преемнику — планоному социалистическому обществу.

Так шумно рекламируемые планы значительно блекнут, когда заходит речь об их практическом осуществлении. Они годны только как средство усиления масс. Селяние иллюзий «организованного капитализма» диктуется необходимостью дать трудящимся видимость надежды на лучшее будущее. Свои «революционные» проекты Фостер и Кетчинс предлагают провести архимедленно. «Мы хотим двигаться вперед, осмотрительно измеряя все время результаты» (154 с.). Для этого «надо делать то же, что и теперь, только в несколько большей степени» (220 с.). Нетерпеливым рекомендуется не разочаровываться, если осуществление проектов будет происходить в микроскопических дозах: «совершенные законы рождаются так же часто, как и взрослые люди» (225 с.)¹.

Фостер и Кетчинс уверены в том, что они нашли дорогу в счастливую страну Эльдорадо, или они . . . хотя и уверить в этом своего читателя.

В «Пути к изобилию» серый человек убеждается в правоте бизнесмена. В нем он видит Мессию, пришедшего спасти человечество. Он верит, что «добрые люди» смогут переделать все к лучшему, и дело за небольшим — надо их убедить в реальности планов. Тогда начнется великое восхождение к счастью. Дается старт на пути к изобилию.

Серый человек в книге оказался очень покладистым. Будет ли он таким в жизни?!

А. Берштейн

«Я НЕ ВИЖУ ВЫХОДА»

О новой книге Стюарта Чейза — «Люди и машины»¹

Стюарт Чейз принадлежит к категории самостоятельно мыслящих американских экономистов. Эта самостоятельность мышления, однако, никогда не направляется и навряд ли когда-нибудь будет направлена против капитализма как формы организации общественного производства вообще и против американского капитализма в частности. Наоборот, задачи этой группы экономистов сводятся к усилению капиталистической системы, и лучшим способом разрешения этой задачи эта группа считает не огульное восхваление достижений американского капитализма, а критический анализ его противоречий, несовершенств и недостатков. Это — своеобразная «капиталистическая самокритика», результатом которой должно быть укрепление капиталистической системы. Эту задачу субъективно ставил перед собой Чейз в своих предыдущих работах «The tragedy of Waste» и «Your mo-

¹ «Men and Machines», by Stuart Chase, New York, Mac Millan Company, 1929, p. 354. Price shill. 2.50.

ney's Worth² и в своей статье о Госплане в сборнике «Soviet Russia in the second Decade». Прекрасная статья Чейза о Госплане отнюдь не имела своей целью подчеркнуть преимущества системы планового хозяйства перед алархией и бесплановостью капиталистической системы. Нет, она должна была побудить руководителей американского капитализма включить в свою систему лишь некоторые элементы плановости, заимствованные из десятилетнего опыта планирования советского хозяйства. Еще резче выразил эту мысль другой представитель этой группы д-р Луи Лорвин, профессор Вашингтонского экономического института, в своей речи на годичном конгрессе Ассоциации американских экономистов в декабре 1928 г. «Я не думаю,—сказал он,—что в отношении русского эксперимента Америка должна усвоить политику пассивного выживания... Я рекомендовал бы действие, немедленное участие в обсуждении проблемы планирования и контроля народного хозяйства» (американского—И. П.)³. Один из наиболее ярких представителей этой группы—профессор Чикагского университета Пауль Догдас—недавно вошел вице-президентом Лиги независимого политического действия, инициативной группы по организации новой политической партии. Лига возглавляется популярным профессором философии Джоном Дюп, и ее задачи определяются так: «Построить новую партию, которая могла бы сравниться с рабочей партией в Великобритании»⁴. Функциональное значение британской рабочей партии хорошо известно советскому читателю, она должна укрепить английский капитализм; ту же работу по укреплению капитализма американского собирается выполнить ее младшая сестра.

Объективные результаты работ этой группы, Чейза в особенности, идут гораздо дальше их субъективных устремлений. Критикуя с целью поправить, они вскрывают вещи, в пределах системы непоправимые, вскрывают внутреннюю противоречивость самой системы. В этом интерес работы Чейза для советского читателя. Но противоречие между субъективным устремлением автора и объективным результатом его работы не следует, однако, упускать из виду, хотя бы для того, чтобы не обольщаться внешним радикализмом его фразеологии и сохранить правильный критерий в оценке роли Чейза и его группы в общественно-политическом движении Соединенных Штатов.

* * *

Чейз поставил себе целью выяснить влияние и роль машины почти во всех областях общественной жизни, но от многого пришлось отказаться отчасти по причине отсутствия достаточных материалов, отчасти, быть может, потому, что самый вопрос и ответ на него безразличен. Например, что хуже, быть Вэббиттом или членом индийского клана? Можно заранее ответить, что и то и другое одинаково плохо. На ответы, данные им на другие вопросы, Чейз сам просит смотреть как на предварительные, как на «начало лучшего понимания машины».

Уже с первых страниц книги становится ясным, что название «Люди и машины» дано ей не случайно. Оно в концентрированном виде выражает основную установку автора, который склонен рассматривать машины вообще, вне общественной формы их применения, и влияние машины на людей не только при определенных социальных отношениях, но на людей вообще, на human beings, на человеческие существа как биологические индивидуумы. Естественно, поэтому, что машину он мыслит как вещь в себе, развивающуюся по своим собственным, ей одной присущим законам. «Машины усвоили свой собственный темп, свой процесс

² Обе эти работы переведены на русский язык. См. «Трагедия расточительности» и «Как растрачиваются деньги потребителя» ГИЗ, М.—Л. 1927.

³ «The American Economic Review», vol XIX, № 1, March 1929, p. 120.

⁴ «N. Y. Times», 29/IX 1929.

роста, отбора и унаследования функций, которые по всем целям и намерениям носили биологический характер. Машины зачали машины и начали плодиться и размножаться по своим собственным законам. Человеческие существа, столь заботливо вскормившие их, проснулись и нашли себя в окружении новой расы дпких и опасных зверей, господствующих над ними» (с. 10).

Метафора? Вот продолжение той же мысли: «производство продолжает увеличиваться вне соответствия с каким бы то ни было спросом, под одним только давлением механической эволюции... по мере того, как автоматичность машин усиливается,— а это закон их развития — положение становится хуже... машины истощили естественные ресурсы, разрушили красоты природы, создали огромные города, приспособленные к их, машин, собственным потребностям и совершенно неприспособленные к потребностям людей, которые, увы, должны жить вне этих городов» (с. 13).

Вот что сделали жестокие машины! Не надо воспринимать это чересчур просто. Чейз несомненно читал Маркса, знает главу о товарном фетишизме и теоретически догадывается, что «здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом». Но одно дело — теоретическое знание, а другое — глубокое, до дна, понимание механизма и структуры капиталистического строя, — понимание, которое дается не одним только чтением Маркса, но повседневным участием в борьбе против капитализма. В таком участии Чейз пока еще не повинен, и поэтому над ним полностью довлеют фетишистские представления товарно-капиталистического хозяйства — да еще столь мощного! — и оттирают на задворки сознания теоретические уроки, почерпнутые из чтения главы о товарном фетишизме.

Вся дальнейшая история человечества представляется Чейзу результатом победного марша машины, как существа, одаренного своим собственным разумом. Когда был изобретен ткацкий станок, образовалось несоответствие между процессом ткачества и прядения «прядильщики не могли поспевать за ткачами. Изобретение неизбежно попыталось устранить это несоответствие, закрыть эту щель (to close the gap). Промышленная революция есть не что иное, как сплошная борьба за устранение технологических несоответствий» (с. 71).

Конечно, Чейз и его друзья храбры, страшно храбры. Машина в капиталистическом обществе поработила миллионы людей, мужчин, женщин и детей в самом нежном возрасте. Всех их поработил капиталист через машину. Но не таков Чейз. Его не поработишь. Когда раз будильник — тоже с позволения сказать машина — захотел поработить его, Чейза, сломить его свободную волю американского радикала, он выбросил будильник за окно. Вот что он сделал! Чейз не хуже нашего знает, что миллионы рабочих, поработенных машиной, миллионы автоматизированных людей (работс — как он их называет) не могут поступить так со своими «поработителями». Они когда-нибудь поступят так с теми, кто стоит за ними, — но об этом ниже. Не могла так же поступить по Чейзу та юная девушка с Шанхайской текстильной фабрики, которую утром нашли возле машины мертвой с раздробленным черепом. Об этом рассказывает Чейз, и нам не трудно представить себе, как ей хотелось спать и как ее страшно беспокоила машина, — не меньше, чем будильник Чейза. Как же понять историю с будильником? Что это — глухость или вульгарная шутка? Ни то, ни другое. Чейз — тонкий человек и образованный экономист, Чейз — несомненно умел и бесспорно талантлив. В этом советский читатель мог убедиться из его предыдущих работ, уже переведенных на русский язык, и лишний раз убедится из этой работы, которую также нужно издать в русском переводе. В чем же дело?

Чейз слишком увлекся своей свободой. Его «свобода» от средств производства, его пребывание вне непосредственного процесса производства ценности создала иллюзию абсолютной свободы, позволяющей делать ему все что угодно, вплоть до

вышвыривания будильника. Он забывает при этом, что свобода предоставлена ему именно потому, что он бессилён и в своём бессилии безвреден. Руководящие мужи американского капитализма смотрят сквозь пальцы на все выходки своих радикалов по той причине, что всем хорошо известно, что при существующем положении вещей американский радикализм ничего изменить не может. Более того, своей критикой он помогает укреплять систему и поэтому он не только безвреден, но даже полезен.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Хотя Чейз, как мы видели, теоретически не охватывает капиталистическую систему, он все же эмпирически ее наблюдает, не может пройти мимо нее. Цифрами и фактами он пытается установить «социальный эффект машины». На основании огромного фактического материала он приходит к следующим выводам: первоначальное влияние машины выразилось в физической и умственной травме рабочего класса. Век машины его убивал, изувечивал, заражал и отравлял в такой степени, в какой этого не удалось сделать никакой другой культуре. Он имеет при этом в виду первые годы промышленной революции в Англии. Но это давно уже в прошлом. В настоящий момент положение промышленного рабочего улучшается. Он живет дольше, меньше страдает от болезней, работает меньше, и его доля участия в удобствах цивилизованной жизни возрастает. Правда, в Соединенных Штатах, начиная с 1920 года, число несчастных случаев на производстве увеличилось, но Чейз полагает, что это—явление временное.

Оставим в стороне вопрос о несчастных случаях, о рабочем дне и сосредоточим свое внимание на основном. Действительно ли увеличилась доля рабочего класса в пользовании благами цивилизации?—Разумеется, первой важности здесь вопрос о заработной плате. Хорошо известно, что квалифицированные рабочие в Соединенных Штатах оплачиваются относительно очень высоко, гораздо выше, чем в других, даже самых богатых капиталистических странах Европы. Но мистер Чейз, конечно, имеет в виду не только сегодняшний день. Он пытается установить динамику развития капиталистического хозяйства; и проследившая динамику, он не может не прийти к выводу, что число неквалифицированных рабочих и их процент к общему числу занятых рабочих из года в год все больше и больше увеличивается. По цензу 1920 г. из 7 972 тыс. фабрично-заводских рабочих неквалифицированных насчитывалось 4 278 тыс., или 53,7%. Если прибавить к фабричным рабочим рабочих, занятых на транспорте, в горном деле, земледелии и лесоводстве, то общее число неквалифицированных рабочих составит для 1920 г. около 8 млн. человек. С тех пор прошло 9 лет, в течение которых индустриализация сделала как раз самые большие успехи, и не может быть никакого сомнения в том, что процент неквалифицированных рабочих в настоящий момент гораздо выше.

Какова же динамика заработной платы этой части рабочего класса? Если мы сопоставим индекс реальной заработной платы за два пятилетия: 1895—1899 (период наиболее высокой заработной платы за годы 1890—1920) и 1920—1924, то мы найдем, что среднее за первое пятилетие составляло 114,2, а за второе пятилетие—115, что дает увеличение реальной заработной платы только на 0,8%. Автор специальной работы о заработной плате неквалифицированных рабочих, у которого мы заимствуем эти данные, не склонен считать это увеличение реальным. «В прежние годы,—говорит он,—заработная плата неквалифицированных рабочих дополнялась доходами от огородничества, садоводства и т. д. За последнюю четверть века наши неквалифицированные рабочие стали преимущественно город-

скими жителями... Нужно также учесть все увеличивающееся колебание в постоянстве занятости» ⁵.

Таким образом, данные о движении заработной платы неквалифицированных рабочих за последние 35 лет опровергают утверждение Чейза об улучшении положения рабочего класса или, по меньшей мере, об улучшении положения значительной его части.

В абсолютных цифрах номинальная заработная плата колебалась в последние годы от 10 до 37 долл. в неделю, как это усматривается из приводимой ниже таблицы ⁶:

Средний недельный заработок чернорабочего разных отраслей промышленности в разных районах.

Отрасли промышленности.	Среднее число часов в неделю.	Самая высокая оплата труда.	Средний недельный заработок в шилл.	
			Высшая оплата труда.	Средняя оплата труда.
Лесная промышленность (1925)	57.5	10.48	25.27	17.77
Бойни (все отделения) (1925)	59.2	17.04	25.34	21.35
Камвольная промышленность (1926)	49.4	20.77	27.82	21.98
Ремонтные мастерские (1925)	50.6	11.78	25.32	23.07
Картошные фабрики (1925)	56.7	13.37	28.05	23.99
Домны (1925)	62.4	16.14	27.72	24.34
Литейная промышленность (1925)	52.5	14.37	28.67	25.25
Автомобильная промышленность (1925)	50.4	24.02	30.25	28.73
Битуминозные шахты (1926):				
шахтеры	—	10.34	33.90	22.78
Рабочие на поверхности	—	11.03	37.69	23.58
Аптрацитовые шахты (1924):				
шахтеры	—	—	—	29.42
Рабочие на поверхности	—	—	—	29.45
Металлопосыльные руды (1924):				
шахтеры	52.1	19.80	27.73	22.04
Железнодорожная промышленность (1926):				
рабочие по ремонту пути	47.5	—	—	17.00

Низкий уровень оплаты труда неквалифицированных рабочих обратил на себя внимание даже бывшего президента Кулиджа, который как-то вынужден был заявить: «В то время как мы достигли наивысшего из существовавших до сих пор уровня благосостояния, мы имеем значительную группу неквалифицированных рабочих, которые не принимают полного участия в благосостоянии и богатстве страны».

Министр труда Дейвис указал, что «число рабочих, которые вместе со своими семьями и лицами, находящимися на их иждивении, не наслаждаются достигнутым благосостоянием страны,—составляет цифру в 10—15 млн. человек» ⁷.

Приведенные выше данные о заработной плате неквалифицированных рабочих являются только средними данными, и всякий, знакомый с положением америкал-

⁶ «The wages of Unskilled labour in manufacturing industries in the United States», by Whitney Coombs, New York, 1926, p. 119, 123.

⁷ «Monthly Labour Review», vol. XXV, № 2, August 1927.

⁸ Там же.

ского рабочего класса, подтвердит, что в ряде случаев по некоторым районам в отдельных отраслях промышленности фактически получаемая заработная плата ниже этого уровня. В штате Джорджия на хлопчатобумажных фабриках рабочие получают за 11-часовой рабочий день 3,5 долл. в неделю (три доллара пятьдесят центов в неделю!), 10 — 8 долл. в неделю при 11—12-часовом рабочем дне является самым обычным явлением на хлопчатобумажных фабриках Юга и, наоборот, редко можно найти рабочего, чей труд оплачивался бы в среднем 25 долл. в неделю ⁸.

То же верно и в отношении рабочего дня. Из приведенной выше таблицы мы видели, что рабочий день колеблется от 47 до 62 рабочих часов в неделю по различным районам и в различных отраслях промышленности; в некоторых штатах этот рабочий день еще длиннее. По закону рабочий день в Северной Каролине и Джорджии ограничен 65-часовой рабочей неделей, в Южной Каролине—55, Алабама никаких ограничений не знает. Фактически рабочий день еще длиннее.

Но, скажут нам, текстильная промышленность не показательна. Это не совсем верно. Можно было бы считать непоказательной текстильную промышленность Новой Англии, которая давно уже переживает тяжелый кризис, но это не верно в отношении текстильной промышленности Юга, которая сейчас переживает эпоху своего расцвета. Но мы готовы согласиться с этим возражением и оставить в стороне текстильную промышленность, а заодно с ней угольную промышленность в Пенсильвании, серебряные и медные рудники в Колорадо, — одним словом, согласны оставить в стороне все депрессивные отрасли промышленности, пройти мимо «пятен» и сосредоточить свое внимание только на цветущих отраслях американской промышленности.

Не может быть двух мнений о том, что самая цветущая промышленность за последнюю четверть века, а после войны в особенности, была промышленность автомобильная, и естественно было бы предположить, что как раз для этой отрасли промышленности оправдаются утверждения Чейза и многих других о росте заработной платы. Это, однако, не так. Если для 1919 года принять реальную заработную плату всех автомобильных рабочих (здесь речь уж идет не об одних только неквалифицированных) за сто, то в 1920 г. она составляла 80; в 1921 г. — 83; в 1922 г. — 96; в 1927 г. — 94 ⁹.

Реальная заработная плата не показывает никакой тенденции к увеличению; наоборот — она уменьшается, и это особенно поразительно, если вспомнить при этом об огромнейших, совершенно баснословных прибылях, которые получали американские автомобильные промышленники после войны. Мы уже не говорим здесь о перерывах в работе, о сдельной оплате труда, о возросшей интенсивности труда и т. д.

Перейдем к другой цветущей отрасли промышленности — к шелковой. Ее рост за послевоенные годы превосходит, пожалуй, рост автомобильной промышленности. В трех основных центрах шелковой промышленности соотношение между стоимостью жизни и средним заработком всех рабочих — квалифицированных — и неквалифицированных представляется в следующем виде (в долларах):

Город.	Стоимость жизни.	Годовой средний заработок.	Ежегодный дефицит.
Патерсон, Нью-Джерси .	2 188	1 326	— 842
Филадельфия, Пенсильвания	2 402	1 044	— 1 358
Скрентон	2 188	770	— 1 418 ¹⁰ .

⁸ См. «Labour in Southern Cotton Mills», by Paul Blanshard, New York, 1927, p. 16.

⁹ «Labour and Automobils», by Robert W. Dunn, New York, 1929, p. 121.

¹⁰ «Labour and Silk», by Grace Hutchins New York, 1929, p. 113.

Это несоответствие между стоимостью жизни и средним заработком, с минусом на стороне последнего, имеет место, разумеется, не только в отношении рабочих шелковой промышленности. Стоимость жизни в 10 крупных городах Соединенных Штатов для рабочей семьи, состоящей из 5 человек: отца, матери и 3 детей, колеблется (летом 1926 г.) между 2 062 долл. (Скэпэктэди) и 2 656 долл. (Лос-Анжелос); среднюю между этими пунктами даст Нью-Йорк со стоимостью жизни в 2 324 долл. в год. Таким образом, даже предельные размеры доходов неквалифицированных рабочих (1 900—2 000 долл. в год) недостаточны для того, чтобы прожить с семьей.

Это обстоятельство неизбежно приводит к тому, что число женщин и детей, вовлекаемых в промышленный труд, из года в год становится все большим и большим. По данным цензов процент женщин, занятых в промышленности, составлял в 1890 г. всего 18,9; в 1900 г.—20,6; в 1910 г.—25,4; в 1920 г.—23,7. Можно не сомневаться, что перепись 1930 г. даст дальнейшее увеличение числа женщин, занятых промышленным трудом. Это—не случайное обстоятельство. Оно указывает на то, что заработной платы главы семьи хватает для прокормления всей семьи, и жена, а очень часто и старшие члены семьи, вынуждены участвовать в содержании семьи своим собственным трудом. Из числа женщин, занятых в промышленности, процент замужних женщин составлял по данным переписей для тех же лет соответственно—4,6; 5,6; 10,7 и 9%¹¹. То же самое имеет место и в отношении детского труда, на котором размеры статьи препятствуют нам здесь остановиться. Между тем было бы крайне полезно сообщить об этом советским рабочим. Разумеется, дело здесь не в развенчивании Америки, да как ее развенчаешь? Цифры и факты говорят сами за себя. Америка—самая богатая страна в мире. Ее промышленная и финансовая мощь исключительны, прожиточный уровень ее населения выше, чем во всех странах Европы. Но—Америка капиталистическая страна, и как во всякой капиталистической стране—«накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки, труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт—капитал». Вот эту совершенно бесспорную истину мы, убаюканные воспеванием американского процветания, подчас склонны забывать.

Америка—страна величайшей материальной культуры, благами которой якобы пользуются все. Чейз хочет нас уверить, что участие рабочего класса в пользовании благами цивилизации также увеличилось. Это не так. Мистер Чейз ошибается здесь. Мы видели, что заработная плата американского рабочего не увеличилась.

Перейдем сейчас к совершенно конкретным вещам. В Америке 25 млн. автомобилей. Статистика говорит нам, что в среднем на каждые 3 души приходится 1 автомобиль. Но уже давно известно, что—«среднее—игра в цифирки». Специальное обследование чикагских рабочих¹² показывает нам, что 97% семей обследованных рабочих не имеют автомобилей и лишь 3% имеют. Как это далеко от «средней»! Не трудно догадаться, какой именно машиной располагают семьи рабочих. Это подержанный фордик, который можно купить за 25, а иной раз даже за 10 долларов.

В Америке 10 млн. радиоустановок. 93% обследованных рабочих семей не имеют радиоустановок. В Америке 25 млн. телефонов. 80% рабочих семей не имеют телефонов. Америка—страна, в которой, как поверхностные наблюдатели сообщают нам¹³, каждая квартира снабжена ванной. Ванна, хотя и уверить нас,

¹¹ «Women's Bureau Bulletin» 46, Facts about Working Women. 1925, p. 34.

¹² «The Income and Standard of living of Unskilled Labourers in Chicago», by Leila Heughteling, Chicago, 1927, p. 119—121.

¹³ См. книгу Дорфмана, В стране рекордных чисел.

является мерилом, отлпчающим американскую культуру от европейской. 57,5% обследованных рабочих семей не имеют вапп. Америка — богатейшая страна в мире; у каждого там чековал книжка, на которой числится весьма приятно округленная сумма; 69% обследованных рабочих семей не имеют никаких сбережений, 31% имеют сбережения. Цифра индивидуальных сбережений колеблется от 50 до 500 долл. Нетрудно понять, что при отсутствии социального страхования в стране такая сумма сбережений является личной гарантией на случай болезни, безработицы п т. д.

Этим дело не псчерчивается. «Как странно—удивляется Чейз—столь огромное увелпчение количества машин и сколь огромное уменьшение досужих дней; больше механической силы, меньше досуга». Можно лишь вновь задать тот вопрос, который когда-то смущал Джона Стюарта Милля: «сколько труда сберегающая труд машина действительно сберегает?» Чейз несколько поздно задал этот вопрос, на который уже давно дал ответ Марксом: «Перед капиталистически-применяемыми машинами вовсе не ставится такой цели. Подобно всем другим методам развития производительной силы труда, они должны удешевлять товар, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя и, таким образом, удлинять другую часть его рабочего дня, которую он даром отдает капиталисту. Машина—средство производства прибавочной стоимости».

XX век привел нас к относительно-новым явлениям — не только больше машин и больше труда для отдельного рабочего, но больше машин и меньше уверенности в постоянстве труда; меньше труда для рабочего класса в целом. Между 1923 г. и 1928 г. общее число фабричных рабочих уменьшилось на 1 250 тыс. человек. Их вытеснила машина или, как Чейз выражается, «мистер Телевокс (механический человек) постоянно влезает в их сапоги». Чейз пытается ослабить впечатление от постоянного сокращения числа активно-занятых рабочих: «Мы видим,— говорит он, — фабрику, постоянно вытесняющую своих рабочих, но мы забываем, что эти люди по существу только обегают кругом и опять-таки вскарабкиваются на какой-нибудь товар во время его движения от фабричных дверей до конечного потребителя». Чейз хочет нас уверить, что это вскарабкивание — страшно легкое дело. Это не так; и Чейз это не хуже нашего знает, ибо он цитирует те же материалы, которые мы приведем сейчас, опуская лишь места, явно-противоречащие его утверждению.

Недавно произведенное анкетное обследование безработных пришло к следующим выводам: во-первых, увольняемые рабочие не легко находят себе новую работу—45% в момент обследования еще не нашли работу; во-вторых, даже те, которые нашли новую работу, нашли ее с большими трудностями: лишь 11.5% были без работы меньше месяца, и больше 50% были без работы более 3-х месяцев, раньше чем они опять были поглощены промышленностью; в-третьих, рабочие, уволенные из одной отрасли промышленности, переходят на другое производство, отличающееся от того, в котором они были заняты раньше¹⁴. Что означает последнее обстоятельство? Оно означает, что даже безработные, вновь нашедшие себе занятие, оплачиваются гораздо ниже, чем на месте своей старой работы.

Все это вместе взятое — большой рабочий день, низкая и понижающаяся заработная плата и постоянная безработица — указывает на то, что положение рабочего класса в годы наибольшего распространения машины не улучшилось. Это в значительной степени верно в применении даже к квалифицированным американским рабочим, о высокой заработной плате которых мы так много слышим. В свете той безработицы, которая в Америке превратилась из конъюнктурной в структурную (это бесспорно является самым характерным показателем развития

¹⁴ «The absorption of the unemployed by american industry», by Isador Lubin, Washington, 1929, p. 15.

американского хозяйства в послевоенные годы), вопрос о высокой заработной плате квалифицированных рабочих должен быть поставлен иначе. Даже «American Federationist» — орган американской федерации труда — вынужден был как-то оговориться: «Многое мы слышим о высокой заработной плате в строительной промышленности, но забываем при этом, что строительные рабочие 3 или 4 месяца в году остаются безработными»¹⁵. Это положение применимо, конечно, ко всем другим видам труда.

Является ли все это притуплением или обострением классовых противоречий? — Ответ ясен.

Чтобы покончить с вопросом о социальных результатах капиталистической индустриализации, нужно отметить один интересный момент, являющийся крайне характерным для американского хозяйства последних лет. Мы видели выше, что число фабрично-заводских рабочих постоянно сокращается. Куда деваются вытесняемые из производства рабочие? Они поглощаются другими отраслями промышленности. Разумеется, это поглощение происходит весьма болезненно. Об этом нам уже рассказал доктор Любин¹⁶. Но с большими трудностями это поглощение все же происходит. Какие отрасли народного хозяйства поглощают рабочих? Чейз рассказывает нам об этом следующее: «Отели, институты красоты, парикмахерские, кинематографы, страховые общества, гаражи, похоронное бюро, продавцы соды и... контрабандное производство и продажа спиртных напитков (бутлеринг)». Эта последняя отрасль промышленности, по некоторым официальным исчислениям, поглотила в период 1920—1928 гг. полмиллиона рабочих. Это — официальная цифра министерства торговли САСШ. Можно было бы сказать, что если «бутлеринг» считается отраслью народного хозяйства, поглощающей безработных, то в Чикаго, по всей вероятности, не осталось ни одного безработного, ибо они все ушли в бандитские шайки. Чейз даже не понимает, что самый рост преступности, который в некоторых пунктах страны достиг колоссальных размеров, является функцией каких-то глубоких изменений в структуре американского хозяйства, в частности функцией безработицы. Но если даже отвлечься от преступности — в цветущем состоянии находятся отрасли промышленности не производящие, а распределяющие товары и услуги, и это очень грозный симптом, обнаруживающий элементы разложения, рантберства в народном хозяйстве САСШ.

Каков конечный вывод для всего народного хозяйства в целом? Распространение машин невероятно повысило производительность труда и увеличило физический объем продукции. Если объем промышленной продукции принять в 1914 г. за 100, то в 1927 г. он составит 170, в то же самое время число занятых рабочих за те же годы составит 100 и 115. Вместе с относительным сокращением числа занятых рабочих происходит и уменьшение заработной платы; а это означает абсолютное уменьшение душевой покупательной способности внутреннего рынка и еще большее понижение покупательной способности по отношению к возросшей продукции страны. Это обстоятельство остро ставит вопрос о внешних рынках, который, таким образом, непосредственно вытекает из развивающихся производственных и классовых противоречий внутри национального капитализма, в частности американского, о котором здесь идет речь.

«ОБВАЛИВАЮЩИЙСЯ ДОМ»

В главе под этим выразительным заголовком Чейз задается целью выяснить результаты механизации не только для отдельного класса капиталистического общества, но для всей капиталистической системы. Он сосредоточивает свое внимание па двух моментах: на расщепленности труда и на истощении естественных ре-

¹⁵ «American Federationist», February 1928, p. 189.

¹⁶ См. вашу заметку в «Торгово-промышленной газете» от 3 ноября 1929 (№ 255).

сурсов. Первому он придает, пожалуй, больше значения, чем второму. Что это значит — расщепленность труда? Адам Смит ввел в экономическую терминологию «разделение труда». По это было характерно для начальных шагов современного капитализма. Сейчас нужно уже говорить о расщеплении труда — о превращении каждого производственного момента в ряд мельчайших сугубо специальных и тонких функций. Для самой капиталистической системы это представляет огромную опасность. Группа в 5—10 человек, держащая в своих руках жизненный нерв города с его телефонной сетью, электрическими станциями, водопроводом и подземными железными дорогами, может остановить жизнь современного города в один момент, а сугубая специализация лишает возможности заместить этих лиц другими. «Англия,— рассказывает нам Чейз,— испытала влияние этой расщепленности труда во всеобщей стачке 1926 г. К счастью для правительства, основные нервы не были перерезаны. Если бы это случилось, скажем, остановись водяное снабжение Лондона,— правительство вынуждено было бы в несколько часов стать на колени. Когда-нибудь «ожесточенное» рабочее движение или даже небольшая группа рабочих может этот нерв перерезать. Когда-нибудь борьба между двумя промышленными группами может перерезать этот нерв. Когда-нибудь землетрясение может сделать то же» (с. 300).

Как странно, что Чейз опасается не только «ожесточенного» рабочего движения или небольшой группы рабочих, но и обостренной конкурентной борьбы между двумя промышленными группами. В эпоху «организованной бесхозяйственности» это звучит даже немножко страшно. Нечто противоположное этому, по интерпретации Чейза, спасло русскую революцию. Почему белая армия не была в состоянии подчинить себе революционную Россию? Это объясняется тем, что жизненные нервы России были относительно немногочисленны. Каждая деревня в отдельности могла поддержать сама себя. Но это невозможно сейчас для современных Соединенных Штатов.

Та машина, которая способствовала возникновению и развитию капиталистической системы, повернулась сейчас своим обратным концом против самой системы. Развитие машин достигло такой ступени, что начинает угрожать существованию самой системы. Как быть, что делать? На этот вопрос Чейз не дает ответа, или, вернее, он дает ответ, когда по другому случаю говорит: «Я не вижу выхода».

Другой момент — это то, что в погоне за высокими прибылями, в погоне за дешевым сырьем для промышленности — капитализм хищнически применяет механический способ добычи сырья, что приводит к истощению естественных ресурсов страны. Нефти, по некоторым пессимистическим оценкам, хватит еще на 6 лет (начиная с 1927 г.). Некоторые оптимисты считают, что ее хватит еще на 15,—а быть может даже на 20 лет. Высокосортная железная руда — накануне истощения, медные руды истощатся в течение нынешнего поколения, леса вырублены, рыбные богатства уничтожены. Дом обваливается — и все это сделало капиталистическое применение машины. «Я не в восторге, — заключает Чейз, — от этой формулы, «что-нибудь будет найдено», я знаю все о чудесах науки и кой-что о ее величественных провалах и я спрашиваю вас, джентльмены, — что именно и какой ценой будет найдено?» (разумеется, чтобы заместить истощенные и истощаемые естественные богатства страны).

«ВСЕ БИЗНЕС БУДЕТ ЗАКОНЧЕН В ДВА ЧАСА»

Поиски внешних рынков как результат внутреннего несоответствия между покупательной способностью населения и возросшей продукцией, стремление к дешевым источникам сырья как результат истощения своих собственных естественных ресурсов — неизбежно приводят к войне. Но это будет двухчасовая война. Франция сейчас в состоянии привести в действие по приказу, переданному по

радио, 4 тыс. аэропланов. Мистер Кенворти рассказывает нам о бомбе в 4 300 фунтов, которая может взорвать 1 тыс. кубических ярдов песка. Такая бомба, брошенная в Пякадилли, разрушит всю улицу.

...Война объявлена... Сигнал, один или два часа полета, некоторые маневры и... цивилизация, основанная Вильгельмом Завоевателем, — цивилизация, давшая миру Бэкона, Ньютона и Уатта, будет ликвидирована в каких-нибудь полчаса. Копчено, все погибло: Лондон, Ливерпуль, Манчестер, Ланкашир, Бристоль, Бирмингем, Лидс... не останется в живых ни крысы, ни таракана, ни клопа... Соединенные Штаты и Россия с их огромными территориями не могут быть уничтожены с такой быстротой, как другие великие державы, но стая аэропланов, поднявшаяся в Торонто (Канада), может как следует закончить Буффало, Rochester, Бостон, Нью-Йорк, Филадельфию, Балтимору, Вашингтон, Питсбург, Кливленд, Детройт и Чикаго в весьма короткое время. В особенности полно будет разрушение Нью-Йорка. Подвергнутые обстрелу сверху его мосты и туннели, его огромные небоскребы посыплются, как кегли, и граждане не успеют захватить свои чековые книжки, как они уж будут призваны в приемную комнату дежурного ангела...

«Я не вижу выхода. Нет ничего, что могло бы остановить это».

ГДЕ ВЫХОД?

«Перед нами три пути,— говорит Чейз,— мы можем плыть по течению, как мы это делаем сейчас; мы можем официально усвоить какую-нибудь простую формулу вроде «правительство крупного капитала» или «государственный социализм», и это будет попытка управлять дрейфующим при помощи игрушечного механизма; или мы можем стать лицом к лицу с усложненной запутанностью машины, не считывая ни на какую формулу, потому что ни одна адекватная формула не была создана, потому что не создано ничего, что могло бы руководить нами, кроме нашего обнаженного ума и нашей воли к победе».

«Судьба, увы, предсказывает первое. Россия испробовала тщетность второго пути. Формула Маркса уступила дорогу новой экономической политике, которая есть лишь иное название для прагматизма. Третий путь — наибольшая авантюра, самая дерзкая, самая развеселая и самая опасная авантюра, которая когда-либо бросала вызов духу и разуму человечества. Из умов наших вышел миллиард коней, сейчас дикорыскающих на свободе, и можно почти с уверенностью сказать, что раньше или позже они начнут уничтожать все на своем пути. Где всадники с развевающимися плащами? Где легкие сердцем юноши, которые могли бы возвыситься, упасть и подняться, чтобы возвыситься вновь?»

Этим криком отчаяния Чейз кончает свою книгу. Выхода нет. Приходится плыть по течению, так же, как это делается сейчас, высккивать всадников с развевающимися плащами или юношей, легких сердцем. Где их найти—Чейз не указывает. Он даже не ждет, что кто-нибудь ему укажет их местопребывание.

Чейз неоднократно был в Советском Союзе. Мы приглашаем его после тщательных и тщетных розысков легких сердцем юношей приехать к нам опять. Его поиски продлятся должно быть несколько лет. Когда он окончательно убедится в их неудаче — выполнение пятнадцатилетнего плана будет подходить к концу. К этому времени желателен приезд Чейза в СССР. Он убедится, что новая экономическая политика не есть иное название для прагматизма, что эта «политика практических возможностей» привела, а в дальнейшем приведет еще больше, к вытеснению капитала из его последних убежищ. И тогда Чейз увидит, где и в чем выход.

* * *

Закрываешь талантливую книгу Чейза с единственным желанием поскорее увидеть ее переведенной на русский язык, возможно скорее сделать ее доступной

широким слоям советской читательской массы. В ней, несмотря на ошибки, оговорить которые нетрудно, так много цифр и фактов, иллюстрирующих и утверждающих наш тезис об индустриализации капиталистической и социалистической. Партийный пропагандист, лектор, журналист—каждый из них найдет в ней много интересного и яркого материала, четких формулировок и бессильную констатацию безысходных противоречий капиталистической системы.

Слово предоставляется Госиздату.

И. М. Павлов

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗОВАННОГО КАПИТАЛИЗМА

Ниже помещается окончание краткого изложения выступлений¹, состоявшихся в заседаниях Института мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической академии 12, 19 и 26 октября с. г.²

ДОКЛАД т. М. ГЕРЦБАХА

УЛЬТРАИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОНОПОЛИИ

Ультраимпериализм является одним из конститутивных элементов с.-д. теории «организованного капитализма». Эта теория сводится к тому, что развитие ведет к созданию единого, всеобщего картеля, единого сверхтреста, устраняющего международные противоречия и военную опасность.

Каутский в своих довоенных статьях неоднократно подчеркивает, что эпоха ультраимпериализма мыслима, но осуществима ли она — за это он не ручается.

В настоящее время с.-д. говорят с большей определенностью. В одном из своих последних трудов Каутский заявляет: «Мы вступили в период международных картелей и трестов, интернациональных организаций финансового капитала, которые воздействуют на внешнюю политику великих держав»; или, иными словами, здесь определенно говорится о том, что мы уже вступили в эпоху ультраимпериализма.

Каутский в данном случае формулирует социал-демократическую концепцию послевоенного капитализма и империализма с развитием идей ультраимпериализма, идей возможного мирного дележа мира кучкой империалистов. Из этих представлений с.-д. делают выводы о хозяйственной демократии во всем мире.

Ультраимпериалистическая теория исходит из предпосылок об уничтожении конкуренции в мировом масштабе. Однако, если взглянуть на наиболее монополизированные отрасли мирового хозяйства, то всюду можно обнаружить бешеную борьбу, происходящую в разных формах, скрытую иногда картельными или трестовскими соглашениями, иногда конвенциями. Мы видим также острую борьбу как между самими картелями, так и между отдельными промышленными международными картелями и аутсайдерами. Для механизма современного капитализма характерно, что повышение монопольных цен вызывает повышение количества аутсайдеров. Мы имеем также напряженную борьбу субститутов, т. е. одних отраслей промышленности или новых продуктов, которые вытесняют старые.

Итак, основной тезис теоретиков ультраимпериализма относительно уничтожения конкуренции неверен. Теория ультраимпериализма неверна и по другой причине, ибо она абстрагируется от закона неравномерного развития капитализма. Ленин неоднократно указывает на то, что возможны и национальные и международные соглашения между монополистами, но эти соглашения носят временный характер, ибо они основаны на постоянно изменяющемся соотношении сил. Существует и неизбежна определенная неравномерность в развитии отдельных капиталистических стран и отдельных отраслей производства; это забывает т. Бухарин, абстрагируясь от данного закона и внутри отдельных капиталистических стран и на международном масштабе.

Ультраимпериалистическая теория тесно связана с теорией уменьшения военной опасности в эпоху роста монополии. Социал-демократы спекулируют на этом. Они указывают, что международное переплетение капиталов не ускоряет, а отодвигает военную опасность. Между тем факт существования международных монополий до войны бьет эти социал-демократические утверждения.

¹ Текст изложения согласован с каждым из ораторов.

² Начало см. «Проблемы экономики» № 9. Полная стенограмма находится в печати.

Владимир Ильич в своем сочинении «Крах II Интернационала» показывает, что интернационально переплетенный капитал делает прекрасные дела на вооружениях и что на факта интернационального переплетения капитала делать пафлистские выводы является прямым обманом масс.

И в настоящее время мы имеем ряд международных монополий в горной промышленности, в промышленности цветных металлов, в химической промышленности. Не случайно эти именно отрасли производства переплетены в международном масштабе. Это переплетение является следствием роста милитаризма. Утверждение, что международные монополии могут уменьшить военную опасность, является прямой изменой делу рабочего класса.

Владимир Ильич неоднократно подвергал эту теорию суровой критике, указывая на ее несоответствие с действительностью, на ее политический вред, теоретическую абсурдность. Он говорил: «Не поддается сомнению, что развитие идет в направлении к одному единственному тресту, всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр. — что непременно раньше, чем дело дойдет до „одного всемирного треста“, до „ультраимпериалистического всемирного объединения национальных финансовых капиталов“, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность» (Ленин, т. XVIII, с. 357). Целый ряд новых критических замечаний Ленина по данному вопросу мы имеем в новом издании «Империализма».

С внешней стороны бухаринская теория «организованного капитализма» в одной стране и каутский теория ультраимпериализма имеют ряд отличий. Организованный капитализм в форме единого госкапиталистического треста у т. Бухарина локализуется в рамках национального хозяйства. Здесь якобы исчезает проблема рынка, цен, кризиса, конкуренции; проблема иррациональной стихии заменяется проблемой рационального хозяйства. В области же мирового хозяйства имеет место обостренная борьба. Концепция т. Бухарина ведет к констатированию возможности универсального картеля, прекращающего борьбу национальных госкапиталистических трестов. Если закон неравномерного развития, делающий невозможным создание такого универсального картеля, преодолевается у т. Бухарина для отдельных стран, то нет основания полагать, что этот закон неравномерного развития не может быть, согласно концепции т. Бухарина, преодолен и в международном масштабе. Тезис т. Бухарина о борьбе между национальными сверхтрестами при прекращении борьбы внутри отдельных капиталистических стран — механистичен. Сам т. Бухарин чувствовал эту неувязку и в статье «Крушение капитализма», напечатанной в 1917 г. в «Спартаке», он заявляет: «как это ни странно, по организации внутри стран влечет за собой обострение анархической конкуренции между странами».

Тов. Бухарин абстрагируется от конкретной капиталистической действительности и от всей капиталистической системы в целом, ибо у него в организованном хозяйстве исчезает рыночная связь, вместе с рынком исчезает паемный труд и рабочая сила как товар, исчезает цена, закон стоимости — словом, все основные категории, присущие товарному хозяйству.

Тов. Бухарин пытается доказать, что организованный капитализм в отдельных странах не отменяет основных категорий капиталистической системы, ибо последние будут определяться мировым рынком. Но концепция т. Бухарина не исключает распространения процессов организации за рамки отдельных стран. Одно из двух: или остается в силе закон неравномерного развития капитализма как для мирового хозяйства в целом, так и для отдельных стран — тогда рухнет вся система национальных сверхтрестов; или же, согласно Бухарину, закон неравномерного развития потерял свое значение для отдельных капиталистических стран; но почему же тогда этот закон не может быть преодолен и в мировом масштабе? В действительности теория т. Бухарина допускает создание такого междунационального соглашения. В его книге «Экономика переходного периода» мы находим ту мысль, что внешним выражением организованного капитализма является уже не госкапиталистический трест в одной стране, а Лига наций и синдикат национальных сверхтрестов.

Итак, мы видим, что бухаринская теория организованного капитализма перерастает в каутский теорию ультраимпериализма.

ДОКЛАД т. ЛОУФ-БОХЕНА

НОВЫЕ ФОРМЫ КОНКУРЕНЦИИ В САСШ

При постановке проблемы о соотношении между монополистической формой капитализма и конкуренцией надо иметь в виду, что корнем вопроса является проблема образования цен при существовании монополий. В американской экономической и политической литературе доминирует — особенно у радикалов и прогрессистов — взгляд относительно неограниченной возможности со стороны треста влиять на цены. Этот взгляд опирается на постоянную практику трестов, на существовавших безграничных рыночных возможностях в период первого бурного развития трестов и на существующих и теперь возможностях в так называемых «новых отраслях» промышленности.

Вопрос ценообразования в эпоху монополий — крайне сложный вопрос. Взгляд на то, что тресты в состоянии стабилизировать цены, — неверен. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить ход послевойенных цен в САСШ на некоторые трестифицированные продукты, напр., на медь, железо, сталь, мясные продукты, нефть и т. д. Ход цен на медь в первые годы послевойенного периода обнаруживает длительные стадии «деморализации» цен. То же происходит и с ценами на консервное мяско и т. д.

Весь торгово-промышленный мир Америки жалуется на обострение конкуренции, на появление какой-то «новой» конкуренции. Важным фактором, влияющим на обострение конкуренции, является классовая борьба, вопросы заработной платы, рационализации и связанные с ней сдвиги в шталдортах промышленности. Не следует также упускать из виду продолжающуюся в той или иной форме борьбу между независимыми капиталистическими производителями и трестовскими организациями — между фермерами и организованным капиталом. Так, например, сепат в сентябре текущего года должен был вычеркнуть из нового таможенного закона существовавшую до сих пор привилегию в пользу крупнейшего мукомолова города Буффало на беспошлинный ввоз канадской пшеницы для мукомольных и экспортных целей; здесь общим интересам крупных мукомолов и канадских фермеров противопоставились американские пшеничные фермеры вместе с мукомолами западных провинций.

Сущность «новой конкуренции» заключается в том, что наряду с конкуренцией одинаковых отраслей промышленности мы имеем конкуренцию между отдельными отраслями разных видов промышленности. Внутренний же ее смысл заключается в противоречии между производственными возможностями и рыночными отношениями. Это противоречие создает то, что называется «борьбой за доллар потребителя» или «давлением распределения». Это «давление распределения» вызывает громадные издержки на рекламу и на весь аппарат продажи и ту борьбу внутри самой торгово-распределительной организации, которая является одним из наиболее характерных проявлений «новой конкуренции». Мы видим, как сплошь и рядом оптовые торговцы открывают сеть розничных магазинов, в ответ на что розничные магазины создают свою организацию по оптовой покупке. Промышленники стараются вытеснить оптовиков, организуя оптовую продажу непосредственно розничным торговцам. Наблюдаем и обратное явление, когда крупные оптовики или крупные розничные торговцы организуют свои собственные фабрики. Но как бы то ни было, замечается набухание распределительного аппарата. В этом явлении, а не в бюрократизме производственного аппарата, подчеркиваемом г. Бухариным, следует искать момент загнивания монополистического капитализма.

Эта «новая конкуренция» не устранила старой. Происходит конкурентная борьба между мощными производственными группами, которые в своей общности контролируют данную отрасль промышленности. Это вызвало появление выражения о «борьбе гигантов». Мы имеем и такие явления, что уже установившиеся быто соглашения мощных производителей относительно контроля цен на время являются расторгнувшими. Примером этой «борьбы гигантов» много. Это можно наблюдать и в транспортном деле, и в стальной промышленности, и в автомобильной индустрии и в нефтяной промышленности.

Эта «борьба гигантов» означает, что процесс трестификации еще не закончен. Устремление финансового капитала в сферу торговли, а также все усиливающаяся тенденция к образованию вертикальных трестов (в отличие от более раннего периода трестификации, когда последняя обнимала сырье и полуфабрикаты) являются формой дальнейшего процесса интеграции финансового капитала, в ходе развития которого мы находим те обострения внутренних противоречий, которые признает г. Бухарин. Это доказывает несостоятельность утверждения г. Бухарина о постепенном отмирании конкуренции и росте плановости внутри данного национального хозяйства в результате роста гигантских организаций.

Для выяснения этого вопроса следует сначала провести грань между динамикой самого капиталистического процесса производства, динамикой материального процесса аккумуляции (т. е. фактом концентрации и интеграции производства, его трестификации в горизонтальном и вертикальном направлении) и фактом интеграции финансового капитала, т. е. все растущим сплетением финансовых групп между собой, создающим одну финансовую олигархию. В различные моменты направления этих двух процессов не покрывают друг друга и между ними получаются противоречия. Говорить о плановости здесь не приходится. С одной стороны, подобные вертикальные тресты, составные части которых дополняют друг друга и являются одна потребителем другой, обнаруживают несовершенство своих составных частей. Эта несовершенство является выражением того факта, что создание комбинатов шло путем слияния различных созданных до того единиц, которые по своей мощности часто превосходят джуды комбината в целом. С другой стороны, мы имеем рост самого производственного гиганта, в силу которого он развивает производство побочных продуктов и далее идет к производству сырья и энергии. Эти факторы несут утопичной какую-либо плановую установку производства. К этим факторам следует еще прибавить неравномерность конъюнктуры в различных отраслях производства, которая срывает минимую плановость. Исходным пунктом этой «плановости» является не сознательное планирование хозяйства, а приспособление к ускользающим от регулирования рыночным факторам, улавливаемым смутно путем статистики.

Что касается вопроса о соотношении между финансовым капиталом и конкуренцией, то надо признать, что финансовый капитал захватывает все более и более все сферы национального хозяйства. В силу этого получается известная тенденция к созданию единого национального треста. Тов. Бухарин про це с этот понимает механически, и по диалектически, и поэтому у него исчезают внутренне противоречия этого процесса. Интеграция банкового капитала со всей промышленностью и торговлей страны в форме финансового контроля не означает стабилизации отношений в лагере самого финансового капитала. Мы имеем постоянные перегруппировки, возникновение новых групп в результате разложения мелких и средних предприятий и в связи с хозяйственным развитием отдельных территорий или новых отраслей промышленности. С другой стороны, мы имеем факты усадки или ослабления других финансовых групп в результате борьбы за контроль. Соглашения между этими финансовыми группами не могут быть, так как этот вопрос упирается в сущность всего процесса капиталистического производства и накопления (Одной из форм конкуренции является текучесть портфелей ценных бумаг).

Гораздо более важными являются непрерывные сдвиги конкурентного характера, создающиеся внутри страны в результате экспорта капитала и международной торговли вообще. Реальное деление т. Бухарина рынка на внутренний и мировой по отражает существующих отношений. Конкурентная борьба на мировом рынке не может не отразиться на внутренних рыночных отношениях.

Абстрактно теоретически возможен и национальный трест и международный трест. Но обе эти возможности обуславливают друг друга. Те же противоречия, которые стоят поперек реализации международного треста, стоят также поперек реализации национального треста.

Что касается вопроса о техническом прогрессе и монополии, то т. Бухарин моменты загнивания монополистического капитализма видит лишь в бюрократизме производственного аппарата. Между тем наличие технического прогресса указывает на то, что конкуренция не исчезает и является фактом этого прогресса техники. Но несмотря на это, мы видим явные моменты не только социального, но и производственного загнивания.

Проводимое т. Бухариным резкое разграничение между внутренними и внешними противоречиями может привести к идее о необходимости сосредоточить все внимание на международной политике и затушевать потому необходимость активной классовой борьбы с капиталом внутри страны. Однако классовая борьба на международной арене и классовая борьба внутри отдельных стран неразрывны — они дополняют и перерастают одна в другую.

Наконец, т. Бухарин указывает сам на то, что устанавливаемый им предел национальной трестификации, именно госкапитализм, является бы отрицанием всех категорий капитализма. Это отрицание он видит не в парастазии всех противоречий капитализма, а в уменьшении их. Этот путь — скляковский теоретически и политически.

П Р Е Н И Я

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. Е. ХМЕЛЬНИЦКОЙ

Между проблемой государственного капитализма и проблемой организованного капитализма существует непосредственная связь. Тенденция к госкапитализму представляет собой один из важнейших моментов эволюции современной капиталистической действительности, между тем как термин «организованный капитализм» представляет собой соединение двух взаимно исключяющих понятий. Лишь неправильное изображение явлений госкапитализма может под предлогом возникновения ошибочной теории организованного капитализма. Если мы подойдем к этому моменту — объективной тенденции перерастания капиталистического хозяйства в государственно-монополистическое, то надо обратиться к тем двум турам (по выражению т. Бухарина), которые госкапитализм проделал в истории развития капиталистического хозяйства. Первый тур воплощен в хозяйственной системе передовых капиталистических стран в эпоху мировой войны, второй тур разыгрывается на нынешнем этапе развития послевоенного капитализма. Но т. Бухарину выходит, что преемственная связь между этими турами заключается в перерастании системы монополистических организаций в плановое организованное хозяйство; различие же заключается в основе, на которой протекает эта плановая консолидация. Если в первом туре основой служит война и потребление, хотя бы и за счет производства, то второй процесс протекает, по словам т. Бухарина, на основе нормального, хотя и в казыхках, роста капиталистического производства.

Если критически подойти к опыту первого тура, то оказывается, что военная система госкапитализма дает лишь внешний повод для такой характеристики существа госкапитализма. Попытки капиталистических государств внести элементы плановой организации в эпоху войны неоспоримы. Ключ лежит в противоречиях современного капитализма, которые и породили войну; но война предъявляет современной капиталистической системе хозяйства требования такого порядка, которые перерастают за рамки возможностей этой неорганизованной системы хозяйства. Этим объясняются попытки планового вмешательства во

всех капиталистических странах, участвовавших в войне. Но в условиях военной системы хозяйства проблематика рынка не только не была снята, а наоборот стала еще острее.

Во внешне стройной плановой системе имеются противоречия, развивающиеся по нескольким основным линиям. Прежде всего нужно отметить противоречия, вытекающие из природы сельского хозяйства в условиях капитализма. В этой области опыты регулирования государственного хозяйства в значительной мере безуспешны. Демонстративным является существование подпольного рынка в военной системе Германии. Другая линия, по которой развивается противоречия, заключается в разрыве цен на внутреннем и внешнем рынках, создающемся в условиях военного хозяйства. Третья линия противоречий проходит в самой промышленной системе. Здесь имеется борьба между тяжелой и легкой индустрией, между монополистическими предприятиями и аутсайдерами, между обрабатывающей и добывающей промышленностью. Поэтому плановые попытки, которые безусловно имеются, были объективно обусловлены войной и быстро исчезли по окончании войны.

Особенно интересным должен быть для нас вопрос о том, как возникает проблема организованного капитализма сейчас. Основной методологический грех т. Бухарина проявляется уже в анализе исторического факта перерастания капитализма эпохи свободной конкуренции в капитализм монополистический. У т. Бухарина перестановка проблем приобрела не диалектический характер. В его системе получается следующая контрверсия: либо старый капитализм превращается в монополистический, либо нужно отрицать факт перерастания; отсюда — теория «чистого капитализма» со всеми вытекающими из нее тактическими выводами в области национального вопроса, вопроса о демократической революции, вопроса об отказе от программы-минимум и т. д.

У Ленина империализм не исключает старый капитализм, а включается в капитализм как подстройка. Противоречия нарастают на обоих полюсах, и разрешить их может лишь крушение империализма.

По вопросу о монополии и конкуренции мы видим у т. Бухарина тот же не диалектический подход: либо монополия, либо конкуренция. В постановке Ленина монополия неразрывно связана с конкуренцией, причем он указывал, что нам важна не формула, а движение, в котором монополия полагается конкуренцией, но, в свою очередь, усиливает последнюю.

Проблема общественного и технического разделения труда, проблема специализации в современном буржуазном хозяйстве связана с ростом внутренних противоречий хозяйства. Положение о том, что общественное разделение труда вытесняется техническим, неоднократно повторяется в системе т. Бухарина. Но техническое разделение труда внутри предприятий служит базисом для плановой организации, между тем как общественное разделение труда между отдельными сознательно управляемыми хозяйственными единицами служит основой для господства анархических сил рынка. Здесь происходит столкновение двух полюсов, которое может быть разрешено лишь пролетарской революцией. Основной методологической ошибкой и здесь является разрешение противоречия путем механического вытеснения одного из полюсов — общественного разделения труда.

Наконец, в вопросе о соотношении внешних и внутренних противоречий капитализма мы видим у т. Бухарина тот же неверный методологический подход. Внутренние противоречия капиталистических стран у него становятся пассивной функцией внешних мирохозяйственных отношений. Но мы знаем, что чем больше растут противоречия внутри отдельной страны, тем ожесточеннее погоня за рынками извне, тем больше противоречия в сфере мирохозяйственных отношений. Если признать, что внутренние противоречия есть лишь пассивный рефлекс внешних, то исчезает база для объяснения внешних противоречий. Получается порочный круг, сближающий концепцию «организованного капитализма» внутри отдельных стран с апологетической утопией социал-демократов.

Корень же этой ошибочной и политически вредной концепции заложен в механистическом, и диалектическом подходе т. Бухарина к анализу современного капитализма.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. Л. ЭВЕНТОВА

Тов. Бухарин рассматривает современную стадию развития капитализма как стадию организованного капитализма и одновременно выдвигает требование расширения рыночных связей у нас в СССР для того, чтобы дать выход стихийным элементам нашего советского хозяйства. Такие искание организованности в капитализме и недооценка организованности социалистической системы в советском хозяйстве дают нам право, во-первых, сделать вывод о том, что тот, кто ошибается в оценке внутренних процессов, одновременно ошибается и в оценке внешних процессов. Другой вывод состоит в том, что ошибки в политике связаны с ошибками в теории, и наоборот.

Я хочу остановиться на одном теоретическом положении т. Бухарина в его работе „Империализм и накопление капитала“, которая критикует люксембургскую теорию; в этой своей работе т. Бухарин должен был доказать, что реализация в капиталистическом

обществе возможна, по осуществляется в порядке кризисов и противоречий. Тов. Бухарин строит следующую гипотезу. Он говорит о трех общественно-экономических структурах: во-первых, о коллективно-капиталистическом строе; т. Бухарин называет этот строй госкапитализмом и характеризует его как строй, представляющий собой организованное, по в то же время, с точки зрения классової, алтаргонистическое общество; вторая система — это чистый капиталистический строй, и третья — социалистическое общество. Рассматривая процесс производства и проблему кризисов в этих трех формациях, т. Бухарин утверждает, что в коллективно-капиталистическом обществе кризисов не бывает; кризисы бывают только при чистом капитализме.

Остановимся на этой научной гипотезе — она, несомненно, связана с проблемой организованного капитализма. Коллективно-капиталистический строй есть тот же организованный капитализм; т. Бухарин видит в нем лишь одно противоречие: общество это есть общество алтаргонистическое только с классовой стороны; общественное производство ведется в нем по заранее выработанному плану; конечно, не исключена возможность просчетов и при такой организации производства, но эти просчеты не будут приводить к кризисам.

Итак, по мнению т. Бухарина, в организованном капитализме устранена свободная конкуренция и поэтому нет кризисов. Следовательно, только конкуренция является источником кризисов. Мы никак не можем согласиться с таким выводом; на самом деле, если общество алтаргонистично, хотя бы только с классовой стороны, то значит оно стихийно, нерегулировано, потому что рав есть рабочий класс и класс капиталистов, то существует борьба за товар — рав чья сила, следовательно стоит вопрос о зарплате; а если есть зарплата, то средства существования должны принимать форму товаров, иначе говоря — существует рынок, цены и кризисы. Тов. Бухарин в данном случае не отличает социальный момент от экономического. Бесплатность хозяйства — говорит он — выражается в том, что нет пропорции между отдельными отраслями производства и размером личного потребления. Но если организованный капитализм имеет хотя бы только классовое противоречие, то уже это предпосылает противоречие между размером производства и потребления. Такое общество, кроме того, рвизывается на основе конкуренции.

Если в „Империализме и накоплении капитала“ т. Бухарин строил научную гипотезу о возможности госкапитализма, то в „Экономике переходного времени“ он писал, что госкапитализм уже уничтожил конкуренцию.

Тов. Бухарин утверждает, что капиталистические противоречия сводятся к одним только международным противоречиям. Если он допускает, что госкапитализм есть плановое хозяйство, то ясно, что этим самым устраняются и внешне противоречия. Если взять совокупность плановых хозяйств — мировое хозяйство, то между ними не может быть внешних противоречий. Тов. Бухарин не понимает диалектического соотношения внутреннего и внешнего рынка.

Действительно ли мы имеем в настоящее время организованный капитализм, уничтожение анархии, умпрание конкуренции? Ведь конкуренция не есть независимое отношение. Она определяет и определяется способом производства. Конкуренция, конечно, усиливает анархию, но конкуренция одновременно служит и для уравнивания различных форм прибыли, цен п т. п., для установления равновесия, при нарушениях и т. д. При монополистическом капитализме внутри монополий рыночные связи заменяются организационными связями, и в то же время монополистические объединения подчиняются определенным условиям производства, монопольные цены зависят от производства и производительности труда. При наличии закона неравномерного развития капитализма ясно, что производительность труда в различных предприятиях и в различных монополиях будет различная. С другой стороны, хотя монополии внутренне организованы, но свою продукцию они должны выпускать на рынок, а это означает, что цена продуктов монополии подвергается влиянию цен других монополистических товаров.

Характерно, что именно условия производства обостряют конкуренцию и определяют ее методы. Повышение органического состава капитала имманентно капитализму. Это ставит перед монополистами проблему сбыта. В свою очередь, сбыт упирается в проблему организации с става капитала. Интересным примером в этом отношении могут служить САСШ. Здесь можно констатировать огромное развитие монополий, превышающее развитие 90-х годов прошлого столетия. В отчете Гувера о последних экономических изменениях САСШ указывается, что в первый период 90-х годов прошлого столетия развитие монополистического движения объяснялось тем, что перед монополиями открывался широкий рынок, который они стремились закрепить за собой. С другой стороны, мотивом для развития монополий является погоня за прибылью со стороны пром. товаров. В наслоющую эпоху монополистического движения в САСШ определяется, главным образом, с одной стороны потребностью в добавочных капиталах, а с другой стороны — затруднениями сбыта. Им изображают стадию организованного капитализма, а фактически монополии сейчас создаются под влиянием сужения рынка. Но монополии не разрешают проблемы рынка, потому что одновременно с ростом основного капитала монополии увеличивают потребность в расширении емкости рынка. Таким образом монополии стоят перед таким противоречием: сужая производство в целях стабили-

защит цен, они увеличивают издержки производства; для снижения же издержек производства они должны расширять свое производство, а это обостряет проблему сбыта и влияет на динамику цен. Проблема сбыта настолько существенна, что мы имеем во всех капиталистических странах рост и увеличение доли торгового капитала в национальном доходе. Это свидетельствует о том, что одновременно с ростом монополий наблюдается и обострение конкуренции.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. Б. БОРИЛИНА

В работах т. Бухарина имеется много ценного. Он продвинул вперед разработку проблем империализма, но тем не менее у него имеется ряд немарксистских положений. Основным пороком является идеалистичность его взглядов, эклектизм. Тов. Бухарин рассматривает вопросы империализма недостаточно конкретно. Когда мы строим абстрактную теорию, то эта абстракция правильна только в том случае, если она является отобразившем конкретности. Тов. Ленин в неопубликованных еще замечаниях к «Экономике переходного периода» отмечает этот недостаток конкретности у т. Бухарина. Так, например, рядом со словами т. Бухарина о том, что капиталистическое хозяйство господствует во всем мире, Ленин пишет на полях: «не во всем мире». Когда т. Бухарин подчеркивает, что при абстрактном рассмотрении капиталистического хозяйства для нас не важен объем территориального распространения капиталистического способа производства, то с этим тоже нельзя согласиться. Там, где необходимо изложение конкретного экономического существа империализма, там у т. Бухарина мы часто имеем бессодержательную абстракцию, игру в понятия. Ленин также неоднократно отзывается и о рассуждениях Бухарина о горизонтальной, вертикальной и комбинационной конкуренции, называя это «игрой в дефиниции».

Конкретное экономическое существо империализма лежит в области монополии. Империализм является капитализмом монополистическим. Эта конкретная экономическая черта империализма иногда ускользает у т. Бухарина. Поэтому у него выпало отношение между монополией и конкуренцией, которое характеризует империализм в отличие от капитализма свободной конкуренции. Тов. Бухарин иногда выпячивает другие моменты: момент силы, момент силового давления и войны. Это подчеркивание иногда бывает односторонним и замыкает основу конкретную черту — монополию. Так, в «Экономике переходного периода» т. Бухарин пишет, что для финансового капитализма характерен метод силового давления, и отсюда — система финансового капитализма влечет за собой вооруженную борьбу империалистических конкурентов, здесь и лежит основной корень империализма. Но корень империализма лежит не в применении методов силового давления, а в монополиях. За такой «теорией силы» у т. Бухарина печатал корень империализма — монополия, которая как раз и порождает и насилие, и войны. Это приводит к тому, что в ряде мест т. Бухарин смешивает войну, конкуренцию и кризис и приходит к выводу, что при империализме кризис заменяется войной, а война выступает как специфический метод конкурентной борьбы. Когда т. Бухарин говорит, что как кризис приводит к концентрации и гибели мелких предприятий, так и война приводит к гибели самостоятельных мелких государств, т. Ленин пишет на полях: «игра в аналоию». Там, где т. Бухарин говорит, что война есть метод конкуренции, там Ленин замечает: «не всякая». Нельзя смешивать войну и кризис.

Когда в 1917 г. при обсуждении вопроса о партийной программе т. Сокольников выставил проект, в котором фигурировало такое смешивание кризиса и войны, т. Ленин считал необходимым выступить против подобного смешивания. Правильная точка зрения об отношении между войной и кризисом в эпоху капитализма сводится к тому, что кризисы не исчезают, но дополняются военными конфликтами как одним из необходимых методов разрешения противоречий внутри капиталистического общества. Из недостатка конкретности вытекают и ошибки т. Бухарина в национальном вопросе. Там, где т. Бухарин говорит, что национальное государство уже в довоенный период было чистойшей фикцией, т. Ленин пишет на полях: «Не чистейшей фикцией, а нечистой формой».

Нарушение диалектического материализма состоит в логическом, не материальном скачке через несколько конкретных стадий. Изображенные выше недостатки в теории империализма т. Бухарина дали себя знать и в теории организованного капитализма и в теории государственного капитализма. Само собой разумеется, что обострение противоречий в мировом капитализме, борьба за мировые рынки толкает в сторону развития госмонополистического капитализма. Но т. Бухарин, смазывая конкретные черты, приходит к такому выводу: финансовый капитал уничтожает апахию внутри капиталистических стран. Ленин пишет: «не уничтожает», подчеркивая, что такого рода логический скачок — скачок не материальный, не предусматривающий промежуточные конкретные стадии. Ленин одновременно подчеркивает большую роль мелкого производства при госкапитализме; он говорит, что реальный процесс обмена между городом и деревней нужно поставить на первое место по значению при разборе экономических связей внутри государственного капитализма. По поводу преодоления госкапитализма у т. Бухарина Ленин говорит, что у Бухарина опять-

таким исчезают конкретно-экономические особенности монополистического характера капитализма: падение монополии, конкуренция, тресты и т. д. Преодолено т. Бухарина сводит все к государственному принуждению и к рационализации. И, наконец, в этой же связи, когда т. Бухарин указывает, что при госкапитализме имеется тенденция к превращению при авычной ценности в прибавочный продукт, Ленин пишет: «чудовищно». У т. Бухарина здесь получилось такое определение госкапитализма, которое совпадает с определенным капитализмом как организованным капитализмом.

Наряду с теоретическим опровержением построений т. Бухарина необходим конкретно-экономический анализ современной ступени капитализма; этот анализ безусловно также опровергает схематичные, поправильные построения т. Бухарина.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. С. БЕССОНОВА

Тов. Бухарин рассматривает империализм не как высшую стадию капитализма, а как продолжение и развитие тенденций мирового хозяйства. Мировое хозяйство в представлении т. Бухарина есть «особый вид социального хозяйства». Социально же хозяйство, по его мнению, есть «система индивидуальных хозяйств, связанных обмощом». Но такое понятие о «социальном хозяйстве» оставляет в стороне классовый характер данной системы. Подобным понятием можно охарактеризовать и простое товарное хозяйство, и капитализм, и империализм и даже — с известными оговорками — некоторые секторы советского хозяйства. Если мировое хозяйство есть один из видов «социального хозяйства», то оно отличается от других социальных хозяйств лишь своим объемом. На первый план выступает таким образом объемно-пространственная характеристика явлений вместо их классовой характеристики. Конечно, мы пользуемся понятием «мировое хозяйство» в ряде случаев, но брать его в качестве исходного пункта для того, чтобы вывести из него явления современного империализма, — неправильно.

Перейдем теперь к понятию «государственного капиталистического треста». Совершенно очевидно, что «государственный капиталистический трест» никогда не существовал, но существует и никогда не будет существовать практически. В своей книге «Империализм и накопление капитала» т. Бухарин говорит: в этом государственном капиталистическом организме нет аппарата производства, а есть рациональный с точки зрения капитала план; в случаях просчета в средствах производства излишнее количество идет на склады, а в следующий производственный период вносятся соответствующие поправки. В случае просчета в средствах потребления рабочим рабочим скрывается этот излишек в виде раздачи, или соответственная порция продукции уничтожается. Следовательно, кризиса перепроизводства не может быть (с. 84). Однако о плане любого капиталистического предприятия можно говорить лишь с большой долей скептицизма. Так как каждое капиталистическое предприятие тысячекратно связано с аппаратической системой разделения труда во всем обществе и вне этой системы не мыслимо, то и самый план предприятий в высокой степени условен, так как он подвергается непрерывному воздействию со стороны стихии, которая этому плану противопоставлена во всем обществе в целом. Обратимся, напр., к такой отрасли капиталистического хозяйства, которая монополизирована раньше других, — к железным дорогам. Внутренняя организация железнодорожного транспорта подвергается непрерывным изменениям в связи с видоизменениями на рынке транспортной продукции, в связи с конкуренцией, которую ведут сами железные дороги одна с другой и которую они ведут с другими видами транспортных предприятий.

Понятие «государственного капиталистического треста» у т. Бухарина предполагает, что плановая организация охватывает собой всю папию. Однако организация единого треста в пределах нации предполагает капиталистическую организацию всего национального производства. Но наряду с капиталистическими предприятиями существуют и докапиталистические. Наконец, и сами капиталистические предприятия находятся на разных ступенях развития, допускающих или не допускающих трестификацию. В то время как железные дороги например, давно достигли уже такой зрелости, при которой они монополистически организуются, монополия на водном транспорте есть явление самого недавнего времени. Сухопутный безрельсовый транспорт стоит на самой первоначальной ступени капиталистической организации.

Перейдем теперь к вопросу об антагонизмах в современном капитализме. Если по Бухарину государственный капиталистический трест представляет организацию, в которой не может быть никаких потрясений, то спрашивается, откуда берут свое начало классовые противоречия современного капитализма. Оказывается, что социальный вопрос по т. Бухарину своими корнями начинает все более уходить на мировой рынок. От положения страны на внешнем рынке, где происходит явления обмена, конкуренции, начнется разрешение социального вопроса внутри. В ряде мест т. Бухарин совершенно определенно сводит классовые антагонизмы современного общества к противоречиям между мировым объемом производства и национальным объемом присвоения.

У т. Бухарина таким образом выпали классовые антагонизмы. Его бесклассовая постановка вопроса об антагонизмах современного капитализма связана с тем, что исходный пункт всех построений,— а именно мировое хозяйство— был взят внеклассовый.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. МОДЕСТА РУБИНШТЕЙНА

Круг идей, развернутых т. Бухариным по вопросу об «организмизме капитализма», требует самого серьезного внимания и решительного разоблачения. Он заходит настолько далеко, что только несколько шагов, только небольшая грань отделяет эти идеи от современной гильфердингщины, т. е. наиболее законченного и пошлого ревизионизма наших дней.

Нет смысла подробно останавливаться на теоретической стороне рассуждений т. Бухарина. Тут совершенно исчерпывающий ответ дают ясные и четкие положения Ленина, которые повторялись им десятки раз. Достаточно простейшего сопоставления, чтобы показать, куда докатился в этом вопросе т. Бухарин.

По Бухарину в настоящее время имеет место «эмпирия конкуренции внутри капиталистических стран» и лишь как бы в виде компенсации «величайшее обострение конкуренции между ними...» Все это является в период, когда как раз все эти проблемы и притом как раз в результате развития монополистического капитализма получают совершенно небывалую остроту и напряженность. Ленин в «Империализме» дал совершенно уничтожающий ответ на всю эту болтовню о смягчении конкуренции и отмирании кризисов. «Все более быстро развивающаяся техника — говорит он — создает все большую диспропорцию между различными частями народного хозяйства, все увеличивает хаос и кризисы». Наконец, в своем «Проекте замены теоретической, политической и некоторых других частей программы» (апрель 1917 г.) Ленин развивает те же положения в таком виде, что они бьют не в бровь, а в глаз всю пышную систему взглядов т. Бухарина в этом вопросе.

Но обратимся к проверке положений т. Бухарина в конкретной действительности современного капитализма.

Ограничимся примером САСШ, которые, если бы утверждения т. Бухарина были верны, должны были быть наиболее ярким примером. САСШ — страна максимальной концентрации капитала со старыми промышленно-финансовыми «империями» Моргана и Рокфеллера, с безраздельным подчинением финансового капиталу государственной власти, «общественного мнения», реформистских профсоюзов. Страна с федеральной резервной системой, якобы служившей «колотом бескризисного процветания». Концентрация капитала в САСШ получила за последнее время особенно стремительный темп. Уж если говорить о попытках «организационного капитализма» ослабить внутренне противоречия и т. п., то это в первую очередь должно было бы быть в САСШ. Между тем как раз САСШ наших дней являются самым ярким, классическим примером вышеуказанных положений Ленина. Именно в САСШ можно видеть с особенной яркостью, как один ликвидированный или ослабленный вид конкуренции заменяется десятками новых, как с совершенно небывалой остротой разгорается ожесточенная борьба за внутренний рынок, бешеная борьба разных трестов, разных отраслей промышленности, предприятий, разных технических методов. Эта борьба приводит к такому положению, что по ряду подсчетов буржуазных экономистов вся экономика, которую диктационная организация производства, целиком и с лихвой съедается распуханием распределения, рекламы, как говорят американцы «продажи под высоким давлением». В результате — хозяйственные растраты, потери, знаменитые американские waste, сокращаемые с одного конца, с тем большей стремительностью нарастают на другом. В качестве небольшого, но характерного примера достаточно проследить хотя бы, как величайшие успехи стандартизации и нормализации сопровождаются лихорадочной сменой моделей, дикой и слепой скачкой образцов, проводимой для хотя бы мимолетного успеха в борьбе за рынок.

С особенной ясностью сказывается упадение относительного американского капитализма в вопросе о конъюнктуре народного хозяйства САСШ. Характерно, что за последние годы в САСШ можно отметить громадный подъем и размах конъюнктурной исследовательской работы. Как грибы растут всевозможные бюро и институты экономических исследований от лучшей школы Гарвардского университета до подурекливых и вовсе рекламных предсказателей с их хозяйственным «барометром», бесчисленными индексами, экстраполируемыми кривыми, а иногда даже обращающимися при помощи вертящихся столов к духам. В отдельных предприятиях и фирмах конъюнктурные наблюдения приводят иногда к великолепным результатам. Но результат в отношении предвидения конъюнктурных сдвигов хозяйства в целом или отдельных его отраслей не может быть определен иначе, как «абсолютный нуль».

Громадное развитие исследовательской конъюнктурной работы является не фактором роста организованности, а показателем лихорадочных, но безнадежных поисков плановости, проявлением тщетного стремления укрыться от нарастающего хаоса. Таким же показателем являются все более многочисленные в САСШ статьи и заседания, посвященные нашему Госплану, иногда принятые самой подлинной завистью, тщетной мечтой либеральных экономистов о планировании при капитализме, — мечтой, которая при сопоставлении с суровой действительностью быстро вялет.

С особой яркостью сказался парастающий хаос в фишпассовой области. Что означают события на нью-йоркской бирже за последние месяцы, как не полнейший провал федеральной резервной системы в борьбе с биржевой спекуляцией? Между тем эта федеральная резервная система еще недавно прославлялась как своего рода «капиталистический Госплан», раз навсегда устраивающий всякие кризисы. Для марксистского исследователя американской экономики не может быть никаких сомнений, что вопреки всей болтовне о ликвидации кризисов или их смягчении (в том числе и болтовне гуверсонской комиссии), вопреки промышленным и торговым рекордам прошлого года, хозяйство САСШ лихорадит почти непрерывно, лихорадит как в периоды подъема, так и в периоды депрессии. Это положение можно подтвердить примерами всех основных производств САСШ, в частности оценкой их состояния и перспектив развития самими капиталистами.

Как в свое теоретическое положение Маркса, Энгельса и Ленина, так и в проверку современной экономической действительности в «теории» об отмирании внутренних противоречий капитализма не стоит выеденного яйца, не содержит ни грама марксистского анализа. В то же время она песомпенно служит теоретической базой пассивности, хвостизма, профсоюзного легализма и прочих «качеств» тактической линии правых и в им ронцев во всех секциях Коминтерна. Само название, что установка на «организованный капитализм» за границей теспейшим образом связана со взглядами правых в вопросах советской экономики. Вели капитализм «организуется» в каждой из руководящих промышленных стран, если стабилизация прочна и устойчива и, как заявлял т. Бухарин, основное отличие третьего периода от второго состоит в «русле производственных сил» как «органическом свойстве данного периода», то отсюда невольно делается вывод, что надо и внутри Советского Союза действовать «медленным шагом, робким зигзагом», надо быть «полезным по поворотах», не увлекаться совхозами и колхозами, не развивать борьбу с кулаком. Тем более что, как заявил сторонник т. Бухарина — Серра, «еще научно неизвестно, что такое кулак».

Статьи т. Бухарина о «теории организованной бесхозяйственности» вовсе не являются изложением теории никому неизвестного и по существу очень мало интересного Венте с его «абстрактной проблемой аппарата в целом». «Паразитическое формальное сходство этих проблем с нашими проблемами в изображении т. Бухарина далеко не формально и не случайно. Изображая бюрократическое окоещение монополии и абстрактного «аппарата в целом», т. Бухарин совершенно явно имеет в виду не «поздний капитализм», а советское хозяйство и подвергает своеобразной критике «дальнего пруда» не бюрократические извращения, а самую суть нашего плчювого хозяйства, централизации, ставки на крупное производство в сельском хозяйстве. Единственный вывод, к торый невольно напрашивается из всей той карикатурной картины, которую дает т. Бухарин — поменьше плавности и централизации, дорогу частной инициативе, т. е. именно тот вывод, который т. Бухарин и его сторонники сделали открыто по отношению к сельскому хозяйству.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. А. ИТКИНОЙ.

В самой общей форме теория организованного капитализма была уже представлена в гипотезе всемирного треста и ультраимпериализма, осуществление которой социал-демократические теоретики в лице Гильфердинга и Каутского считали вполне мыслимой.

Ленин в свое время подверг жесточайшей критике эту теорию, указав, что хотя с точки зрения абстрактно-теоретических рассуждений и можно прийти к выводу, к которому пришел Каутский, но такой вывод будет упрощен, неправилен, абстрактен, так как «чисто экономическая» точка зрения Каутского есть «чистая» абстракция, которая выводится путем отвлечения, отрыва от действительного развития, полного глубоких противоречий. Идея всеобщего треста и ультраимпериализма есть самодовлеющая логическая абстракция. Она не является плодом того абстрактного метода, которым пользовался Маркс, а «чистой» абстракцией, формально односторонним подходом к выяснению тенденции развития. Она пуста и бессодержательна и в то же самое время внутренне противоречива. В мертвой схеме всеобщего треста остается необъяснимым его существование в капиталистической фирме, остается необъяснимым, каким образом при исчезновении товарной формы хозяйства рабочая сила продолжает быть товаром. Очевидно, что при господстве всемирного треста распределение в обществе, хотя и было бы антагонистическим, по это был бы антагонизм не капиталистического общества. Это был бы антагонизм особой общественной формации.

Проблема тенденции развития монополистического капитализма должна решаться не только под углом зрения, куда идет развитие, но и как оно идет. Развитие идет в направлении к одному всемирному тресту, но оно идет при таких обстоятельствах, что, прежде чем дело дойдет до одного всемирного треста, капитализм превратится в свою противоположность. Так ставил вопрос т. Ленин. Вместо чистой абстракции — учет конкретных условий, при которых совершается развитие монополистического капитализма. Если социал-демократическая теория ультраимпериализма есть результат «чистой» абстракции, то и современная концепция т. Бухарина об организованном капитализме в пределах отдельных

капиталистических стран есть в свою очередь результат применения метода «чистых» абстракций схематизированного подпалектического подхода к изучению тенденций современного капитализма. Результатом отсутствия конкретности является вопреки фактам представление т. Бухарина о соотношении конкуренции и монополий, неправильная теория о превращении современных капиталистических стран в консолидированные госкапиталистические тресты.

Теория государственно-капиталистического треста или, иначе, теория «чистого империализма» влечет за собой целый ряд существенных ошибок. Так, в системе взглядов т. Бухарина выпадает целый комплекс противоречий, которые складываются внутри капиталистических стран на почве неравномерности в развитии концентрации и монополии. Известно, что степень монополизации тяжелой индустрии, легкой промышленности и сельского хозяйства далеко не одинакова. На этой почве возникают противоречия между тяжелой промышленностью и легкой промышленностью. Тяжелая индустрия, как наиболее монополизированная, берет «даль» со всех остальных отраслей промышленности. Монополия означает борьбу за высокие цены. Эта борьба охватывает и отрасли, изготовляющие средства потребления. На базе антагонистического способа распределения это означает не что иное, как обострение противоречий между производством и потреблением, как усиление монополии и эксплуатации на монополии продаваемой рабочей силы. Затем на почве роста монополии в промышленности усиливается противоречие между двумя основными разделами общественного труда — между промышленностью и сельским хозяйством. По мере того как промышленность охватывает тесным обручем монополию, усиливается расхождение между ценами на сельскохозяйственные продукты и ценами на продукты промышленности. Это создает огромное затруднение для развития сельского хозяйства и обостряет противоречие между ним и промышленностью. Сумма противоречий, возникающих на почве неравномерного развития монополии, тем острее, чем сильнее сама неравномерность.

Теория «чистого» империализма приводит к совершенно неверной постановке вопроса о соотношении экономических процессов, совершающихся в пределах отдельных капиталистических стран и мирового хозяйства. Согласно на одну секунду с т. Бухариным, допустим, что отдельные капиталистические страны уже превратились в государственно-капиталистические тресты, что стихия капиталистической конкуренции «злобно бушует» лишь в пределах мирового хозяйства. Но тогда возникает вопрос: мыслимо ли при анархической структуре мирового хозяйства организованное состояние «национальных» хозяйств? Отношения между отдельными элементами мирового хозяйства проявляются прежде всего как отношения, основанные на движении товаров и капитала. Это движение, имея в виду, что колонии уже поделены между государственно-капиталистическими трестами, может развиваться лишь как движение из одного государственно-капиталистического треста в другой. Ввоз товаров из одного госкапиталистического треста в другой уже является достаточной предпосылкой для того, чтобы сперва «снять» рационально организованное хозяйство отдельных отраслей промышленности, а затем, имея в виду тесную цепную связь между отраслями промышленности, и рациональную организацию всего народного хозяйства. Если мировое хозяйство есть анархическое единство отдельных государственно-капиталистических трестов, то стихия мирового рынка неизбежно охватывает орбиту своего влияния и госкапиталистические тресты, развивая внутри них, а не где-то в безвоздушном пространстве, усиленную конкурентную борьбу между отдельными монополистическими объединениями; иначе и быть не может, так как каждое национальное хозяйство — по Бухарину, каждый государственно-капиталистический трест — служит внешним рынком для другого.

Таким образом, если исходить из неизбежности анархической формы связи между национальными государственно-капиталистическими трестами, то опрокидывается положение об уничтожении конкуренции в их пределах, т. е., иными словами, опрокидывается самая теория о превращении современных национальных хозяйств в государственно-капиталистические тресты. Если же на секунду согласиться с точкой зрения т. Бухарина и исходить из замирания конкуренции внутри отдельных стран, тогда остается необоснованной анархическая форма связи между ними. Откуда растет борьба за рынки сбыта товаров, за сферы приложения капиталов, т. е. откуда растет конкуренция на мировом рынке? Она растет из глубоких внутренних противоречий капитализма, в частности борьба за рынки сбыта товаров растет из невозможности внутри страны с наибольшей прибылью реализовать товары. Иными словами, она растет из существеннейшего противоречия капитализма, из противоречия между производством и потреблением. Это противоречие толкает отдельные капиталистические страны на путь ожесточеннейшей борьбы. Усиливающиеся противоречия внутри отдельных стран ведут к обострению противоречий на мировом рынке. Последнее в свою очередь не могут не влиять на более резкое проявление противоречий капитализма и внутри отдельных стран. Следовательно, наличие внутренних противоречий, существование отдельных капиталистических стран как анархических систем объясняет и существование мирового хозяйства как анархической системы. Между внутренними и внешними противоречиями существует взаимная связь и взаимная обусловленность. И только понимание этой связи и взаимной обусловленности в состоянии воссоздать действительную, а не схематизированную

картину современного мирового хозяйства. Но анализа этой связи и взаимной обусловленности как раз и недостает в системе взглядов т. Бухарина по данному вопросу.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. А. КОНА

Метод, который применяется т. Бухариным при исследовании экономики современного капитализма, является методом мышления пределами. Возможны два метода абстрактного исследования: можно взять последующее явление в упрощенном виде, но так, чтобы эта абстракция содержала в себе все те противоречия, которые присущи конкретному сложному явлению. Усложняя постепенно эту абстракцию, мы мысленно воспроизводим процесс движения, развития данного явления, воспроизводя тем самым конкретность во всей ее сложности. Другой метод абстракции характеризуется тем, что в разрывающемся явлении берется основная его тенденция и доводится до предела; явление это берется в наиболее развитом и одностороннем виде. Такая абстракция есть мертвая неподвижная абстракция, непригодная для мысленного воспроизведения конкретного явления. Это есть метод мышления пределами. Мыслить пределами значит проходить мимо тех противоречий, которые движут процесс развития. Это значит подменять диалектический расчленение явления механической экстраполяцией основной тенденции до ее мысленного «предела», игнорируя вопрос о том, может ли этот «предел» быть достигнут и какими путями.

Ленин неоднократно характеризует империализм как процесс. Экономически основное в этом процессе есть монополистическая тенденция империализма. Однако наряду с монополистической тенденцией происходит рост меловых связей, рост конкуренции.

Нельзя понять процесс развития империализма иначе, как вылив эти две тенденции в их отпадстве, в их борьбе, в их сплетении.

Тов. Бухарин отвергает теорию Каутского, теорию ультраимпериализма, но та теория, которую он строят, фактически построена на том же методе. Разница заключается в том, что Каутский, доводя свою тенденцию до окончательного предела, брал предел развития этой тенденции в мировом масштабе, а т. Бухарин берет предел в масштабе отдельных стран.

Маркс и Энгельс и Ленин неоднократно указывают на то, что монополия есть нечто противоположное конкуренции, отрицание ее. Однако монополия вырастает из конкуренции, а утверждение монополии в той или другой области обязательно порождает конкуренцию как в данной отрасли, так и между этой отраслью производства и другими отраслями производства. Рост монополии отнюдь не означает вытеснения конкуренции и аппаратов производства; а наоборот—предполагает рост последних. Эти две противоположные тенденции борются друг с другом и обуславливают одна другую, порождая ряд острых противоречий, конфликтов, потрясений. Как подошел т. Бухарин к этому противоречивому процессу? Он говорит, что имеется ряд капиталистических стран, которые хотя и не дошли еще до окончательного завершения монополистической тенденции, но близки к завершению ее. Их можно рассматривать как организованные хозяйства. В схеме т. Бухарина конкуренция остается между отдельными странами, что же касается внутренних отношений, то здесь они вытеснены монополией. И здесь т. Бухарин взял тенденцию в ее пределе, абстрагировавшись от тех противоположных тенденций, которые существуют в каждой отдельной стране и во всем мире. Именно поэтому он считает характерным для современного капитализма не борьбу монополии с конкуренцией, а монополию самое по себе, именно поэтому он не видит обострения противоречий, порождаемого сосуществованием конкуренции и монополии. Далее, когда Ленин говорит о возникновении монополистических организаций в той или другой отрасли хозяйства, он подчеркивает, что капиталист связан меловыми связями не только с другим капиталистом, а меловые отклонения связывают между собой и представителей различных классов. В этих условиях монополия означает сплочение классовых сил капиталистов против других классов.

Подходя к вопросам «организации» капиталистического общества, Ленин подчеркивал, что главным здесь является не организация сама по себе, но принуждение к подчинению союзам монополистов.

В объединении капиталистов в монополистическую организацию Ленин усматривает основное в том, что объединение это ведет к росту насилия, росту эксплуатации монополистами как пролетариата, так и промежуточных социальных элементов. Образование монополистических организаций связано с ростом классовых противоречий.

Во время как т. Бухарин полагает, что в капиталистическом обществе «важен в первую голову тип связи между хозяйствами, а именно тип неорганизованной связи через обмен», Маркс, а за ним и Ленин считали, что отдельные экономические эпохи социальной структуры отличаются друг от друга тем особым характером и способом, каким осуществляется соединение рабочих со средствами производства. Характерной чертой всякой экономической формации является способ связи между рабочей силой и средствами производства.

Когда Ленин говорит об империализме, он подчеркивает рост эксплуатации. Этот рост эксплуатации возникает из того, что рабочему классу теперь противостоят во все возрастающем количестве отраслей организованного капитала, которые организовано спускают зарплату. Кроме того монополии обостряют эксплуатацию промежуточных слоев населения.

И обычной прибыли капиталистов присоединяется монополистическая сверхприбыль, добываемая путем эксплуатации потребителя и «независимого» мелкого товаропроизводителя, т. е. крестьянства капиталистических стран и стран колонизальных. Обострение классовых противоречий есть та основа, которая делает невозможным завершение монополистической тенденции в пределах капиталистического общества. Там, где имеется рост эксплуатации, там обязательно обнищание населения. Отсюда—возникновение кризисов в системе империализма.

Тов. Бухарин не признает возможности возникновения кризисов в завершённой монополистической системе потому, что он выводит кризисы не из диспропорции между производством и потреблением, а из самой анархии капиталистического производства.

Само по себе противоречие между монополистической тенденцией современного капитализма и постоянным ростом конкуренции приводит к возникновению тенденции, к загниванию капитализма. В системе современного капитализма конкуренция растёт, являясь побудителем к развитию техники, а вместе с тем развитие конкуренции порождает монополию в некоторых отраслях производства, которые достигают большей или меньшей степени расчуждения и тем самым порождают тенденцию к застою, загниванию. Далее, Ленин отмечает тенденцию империализма к превращению передовых капиталистических стран в паразитарные страны, живущие на счет стран-купонов.

Тов. Бухарин, который мыслит пределами, при решении вопроса о возможности организованного капитализма не затрагивает противоречий империализма, не оценивает их силы и напряженности. Он проходит мимо них.

Мне представляется, что т. Бухарин отвергает идею ультраимпериализма только потому, что он усматривает некоторые специфические особенности конкуренции на мировом рынке по сравнению с внутренним. В то время как внутри страны мы имеем борьбу между отдельными частными организациями капиталистов или отдельными капиталистами, на мировом рынке мы имеем столкновение трестов, которые в своей борьбе опираются не только на экономические средства, но и на всякого рода методы политической конкуренции, при чем все эти методы в своем развитии неизбежно разражаются империалистической войной. Но империалистическая война вызывает обострение классовых противоречий, а посему происходит революция. Классовые противоречия, по Бухарину, привлекаются как нечто внешнее, на что войны могут разве действовать, обостряя их и приводя к революции, но он игнорирует рост классовых противоречий, вытекающий непосредственно из борьбы монополии с конкуренцией.

Таким образом метод мышления пределами т. Бухарина оказался пассивным механистическим методом, методом формально-логическим, а не диалектическим.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. С. НОВИКОВА

Международная концепция т. Бухарина объемлет целых три теории: теорию организованного капитализма, концепцию по колониальному вопросу и учение о войне и революции. В «Экономике переходного периода» и в работе против Розы Люксембург «организованный капитализм» выступает у т. Бухарина как завершённый процесс. В статьях в «Правде» т. Бухарин как будто отмежевывается от теории организованного капитализма, как от социал-демократической утопии. Он говорит, что стопроцентная организованность капитализма невозможна—есть только усиливающаяся тенденция к госкапитализму. Но вместе с тем как и в докладе по программному вопросу на VI конгрессе Коминтерна, так и в статьях в «Правде» т. Бухарин даёт теорию если не вполне организованного, то организующегося капитализма. По коренному вопросу о борьбе конкуренции и монополии в проекте программы Коминтерна у т. Бухарина не было указания, что конкуренция существует рядом с монополией и над ней. В результате дискуссии в программе Коминтерна была внесена следующая поправка: «В то время капиталистические монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, тем самым порождая ряд особенно острых и крупных противоречий, трений и конфликтов». Стало быть, теория т. Бухарина противоречит действительности, Ленину и программе Коминтерна.

По колониальному вопросу у т. Бухарина в статьях в «Правде» есть рецидив той теории, которую он дал в «Экономике переходного периода» и в «Теории исторического материализма». Тов. Бухарин утверждает, что между буржуазией и пролетариатом метрополии существует относительная общность, солидарность интересов на почве эксплуатации колоний. Это противоречит ленинской теории империализма и его объяснению экономических корней социал-империализма. Ленин в отличие от Бухарина объясняет социал-империализм, как известно, подкупом не всего рабочего класса, а верхушки его.

Тов. Бухарин признает замирание экономических противоречий внутри капиталистических стран, но, чтобы застраховаться от обнищаний в социал-демократизме, он усиленно подчеркивает, что наряду с замиранием этих экономических противоречий обостряются противоречия классов. Мы видели, что это обострение классовых противоречий находит свое выражение в относительной общности экономических интересов буржуазии и пролетариата метрополии на базе колониальной эксплуатации. Понятно, что из бухаринской концепции

организуемого капитализма с его замораживающими внутренними экономическими и классовыми противоречиями нет выхода к революции, разве только через войну, через столкновение «пароднохозяйственных» тел, организованных буржуазией. И действительно, т. Бухарин сводит проблему революции к проблеме войны.

Здесь правильно указывали, что концепция т. Бухарина обнаруживает сильную тенденцию к перерастанию и вращанию в социал-демократизм, по в апологии гармонично организованного капитализма концепция т. Бухарина оставляет позади даже некоторых социал-демократов; так напр. австромарксист Отто Лайхтер констатирует ряд тенденций к организованному капитализму; вместе с тем Лайхтер заявляет, что хотя организованный капитализм и должен был бы устранить конкуренцию, кризисы, борьбу за цены, и должен был бы заменить иррациональную стихию рациональной организацией, и должен был бы пригнать классовые противоречия,—однако сделать этого он не в состоянии. В смысле апологии гармонично организованного капитализма т. Бухарин перецегиолял не только «левого» Отто Лайхтера, но и перецегиолял даже ультраправого австромарксиста—Карла Реннера! Последний в своей работе к Брюссельскому конгрессу утверждает, что основное противоречие современного капитализма сводится к диалектическому противоречию между мировым и национальным хозяйством. Реннер жалуется, что паряду с монополией существует конкуренция частных собственников, а это по дает возможности достигнуть оптимума связи между капиталистическими предприятиями. Европа в силу своей зависимости от Америки вынуждена, по не в состоянии организовать капитализм (вывод Реннера: пужна коалиция с буржуазией, которая без социал-демократии не может организовать капитализм. Только организованный капитализм подготовит последнюю ступень, которая ведет к социализму).

Таким образом, т. Бухарин перецегиоляет организованность капитализма даже по сравнению с крупнейшими социал-демократическими апологетами капитализма.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. И. МАРКОВА

Я останавливался на вопросе об отношении между национальным и мировым хозяйством. Тов. Бессонов правильно указал на то, что трактовка т. Бухарина мирового хозяйства, как социального хозяйства, заводит его очень далеко. Он указал также на то, что от отдельного хозяйства т. Бухарин переходит к национальному народному хозяйству, а от народного хозяйства — к мировому. Эта схема позаимствована у Гармса. Самый термин «социальное хозяйство» также позаимствован у Гармса.

Что касается вопроса о мировом хозяйстве, то у т. Бухарина получается, что мировое хозяйство изучает систему производственных отношений и соответствующие ей отношения обмена в мировом масштабе. Здесь нет разграничения между мировым хозяйством и политической экономией. А эта путаница приводит к тому, что у т. Бухарина фактически нет разницы между империализмом и мировым хозяйством. Эти две различные категории у него как-то сплавляются воедино.

Империализм, ясно, неотделим от мирового хозяйства, но мировое хозяйство не покрывает собой империализма. Разграничение можно установить такое, что если империализм дает развитие законам капитализма на высшей его стадии, то мировое хозяйство указывает на преломление этих законов капитализма в конкретной исторической среде, его окружающей. Вот почему т. Бухарин неизбежно должен прийти к такому выводу, что поскольку империализм обычно обостряет все противоречия капитализма, а мировое хозяйство у него совпадает с империализмом, то все противоречия империализма им пересятся в мировое хозяйство.

Я хотел бы также указать на разграничение между народным хозяйством и мировым, данное т. Бухариным. Тов. Бухарин противоречия внутри отдельных стран переносит на «основные линии» мирового хозяйства. Но нельзя назвать ни одного крупного экономического явления, которое имело бы место внутри отдельных стран, которое не нашло бы своего отражения на мировом рынке. Точно так же нет такого противоречия в мировом хозяйстве, которое не оказало бы своего влияния на каждое отдельное народное хозяйство. Такое искусственное разграничение вытекает из неправильного понимания мирового хозяйства, данного т. Бухариным и совпадающего с определением буржуазных ученых. Целфел, Сарторус и в известной степени и Гармс утверждают, что мировое хозяйство изучает совокупность хозяйственных взаимодействий, складывающихся за пределами национальных границ и развертывающихся лишь между национальными хозяйствами. Только с этой точки зрения можно дойти до такого вывода, что в мировом хозяйстве может произойти обострение всех противоречий капитализма, тогда как внутри отдельных народных хозяйств они могут сглаживаться.

Теория «организованного капитализма» является теоретическим обоснованием правого уклона в целом. Если теория «перманентной революции» в свое время являлась идейной и теоретической основой троцкизма, то на данной ступени развития можно сказать, что «организованный капитализм» — это «перманентная революция» правого уклона. Здесь надо подчеркнуть, что дело не только в том, что у т. Бухарина капиталистическая действительность представлена неверно, в немарксистском свете, но и в тех неверных выводах, которые вытекают из такой ложной установки как в смысле международного положения, так и в смысле оценки положения в СССР.

У т. Бухарина можно найти соответствующие конкретные выводы. Если он иногда не доводит своего заключения до конца, то это может свидетельствовать лишь о специфическом характере правого уклона как трусливого оппортунизма, а не о правильности его выводов. Если капиталистические противоречия внутри отдельных стран замирают и переползают на линии мирового хозяйства, то революция может возникнуть из растущих противоречий мирового хозяйства, а не из противоречий классовых внутри отдельных стран. Далее, на VI конгрессе Коминтерна т. Бухарин говорил, что мы являемся свидетелями роста техники, и подчеркивал, что имеются новые производства, новые открытия и т. д. Все это говорит о стабилизации капитализма. Следовательно, нельзя ожидать скоро пролетарской революции в капиталистических странах. Поскольку это так, то отсюда, очевидно, вытекает определенная тактика для всего Коминтерна и особые выводы для СССР.

По т. Бухарину получается, что стабилизация капитализма укрепляется, что наступление мировой революции затягивается, поэтому спасение СССР должно быть организовано внутренними силами. При этом совершенно безразлично—говорит ли это т. Бухарин прямо или за него делают выводы другие, опирающиеся на его теорию. Ясно, что с этой точки зрения выходит, что не нужно обострять отношения с классовым врагом, нельзя особенно нажимать на кулака, надо увеличивать помощь индивидуальным крестьянским хозяйствам, не надо форсировать строительство колхозов и совхозов, не следует увлекаться высокими темпами промышленного строительства, необходимо усилить производство средств потребления и т. д. и т. п., т. е. вся «мудрость» правого уклона.

Мы стоим перед таким фактом, что бороться с правой опасностью можно лишь на основе борьбы с «организованным капитализмом»; сама критика «организованного капитализма» должна быть развернутой настолько, чтобы всесторонне разоблачить правый уклон в теории и на практике.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. А. ЛЕОНТЬЕВА

Между взглядами т. Бухарина на современное состояние мирового хозяйства и между его оценкой нашей советской экономики существует теснейшая связь: с одной стороны он переоценивает силы мирового капитализма, с другой—недооценивает наши собственные силы. Глубокая методологическая связь между оценкой современного мирового хозяйства и современного советского хозяйства у т. Бухарина заключается в том, что он и в том и в другом случае подходит к предмету исследования механистически.

При анализе мирового хозяйства т. Бухарин говорит о том, что явления цены, рынка, конкуренции, кризисов внутри отдельных стран заменяются организацией. Здесь мы имеем как бы своеобразный случай недооценки обмена. Но в то же время Бухарин утверждает, что в советском хозяйстве путь к социализму лежит главным образом через социализацию процесса обращения: в тени оставляются новые производственные формы смычки. Здесь мы имеем случай переоценки значения процесса обмена. В период военного коммунизма т. Бухарин утверждал (в «Экономике переходного периода»), что равновесие на весь переходный период уничтожается, потому что это — период переходный; тут нет ничего установившегося, а стало быть нет равновесия. В эпоху непа тот же т. Бухарин выступает с фетишизацией идеи равновесия, он сводит все задачи плана к наметанию условий подвижного хозяйственного равновесия. Эти противоречия являются результатом противоречивости концепции т. Бухарина, построенной на механистической идеологии.

До недавнего времени т. Бухарин выступал обычно как идеолог «левого» уклона. В настоящее время он выступает как идеолог «правого» уклона. Ленин в своей статье об империалистическом экономизме заявил про «левого» т. Бухарина, что он скатывается к апологии империализма. Апология империализма есть источник всякого рода оппортунистических правых уклонов.

Таким образом, корень всей бухаринской концепции заключается в механистических извращениях диалектики. Рассмотрев с этой точки зрения вопрос об обмене как социальной форме производства. Можно ли сказать, что т. Бухарин является представителем меновой концепции? Это сказать можно, но нужно непременно тут же добавить, что он не только является представителем односторонней меновой концепции, но он одновременно является представителем односторонней производственной, натуралистической концепции. Он не только преувеличивает значение обмена, но он в то же время сплошь и рядом недооценивает значения обмена как специфической социальной формы производства.

В вопросе об обмене т. Бухарин наталкивается на сложный методологический вопрос о форме и содержании. В этом вопросе механисты либо видят единство формы и содержания и не замечают противоречий, либо видят противоречия и забывают об единстве. В вопросе об обмене это обнаруживается очень ярко. Когда мы говорим, что обмен как элемент, подчиненный производству, создает специфичность капиталистических отношений, то механисты, которые видят только противоположность между обменом и производством, говорят, что это — меновая концепция. Когда, с другой стороны, механисты видят единство производства и обмена, они забывают о том, что обмен есть элемент, до известной степени самостоя-

тельный от производства, самостоятельный в том смысле, что, возникшая на данном уровне развития производства, он придает особую социальную характеристику данной исторической эпохе.

В своем подходе к мировому хозяйству т. Бухарин забывает самостоятельную роль меновой формы, забывает, что обмен в определенном смысле формирует производственное содержание. Он механистически берет это содержание без специфической меновой формы, и у него получается модель организованного капитализма. Когда же т. Бухарин подходит к советскому хозяйству, он выдвигает на первый план меновую форму, забывая, что, поскольку меняется содержание производственных отношений, постольку меняется и форма.

По вопросу о классовых отношениях и обмене недостаточно утверждать, что обмен является общей формой производственных отношений, в том числе и классовых отношений. Нужно показать конкретно, что обмен является не только формой отношений между равноправными товаропроизводителями, но что он «формирует» также отношения между рабочим классом и капиталистами.

Как следует разрешить вопрос об общественном и техническом разделении труда? Можно ли утверждать, что по мере развития капитализма скрадывается различие между общественным и техническим разделением труда? Это неверно. По мере развития капитализма общественное и техническое разделение труда развиваются до певоротных пределов, причем развиваются оба полюса, растет противоречие, которое может быть уничтожено только после социальной революции, а не в крупных монополистических предприятиях. Критикуя т. Бухарина по вопросу о госкапитализме, ни в коем случае нельзя забывать о специфичности, о том качественном отличии, которое несет с собой эпоха империализма с ее госкапиталистическими тенденциями. Иначе нынешний госкапитализм сведется к бессодержательному определению, что государство на всех стадиях развития было так или иначе связано с хозяйством.

Ошибка т. Бухарина заключается в том, что он, с одной стороны, мыслит предельными абстракциями, как указал т. Кон, а с другой стороны — у него эклектический метод мышления.

Тов. Бессонов в своем выступлении останавливался на опасности, грозящей нам со стороны социальной школы. Эта опасность связана с общей механистической опасностью. Механистический подход, например, к вопросу об обмене и классовых отношениях неизбежно приводит к концепции Туган-Барановского — представителя социальной школы. Между этими двумя опасностями существует теснейшая связь.

Наконец, по вопросу о том, что в каждом явлении мы должны видеть борьбу различных тенденций, следует отметить, что суть диалектики заключается не в этом. Не следует забывать единства противоположностей, раздвоения единого. Игнорирование этого момента неизбежно приводит к концепции Богданова.

Успешная критика бухаринской концепции может быть проделана лишь при помощи остро отточенного оружия марксистской диалектики.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. ИНАЛ БУТАЕВА

Предметом изучения для марксистов является капитализм вообще и империализм и особенности.

Капитализм существует как мировой капитализм. Чтобы понять его свойства, необходимо иметь представление о внутреннем строе этой конкретности. Для этого нужно создать теоретическую „модель“ этого капиталистического общества. В качестве такой „модели“ Маркс создает „абстрактный капитализм“. На основе изучения внутреннего строя реального капитализма необходимо теоретически воспродвести капиталистическую конкретность, в частности воспроизвести исторические этапы его развития. Это конкретное должно быть охвачено не только логически — как конкретность капитализма вообще, но одновременно и как действительный процесс капиталистического развития „в его различных фазах“ (Маркс).

Неправильно считать, что только империализм выдвигает проблему перехода от абстрактного к конкретному. Совершенно правильно, что уже в самом определении империализма мы имеем момент государства: экспорт капитала предполагает государство. Но если мы не имеем представления о капиталистическом государстве раньше, еще в отношении домонополистического капитализма, то получается, что только при империализме оно возникает. Прежде чем переходить к империализму, нужна разработка руководящих положений марксовой теории применительно к конкретности домонополистического капитализма.

Тов. Бухарин в своем анализе империализма перескакивает через этап капиталистической конкретности домонополистического капитализма. „Суть дела — говорит т. Бухарин — заключается в том, что степень абстракции у Маркса была в очень многих вопросах настолько велика, что нужно было установить целого ряда промежуточных логических звеньев, чтобы сделать непосредственные практические выводы. Я уже упомянул: в „Капитале“ имеется анализ трех классов. Там не наша действительность, там борется

абстрактное капиталистическое общество, проблемы его не связываются с такими вещами, как мировое хозяйство" (Н. Бухарин, Ленин как марксист, см. "Атака"). Здесь мы имеем неуменье связать абстрактное с конкретным, разрыв в диалектическом методе. Получается, что мысленное выделение абстрактного капиталистического общества из реального капитализма не есть способ воспроизведения конкретного.

Этот разрыв между абстрактным и конкретным приводит к тому, что т. Бухарин рассматривает империализм не как фазу развития целого, а как самостоятельное целое. Тов. Бухарин конструирует "чистый тип" империализма. Он исследует империализм как некое новое "образование". Диалектический метод заменяется методом аналогии, методом сопоставления. Это приводит т. Бухарина к ошибочным представлениям об империализме и мировом хозяйстве и крахе капитализма.

Первый пример: т. Бухарин говорит, что торговому капитализму соответствует меркантилизм как его политика и идеология, затем мы имеем промышленный капитализм, которому соответствует как его политика и идеология — либерализм, затем следует финансовый капитализм, которому соответствует как его политика и идеология — империализм. Переход на путь аналогий приводит т. Бухарина к неправильному определению империализма как политики. Если уже придерживаться "логики" этих аналогий, то империалистическому этапу соответствует не империализм как его политика и идеология, а демократизм. Но так как у т. Бухарина все отдельные капиталисты, крестьяне и вообще мелкие буржуа исчезают в его абстракциях, то о демократизме у него нет речи.

Другой пример: в статье "Буржуазная революция и революция пролетарская" т. Бухарин говорит: "Часто повторяется и всем известен исторический пример, вернее, исторические примеры, когда варварский народ-победитель, осевший на более высокие в культурном отношении племена, через некоторое время оказывался побежденным по существу; усваивал себе быт, обычаи, нормы, даже язык "побежденного" народа. "В похожем на этот варварский народ положении находится и пролетариат" (см. сборник).

Эта аналогия льет воду на мельницу тех оценщиков нашей революции, которые говорят, что отсталый пролетариат, стоящий у нас у власти, уступит место культуре нормального капиталистического развития. Нужно сказать, что в положении "варвара" попал сам теоретик, оказавшийся сраженным теорией организованного капитализма "культурного" племени социал-демократов.

Итак, марксов "абстрактный капитализм" есть абстрагирование от несущественных черт капитализма, бухаринский же "чистый империализм" есть абстрагирование от существенных свойств империализма. Анализ империализма заменяется т. Бухариным анализом мирового хозяйства с тем, чтобы анализ этой капиталистической конкретности заменить безжизненной абстрактной системой госкапиталистических трестов. При этом у т. Бухарина исчезает как мирохозяйственная конкретность, так и конкретность "народного хозяйства".

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. Е. ВАРГА

Первое, что я считаю необходимым отметить, это то, что в нашей среде не нашлось защитников теории Бухарина об "организованном капитализме". Это не значит, что вообще не имеется сторонников этой теории. Сторонники безусловно имеются, но они настоящий момент не считают подходящим для выступлений подобного рода. Нашей дискуссией мы не можем считать вопрос исчерпанным. Вопрос об "организованном капитализме" необходимо дальше и глубже разрабатывать.

Второе: в некоторых выступлениях проскальзывала попытка отрицать, замазывать монополистичекий характер капитализма в стадии его империалистического развития. Некоторые товарищи чуть-чуть не доходят ни до отрицания различия между капитализмом свободной конкуренции и монополистическим капитализмом. Существенным отличием современного капитализма от довоенного являются монополии.

Третье: эта дискуссия дала нам новое в теоретическом смысле — это вопрос о методе т. Бухарина. Многие из выступавших товарищей указывали, что корень ошибок т. Бухарина лежит в его диалектическом методе, подходе к этому вопросу.

Позитивно новые мысли, которые дала дискуссия, следующие: т. Герцбах указал, что когда т. Бухарин говорит о том, что организованный капитализм может существовать в одной стране или в отдельных странах, но борьба продолжается на мировом рынке, — это означает, что т. Бухарин отрицает неравномерность развития капитализма в отдельных странах, не призывает ее в мировом масштабе. Если продолжать эту мысль, то нужно сказать, что если существует неравномерность развития в мировом размахе, то это должно вести к неравномерному развитию в отдельных странах и должно разрушить строй организованного капитализма в отдельных странах. Интересна затем мысль т. Лоуф-Бохена, что борьба рабочего класса есть элемент неравномерного развития капитализма. Эту мысль он иллюстрировал на

развитии САСШ. Интересна мысль т. Новикова—сопоставление концепции т. Бухарина в колониальном вопросе с тем, что т. Бухарин говорит об обострении классовых отношений в отдельных странах: если т. Бухарин говорит, что весь пролетариат империалистических стран имеет общие интересы с капиталистами, то нельзя говорить, что внутренние противоречия обостряются при организованном капитализме.

Что касается вопроса техники и загнивания капитализма, то здесь имеется тенденция отрицать вообще в наше время и в особенности в послевоенное время технический прогресс. Но, говоря о том, что технический прогресс имеется, мы не отрицаем процесса загнивания капитализма. Конечно, в развитии монополистического капитализма имеются элементы, порождающие технический прогресс. При прочих равных условиях технический прогресс будет быстрее развиваться при свободной конкуренции, чем при монополистическом капитализме. Но загнивание капитализма происходит и при техническом прогрессе.

Вопрос о теории „организованного капитализма“ является одним из важнейших вопросов в борьбе с социал-демократией. Эта теория связана с теорией социального государства. Она есть тот мост, который ведет от старого социал-реформизма к социал-фашизму. Поэтому нам необходимо этот вопрос разрабатывать дальше. Наряду с борьбой против т. Бухарина война с социал-фашизмом будет продолжаться, и в этой борьбе необходимо развить теорию „организованного капитализма“, социального государства и т. д. Этим мы поможем борьбе наших братских коммунистических партий против социал-фашизма и против капитализма.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАШИНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ (К НАУЧНЫМ УСТАНОВКАМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ)

ТЕЗИСЫ М. П. РУДАКОВА

Доклад был прочитан и подвергся обсуждению в подкомиссии техники Коммунистической Академии весной 1929 г.

I

Темпы хозяйственного развития и задачи рационализации

1. Партия и государством пролетариата поставлена большая историческая задача—равнять темпы хозяйственного роста, при которых можно было бы догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

2. Эта задача усугубляется все возрастающими потребностями широких трудящихся масс в культуре, с одной стороны, товарным голодом, т. е. маломощностью нашей промышленности и безработицей, с другой.

3. Изжить безработицу в корне можно только тогда, когда создадутся условия для поголовного вовлечения трудящихся в производство, на возможность чего делал указание еще Маркс. Вовлечь всех рабочих в производство можно и при данной наличной технике, но с необходимым приспособлением цеховой капиталистической машины к использованию и привлечению возможно большего количества рабочих при максимальном суточном использовании самой машины. Организация условий и форм такого использования техники и рабочей силы изменяет результаты самой рационализации—обычное сокращение рабочих—на вовлечение их в производство и сокращение безработицы (начало этому 7-часовой рабочий день, уплотнение рабочего часа, непрерывный поток и т. д.).

4. Поворот рационализации на массовое вовлечение рабочих в производство не только сообщает действительно социалистический характер самой рационализации, но и является единственным средством разрешения проблемы товарного голода и предпосылкой такой организации труда, которая должна создать формирование новых социалистических орудий труда—социалистическую машину. Генеральная задача рационализации—способствовать созданию орудий социалистического производства, при помощи которых можно было бы действительно догнать и перегнать капиталистические страны.

II

К формированию машины эпохи социализма

5. Каждая новая экономическая эпоха определяется соответствующими, присущими ей орудиями производства: ремесленный строй—универсальная мастерская, капиталистический строй—разрозненные инструменты мануфактуры, цеховая машина, универсальная фабрика

6. Капиталистическая машина формировалась из разрозненных инструментов мануфактурного производства (см. Адам Смит, Маркс) и разрушила мастерскую ремесленника на основе разделения труда, создавая новые формы сотрудничества в виде цеховой капиталистической фабрики.

7. Капиталистическая эпоха выдвинула свой двигатель (паровая машина Уатта), свой исполнительный механизм (ткацкие машины, металлообрабатывающие станки), свой транспорт (локомотив Стефенсона), свою технику связи (телеграф Земмеринга, Морзе). Все эти орудия производства вытесняли и замещали своих предшественников—животный двигатель, почтовый фургон, ручной деревянный ткацкий станок и т. д. Введение новых орудий труда создало невиданные темпы развития капиталистической промышленности.

8. Однако эти темпы относятся только к XIX веку. Условия для них были созданы французской революцией, освободившей производительные силы из оков феодального гнета. С этих пор достигаются успехи хозяйственного развития десятилетиями, а не столетиями, как было прежде.

9. Октябрьская революция открыла новую экономическую эпоху, эпоху диктатуры пролетариата и организации социалистического способа производства. Возникновение нового способа производства знаменуется техническими изменениями в самом капиталистическом производстве, разрушением цеховой фабрики (непрерывный поток, конвейер), появлением искусственного сырья и ростом крупнейших организационных соединений промышленности в национальном и частично в международном масштабе. Все эти изменения представляют собою переформирование процессов разделения труда и концентрации капиталов. Все это происходит под общим знаком капиталистической рационализации.

10. Октябрьская революция пачала свое переформирование разрушением классового разделения труда, передачей орудий производства от капиталиста самому производителю, создавая этим у самого рабочего стимулы к усовершенствованию и коренному преобразованию цеховой техники в капиталистической фабрике (развитие изобретений, специализация, кооперация промышленности).

Социальная революция создала необходимые предпосылки к революции технической—к созданию орудий производства новой эпохи.

11. Зарождение орудий производства новой социалистической эпохи происходит в недрах самого капиталистического производства:

- а) мощные электроустановки, открывающие возможность новых форм концентрации и децентрализации производства, охвата огромных территорий (что особенно важно для развития сельского хозяйства);
- б) новый исполнительный механизм (непрерывный поток, автоматы, конвейеры), создающий внецеховую фабрику, возможности кратчайшего рабочего дня, участие в управлении хозяйством и массовое вовлечение в производство;
- в) новый транспорт—воздухоплавание, авиация;
- г) новые средства связи—радио.

12. Во всем этом таятся величайшие предпосылки к развитию социалистического хозяйства и его невиданных темпов развития при условии организованного использования как наличных достижений техники, так и организованного руководства самым ее развитием—изобретениями и конструированием машин. Капиталистические изобретения шли стихийно, как и само производство, социалистические изобретения должны стать под знак планового воздействия.

13. Мы вступаем на путь реконструкции промышленности и сельского хозяйства, создаем мощные электроустановки—основу социалистической фабрики, довольно твердо вступили на путь создания воздушного флота, но мы мало работаем над конструкцией, над созданием исполнительного механизма, такого механизма, который бы давал нам наилучшее использование наличной техники. Возможность такого использования открывается путем широчайшего развертывания методов непрерывного потока и конвейера с приспособлением их к массовому вовлечению трудящихся в производство. Непрерывный поток открывает организованный путь к массовому изобретению и содержит все необходимое для организации социалистической внецеховой машины. Здесь мы находим:

- а) предельную дифференциацию разделения труда;
- б) формы организационной кооперации (сотрудничество рабочих);
- в) заранее рассчитанный принудительный темп и равномерную скорость трудовых приемов;
- г) заранее рассчитанную норму затрат рабочей энергии на единицу продукта;
- д) простейшую квалификацию исполнителя физических приемов работы;
- е) возможность разнообразия профессиональной работы (работа у нескольких различных конвейеров);
- ж) предельную уплотненность труда в единице времени;
- з) основу максимального сокращения рабочего дня;
- и) легкую замещаемость рабочих;
- к) возможность многосменности рабочего дня;
- л) приспособляемость производства к дефектным исполнителям (инвалидам и т. д.);

м) освобождение мозговой энергии рабочего (предельное развитие умственного и физического труда);

и) возможность органического участия рабочего в управлении хозяйством и в других сферах творческой работы (организованное сочетание умственного и физического труда);

о) новые методы обучения;

п) организованное и разумное использование трудового дня: умственный труд, физический труд, развлечения и отдых.

Непрерывный поток и конвейер содержат все необходимое для разрушения старой цеховой фабрики и создания социалистического исполнительного механизма вне цехового порядка.

14. Непрерывный поток, конвейер, соединяет в себе моменты обработки с транспортированием. Этот принцип работы применяется пока внутри фабрики, по его применению возможно и вне фабрики — между отдельными фабриками и отраслями производства путем соответствующего приспособления железнодорожного транспорта и подвижного состава.

15. Наша реконструкция промышленности должна заключаться не только и не столько в шаблонном использовании капиталистической техники, но в таком использовании ее, которое бы преобразовало эту технику и создавало бы условия для преодоления капиталистического закона развития машины за счет вытеснения рабочих из производства. Мы имеем все необходимое, чтобы исполнить завет Маркса и Ленина — полностью вовлечь рабочих в производство, открыть широчайший путь для управления. В этом должна прийти на помощь методология социалистической рационализации.

III

Планомерное разделение труда и сотрудничество как метод социал. рационализации

16. Эффективность рационализации находится в прямой связи с воздействием ее на орудия производства, на преобразование современной машины. Старая машина обязана своим происхождением разделению труда и изобретениям, причем не столько великих изобретателей, сколько изобретательности «бедных работников для ускорения и облегчения своей работы» (С м и т, т. I, с. 106).

17. Разделение труда является основой развития организационных форм всего народного хозяйства; оно связывает между собой технику и экономику и сцепляет все исторические стадии производства от мануфактуры до конвейера. Это то звено, овладев которым, рационализация может воздействовать на исторический ход производства, сообщая ему определенную планомерность.

18. Капиталистическое разделение труда шло стихийно. Современное разделение труда вступает под знак научного анализа, благодаря работе Тейлора и Гильберта, а в условиях диктатуры пролетариата — разделение труда и его соединение (кооперация промышленности и т. д.) — стремится стать под знак плановых расчетов в народно-хозяйственном масштабе. Здесь лаборатория идет на помощь истории, ускоряя ее процессы.

19. Машина — предел разделения труда, результат автоматизма и напряженности трудовых движений. Непрерывный поток — образец планомерного, заранее научно-рассчитанного разделения труда. Это одно из величайших орудий овладения стихией разделения труда и массового организованного изобретения механизма производства. Капиталистическая машина возникла на грани ремесла и мануфактуры в результате стихийного разделения труда; непрерывный поток возник на грани капитализма и социализма как сознательно сконструированная форма разделения труда, которая создает условия для новой конструкции машин в кратчайший исторический срок. Созданные капиталистических машин подготовлялось столетием мануфактуры. Здесь в данный момент есть все необходимое для того, чтобы в кратчайший срок сформировать новые орудия труда.

20. Непрерывный поток не является альфой и омегой рационализации, но он содержит главнейшие предпосылки превращения стихии трудового процесса в организованные рамки механической работы, подвластной математическим расчетам (форма непрерывного потока). При такой организации время как объем труда приобретает определенную удельную величину, и единица времени становится полновесной единицей труда, а это уже признак точной массовой организации.

21. Непрерывный производственный поток открывает возможности высоких скоростей исполнительных приемов, их автоматизации и механизации. Это связывается с интенсификацией труда. Машина освобождает человека от тяжелого труда через напряженность труда, становится технически объективным оптимумом трудовых затрат. Вопрос облегчения труда в условиях диктатуры пролетариата разрешается не через схематизм физиологического оптимума (без учета времени) и не через уменьшение трудовых затрат в единицу времени; вопрос разрешается максимальным использованием рабочей энергии в единицу времени без ущерба для здоровья рабочего, при минимальной затрате времени на единицу продукта в условиях непрерывного потока. Человечество идет не к тому, чтобы освободиться от труда, а к тому,

чтобы виртуозно овладеть этим величайшим из искусств. Мы страдаем не от того, что интенсивно работаем, а от того, что много теряем и мало производим.

22. Разделение труда, протягивая историческую цепь организованных образований от мануфактуры до конвейера, определило собою другую сторону организационного развития — кооперацию фабрики, организационное соединение в сфере производства и обращения под знаком концентрации капитала. Концентрация — разновидность кооперирования, обратная сторона разделения труда. Концентрация — второе историческое звено в образовании организационных форм. Непрерывный поток есть не только дифференцированная форма разделения труда, но и организационная форма кооперации, определяющая собою новые формы концентрации производства.

23. Непрерывный поток развивается под знаком массового производства и удовлетворения массовых потребностей. Под знаком массовости производства развивается и другой мощный организационный процесс — унификация и ее разновидности: нормализация, стандартизация, сюда же относятся специализация и районирование в малом и большом хозяйственном масштабе.

24. Все эти формы представляют собой разновидности разделения труда и кооперации и их известный синтез. Стандартизация и унификация сжимают разнообразие специализации, порождая одновременно новые формы разделения труда на расширенной основе сотрудничества уже не внутри фабрики, а между фабриками и отраслями производства. Стандартизация определяет не только продукцию, но и форму самого производства. Подобно тому как машина на заре ее развития сжимала и соединяла дробные ветви разделения труда в мануфактуре, образуя новую форму производства, так и стандартизация, переформируя современные формы разделения труда, создает новые орудия и новые формы производства. Организация машинного разделения труда определяла весь строй нарождающейся повой экономической техники — капитализма — и создала для него новые орудия труда — фабричную машину. Эпоха диктатуры пролетариата есть эпоха переформирования классовых форм разделения труда, эпоха организации новых орудий производства для следующей развернутой стадии социализма.

25. Подобно тому как машина создавалась из комбинарованных мануфактурных орудий производства, подобно этому в нашу современную переходную эпоху создается новая организация производства из орудий капиталистического арсенала на основе стандартизации, специализации и районирования. Разрушается цеховая фабрика, образуется социалистическая машина, создаются невиданные соединения на огромных пространствах под знаком мощных электрических двигателей. Новая социалистическая фабрика положит конец остаткам старого разделения труда, деления его на городскую и деревенскую, на умственный и физический. Социалистическая рационализация есть метод реконструкции промышленности, путь преобразования капиталистической техники на основе внеклассового разделения труда, сочетания исполнительской и творческой работы, т. е. умственного и физического труда у своих орудий производства. Социалистическая рационализация, т. е. преобразование капиталистической техники на основе вовлечения всего рабочего класса в процесс производства, властно выдвигает требование о переформировании разделения труда между производством и управлением, между рабочим и интеллигентом. Без этого переформирования мы не только не выдвинем социалистическую рационализацию в реконструкцию нашего производства, но и не выдвинем рабочей массы в управление не преобразуем наш страдающий бюрократизмом аппарат.

26. Рабочему нужна помощь для реконструкции, рационализации, изобретательности — помощь людей с большой умственной подготовкой и верных делу социалистического строительства. Консерватизм большинства фабрично-заводских техников (не говоря уже о шахтинстве всех видов) часто заглушает инициативу рабочего. Поход на производство, спуск из канцелярий и кабинетов к процессу упрощенного труда, к непрерывному потоку, — это экономическая необходимость эпохи реконструкции и социалистической рационализации. Партия уже делает шаги к этому сближению (постановление МК о привлечении квалифицированных работников). Надо идти более широко формы вовлечения в производство. Простота работы непрерывным потоком делает реальным такое сближение с производством.

27. Социалистическая рационализация не заключается только в организации производства, ее организационная часть является в организации планирование и управление. Если организационная методология социалистической рационализации развертывается на основе разделения труда, то плановая методология и методология управления в основе своего развертывания имеет обратную сторону этого исторического процесса — кооперацию, соединение и концентрацию трудовых профессов. Научные установки в этой части рационализации составляют самостоятельную часть работы. Заметим в связи с объемом социалистической рационализации, что трактовка теории рационализации, например, Ерманским, не только не совпадает с развитием социалистической рационализации, но и противоречит ей. Эту тему мы осветим в особом докладе.

ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ К ДИСКУССИИ ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

РЕДАКЦИЯ «ПРАВДЫ» О ДИСКУССИИ

В связи с помещением в «Правде», от 4 августа, рецензии т. К. Бутаева на сборник «Механистические тенденции в политэкономии», под редакцией тт. А. Леонтьева и Б. Бориллина, в редакцию поступило заявление 10 товарищей (А. Леонтьева, Б. Бориллина, Н. Березина и др.) и контрзаявление 12 товарищей (С. Бессонова, К. Бутаева, А. Копа и др.). Редакция решила передать эти заявления для напечатания в специальные теоретические журналы.

Одновременно редакция считает необходимым указать, что: 1) ведущую дискуссию по вопросам теоретической экономики, в частности в связи с работами Рубина, редакция считает далеко не законченной; 2) в дискуссии допущен ряд теоретических ошибок обеими спорящими сторонами, и эти ошибки должны выправляться всем коллективом научной мысли наших экономистов-коммунистов; 3) редакция считает явно неправильной установку на защиту стопроцентной марксистской ортодоксальности дискутируемых работ Рубина, что фактически ведет к замазыванию ряда его немарксистских положений; 4) что касается ошибок, допущенных тт. Бессоновым и Копом, редакция считает необходимым в ближайшее время дать в библиографическом отделе критический разбор соответствующих работ этих товарищей; 5) исходя из основной установки борьбы как против идеалистической опасности, передко рядящейся в марксистскую одежду, так и против механистических пережитков буржуазности, редакция считает необходимым в ближайшее время дать отпор ряду невыдержанных и псевдо-марксистских выступлений в области теоретической экономики. Для этого редакция считает необходимым объединение всех сил научной экономической мысли партии на основе последовательно проводимого марксизма-ленинизма и его революционно-диалектического метода.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ» О ДИСКУССИИ

I

Уважаемые товарищи!

Широко развернувшаяся за последнее время дискуссия по основным вопросам экономической теории требует самого пристального внимания партийного общественного мнения. Между тем помещавшиеся в течение последних месяцев в библиографическом отделе «Правды» рецензии по вопросам теоретической экономики, принадлежавшие представителям механистического направления тт. Копу, Бессонову и Бутаеву, дают совершенно неправильное и тенденциозное представление о сути разногласий. В последней рецензии т. К. Бутаева на сборник «Против механистических тенденций в политической экономике», выпущенный Гизом под редакцией тт. Б. Бориллина и А. Леонтьева (см. «Правда» от 4/VIII 1929 г.), встречается такое грубое извращение основных марксистских положений политической экономики, такая неприкрытая защита механистических взглядов и, в довершение всего, абсолютно необоснованное обвинение противников механистических тенденций в отсутствии политического чутья и области экономической теории, что нижеподписавшиеся товарищи считают своим долгом обратиться в редакцию со следующим письмом.

Начнем с краткой оценки тех примеров мнимого отклонения от марксизма у противников механистических взглядов, которые приводит рецензент. По его мнению, они совершают отход от марксизма прежде всего тем, что различают, с одной стороны, «материально-технический процесс производства» или «производство материальных ценностей», относя их к сфере технологии и производительных сил, и с другой, общественные отношения людей по производству, относя их к сфере политической экономики. Но это различие всегда проводило Маркс и марксистской политической экономией в противоположность всей буржуазной науке. Рецензент, очевидно, не знает, что Маркс прямо говорит о необходимости

¹ Данное постановление (см. «Правда» от 10 октября 1929 г. № 234) было получено вместе с двумя печатаемыми ниже заявлениями для опубликования в нашем журнале.

отдельного рассмотрения этих различных сторон единого процесса производства и труда. Рецензент приводит цитату из «К критике политической экономии», где Маркс говорит: «Предмет настоящего исследования—это прежде всего материальное производство»,—и больше ничего. Но если бы он перевернул страницу, то смог бы прочитать недвусмысленное заявление Маркса в развитие вопроса о предмете политической экономии, что «политическая экономия—не технология». Поскольку речь идет о сфере конкретного труда, о производстве потребительных стоимостей и т. д., Маркс выделял все это из непосредственного объекта политической экономии—производственных отношений людей. Наиболее определенно высказывается по этому вопросу Ленин, который пишет: «Во (политической экономии) предмет—вовсе не производство материальных ценностей», как часто говорят (это—предмет технологии), а общественные отношения людей по производству» (т. II, с. 220). Ошибку смешения объектов технологии и политической экономии делали Богданов и вся буржуазная экономия. Приходится постыдно поражаться, что абсолютно подобное же смешение, которое свойственно всей буржуазной политической экономии, теперь преподносится рецензентом под флагом ортодоксальнейшего марксизма.

Но рецензент продолжает обвинять. Раз противники механистических взглядов относят материально-техническую сторону производства к технологичным и производительным силам и далеко выделяют «производственные отношения», а не просто «производство» в качестве объекта политической экономии, то они «вслед за Рубиным лишают капитализм его основного движущего противоречия между производственными отношениями и производительными силами». Не лишает ли марксистская политическая экономия, в самом деле, капитализм основного движущего противоречия между производительными силами и производственными отношениями людей? К счастью для марксизма это обвинение обосновано на извращении представлений рецензента о существе производственных отношений и закономерностях их развития. Производственные отношения суть отношения людей по производству. Это—отношения по поводу «вещей» и через посредство «вещей», фигурирующих в производстве. Уже по одному этому «вещи»,—материально-технические факторы производства, процессы воздействия человека на природу, хотя специально не изучаются политической экономией,—отнюдь не исчезают из рассмотрения политической экономии, по рассматриваются постоянно в связи с рассмотрением самих производственных отношений. Как моменты, по поводу и на основании которых создаются и развиваются общественные отношения между людьми, «вещи», потребительные стоимости, материально-технический процесс производства не исчезают из поля зрения исследователя политической экономии. Производственные отношения не могут рассматриваться в политической экономии иначе, как в связи и во взаимодействии с производительными силами, хотя последние изучаются постольку, поскольку этого требует изучение самих производственных отношений. Почему? Потому, что в политической экономии речь идет «по о вещах, а об отношениях между людьми, а в последней же инстанции,— между классами» (Энгельс).

Но далее, если мы исследуем специально и особо производственные отношения, то воздействие производительных сил на производственные отношения не только не ускользает от нас, но именно на внутреннем движении самих производственных отношений это воздействие производительных сил и выясняется наиболее полно. Воздействие производительных сил и выражается в первую очередь в том, что оно создает внутри производственных отношений такие факторы, которые действуют внутри на данную систему производственных отношений, ее изменяя, двигая, развивая. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями и выражается прежде всего в создании сил внутри производственных отношений, которые вступают с ними в конфликт и взрывают их. Поэтому, только стоя на сугубомеханистической точке зрения, игнорирующей внутренние имманентные противоречия, можно прийти к выводу, что если мы будем изучать в политической экономии производственные отношения, а не «производство материальных ценностей», то у нас исчезнет противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Нет, именно изучение внутренних противоречий в движении производственных отношений и обнаруживает глубочайшие антагонизмы, которые свойственны производственным отношениям капитализма и которые выражают в последнем счете основное противоречие между производительными силами и производственными отношениями, изложенное во всей капиталистической системе. Поэтому можно оценить «мудрость» рецензента, который пишет, что «нельзя вскрыть внутренние противоречия производственных отношений, взятых сами по себе». Это утверждение прямо бросается в глаза по своему глубокомеханистическому смыслу. И вместе с тем—как при оппортунистических умах выглядывают у рецензента в этом пункте! Одним махом рецензент ликвидирует (подумайте!) все внутренние противоречия производственных отношений, как таковых. Ни классовой борьбы, ни конкуренции, ни анархичности и т. д., т. е. ничего, характеризующего именно глубочайшую внутреннюю антагонистичность производственных отношений, как таковых. Ничего этого рецензент не признает.

Рецензент нападает на противников механистических взглядов за то, что они подчеркивают факт овеществления общественных отношений при капитализме. Он согласен с тем, что экономические категории суть одновременно социальные формы вещей только

в отношении категорий, выражающих, как он говорит, отношения равноправных или просто товаропроизводителей, и не согласен с таким утверждением, поскольку речь идет о производственных отношениях между буржуазией и пролетариатом. Мы не имеем возможности за отсутствием места полностью ответить на подобное «марксистское» понимание рецензентом отношения между буржуазией и пролетариатом. Но совершенно ясно, что, отрицая факт овеществления общественных отношений между буржуазией и пролетариатом, т. Бугаев решительно разрывает с марксистской теорией. Ингель, Маркс и Лошн несли неслыханное число раз о том, что классовые экономические отношения при капитализме проявляются как вещи, выражаются в вещах, опосредствованы обменом вещей и т. д. Попонимание этого неизбежно приводит к отрицанию господства закона стоимости и обмена между трудом и капиталом, неизбежно приводит к взглядам, которых придерживался Туган-Барановский в своей «социальной теории распределения» и которых придерживается современная социал-демократия. Выводом из них является «теория» беспрерывного улучшения положения рабочих при капитализме и мирного вращения в социализм.

Рецензия т. Бугаева чрезвычайно интересна по той неприкрытой защите механистов, которая в ней получила себе выражение. Признавая механистическую опасность, для признания в паре мест он приходит к тому выводу, что вообще на следует широко объяснять «механистам», не следует кричать о «механистической репрессии» Маркса, а только критиковать «отдельные ошибки экономистов-коммунистов». И вообще стоит ли говорить о механистическом течении в политической экономии, когда есть «основная идеалистическая опасность»?

Всякого поразит удивительное сходство этой ламантации рецензента в защиту механистов с подобными же ламантациями философ-механистов. Вряд ли у кого-либо из нас есть сомнения в необходимости ожесточенной, ни на минуту не прекращающейся борьбы с идеализмом. Борьбу с социальным направлением буржуазной экономики противники механистических взглядов ведут не на словах, а на деле, вынося на своих плечах почти всю тяжесть этой борьбы. Однако возможна ли такая борьба, если наше марксистское оружие не будет остро отточено, если мы не разоблачим до конца механистические взгляды?

Мы считаем, что это разоблачение является необходимым условием для успеха в борьбе со всеми направлениями в буржуазной экономике и в первую голову с социально-идеалистическими течениями. Именно выросший за последнее время фронт механистов-путаников является существенным тормозом в этой борьбе. Ошибочно думать, что речь здесь идет только «о преобладающих экономистов-коммунистов». Речь идет не только о тт. Коле и Бессопове; речь идет о Шабсе, Дашковском, Каякпове, Фпп-Влотаевском, Базарове, Вейдемюллере, Цейтлинге и др. Речь идет еще о неумеренной и достаточно живучей идеологии Богданова. Речь идет о возмущающихся попытках открытой репрессии Маркса под материалистически-механистическим флагом (см., например, новую статью Фпп-Влотаевского в № 3 «Социалистического хозяйства»). Не нужно забывать всей хозяйственной и политической обстановки, в которой мы живем и которая питает механистические взгляды, особенно в области экономики. В нашей обстановке безусловно заложена возможность такого механистического понимания экономических явлений, когда социальная форма непосредственно отождествляется с материально-техническим содержанием. Выпячивание чисто технического момента, взятого вне социально-классовой формы, разве это не та тенденция, которую поддерживает вся мелкобуржуазная стихия, капиталисты и враждебно настроенные к нам специалисты в условиях, когда пролетариат ведет ожесточенную классовую борьбу за социалистическую реконструкцию нашего хозяйства? Мы полностью согласны с мнением одного видного философа-диалектика, высказавшим им на недавнем диспуте в ИКП, что «из тех задач, которые стоят сейчас перед марксизмом-ленинизмом, вытекает необходимость в первую голову приложения к изучению политической экономии метода материалистической диалектики, вытекает борьба против механистического его понимания».

О необходимости борьбы с механистическими взглядами в общественных науках говорят и решения 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. Мы указываем на то, что о механистической опасности в политической экономии не говорят, а трубят ряд журналов («Под знаменем марксизма», «Революция и культура», «Книжки и революция» и др.).

В заключение несколько слов о методах дискуссии. Мы считаем совершенно недопустимой и в высшей степени вредной ту установку в настоящей дискуссии, которая так ярко выражена в рецензии и которая пытается свести всю дискуссию к вопросу «за или против Рубина». Дискуссия далеко перешагнула за рамки работ Рубина. Речь идет о принципиальных линиях, установках, направлениях, а отнюдь не просто об оценке достоинств и недостатков работ Рубина. Мы безусловно считаем, что работы Рубина имеют ряд ошибок и однобокостей. Являясь в основном существенным вкладом в марксистскую теорию, они отнюдь не лишены ошибочных моментов. На это справедливо указывают и авторы сборника.

Однако, мы считаем, что под флагом борьбы с «рубинщиной» в настоящее время делается попытка реставрировать и развить явные богдановско-механистические взгляды, делается попытка нападения на всю марксистскую политическую экономию, даются лозунги

протаскивания в экономическую теорию таких вещей, как изучение потребительной стоимости, технологии, смещение экономических и технических категорий, смазывание социально-классовых моментов в угоду моменту техническому, антиисторические взгляды на категории политической экономии, идея «железного» закона трудовых затрат, якобы диктующего неизменности для всех эпох пропорции между частями общественного производства (в то время как мы проводим индустриализацию, коренным образом изменяя пропорции, созданные в прошлом между тяжелой индустрией и легкой и т. д.), отрицание важности факта овеществления общественных отношений и значения конкуренции и рынка при капитализме (что неизбежно идет к теории организованного капитализма), предвзятость об обмене как о безразличной внешней форме, в то время как обмен не только внешняя форма проявления — обмен и торговля глубочайшим образом связаны с капитализмом и его порождениями (Ленин) и т. д. В настоящем месте нет нужды доказывать, к каким опасным и в теории и на практике выводам может привести распространение подобных взглядов в области экономической науки. Вот почему мы не только стоим выше и в отечестве и в противники механистических тенденций политического чутья в теории, но считаем своим долгом решительно заявить, что вся социально-экономическая и политическая обстановка, в которой развиваются науки в СССР, требует, прежде всего, от всего коллектива коммунистов-экономистов дружной работы над преодолением в первую голову механистических взглядов.

С коммунистическим приветом:

**Н. Березин, Б. Боролин, С. Кругликов, А. Леонтьев, И. Литвинов,
Л. Мендельсон, Л. Мехлис, К. Островитянов, Л. Эвентов, Е. Хмельницкая**

II

Уважаемые товарищи!

За последнее время на страницах некоторых журналов небольшая, но сплоченная группа сторонников Рубина, целиком разделяющая «социально»-идеалистические ревизионистские взгляды последнего, ведет бурную кампанию против всех марксистов, не желающих скатываться вместе с Рубиным в болото идеализма. Ни одним словом не отвечая на серьезные обвинения, выставляемые марксистам против Рубина, участники группы пытаются перекрыть эти обвинения криками об ошибках, допущенных когда-то критиками Рубина. Используя в своих интересах припятый всей партией лозунг борьбы с механистами, они пытаются подогнать под это враждебное течение каждого, кто подымет свой голос в защиту марксизма против рубинских извращений. На этом пути рубинцы не останавливаются ни перед прямым искажением взглядов своих противников (примеры этого рода см. в статье т. Кона в «Проблемах экономики» № 6, а также в письме его, опубликованном в июле 1929 г. в «Правде»), ни перед демагогическим улюлюканьем и травлей отдельных товарищей (Козь, Вессонов). Путем этой травли, наклеивания ярлыков и приписывания теоретических уклонов рубинцы пытаются запугать всех, кто не согласен с Рубиным, пытаются отвлечь внимание читателей от писаний и ошибок своего учителя и вывести таким образом Рубина из-под ударов марксистской критики.

Эта недостойная марксистов защита «социально»-идеалистических рубинских извращений нашла себе полное отражение в декларации десяти экономистов, доставленной в редакцию «Правды» под видом ответа на рецензию т. К. Бутаева, посвященную разбору явно неудачного сборника рубинцев, носящего претенциозное заглавие «Против механистических тенденций в политической экономии».

В рецензии на этот сборник т. К. Бутаев совершенно правильно отметил серьезную политическую ошибку его авторов, рассыпающихся в похвалах Рубину и Гильфердингу и де критически объявляющих их стопроцентными и ортодоксальными теоретиками марксизма. Вместе с тем т. К. Бутаев на нескольких примерах отчетливо показал, в какое опасное болото попадают авторы сборника, присоединяясь к основным положениям рубинской идеалистической теории.

Что же ответили рубинцы на это серьезное обвинение? Вместо того, чтобы резко и решительно отмежеваться от социально-идеалистических утверждений Рубина в вопросе о предмете политической экономии (игнорирование противоречий между производительными силами и производственными отношениями), в вопросе о труде (объявление труда, создающего стоимость, лишь формой труда, лишенной материального содержания), в вопросе о форме и содержании (превращение политической экономии в вульгарное учение о «социальных формах вещей»); вместо того, чтобы категорически осудить меньшевистскую меновую концепцию Рубина, объявившего классовые (по Рубину — в кавычках) отношения равнозначной к отношениям обмена (см. «Современные экономисты на Западе», с. 188), подчеркивающего в положении нашего рабочего «независимость» и «равноправие» последнего, считающего основным в купле-продаже рабочей силы отношение «автономных субъектов», провозгласившего рабочего «равноправным и автономным товаропроизводителем», «субъектом» ка-

лигалистического хозяйства («Очерки», 3-е изд., с. 102 — 105); вместо того, чтобы подобным частым и прямым омежеванием от рубинских извращений положить начало созданию единого фронта всех диалектиков-марксистов против социальных идеалистов, с одной стороны, и механистов, с другой стороны, молодые представители рубинской школы на этот раз в своей декларации не нашли ничего лучшего, как еще раз прикрыть своим партийным именем рубинские извращения марксизма.

«Дискуссия — пишут они — далеко перешагнула за рамки работ Рубина. Речь идет о принципиальных линиях, установках, направлениях, а отнюдь не просто об оценке достижений и недостатков работ Рубина. Мы безусловно считаем, что работы Рубина имеют ряд ошибок и односторонностей; являясь в основном существенным вкладом в марксистскую теорию, они отнюдь не лишены ошибочных моментов».

Этим своеобразным свидетельством о бедности ограбачиваются ученики Рубина, когда они пишут о своем учителе. Ни одного слова, в действительности характеризующего ошибки Рубина. Ни одного замечания, на деле осуждающего его идеалистические и меньшевистские извращения.

Весь смысл и значение приведенного места декларации заключаются в том, чтобы выместить Рубина из-под обстрела, спасти от развешивания это важнейшее знамя новой ревизионистской школы. Между тем ничто и никогда не интересовало «достоинствами и недостатками работ Рубина», как таковых. С самого начала дискуссии, т. е. с 1923 года, речь неизменно шла именно о тех «принципиальных линиях, установках, направлениях», которые содержатся в работе Рубина и которые прямо и косвенно ревнуют марксизм. До выступлений гг. Борлина и Леонтьева и др. за все пять лет дискуссии не было ни одного марксиста, который в той или иной форме не отмежевался бы от той или иной части взглядов Рубина, как от явно или скрыто ревизионистских. Только сейчас, когда Рубину удалось создать школу молодых учеников из среды коммунистов, в защиту его идеалистической концепции начинают подниматься голоса, не стесняющиеся использовать любые аргументы для безоговорочной защиты учителя.

Мы категорически отводим поэтому попытку десяти экономистов еще раз спасти Рубина от неминуемого осуждения его идеалистических позиций.

В своей декларации рубинцы делают целый ряд отступлений от их прежних взглядов наряду с повторением ряда прежних своих ошибок.

Начнем с вопроса о предмете политической экономии.

Свое знаменитое «Введение в критику» Маркс начинает словами: «Предмет исследования — это прежде всего материальное производство. Социально обусловленное производство индивидов — вот очевидно отправной пункт». Рубин в своих «Очерках», Леонтьев и Хмельницкая в своих писаниях и авторы сборника неоднократно заявляли, что предметом политической экономии является не материальное производство (Рубин, «Очерки» 3-е изд., с. 52 и др., сборник «Против механистических тенденций» с. 145). Они полагали, что материальное производство это то же самое, что производство материальных ценностей, и поэтому считали материальное производство только техническим процессом. В противоположность этому мы считали и считаем, что процесс материального производства есть не только технический, но и общественный процесс и в качестве такового (общественного и общественно-оформленного) процесса образует предмет политической экономии. Никто из нас никогда не предлагал включать в предмет политической экономии технический процесс производства или то, что Ленин называл «производством материальных ценностей», напротив, мы предлагаем различать производство как технический процесс от производства как общественного процесса. Что же ответили на это авторы декларации? Может быть, они объяснили, как они примиряют свое утверждение, что политическая экономия не изучает материального производства, с утверждением Маркса, что предмет политической экономии — «прежде всего материальное производство»? Нет. Они предпочли приписать т. Бугаеву, как одному из марксистов-антирубинцев, нежелание отличать общественную форму производства от технического процесса производства. Однако именно мы настаивали на том, что политическая экономия изучает производственные отношения и калгализма в их возникновении, развитии и упадке. Тем не менее в отличие от рубинцев мы настаивали также на том, чтобы не только употреблялся термин «производственные отношения», но чтобы в термин этот вкладывалось то содержание, которое вкладывают Маркс и Энгельс и Ленин. Основовопложники научного социализма, говоря о системе производственных отношений, всегда понимали под ней форму существования и развития производительных сил. Диалектическое единство этой формы и этого содержания (производственных отношений и производительных сил) и есть то, что Маркс называет общественно-обусловленным материальным производством. Рубинцы же, отождествляющие общественно-обусловленное материальное производство с производством материальных ценностей, т. е. с техническим процессом, и вытесняющие общественное материальное производство на этом основании из предмета политической экономии, превращают тем самым производственные отношения в бессодержательные формы. Вследствие этого получает полное исключение верный принцип имманентного движения, которым так настойчиво клянутся авторы декларации. Бессодержательная

форма не обладает и не может обладать никаким перманентным принципом движения. Имманентное движение может быть присуще лишь содержательной форме, т. е. производственным отношениям, рассматриваемым в качестве формы движения производительных сил.

Рубин и рубинцы неоднократно утверждали, что политическая экономия не изучает противоречий между производительными силами и производственными отношениями капитализма (Рубин «Абстрактный труд», с. 87, Леоптьев «Советская экономка» 1926 г., с. 18, «Очерки переходной экономки», с. 26). Тем самым они отказывались изучать основные противоречия капиталистического строя. Марксисты неоднократно указывали на то, что это является отступлением от марксизма. Что же сделали авторы декларации? Может быть, они открыто отмежевались в этом вопросе от ревизионистских взглядов Рубина и отказались от своих собственных ревизионистских ошибок? Нет. Они предпочли, во-первых, обвинить анти-рубинцев в отрицании противоречий внутри системы капиталистических отношений и, во-вторых, попытку наемилли своп формулировки, приближая их к марксистским. Теперь уже оказывается, что «производственные отношения не могут рассматриваться иначе, как в связи и во взаимодействии с производительными силами». Но не значит ли последнее признание десяти экономистов, что все противоположные высказывания Рубина и рубинцев были неверными, ревизионистскими и что марксисты, следовательно, правильно отметили эти антимарксистские прорывы в их концепции? Отступая таким образом в этом важном пункте от позиций своего учителя, рубинцы, подписавшиеся под декларацией, делают это однако недостаточно последовательно. Вместо того, чтобы открыто и честно сказать, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями является движущей основой возникновения, развития и гибели капитализма и что, следовательно, рубинское отсылание этого противоречия в другие науки выхолащивает политическую экономию, превращая ее в формально-схоластическую болтовню, авторы декларации последующими неясными формулировками обезличивают свое собственное признание. С точки зрения этих формулировок производительные силы привлекаются лишь в «последнем счете», каковой счет может подвигаться, как известно, и не в политической экономии. Именно так и подходит к вопросу Рубин, отсылая противоречия между производительными силами и производственными отношениями в исторический материализм. Излишне останавливаться на том, что вместе с этим из политической экономии выпадает и все учение Маркса о классовой борьбе, в которой выражается и падают себе разрешение основные противоречия между силами и производственными отношениями («Нипчета-философия»). Таким образом позиция авторов декларации в этом существенном вопросе до сих пор продолжает оставаться неясной. Между тем для марксиста крайне существенно признано то, что производительные силы рассматриваются политической экономией не как «предпосылка», «исходный пункт» (Рубин) и не только в «последнем счете» (декларация), а как неотъемлемая сторона того противоречия, которое движет капитализм к социалистической революции.

Рубин неоднократно определяет политическую экономия науку о социальных формах вещей («Очерки», 3-е изд., с. 48). Марксисты не раз указывали, что такое определенное понятие. Политическая экономия изучает не социальные формы вещей, не формы проявления сами по себе, но сущность — производственные отношения капитализма, проявляющиеся через вещи. Задача экономиста открыть за отношениями вещей производственные отношения людей, реальные классовые противоречия капитализма, а не довольствоваться констатированием противоречий одних только внешних форм. Перенесение Рубиным центра тяжести из сферы отношений между классами в сферу социальных форм вещей ведет к замалчиванию классовых противоречий, к меньшевистскому выхолащиванию марксистско-ленинской политической экономии, все название которой — служить орудием классовой борьбы пролетариата. Мы же всегда утверждали, что классовые отношения капиталистического общества проявляются через посредство вещей; мы утверждали также, что понять эти отношения во всей их специфичности невозможно, если упустить из виду факт их овеществления. Однако мы подчеркивали, что действительным предметом политической экономии являются производственные отношения капиталистического общества, реальные внутренние противоречия капитализма, а не внешнее только проявление этих противоречий в вещах.

Чем же ответили на это авторы декларации? Признали ли они замазывание Рубиным реальных противоречий капитализма? Подчеркнули ли значение классовых противоречий капитализма, ведущих его к гибели? Нет. Они ни одним словом не ответили на то важное замечание г. Бутаева, в котором он говорит, что если действительно «экономические категории суть всегда социальные формы вещей», как это вслед за Рубиным заявил в сборнике рубинцев т. Бориллин, то совершенно непонятным и неясным становится, каким образом Ленин считал буржуазию и пролетариат «важнейшими категориями капиталистического общества»? Рядкальный ревизионизм Рубина — Бориллина в этом вопросе отчетливо выступает, если сравнить их формулировку с формулировкой Маркса, неоднократно повторенной Лениным. Экономические категории по Марксу суть «теоретическое выражение исторических производственных отношений, соответствующих известной ступени развития материального производства» («Нипчета философия», 1919, с. 27).

Таким образом ослепленне социально-меновой концепцией Рубина и в этом вопросе вовлекает его учеников в вульгарно-идеалистическое болото, из которого они, к сожалению, не сумели вырваться и в своей декларации.

Декларация десяти экономистов характерна еще в одном отношении. Великого, знаменитого с экономической литературой последних лет, не может не удивить, что борьбу с «механицистами в политической экономии» возглавили товарищи Леонтьев, Хмельницкая, Островитянов, сами серьезно повинные в механистических ошибках. Достаточно просмотреть писания Леонтьева и Хмельницкой, чтобы паткнуться на утверждение, что экономические науки изучают не только (!) рост производительных сил, но и (?) производственные отношения («Советская экономика», 1926 г., с. 72, 88), что отношение формы к содержанию в марксовской системе есть отношение изменяющейся формы к качественно неизменному содержанию («Советская экономика», 1926 г., с. 12 и «Очерки переходной экономики», с. 19), что отношения менового общества складываются из «горизонтальных» (отношений обмена) и «вертикальных» (классовых отношений) («Советская экономика», 1926 г., с. 52 и «Очерки переходной экономики», с. 44), что советское хозяйство имеет товарно-рыночную форму и т. д. («Советская экономика», 1926 г., с. 77; «Очерки переходной экономики», с. 107, 265; «Советская экономика», 1928 г., с. 45 и др.). В книгах Леонтьева и Островитянова не трудно найти трактовку абстрактного труда как только логической категории, полное приятие бухаринского закона трудовых затрат и пр. (см., напр., Липидзе и Островитянов, «Политическая экономия», изд. 1924; Леонтьев, «Очерки переходной экономики», 3-я глава и др.). Недаром журнал «Под знаменем марксизма» еще в 1926 г. (см. № 6) характеризовал концепцию Леонтьева и Хмельницкой как механистическую концепцию. Если товарищи, подписавшие декларацию, хотят действительно не на словах, а на деле бороться с механистическими тенденциями, они должны прежде всего обратить острое своей критики против «внутреннего врага», собственных своих соратников — Леонтьева, Хмельницкой и Островитянова. Если бы они занялись этим общественно-полезным делом, они легко смогли бы убедиться, что Леонтьеву, Хмельницкой и Островитянову по целому ряду вопросов придется вполне подходящее место в рядах Шабса, Дашковского, Кажанова, Фини - Епотаевского и др.

Категорическая и решительная борьба с механицистами — не выдуманная, а действительная, с богачами и физиологистами типа Ермаченко, Кажанова, Дашковского, с неприятыми врагами марксизма вроде Фини-Епотаевского, к сожалению почтающегося в наших марксистских журналах (по бездействию некоторых подписавших декларацию десяти) товарищей), с дутанниками и ехотастами типа Шабса — эта непрекращающаяся борьба ни на одну минуту не должна заслонять перед нами борьбу с «социальной»-идеалистической школой, конкретно представленной у нас Рубиным, к которому на-днях торжественно присоединился в особой книжке бывший капитанец, переводчик и популяризатор Штамлера, открытый «социальный идеалист» Давыдов (см. его книгу «Абстрактный труд»).

Замазывать эту борьбу против социально-идеалистической школы в настоящее время более, чем опасно. Именно отсюда, из этого лагеря и идет та гипертрофия меновых отношений, которая является основой для меньшевистских теорий социальной революции (Рейнер), для теории «организованного капитализма», для буржуазного отождествления советского хозяйства с товарным хозяйством вообще (Юровский) и для общей гипертрофии меново-выраженных меновых рыночных отношений (правый уклон).

Авторы «декларации десяти» пытаются неправильно информировать партию, заявляя, что будто с борьбой с социальными направлением» буржуазной оппозиции противники механистических взглядов ведут не на словах, а на деле, вынося на своих плечах почти всю тяжесть этой борьбы. Если они под противниками механистических взглядов имеют в виду себя, то мягко выражаясь, их заявление не соответствует действительности. Из числа десяти экономистов, подписавших декларацию, никто и никогда не выступал против социального направления в политической экономии. Напротив, рецензию т. Бессопова в «Правде», направленную против Петри, авторы декларации вместе с другими рецензиями «Правды» относят к числу «грубых извращений марксистских положений в политической экономии». Если же авторы декларации имеют в виду не себя, а кого-то другого, то крайне странно в таком случае наличие вообще подобного заявления в декларации.

Не касаясь обычной для рубинцев манеры полемики, целиком основанной на изготвлении в собственной кухне «макета» взглядов противника на предмет их опровержения, нижеподписавшиеся не могут не остановиться в заключение на попытке авторов декларации сблизить борющихся против Рубина марксистов с правыми уклонистами в партии.

Этот во всех отношениях недостойный прием, пытающийся использовать великую историческую задачу партии по преодолению оппортунистических шапаний для целей мелкофракционной защиты ревизиониста Рубина и ошибок его учеников, — мы категорически осуждаем. Со всей решительностью мы заявляем, что ни у кого из подписавшихся здесь марксистов не было и нет ни малейших сомнений в правильности генеральной линии партии в ее борьбе с правыми уклонистами внутри ВКП(б) и в Коминтерне. Мы считаем поэтому недостойным прием десяти экономистов, не постеснявшихся пустить в ход это опасное ору-

жие для защиты Рубина, представляющегося, по видимому, авторам декларации ортодоксальнейшим представителем теоретических позиций ленинской партии.

Вот это-то политическое легкомыслие т. Бутаев правильно характеризовал в своей рецензии как недостаток политического чутья.

Авторы «декларации 10 экономистов» полностью оправдали эту характеристику.

С. Бессопов	Н. Медников.
Я. Бумбер	Я. Раппопорт.
К. Бутаев	М. Сайгушкин.
В. Кад	А. Холмянский.
А. Коп	Д. Черномордик.
И. Лаптев	И. Шумский.

(коммунистическим
приветом.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИСТОВ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ О ДИСКУССИИ¹

По вопросу о разногласиях в области теоретической экономики собрание считает обязательным для членов ячейки подчинять эти разногласия задачам борьбы с правым уклоном.

Собрание считает, что механистические тенденции, обнаружившиеся в области политической экономики, могут в дальнейшем их развитии сойтись с темп немарксистским, не диалектическими механистическими установками, которые характеризуют Бухарина и его «школу». Поэтому необходимо особо заострить теоретическую борьбу против механистического направления в политической экономике. Наряду с этим собрание находит актуальным и обязательным решительную борьбу с идеалистическим направлением, а также с идеалистическими извращениями марксизма в политической экономике.

Собрание целиком солидаризируется с решением «Правды» и считает, что это решение должно явиться базой, на почве которой может быть разработана положительная теоретическая платформа, на которой должны объединиться коммунисты.

Однако, эта платформа не может являться эклектическим соединением разных точек зрения, а должна представлять единое целостное понимание всего учения Маркса применения марксистско-ленинской диалектической методологии к эпохе диктатуры пролетариата. к вопросам теории советского хозяйства, к теории империализма, к оценке теперешнего этапа развития мирового хозяйства.

На теоретическом фронте должен играть решающее значение коллектив коммунистов. Задача нашей ячейки помочь партии вырастить крепкий, партийно-выдержанный коллектив, который мог бы преодолевать всевозможные отклонения от марксистско-ленинской теории и ее методологических основ и заняться положительной разработкой вопросов теории советского хозяйства.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИСТОВ РАИОНА О ДИСКУССИИ²

1. Общее собрание ячейки Института экономики РАИОНА целиком солидаризируется с установкой «Правды» и ячейкой экономического отделения ИКП как в оценке, так и в дальнейших задачах дискуссии по теоретической экономике.

2. Исходя из этой установки, собрание особенно подчеркивает:

а) что дискуссия в области теоретической экономики должна быть подчинена задачам борьбы с правым уклоном как главной опасностью в партии;

б) что на данном этапе необходимо особо заострить внимание коммунистов на основной задаче решительного разоблачения и критики механистических концепций в области теоретической экономики, являющихся теоретическими корнями правого уклона (Бухарин). Поэтому необходимо полное преодоление марксистского направления политэкономии (Шабо, Дашковский, Кожанов, Финн и в менее последовательной форме — Бессонов и Коп);

в) что наряду с этим активной и обязательной задачей для коммунистов является решительная борьба и с идеалистическим направлением (Давыдов, Кушнев) и последовательно-марксистская немеханистическая критика и решительное преодоление ряда немарксистских положений Рубина.

3. На базе установки «Правды» и ИКП должна быть разработана положительная теоретическая платформа, на которой должны объединиться коммунисты. Эта платформа не должна являться эклектическим соединением различных точек зрения, а должна представлять единое целостное понимание всего учения Маркса, применения марксистско-ленинской диалектической методологии к вопросам теории советского хозяйства и теории империализма, к оценке современного этапа мирового хозяйства.

¹ Приводимый текст представляет собой часть общей резолюции ячейки экономического отделения ИКП по докладу бюро ячейки и деканата.

² Принята общим собранием ячейки ВКП(б) Института экономики РАИОНА 17 декабря 1929 г.

4. Собранно присоединяется к решению ячейки экономического отдела ИКП о том, что на теоретическом фронте должен играть решающее значение коллектив коммунистов, что задачей партии является воспитание крепкого партийно-выдержанного коллектива, который мог бы преодолеть возможные отклонения от марксистско-ленинской теории и ее методологических основ и заняться положительной разработкой вопросов теории советского хозяйства.

РЕЗОЛЮЦИЯ КАФЕДРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Я. М. СВЕРДЛОВА.

Заседание кафедры политической экономии Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова считает, что механистические и идеалистические тенденции, обнаружившиеся в области политической экономии, ведут к ревизии марксизма и оппортунистическим извращениям линии партии.

Механистические ошибки гг. Кона и Бессопова, ошибочность ряда высказанных ими в дискуссии положений, которые при дальнейшем их развитии могут сомкнуться с подлестнической механистической концепцией г. Бухарина, являющейся базой правого уклона, требуют остережения борьбы против механистических тенденций в области политической экономии. Эта борьба становится еще более актуальной в связи с памятливыми возрождением явной богдаловщины (Кажанов, Фипп-Епотаевский и др.).

Защита позиции ортодоксального марксизма-ленинизма в области политической экономии требует в то же время вскрытия и полного определения идеалистических ошибок П. И. Рубина, прикрываемых и отставаемых на деле рядом экономистов-коммунистов. Распространенность взглядов П. И. Рубина и дальнейшее развитие его ошибок в ряде явно идеалистических работ (Давыдов, Кушин и др.) делает борьбу с идеалистическими тенденциями настоятельно необходимой.

Кафедра присоединяется к решению редакции «Правды» и считает, что только решительная борьба с указанными ошибками, борьба, исключающая всякую возможность эклектизма, послужит основой для сплочения всех коммунистов, работающих в области экономики и обеспечит плодотворную разработку проблем экономики капитализма и теории советского хозяйства как основу для революционной практики ленинской партии.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ»

I

Прошу не отказать напечатать в одном из ближайших номеров журнала следующее мое письмо:

Оживленная дискуссия, разгоревшаяся вокруг 3-го издания «Очерков» И. Рубина, вступает в новую фазу. Ее непосредственная задача — разоблачение социально-идеалистической антимарксистской сути ряда рубинских положений — может считаться в основном выполненной. Общественное мнение партийного актива, принявшего широкое участие в этой дискуссии, нашло себе отчетливое выражение в известном заявлении редакции ЦО партии «о дискуссии по вопросам теоретической экономии» от 10 октября 1929 года.

«Редакция считает — писала «Правда» — я в н о н е п р а в и л ь н о й у с т а н о в к у н а з а щ и т у стопроцентной марксистской ортодоксальности дискутируемых работ Рубина, что фактически ведет к замазыванию ряда его немарксистских положений» («Правда» 1929 г. № 234.)

Теперь едва ли кто решится утверждать, как некоторые утверждали пезавпо, что работа Рубина есть «попытка восстановления того глубоко смысла, который эта теория (т. е. теория стоимости) имеет у Маркса» (А. Леонтьев, см. его статью в сборнике «Против механистических тенденций в политической экономии», Гиз, 1929 г., с. 10), что она «блуждает на правильном понимании духа экономического учения Маркса и Ленина» (А. Леонтьев, там же, с. 11), что «точка зрения Рубина полностью соответствует высказываниям и прямым заявлениям всех классиков марксизма» (А. Греблис, М. Коровай, И. Степанов, там же, с. 122). Теперь можно спорить лишь о том, какие именно из неправильных рубинских положений нужно отнести к «немарксистским», какие к «уклоняющимся» от марксизма, какие к «ошибочным» и какие к «еще совсем точным».

Таким образом первый этап дискуссии — разоблачение Рубина — можно считать в основном пройденным, хотя, конечно, далеко еще не законченным этапом.

Дискуссия явно вступает в новую фазу. Разоблачение немарксистских положений Рубина со всей остротой ставит перед партийными экономистами задачу положительной разработки затронутых в дискуссии проблем. Высказываясь по этому вопросу, редакция «Правды» писала: «Для этого редакция считает необходимым объединение всех сил научной экономической мысли партии на основе последовательно проводимого марксизма — ленинизма и его революционно-диалектического метода» («Правда» 1929 г. № 234).

Это объединение становится тем более настоятельным, что мы стоим перед крайне важной задачей разоблачения механистических установок концепции т. Бухарина, переросших в правоопортунистический уклон и в политическую программу свертывания социалистического строительства. Борьба с механистическим материализмом Бухарина выдвигается поэтому в настоящее время на первое место, представляет собою главную задачу партийных экономистов. Конечно, это не значит, что тем самым прекращается борьба против идеализма в политической экономике. Метафизический идеализм Рубина может также перерасти в окроверенно буржуазную, социал-демократическую концепцию, как и метафизический, т. е. механистический материализм Богданова—Бухарина. Реннер, Гильфердинг и Юровский служат тому прекрасной иллюстрацией. Однако было бы неправильно не понимать разницы между метафизическим материализмом Бухарина, уже переросшим в политическую платформу правого уклона, и метафизическим идеализмом Рубина, еще прячущимся в завуалированных закоулках «чистой» теории. Свои основные силы, свои главные удары партийные экономисты должны поэтому направить в настоящее время против метафизического, т. е. механистического, материализма Бухарина.

На этой основной задаче борьбы на два фронта, с сосредоточением главных ударов против механистического материализма, должны объединиться все теоретические силы партии. Однако этому объединению препятствуют до настоящего времени ошибки, совершенные партийной частью обеих участвовавших в дискуссии сторон. «В дискуссии допущен—писала редакция «Правды» — ряд теоретических ошибок обеими спорящими сторонами, и эти ошибки должны выправляться всем коллективом научной мысли наших коммунистов-экономистов» («Правда» 1929 г. № 234).

Для того, чтобы облегчить и ускорить это объединение партийно-научной мысли, столь необходимым для выполнения указанных выше задач, я считаю необходимым со своей стороны заявить следующее. В процессе борьбы с Рубиным мною был допущен ряд теоретических неправильных формулировок, от которых я считаю необходимым со всей решительностью и твердостью отказаться при переходе дискуссии в новую фазу.

1. Борьба с метафизическим идеализмом Рубина, я недостаточно четко отмежевываясь от позиций метафизического материализма Дашковского и Шаба, которые тоже выступали против Рубина и которые тоже вскрывали его идеалистические ошибки. Между тем я никогда не разделяла механистического отождествления формы и содержания, производительных сил и производственных отношений, которое лежит в основе всех механистических ошибок Шаба и Дашковского и которое воспринято ими от Богданова. Это отождествление в своем развитии с неизбежностью приводит к антимарксистской теории равновесия (у Богданова и Бухарина), к признанию, с одной стороны (у Богданова и впоследствии у Фиппа) неисторичности формы стоимости, с другой стороны (у Бухарина) — к утверждению «надисторичности» закона трудовых затрат и т. д. Но я никогда не разделяла также и рубинского отрыва формы от содержания, потому что этот отрыв неминуемо означает также превращение содержания во «внеисторическую» и «внеосозданную» предпосылку форм, т. е. повторение и воспроизведение шпворот-навыворот богдановско-бухаринских ошибок.

Я считал и считаю, что производственные отношения являются формой (и законом) развития материальных производительных сил и поэтому не могут утравляться исследователем от этой своей связи, взаимодействия и противоречия с производительными силами. Форма порождается содержанием, развивает последнее и, наконец, отрицается им. «Кто понял этот ясный и в то же время чрезвычайно глубокий смысл, тот понял также и великое значение марксовской диалектики в ее применении к общественным вопросам» (Плеханов, т. XI, с. 185). Я не мог поэтому разделять и не разделял производных ошибок Дашковского и Шаба по вопросу о неисторичности абстрактного труда и по другим вопросам¹. Абстрактный труд не есть логическое и физиологическое понятие. Вместе с тем это не есть и та бессодержательно пустая «форма труда», какой считает ее Рубин. Абстрактность труда есть специфическая историческая характеристика труда товаропроизводителей, являющегося трудом действительным.

Я считаю ошибкой со своей стороны, что с самого начала дискуссии не отмежевываясь с необходимой резкостью от всех этих взглядов, которые мною никогда не разделялись, в чем можно легко убедиться из моих работ² и из соответствующих заявлений в заключи-

¹ Ошибку Дашковского в вопросе об абстрактном труде разделял в свое время и т. Кош, но наше объединение с ним в дискуссии против Рубина произошло на почве отказа т. Копа от этой ошибки.

² Я имею в виду свои тезисы против Рубина в дискуссии 1927/28 г., свою статью «Против выхолащивания марксизма» («Проблемы экономики» № 1 и 2 за 1929 г.), статью «К вопросу о новой технике в пятилетнем плане» («Коммунистическая революция» № 10—11 за 1929 г.), статью «Накопление и резервы» («Большевик» № 20 за 1929 г.), статью «Понятие мирового хозяйства в концепции т. Бухарина» («Проблемы экономики» № 9 за 1929 г.), статью «Слова и дела Рубина» (в сборнике «Рубинщина или марксизм», Гиз, 1929 г.), а также тезисы, доклад и в особенности заключительное слово на дискуссии в Институте красной профессуры.

тельном слове по моему докладу против Рубина в дискуссии в Институте красной профессуры в марте—мае 1929 года.

2. Борясь против рубинского отождествления производительных сил с материально-технической стороной производства, с техникой, я сверх всякой необходимости заострил в дискуссии вопрос о социальной и исторической характеристике техники, не всегда подчеркивал с требуемой ясностью, что техника не тождественна с производительными силами, что она входит в состав производительных сил в новом и особом качестве, отличным от тех качеств, в которых она выступает и рассматривается в технологических процессах и в технологических плуках. Производительные же силы рассматриваются политической экономией (разделы о кооперации, разделении труда, мануфактуре, фабрике, рабочем дне, росте органического состава капитала, рабочем периоде и времени производства, экономии в постоянном капитале и т. д.) лишь в связи, во взаимодействии и в противоречии с производственными отношениями капиталистического общества, но по во внутренним закономерностям их отдельных составных частей. Внутренне закономерности самой техники, как таковой, вскрываются технологией. Поэтому я считаю ошибочными те из моих формулировок, которые дают повод думать, будто я хочу превратить политическую экономию в технологию. Политическая экономия есть наука о производственных отношениях капиталистического общества в их возникновении, развитии и упадке (Ленин). Я доказываю и доказываю до сих пор лишь одно, а именно, что возникновение, развитие и упадок производственных отношений капиталистического, как и всякого другого общества, нельзя понять (и, следовательно, изучать) вне связи, взаимодействия и противоречия производственных отношений с производительными силами.

3. Борясь с рубинской попыткой выбросить производительные силы из поля зрения политической экономии, превратить производительные силы в предмет другой, еще несуществующей науки об общественной технике, я допустил неправильную формулировку «равноправия» производственных отношений и производительных сил в пределах политической экономии. Неправильность этой формулировки я признал уже на том самом диспуте в Институте красной профессуры в марте—мае 1929 г., на котором я ее впервые высказал. Эта формулировка является неправильной потому, что она прежде всего загущивает диалектику взаимоотношений между производительными силами и производственными отношениями, неизбежность забегая на одно за другое, неравномерность развития, спазматичность движения. Слово «равноправие» тем более неуместно, что производственные отношения изучаются нами как форма (и закон) развития производительных сил. Но форма и содержание не «равноправны», они «различны внутри единства». «Содержание—говорит Гегель—есть не что иное как форма, изменяющаяся в содержании, и форма—не что другое как содержание, изменяющееся в форме». Ввиду того, что политическая экономия, как это прекрасно подчеркнул Маркс во «Введении», должна изучать в первую очередь то, что отличает одну общественную формацию от другой, один этап развития от другого, и так как, с другой стороны, именно «форма есть граница, принцип различия, дифференциации; одно явление отличается от другого благодаря своей форме», то совершенно очевидно, что политическая экономия интересуется прежде всего и в первую очередь формой и отнюдь не формой «паравие» или «равноправно» с содержанием. Но она изучает не бессодержательную форму и не бессмысленную «форму вещей», как полагает Рубин; она изучает форму существования и развития (а следовательно, и изменения) производительных сил капиталистического общества.

4. Полемизируя с Рубиным, видящим только овеществленные (имущественные) отношения капитализма и потому отбрасывающим в сторону неовеществленные и неовеществляемые отношения между непосредственными производителями внутри капиталистических предприятий, я с большей, чем это следовало бы, силой выпятил рост этих последних в пределах капитализма, не всегда подчеркивая, что этот рост не только сопровождается, но и прямо обуславливает рост овеществленных отношений капиталистического общества. Нелепо, конечно, приписывать мне на этом основании теорию смягчения капиталистической алархии производства, как это позволяет себе Рубин. В той самой работе о развитии машины, на которую ссылается Рубин, и в той самой главе, из которой он берет отдельные фразы, я доказывал не что иное как тот тезис, что «проблема уничтожения стихий рынка и алархии общественного разделения труда сможет быть решена лишь в условиях господства пролетариата» («Развитие машины», 1926, с. 422). Эту мысль на конкретных иллюстрациях я доказывал в 1927 г. в книге «К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме» (Л. 1927 г.). В тезисах к своему докладу в Институте красной профессуры весной 1929 г. я писал: «Производительные силы капиталистического общества, развиваясь, развязывают собой и кооперативную форму процесса труда и непосредственно связанные с нею отношения производителей, не выраженные и не выражаемые в вещной форме. Но этот же самый процесс развивает дальше и вещную форму стоимости и обособление отдельных частей этой стоимости в виде доходов различных общественных классов и мистификацию трудовых отношений через вещи и т. д. и т. п. Рубин видит вторую сторону и не видит первой» (тезис 20). Наконец

в своем заключительном слове на диспуте в Институте красной профессуры, где я, как содокладчик, выступал раньше Рубина, я говорил: «Не подлежит сомнению, что чем больше развивается этот общественный характер труда, тем сильнее выступает его капиталистическая антагонистическая форма, его противоречивый счастливый характер присвоевния, с анархией капиталистического производства в целом. Само собой разумеется, что безусловно правы те товарищи, которые указывают, что в политической экономии мы изучаем не этот общественный характер труда как таковой, а обязательно в связи с антагонистической формой самого обобществления и его проявления. Ни на одну минуту мы не можем оторвать содержание от формы и всегда должны рассматривать их в единстве, хотя и в противоречии. Однако опасно здесь две возможные ошибки: переоценка общественного характера труда в капитализме, доходящая до забвения его противоречий, как это имеет, например, место у Шабса, и полное игнорирование общественного характера труда в товарно-капиталистическом обществе, доходящее до утверждений, что абстрактный общественный труд (стало быть, стоимость и прибавочная стоимость) рождается в обмене, как это имеет место у Рубина и рубинцев. Ни та, ни другая точка зрения не имеют ничего общего с марксизмом и с каждой из них нужно вести решительную борьбу» (цитирую по стенограмме).

О чем действительно говорил я, так это о том, что с развитием капитализма число звеньев общественного разделения труда относительно сокращается, в то время как число звеньев технического разделения труда относительно возрастает. Однако я без всякой необходимости гипертрофировал значение этой односторонней правильной мысли, превращая ее тем самым в пещравильную и опасную мысль. В своей книге «Развитие машин», в своей статье против Рубина в «Проблемах экономики» (№ 1 и 2 1929 г.) и даже в своем докладе в Институте красной профессуры (весной 1929 г.), я допустил ряд неправильных формулировок, бесспорно преувеличивающих значение и смысл процессов обобществления труда в капитализме по сравнению с простым товарным хозяйством. Я считаю эти формулировки ошибочными.

Производственные отношения «в широком смысле слова» (Плеханов, т. XI, с. 172), т. е. отношения внутри капиталистической фабрики и завода, изучаются нами в политической экономии не непосредственно и не самостоятельно, а лишь в связи, взаимодействии и противоречии с антагонистической и анархической природой капитализма в целом. Организация труда внутри предприятия может интересовать нас лишь постольку, поскольку она вступает в противоречие или усиливает общественные антагонизмы капитализма. Самостоятельное изучение внутризаводских отношений не входит в политическую экономию.

5. В связи с последним обстоятельством я считаю, что я должен был с еще большей резкостью, чем я это делал, подчеркнуть классовый боевой, революционный характер нашей науки.

Я был одним из немногих участников дискуссии, которые подчеркивали эту сторону дела, в противовес Рубину, который ее всячески замазывал. Под этим углом зрения я составил свои тезисы к дискуссии в Институте красной профессуры и свою статью «Слова и дела Рубина» в сборнике «Рубинщина или марксизм». Тем не менее я считаю это подчеркивание недостаточным, ибо классовый подход к экономическим явлениям есть исходный пункт марксистско-ленинской теории. Поэтому я полагаю, что моя критика рубинской теории товарного фетишизма должна была с еще большей силой, чем это имело место, выразить ту мысль, что благодаря сосредоточению своего внимания на учении об общей форме экономических явлений в товарном обществе, на учении об обмене, на учении «о социальных формах вещей» Рубин фактически замазывает коренные классовые различия, существующие внутри этой общей формы между простым товарным обществом и капитализмом. В силу такого приема рабочий из класса-антагониста буржуазии превращается у Рубина исключительно в «равноправного товаропроизводителя», «автономного и независимого субъекта капиталистического хозяйства», а классовые отношения выступают как разрывность меновых отношений.

Совершенно очевидно, что сводить политическую экономию к учению о категориях как «социальных формах вещей» — это значит заведомо выбрасывать из политической экономии учение о классовой борьбе, ибо борющиеся в капитализме классы, являясь по Ленину «важнейшими категориями» капиталистического общества, не сводятся и не могут быть сведены ни к каким «социальным формам вещей». Никакой другой мысли моя критика рубинской концепции товарного фетишизма не имела.

В заключение я должен сказать следующее:

Мое объединение с группой товарищей (12), подписавших известную контрдекларацию в «Правду», произошло не на почве замазывания ими этих моих ошибок, а на почве моего отказа от них в заключительном слове на диспуте с Рубиным в Институте красной профессуры в марте—мае 1929 г. Настоящее мое письмо лишь подкрепляет и подтверждает позицию, занятую мною еще в весеннем споре, являясь вместе с тем прямым вызовом той группе товарищей, которая до сих пор слепо шла за Рубиным. Им следует прямо и честно отмеже-

ваться от меньшевистских извращений Рубина и тем положить начало действительному объединению партийно-экономических сил для борьбы на два фронта: против механистического материализма, уже переросшего в правый оппортунистический уклон, с одной стороны, и против трусливого идеализма, еще прикрывающегося кое-как надерганными цитатами из Маркса, — с другой.

Мы, рядовые работники партии на фронте теоретической борьбы, не претендуем на непогрешимость. Мы боремся за революционную и материалистическую диалектику всем коллективом, и если мы ошибаемся, то не боимся, как говорит «Правда», «выправлять наши ошибки всем коллективом научной мысли наших экономистов-коммунистов». В этом наша сила.

С коммунистическим приветом.

С. Бессонов.

25 ноября 1929 года.

II

Уважаемые товарищи!

Центральный орган нашей партии «Правда» в своем заключении о дискуссии по вопросам политической экономии отметил: 1) наличие ряда немарксистских положений в работах Рубина; 2) неправомерность установки товарищей, взявших на себя защиту марксистской ортодоксальности Рубина; 3) наличие ряда теоретических ошибок у обеих спорящих сторон. При этом 4) «Правда» упомянула в частности об ошибках, допущенных гг. Бессоновым и Коном.

Я считаю необходимым сообщить через посредство нашего журнала, что разделяю мнение «Правды» по всем пунктам.

Нечеткое наличие ряда немарксистских положений у Рубина я указывал уже неоднократно в своих работах. К числу таких немарксистских положений я отношу:

1. Неправильное представление Рубина о соотношении формы и содержания, которое ведет к отрыву формы от содержания и к подмене революционной диалектики учением о превращениях самих по себе форм, рассматриваемых изолированно от содержания. Этот отход от диалектического материализма, достаточно четко проявившийся в работах самого Рубина, нашел себе завершение в книге одного из его последователей — Кушпа.

2. Непонимание Рубиным связи между логической последовательностью категорий («мысленное воспроизведение конкретного» — Маркс) и реальным историческим процессом, — непонимание, в результате которого диалектическое движение мысли от упрощенной абстракции к сложному конкретному явлению оказывается не упорядоченным, «исправленным» (Энгельс), отражением реального исторического процесса, а свободной игрой ума.

3. отождествление материального с натуральным и вытекающее отсюда противопоставление социального материальному (а не натуральному, как то следовало бы).

4. Непонимание категорий: «производительные силы» (которые отождествляются с техникой *in natura*), «производительные отношения» (которые изображаются как не материальные в отношении) и «материальное производство» (из которого выхолащивается его социальное содержание и которое отождествляется с производством как техническим процессом).

5. Вытекающий отсюда отрыв производственных отношений от производительных сил, рассмотрение производственных отношений (понимаемых в качестве бессодержательных форм) вне их связи и вне их противоречий с производительными силами, — отрыв, не позволяющий познать капитализм в его движении — возникновения, развития и гибели — и делающий немислимым научное обоснование необходимости социализма.

6. Сведение производственных отношений к отношениям обмена и перенесению социального в сферу обмена (меновая концепция).

7. Замазывание и преуменьшение роли классовых отношений, соответственно-классовых противоречий.

8. Стремление различать экономические формации не по способу связи между рабочей силой и средствами производства, а по характеру отношений обмена (в широком смысле).

9. Отрицание материального характера труда, создающего стоимость (абстрактного труда), и вытекающая отсюда идеалистическая интерпретация марксовой теории стоимости.

10. Перенесение процесса создания стоимости в сферу обмена.

11. Нематериалистическая меновая интерпретация теории производительного труда (я оставляю в стороне ряд других ошибок, например, в теории общественно-необходимого труда, в теории цен производства и пр.).

Не трудно видеть, что все эти ошибки Рубина лежат по линии непонимания основных законов диалектики и что все они ведут к идеалистическому выхолащиванию революционного содержания марксовой теории.

Поэтому «Правда» имела все основания констатировать в работах Рубина наличие ряда немарксистских положений.

Товарищи, взявшие на себя защиту рубинской концепции (Борлин, Леонтьев, Корвай и др.), совершили ошибки двоякого рода. Прежде всего, ошибочной была сама установка

повка на защиту ревизиониста Рубина. Вместо того, чтобы помочь нам разоблачить до конца антимарксистскую идеалистическую концепцию Рубина, не отказываясь одновременно от разоблачения и исправления наших ошибок там, где они действительно имеются, — они стали усиленно опорочивать каждого, кто выступал с критикой Рубина, наклеивая ему кличку механиста, приписывая ему взгляды, которых он никогда не разделял и не высказывал, не брезгуя даже таким приемом, как приписывание правого уклона каждому, кто был противником м е н ь ш е в и к а Рубина. При этом товарищи лишь в редких случаях упоминали (да и то в самой общей форме) о том, что не во всем согласны с Рубиным; но зато они неизменно утверждали, что работа Рубина «является крупным вкладом в марксистскую экономическую литературу» (Греблюк, Коровай, Степанов), что она «обогащает марксистскую литературу углубленной разработкой теории стоимости Маркса и более глубоким ее пониманием» (ошп же), «представляет собой несомненно крупную марксистскую работу, углубляющую наше понимание политической экономии» (Борлин), что «точка зрения Рубина полностью соответствует высказываниям и прямым заявлениям всех «классиков» марксизма» (Гр. Деборин), что работа Рубина «базируется на правильном понимании духа экономического учения Маркса и Ленина (!)» (Леонтьев).

Нет слов, «Правда» была совершенно права, осуждая подобную установку.

Однако этим не ограничиваются ошибки рубинцев. Именно потому мы и называем их р у б и н ц а м и, что они повторяют в своих работах основные теоретические ошибки своего учителя. И Борлин, и Коровая, и Гр. Деборин, и Дейчу, и Манукян и ряду других свойственно отождествление материального производства с техническим процессом производства, всем им свойственно представление о производственных отношениях как бессодержательных формах, всем им свойственно представление, что политическая экономия изучает производственные отношения вне их связи с производительными силами, всем им присуще замазывание классовых противоречий и выпячивание роли обмена, все они сходятся на утверждении, что труд, создающий стоимость, не материален, что общественный труд рождается в момент реализации товара и т. д. (Соответствующие цитаты см. в моей статье «Б. Борлин как критик...» в № 6 «Проблемы экономики»).

На ряду с этими чисто идеалистическими ошибками некоторыми из «ярых рубинцев» допущен в прошлом ряд чисто богдаловских механистических ошибок, которые положительно не позволяют им выступить против механистических тенденций в политической экономии вплоть до тех пор, пока они этих ошибок не исправят. Таковы: безоговорочная защита т. Островным бухаринского «закона трудовых затрат» («Политическая экономия», пзд. 4-е), «учение» Леонтьева о постоянном содержании и меняющейся форме («Очерки переходной экономики», с. 19); представление того же Леонтьева о системе производственных отношений как «системе функциональных связей элементов материального производства» («Советская экономика», 1926 г., с. 83); утверждения его, что «единственным регулятором общественного хозяйства на всех его ступенях, при всех его экономических структурах является одна и та же субстанция, а именно человеческий общественный труд» («Очерки советской экономики», с. 187); что «различные общественно-экономические формации отличаются не тем, что им присущи в корне различные регуляторы, а тем, что е д и н ы й р е г у л я т о р — труд — принимает различную оболочку (!), выступает в разной форме» (там же, с. 187), что в социалистическом обществе «труд становится регулятором хозяйства уже не в искривленном виде цен производства, не в завуалированной форме закона цепности, а в своей непосредственной форме трудовых затрат» (там же, с. 188); что в нашем хозяйстве устанавливаемые планом пропорции обмена «количественно могут даже в совсем не отличаться от пропорций, которые в этом случае были бы установлены стихийным процессом ценообразования» (там же, с. 189) и т. д. (подробнее см. мою статью в № 6 «Проблемы экономики»).

Все эти ошибки несомненно должны быть отнесены к числу механистических тенденций, которые «могут в дальнейшем их развитии сожмнуться с теми немарксистскими, но диалектическими механистическими установками, которые характеризуют Бухарина и его «школу» (из резолюции экономистов ИКП).

О том, что это действительно так, свидетельствует сделанное летом этого года прямое заявление т. Леонтьева, что ему «колоссальную услугу оказала та углубленная разработка проблем теории ценности и методологии теоретической экономии, которая была начата в довоенные годы Р. Гильфердингом (в ряде статей в «Neue Zeit») и продолжена Н. Бухариным (см. «Политическая экономия рабцев», «Экономика переходного периода», страницы, посвященные вопросам предмета и метода теоретической экономии, а также отдельные статьи, — сборник «Против механистических тенденций», с. 9). Здесь т. Леонтьев, таким образом, признает откровенно, что он стоит на базе методологии т. Н. И. Бухарина.

«Правда» была совершенно права, признавая, что рубинцам был допущен ряд теоретических ошибок.

Я согласен с «Правдой» и в ее утверждении, что ряд теоретических ошибок допущен также т. Бессоновым и мною.

К числу ошибок т. Бессонова в настоящей дискуссии я отношу и отношу: 1) что он, вслед за Рубиным, отождествлял производительные силы с техникой; 2) что он ставил на необходимость изучения в политической экономии производительных сил па-рядку и равноправно с производственными отношениями (эти две ошибки в своем соединении приводили к выводу, что политическая экономия изучает не только социально-экономические явления, но и технику как таковую); 3) что он неясно представлял себе взаимоотношения процессов развития общественного и технического разделения труда; 4) что он не вполне верно изображал связь между учением «классиков» и Маркса, преувеличивая заслуги первых и тем самым преуменьшая роль и значение последнего.

Своими ошибками в настоящей дискуссии я считаю: недостаточно последовательное различение труда как естественного (физиологического) процесса от труда как процесса общественного и попытку отделить категорию абстрактного труда от категории труда, создающего стоимость (причем под абстрактным трудом я понимал неисторическую категорию труда вообще, под трудом же, создающим стоимость, тот же «абстрактный труд» в определенной общественной форме — форме менового общества). Обе эти ошибки базировались на неправильном представлении о соотношении содержания и формы, — представлении, чрезвычайно близком к тому, которое было выше отмечено мною у т. Лейтнера. Как от этой ошибки, так и от этой близости я считаю своим долгом решительно отмежеваться.

Далее, я считаю ошибкой положительный отзыв, данный мною в свое время на книгу Шабса, механистическая концепция которого безусловно заслуживала самой решительной критики.

Общей нашей с т. Бессоновым ошибкой я считаю тот факт, что, сосредоточив все внимание на борьбе с Рубиным и рубинцами, мы не учли своевременно в достаточной степени опасности механистического направления в политической экономии и не распределили равномерно ударов между обоими этими течениями.

Для меня поэтому несомненно, что «Правда» имела все основания говорить об ошибках допущенных Бессоновым и Коном.

Я считая однако необходимым заявить, что ошибки, допущенные мною, лежат целиком на моей личной ответственности, так же, как ошибки, допущенные т. Бессоновым, лежат исключительно на его ответственности. Наше совместное с т. Бессоновым в ряду других товарищей выступление против Рубина имело исходным пунктом признание этих ошибок и отказ от них. Все перечисленные ошибки были осознаны таким образом еще до начала ожесточенной литературной полемики, развернувшейся в последние месяцы.

Нам несомненно следовало бы объявить об этом. Тем не менее я считаю совершенно недопустимыми попытки приписывать наши ошибки другим товарищам, выступающим против Рубина. Само собою разумеется также, что ошибки наши не должны ни в коей мере служить обелению ревизиониста Рубина, позиция которого характеризуется по отдельным ошибкам, а отходом от Маркса в основных вопросах.

Настоящее мое письмо, как ясно из всего текста, должно послужить отнюдь не целям сворачивания борьбы с Рубиным и рубинцами. Отдавая себе полный отчет в том, что на настоящем этапе основной задачей нашей является преодоление механистической концепции т. Бухарина, успевшей уже стать теоретической основой правого уклона, и сосредоточивая на этой концепции огонь, целиком создавая, что это обязывает нас сосредоточить удар и на всем механистическом направлении в политической экономии (относя сюда как законченные механистические взгляды Фиппа-Енотаевского, Кожалова, Дашковского, Шабса и др., так и механистические ошибки отдельных товарищей), мы не должны, однако, ни на минуту забывать, 1) что рубинская концепция также чужда марксизму, 2) что она непосредственно смыкается как с ревизионистскими теориями, служившими уже не раз мостком для отхода от марксизма мелкобуржуазных и буржуазных групп (Струве, Булгаков, Реннер), так и с чисто буржуазными теориями социально-идеалистической школы (Аммон, Штольцман, Петри и др.), 3) что распространение этой теории в рядах нашей партии рано или поздно должно привести к зарождению чисто политических уклонов.

Прекращение борьбы с рубинщиной или сворачивание ее было бы поэтому преступлением. Только сплочение коллектива коммунистов научных работников «на основе последовательно-проводимого марксизма, ленинизма и его революционно-диалектического метода» обеспечит нашей партии преодоление всех и всяческих ревизионистских уклонов и течений, как вульгарно-механистических, так и скрыто и открыто идеалистических.

С коммунистическим приветом

А. Кон

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Бессонов С., Боролин Б., Кон А., Крицман Л., Леонтьев А., Мартенс Л., Мендельсон А., Милютин В., Ронин С.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Сталин и задачи социалистической реконструкции	2
С Т А Т Ь И	
А. Нон. —К критике механистической концепции исторического материализма	10
С. Бессонов. —К пересмотру пятилетнего плана (вопрос о транспорте)	26
Л. Сабсович. —О непрерывном производстве	36
С. Гиммельфарб. —Некоторые основные линии роста промышленности СССР до 1928/29 г.	47
Н. Анисимов. —К вопросу о теории оборота капитала	67
В. Погонкин. —Алгебраическое оформление марксовской схемы воспроизводства	77
В. Серебряков. —Неокапиталистическая теория абстрактного труда	91
Л. Любимов. —Индивидуалистическая трактовка концепции Маркса	106
Т Р И Б У Н А	
И. Блюмин. —К вопросу о труде, образующем стоимость	131
А. Греблис, М. Морозов, И. Степанов. —О спорном и бесспорном	155
И. Лапидус. —Механистическая концепция в гегельянском наряде	172
Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я	
Г. Деборин. —Н. Петров, И. Степанов.—Предметный указатель к первому тому „Капитала“ Маркса	185
М. Кривицкий. —И. Кушни—Диалектическое строение „Капитала“ Маркса	188
Б. Назанский. —В. Реймес—Введение в историю хозяйства	194
А. Берштейн. —Теория прогресса бизнеса (Фостер и Кетчинс—Путь к изобилию)	199
И. Павлов. —„Я не вижу выхода“ (С. Чэйз—Люди и машины)	203
Н А У Ч Н А Я Ж И З Н Ъ	
Проблема организованного капитализма	215
Разделение труда и машина социалистической эпохи	232
Письма и материалы к дискуссии по теоретической экономике	
Редакция „Правды“ о дискуссии	236
Письмо в редакцию „Правды“ Н. Березина, Б. Бориллина и др.	236
„ „ „ „ С. Бессонова, Я. Бумбёра и др.	239
Резолюция экономистов Института красной профессуры	243
„ „ „ „ Района	243
„ „ „ „ кафедры политэкономии ком. университета им. Я. Свердлова	244
Письмо в редакцию „Проблемы экономики“ С. Бессонова	244
„ „ „ „ А. Кона	248

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1930 ГОД

**ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

Орган Комакадемии

Условия подписки:

На год—14 р., на 6 мес.—7 р. 50 к.

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ**

Орган Агр. инст. Комакадемии

Условия подписки:

На 1 год с I и II прил. — 30 р.
" 1 " с I прил. — 18 р.
" 1 " с II прил. — 24 р.
" 1 " без прил. — 12 р.
На 6 мес. " " — 6 р. 50 к.

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

Орган Инст. мир. хоз. и мир. политики

Условия подписки:

На 1 год с I прил. — 20 р.
" 1 " с II прил. — 25 р.
" 1 " с I и II прил. — 30 р.
" 1 " без прил. — 15 р.
На 6 мес. " " — 8 р.

**НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО
И РЕВОЛЮЦИЯ ПРАВА**

Орган Инст. права и сов. строительства Комакадемии

Условия подписки:

На 1 год с I прил. — 21 р.
" 1 " с II прил. — 18 р.
" 1 " с I и II прил. — 27 р.
" 1 " без прил. — 12 р.
На 6 мес. " " — 6 р. 50 к.

ИСТОРИК-МАРКСИСТ

Орган Всесоюзного о-ва историков-марксистов при Комакадемии

Условия подписки:

На 1 год с I прил. — 15 р.
" 1 " с II прил. — 24 р.
" 1 " с I и II прил. — 27 р.
" 1 " без прил. — 12 р.
На 6 мес. " " — 6 р. 50 к.

**ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПРОЛЕТАРИАТ СССР
И ЕГО ПРОШЛОЕ**

Орган секции по изучению истории пролетариата и Инст. Истории Комакадемии

Условия подписки:

На 1 год. — 10 р.
На 6 мес. — 5 р. 50 к.

**ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ
И МАРКСИЗМ**

Орган Секции естественных и точных наук Комакадемии

Условия подписки:

На 1 год с прил. — 15 р.
" 1 " без прил. — 7 р. 50 к.
На 6 мес. " " — 4 р.

**ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ**

Орган Научно-исследовательского института по Китаю при Ком. унив. трудящихся китайцев

Условия подписки:

На 1 год — 10 р.
На 6 мес. — 5 р. 50 к.

Подписка принимается только на календарный год или по полугодиям — с 1 января или 1 июля. На другие или меньшие сроки подписка не принимается.

Подписку и переводы просим направлять по адресу Издательства.

ДВА РУБЛЯ 50 КОП.

